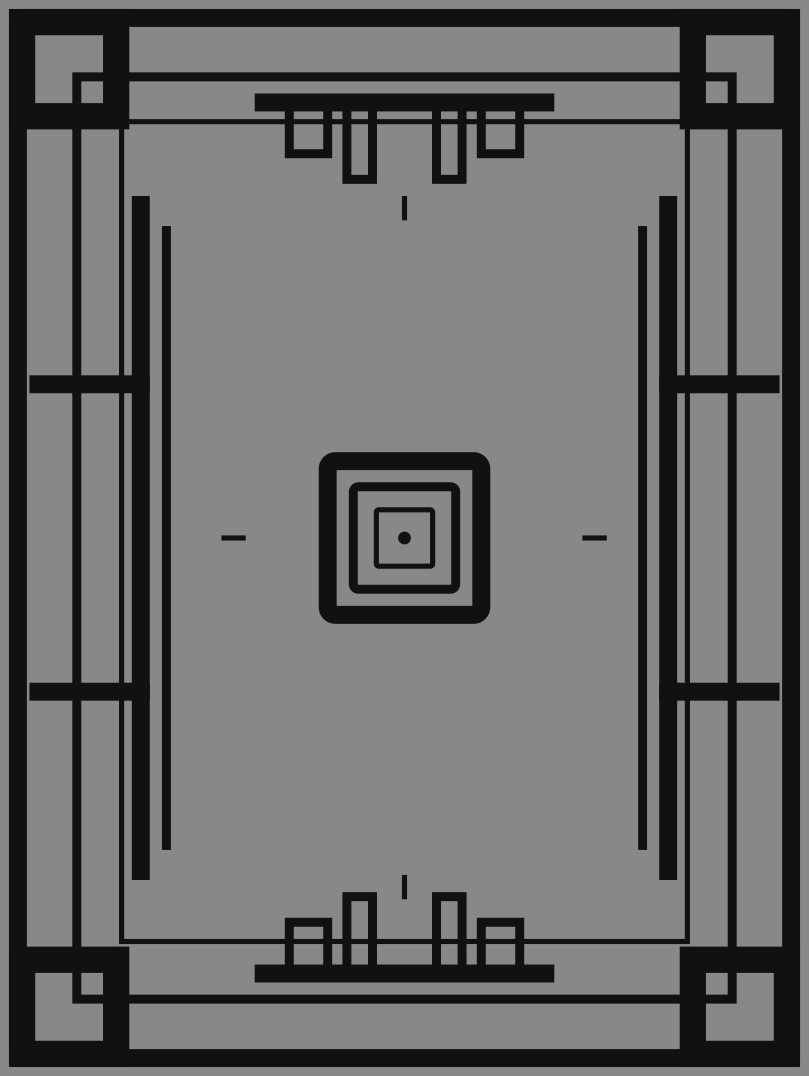

Сайтин-1. Измена

Кэролайн Дж. Черри

Аннотация
Кэролайн Дж. Черри. САЙТИН-1. ИЗМЕНА
ГЛАВА 1
1
2
3
ГЛАВА 2
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
ГЛАВА 3
1
2

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
ГЛАВА 4
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
ГЛАВА 5
1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
ГЛАВА 6
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

Аннотация

Огромный роман, место действие которого происходит во время Фирменых Войн, где друг другу противостоят Союз Колоний и Альянс Земли. Генный инженер Ариана Эмори, директор лаборатории, где выращивают искусственных людей и клонов, убита. Главными подозреваемыми являются ее политические противники — Джордан Уоррик, его клон-сын Джастин, и усыновленный искусственный «Ази» Грант. Начинается преследование подозреваемых, что сильно усложняет итак не простую ситуацию. Поэтому лаборатория решает клонировать и вырастить заново убитую Ариану Эмори...

© ceh(fantlab.ru)

Примечание:

Выходил также тремя частями: «The Betrayal», «The Rebirth» (1988), «The Vindication» (1989)

Первая часть переведена на русский, причём есть два разных перевода:

Измена (http://zhurnal.lib.ru/k/kolesnikow_o/cyteen1.shtml)

Подземная станция (почти в любой сетевой библиотеке)

Кэролайн Дж. Черри
САЙТИН-1. ИЗМЕНА

«Революция человечества», аудиозапись.

«Войны между компаниями», № 1.

«Ресионские общеобразовательные публикации», 4668-1368-1.

Одобрено для 80+.

Попробуйте представить себе человечество, обосновавшееся на одной-единственной планете, усеянной окаменевшими костями его далеких предков. Представьте вздымающиеся там и сям руины, накопившиеся за последние десять тысяч лет человеческой истории. Это та самая планета, с которой стартовал первый космический корабль. Та планета, где люди продолжали охотиться на животных, заготавливать дикорастущие травы, вести сельское хозяйство устаревшими методами, прясть вручную, как испокон веков, и готовить пищу на костре.

Порядок на этой планете обеспечивала сложная и запутанная система власти, в которую входили короли, министры, президенты, а также советники, парламенты, комиссии и комитеты. Кроме того, власть существовала в формах республик, демократий, олигархий, теократий, монархий, гегемоний, коих на протяжении тысячелетий расплодилось великое множество.

Такова была планета, пославшая в космос пер-

вый космический корабль.

И была Солнечная Станция — конечно, весьма примитивная по современным понятиям, но функционирующая уже вполне автономно. Разумеется, Станция поставляла Земле исключительно полезную научную информацию и потому получила ряд налоговых льгот. Благодаря умелому ведению дел руководство Станции сумело осуществить ряд грандиозных проектов, в том числе создание зонда с особо мощным двигателем, для исследования звезд. Но венцом этой деятельности стал запуск к ближайшим звездным системам первого пилотируемого человеком космического аппарата.

Первый космический корабль нового поколения — разумеется, знаменитый «Гайя», — должен был доставить к звезде Барнарда оборудование станции «Альфа» и команду из тридцати добровольцев — ученых и техников. По сути дела, эти люди сами обрекли себя на всевозможные опасности и изоляцию от внешнего мира. Предполагалось, что у этой звезды на планете, состоявшей, по тогдашним представлениям, из льда и камня, добровольцы заложат обитаемую станцию, чтобы жить на ней и передавать научную информацию на Землю, с которой станут

поддерживать непрерывную связь.

Первоначально предполагалось строить корабли, способные только доставлять грузы к пунктам назначения, — по сути, эти корабли почти не отличались от автоматических зондов для исследования звезд. Однако участие в полетах людей заставило конструкторов пойти дальше. Конструкторы учли вероятное возникновение опасностей в ходе исследований и теперь предусмотрели возможность не только доставки экспедиций к местам назначений, но и их благополучного возвращения. Со временем инженерная мысль пошла еще дальше: решено было, что если звездная система не сможет должным образом обеспечивать экспедицию природными ресурсами, то корабль (в частности, «Гайя») сам будет для исследователей источником этого сырья. Однако при этом он должен сохранять способность доставить экипаж обратно на Землю. Если исследуемая звездная система окажется пригодной для существования людей, то «Гайя» проведет в ней около года — пока станция «Альфа» не заживет полной жизнью. После чего вернется на Солнечную Станцию и после необходимого сервисного обслуживания вновь прилетит сюда же, чтобы доставить экспедиции

необходимые для жизнедеятельности сырье и материалы. Но наряду с доставкой припасов перелеты межзвездного «челнока» решали и иную задачу — психологическую. Коллектив станции не должен был чувствовать себя в космосе, который в те годы казался безграничной неизвестностью, изолированным от остального мира.

На Землю с «Гайи» и со станции «Альфа» беспрерывно поступала информация, суть которой сводилась к тому, что межзвездная миссия оказалась исключительно удачной. В ожидании возвращения «Гайи» был подготовлен второй, резервный экипаж и все необходимое для очередного запуска.

Однако экипаж «Гайи», вследствие релятивистских эффектов подвергшийся воздействию мощных информационных потоков, в конце концов осознал, что Земля уже не та, что прежде — на планете за время их полета произошли серьезные изменения. Астронавты настолько привыкли к кораблю, что стали считать родным домом его, а не Землю с ее чуждой культурой. Жизнь на Солнечной Станции показалась экипажу «Гайи» еще более невыносимой, и, сговорившись, астронавты захватили свой корабль, вынудив

коллег-дублеров ждать постройки следующего. Захват «Гайи» явился для властей станции полной неожиданностью…

Но примеру мятежного звездолета последовали экипажи других космических кораблей, полагавшие, что находятся в бессрочной экспедиции. Эти люди считали свои корабли родным домом, обзаводились детьми, и потому число звездных станций и их население росли, продолжая выполнять свою работу. От властей на Земле требовалось лишь снабжать корабли топливом, припасами и запасными частями; заодно и сами космические корабли стали делать более просторными, и оборудованы они были всегда по последнему слову техники.

Между станциями, расположенными в полудюжине звездных систем, были налажены регулярные рейсы кораблей. Но в те годы станции все равно находились в почти полной изоляции, ибо сообщения передавались всего лишь со скоростью света, а корабли передвигались и того медленнее, а потому на любой из станций узнавали о событиях в окружающем мире, будь то другая станция или корабль, с четырех-пятилетним опозданием. Однако со временем население станций приспособилось жить при таком вре-

менном разрыве, что на Земле невозможно было даже представить.

Разумную жизнь на планете у звезды Пелла — на Земле звезду когда-то называли тау Кита — открыли лет на десять раньше, чем весть об этом долетела до Земли. Когда с Земли наконец поступили подробные инструкции на этот счет, жители станций контактировали с населением планеты системы Пеллы — его еще называли Низшими — уже лет двадцать. Ученые с Земли, путешествуя от станции к станции, смогли добраться до Пеллы гораздо позднее. Земляне обнаружили, что культура жителей станций чужда им в той же мере, что и культура «инопланетных» обитателей.

Как нам теперь трудно представить Землю в те далекие времена, так и тогдашним землянам невозможно было понять причины, по которым астронавты отказывались покидать свои корабли, — Солнечная Станция казалась тем перенаселенной, а ритм жизни ее обитателей — суматошным и ужасающим. Впрочем, и жители Солнечной Станции не могли постигнуть смысл жизни соплеменников в Дальнем Космосе, ибо культура их основывалась скорее на истории освоения новых пространств, полученном опыте

и легендах, а те куда больше внимания уделяли трудностям жизни на отдаленных станциях и прославленных кораблях, чем событиям на зеленой планете с ее суматошной жизнью — планете, с которой эти люди были знакомы только по картинкам.

Земля, страдавшая от перенаселенности, от бесконечных политических кризисов, истоки которых скрывались во мраке минувших веков, тем не менее процветала, пока была центром человеческой цивилизации. Неожиданный приток переселенцев в новую колонию на Пелле, последовавший за сообщениями об обнаружении на планете богатого разнообразия органических веществ и полезных ископаемых, а также о дружелюбии местного населения с его простоватой жизнью, превратился в бешеный вал. В результате Станции между Землей и Пеллой закрылись, разорвав тем самым торговые связи в пределах Большого Кольца, отчего на Земле и Солнечной Станции воцарился экономический хаос.

Земляне предпринимали попытки упорядочить столь неуправляемый ход событий — хотя, — из-за расстояния, — и с запозданием на десять лет. Политики Земли просто не могли понять, насколько мощной экономической силой

могут стать уцелевшие станции, если их население объединится, что и случилось в результате иммиграции на Пеллу. Сосредоточение значительного числа людей на богатых ресурсами территориях в сочетании со свойственной людям страстью к постижению неведомого привело к нелепому положению дел: с Земли как ни в чем не бывало продолжали прибывать инструкции десятилетней давности, в то время как опоздание любой из них хотя бы на месяц было чревато тяжелыми последствиями.

Неожиданно для себя Земля — с приходящей в упадок отжившей свое торговой системой — оказалась в изоляции. В отчаянной попытке исправить положение были введены драконовские таможенные пошлины на все импортируемые товары. Следствием стал расцвет контрабанды и всесильного черного рынка; в итоге торговля зачахла окончательно. Тогда Земля создала режим наибольшего благоприятствования отдельным кораблям. Реакцией на столь крайние меры стала серия вооруженных стычек между космическим флотом землян и построенными на станциях кораблями, экипажи которых не приветствовали непоследовательную политику Земли.

Земля не остановилась на достигнутом: считая,

будто эмиграция ученых и инженеров из Сола — Солнечной системы — подпитывает «мозгами» планеты Дальнего Космоса и лишает при этом Землю квалифицированных кадров, она наложила запрет не только на полеты за пределы околоземного пространства и Солнечной системы, но и на перемещения между станциями лиц, владеющих определенными профессиями.

«Гайя» в последний раз побывал на планете Земля в 2125 году, после чего снова отправился в космос, чтобы не вернуться к Земле уже никогда.

Население колонизованных звездных систем негодовало, многие станции перестали функционировать. К еще более дальним звездам понеслись десятки космических кораблей — уже не только из экономических соображений, но и вследствие того, что многие обитатели станций не желали мириться с диктатом землян.

Так появились станции «Викинг» и «Маринер» — их основали люди, убедившиеся в свое время, что Пелла чересчур подвержена влиянию Земли. К тому же время легких денег там прошло: Пелла была уже основательно освоена, и вложенные в развитие промышленности средства окупались значительно медленнее, чем раньше.

К 2201 году группа диссидентов-ученых и инже-

неров при финансовой поддержке с «Маринера» основала станцию на Сайтине — планете, разительно отличающейся от Пеллы. Блестящие результаты работы одного из этих ученых вкупе с мощным развитием промышленности на Сайтине позволила уже в 2234 году запустить корабль, передвигавшийся со скоростью, значительно превышающей скорость света. Это было, без преувеличения, грандиозное событие — оно не только сократило продолжительность космических полетов, но и повернуло в иное русло торговлю и политику.

Первые годы жизни людей на Сайтине прошли под знаком не только бурного развития науки и производства, какому не найти аналога в истории человечества, но и, по иронии судьбы, возрождения древних технологий: вновь стали применяться двигатели внутреннего сгорания, машины, в основе действия которых лежали принципы механики, — словом, все, способное обеспечить кораблям мягкую посадку без перегрузок, как на Земле. Кроме того, возникли новые технологии, типичные лишь для Сайтина. Например, создание «воздушных пузырей», в которых окруженные непригодной для живых организмов атмосферой люди могли свободно

дышать. Усилия переселенцев были направлены прежде всего на Сайтин, ибо с точки зрения биологии эта планета более других подходила для жизни людей. Здесь отсутствовали аборигены, зато существовала развитая экосистема — точнее, целых две экосистемы, ибо на планете имелось два изолированных один от другого континента. Различие между континентами было велико, но еще разительнее Сайтин отличался от Пеллы и Земли.

Планета была поистине раем для биологов — отсутствие местной разумной жизни дало возможность устроить здесь вторую после Земли колыбель развития человеческой цивилизации земного типа.

К грянувшим затем войнам между компаниями привела не только политика. Свою роль сыграли бурный рост торговли и массовые миграции населения, упрямство Земли, пытавшейся навязывать окрепшим планетам устаревшие правила игры. На сторону землян встали и капитаны тех космических кораблей, которые пользовались статусом наибольшего благоприятствования в торговле с «зеленой планетой». Они отчаянно пытались сохранить распадавшуюся торговую систему, несмотря на то, что Земля к тому времени уже

стала рядовой планетой среди остальных.

Все эти усилия были обречены на неудачу. Сайтин был не одинок в Дальнем Космосе — напротив, он успел стать «материнской планетой» для станций Эсперанса, Пан-Париж и Фаргона. В результате в 2300 году Сайтин провозгласил свою независимость от Земного Сообщества. Новости уже тогда распространялись быстрее света, поэтому земляне мгновенно снарядили военную экспедицию, дабы восстановить свой порядок на мятежных станциях.

Торговые корабли сразу же перестали летать к Пелле, лишив тем самым карательную экспедицию возможности пополнять запасы. Сама Земля, несмотря на высокие достижения в науке и технике, тоже не сумела наладить удовлетворительное снабжение своей армии; к тому же расстояние между космическим флотом и базами постоянно увеличивалось. Флот заблудился на просторах Вселенной, скатившись до примитивного пиратства — ведь нужно же было экипажам чем-то питаться! Но пиратство настроило против землян их последних сторонников.

В результате на Пелле возник торговый Союз, ставший второй по значимости экономической силой Дальнего Космоса. Так экспансионистские

замашки Земли потерпели полный крах.

Не подлежит сомнению, что один из итогов Войны — Пелльский договор и возникшие после его заключения экономические связи между тремя человеческими сообществами, сблизившие три различных экосистемы, — стал со временем движущей силой развития новой экономической структуры, которая вскоре затмила все прежние.

Оказалось, что торговля и общность интересов сумели разрешить общечеловеческие проблемы успешнее, чем все когда-либо уходившие в космос корабли.

ГЛАВА 1

1

Первозданность земного пейзажа заметнее всего с высоты. С воздуха как нельзя лучше видны неосвоенные обширные равнины, холодные, как лунная поверхность, пустыни, ждущие первооткрывателей, широко раскинувшиеся леса, куда не забредал никто, кроме луча навигационного радара. Ариана Эмори задумчиво смотрела в окно. Сегодня она расположилась в пассажирском отсеке. Женщина мысленно подосадовала: и зрение с годами слабеет, и реакция теряется. А управлять самолетом — дело не простое. Конечно, она и сейчас может спокойно пройти в кабину пилота, согнать его с кресла и сесть за штурвал — в конце концов, она хозяйка самолета, хозяйка пилота. Как приятно чувствовать, что небо покоряется тебе! Бывало, Ариана так и поступала. Но прошли те времена…

С воздуха только земля кажется почти прежней. Вид тот же, что и сотней лет раньше, когда пребывание людей на Сайтине не насчитывало и века, когда о Союзе никто и не думал, когда споры и дрязги еще не переросли в Войну. Земля повсюду выглядела именно так.

Первые колонисты появились на Сайтине два века назад и основали здесь свою Станцию. С них все и началось.

Сорок с лишним лет спустя к звезде стали изредка прилетать давно забытые корабли, передвигавшиеся с досветовой скоростью. Целью этих прилетов было желание модернизировать корабли, чтобы те могли летать быстрее. Однако время, как известно, не ждет: прогресс несся вперед безумными темпами, и экипажи устаревших судов с удивлением взирали на современные корабли, принимая их за корабли других цивилизаций. Этих космических скитальцев ждало горькое разочарование — рано или поздно они узнавали, что скоростными кораблями управляли такие же, как и они, люди. Отставшие от прогресса астронавты снова и снова убеждались в изменении правил игры.

Космических кораблей становилось все больше — как грибов после дождя. В генетических лабораториях, что располагались выше по реке, в Ресионе, ученые и техники трудились не покладая рук — все новые младенцы выходили из искусственных чрев. Подрастая, поколения людей основывали новые лаборатории по производству себе подобных. Как обронил однажды

дядя Арианы, наступил прекрасный день, когда численность населения выросла до уровня, необходимого для окончательной колонизации планеты и основания новых станций — на Эсперансе и Фаргоне. Разумеется, всюду возводились новые лаборатории по производству и воспитанию людей — каждая могла работать независимо от прочих.

Хотя Земля неоднократно пробовала отозвать свои корабли, было уже слишком поздно. Земляне еще пытались сохранить под своей властью былые владения, заставить их подчиниться. Но время для решительных действий было ими безнадежно упущено.

Ариана Эмори вспомнила про Великое Разделение — день, когда Сайтин и мелкие зависимые от него территории объявили себя самостоятельной единицей Вселенной… Вспомнила она и день, когда возник Союз и его граждане вмиг превратились в бунтовщиков, отказавшихся от удушающей опеки далекой метрополии. Ариане было семнадцать лет, когда до Станции долетело сообщение: «Война объявлена!»

Ресионские лаборатории исправно поставляли солдат — опытных, хладнокровных, обладающих интеллектом. То были идеальные бойцы,

выращенные в идеальных условиях и отменно вышколенные, при помощи одного лишь прикосновения познающие то, о чем никогда не ведали. И лучше всего солдаты помнили поставленную цель. Тоже своего рода оружие, только живое. Ариана сама участвовала в разработке прототипа идеального солдата.

Через сорок пять лет после Великого Разделения война все еще шла полным ходом, иногда тайная, иногда затрагивающая только совсем уж отдаленные уголки, так что многие считали ее достоянием истории. Считали где угодно, но только не в Ресионе, ибо если другие лаборатории могли лишь поставлять выращенных по готовому шаблону бойцов, то в Ресионе располагался исследовательский комплекс. Ресионские лаборатории вели собственную войну — под руководством Арианы Эмори.

Пятьдесят четыре года жизни доктора Эмори было отдано этой работе. Ариана стала свидетельницей окончания войн между компаниями, разделения человечества, перекройки границ. Космический флот Земного Сообщества по-прежнему контролировал систему Пеллы, но торговцы из недавно учрежденного Альянса захватили саму Пеллу и объявили ее своей базой. Сол попы-

тался сделать вид, будто не заметил поднесенной ему горькой пилюли, и изменил тактику; остатки флота Земли занялись обыкновенным пиратством на межзвездных путях, без всякого разбора нападая на торговцев, в то время как Альянс и Союз охотились на самих этих пиратов. Зато война опять начала затухать. Баталии бушевали только за столом переговоров, где участники отчаянно пытались выбрать четкие постулаты, чуждые человеческой природе, старались провести границы в безграничном трехмерном пространстве, дабы установить и сохранить мир, которого на памяти Арианы Эмори не было ни дня.

Однако даже этого могло бы не быть. Подобное могло происходить и сотню лет назад. Правда, самолеты тогда были не такими изящными и скоростными. Они ничем не отличались от медлительных неуклюжих грузовых лайнеров, что теперь курсировали между Новгородом и Ресионом. В те годы пассажиры обречены были трястись в полете на пластиковых мешках, контейнерах с семенами и прочим грузом.

Ариана вспомнила, как умоляла мать позволить ей сесть к запыленному иллюминатору. В конце концов девочка добилась своего, но мать велела ей задвинуть щиток солнечного фильтра.

Теперь госпожа Эмори восседала в обитом кожей кресле. Рядом — стакан с освежающим напитком. В салоне постоянно поддерживалась приятная атмосфера, вокруг сновали и обсуждали дела помощники. Приглушенный гомон голосов отчасти перекрывал гул турбин.

Теперь Ариана не может позволить себе путешествие без помощников и телохранителей. Рядом — Кетлин и Флориан, молчаливые, как и требует от них выучка. Даже теперь, на высоте десять тысяч метров и в окружении проверенных сотрудников Ресиона с набитыми секретными документами кейсами, телохранители не спускали глаз с начальницы.

Нет, просто не сравнить с тем, что было раньше!

«Мама, можно мне немного посидеть у окошка?»

Ариана была дочерью Ольги Эмори и Джеймса Карната и слыла необычным ребенком. Родители Арианы основали лаборатории в Ресионе, и именно они положили начало тому, что позднее превратилось в Союз. Они отправили первых колонистов, вывели первых солдат. Гены Ольги и Джеймса были даны сотням таких людей, и генетических родственников Арианы можно

было найти повсюду в радиусе многих световых лет. Госпожа Эмори стала свидетельницей изменения самих основ человеческого мышления. Отношения в обществе определялись теперь биологическим родством. Положение семьи зависело от ее численности: чем многочисленнее, разветвленнее, тем влиятельнее и богаче.

Ресион перешел к Ариане по наследству. Как и этот самолет — не какой-нибудь пассажирский лайнер! И не военный, и не взятый напрокат. При своем положении Ариана могла позволить себе и не такое, но все же старалась держаться в определенных рамках. К примеру, доктор Эмори неизменно предпочитала пользоваться услугами ресионских механиков, доверять штурвал личного самолета пилоту со скроенной по проверенному шаблону психикой. И, конечно, держать при себе только телохранителей, выведенных от лучших производителей.

…Жизнь в мегаполисе, в грохоте подземки, среди чиновников, техников и поваров, отчаянно оспаривавших друг у друга возможность заработать… Подобная жизнь страшила хозяйку Ресиона ничуть не меньше безвоздушного пространства. Ариана привыкла управлять развитием целых колоний и планет. Одна мысль о

еде в ресторане, о толчее в метро, о шуме и гаме, о безликой и вечно куда-то торопящейся толпе повергала женщину в неподдельный ужас.

В самом деле, невозможно представить, как бы она жила вне Ресиона. Доктор Эмори умела подготовить к рейсу самолет, выверить график полетов, распорядиться насчет багажа, отдать нужные команды помощникам, обеспечить собственную безопасность. Но общий, обычный аэропорт казался ей настоящим кошмаром. Здесь можно было ожидать чего угодно. Впрочем, у каждого есть право на антипатию-другую, и потому досадные неудобства не были главным предметом заботы Арианы. Тем более, что вряд ли ей грозила участь оказаться когда-нибудь в новгородском метро или в общем доке на безымянной станции.

Прошло немало времени, прежде чем внизу мелькнула серебристая лента реки, а потом показались первые посадки. Замаячила тонкая лента дороги, затем — купола и башни Новгорода. Громадный мегаполис вынырнул из дымки внезапно. Под крылом самолета стремительно расширялись тонкие поначалу полоски растительности, над полями запестрели тени башен электронных экранов и вышек станций очистки

воздуха. В разные стороны устремились переполненные, как всегда, дороги…

По Волге тянулись к морю караваны барж. Баржи и буксиры заполняли речные доки, видневшиеся среди густой растительности. Несмотря на внешний блеск и великолепие, в Новгороде сохранилось еще достаточно напоминаний о грубой эпохе промышленного развития и множество островков дикой природы. Это несоответствие сохранялось на протяжении сотен лет — разве что город разрастался и движение сухопутного и водного транспорта становилось все интенсивнее.

«Посмотри, мама, вон грузовик!»

Тем временем внизу проплывал синеватый лес, затем замелькал настил и габаритные ограничители взлетно-посадочной полосы.

Шины мягко зашуршали по взлетно-посадочной полосе, и самолет начал снижать скорость, одновременно заворачивая влево, к терминалу.

На мгновение знатную гостью охватила легкая паника — и это несмотря на полную уверенность, что ей можно не опасаться толчеи аэровокзала. Неподалеку пассажирку уже ожидали автомобили. О ее багаже, о самолете и прочем должна была позаботиться свита Арианы. Аэродром располагался на окраине Новгорода, через который ее

должен был промчать лимузин с тонированными стеклами: изнутри все видно, но любопытный взгляд уже не проникнет в салон снаружи.

Ох уж эти чужаки! И вся их беспорядочная суета. Ариана, впрочем, любила суету, но в безопасном отдалении — как-никак, это было ее творение. Доктор Эмори разбиралась в передвижениях массы, но не в ее составляющих. На расстоянии же и в целом она верила в свое творение.

Оказываясь бок о бок со своим детищем, Ариана неизменно чувствовала, как потеют ее ладони.

Вереницы автомобилей, подъезжавших ко входу в Государственный зал, и толпы охранников безошибочно указывали на то, что здесь собирались не просто сенаторы. На балконе Совещательной комнаты стоял в окружении телохранителей и помощников Михаил Кореин. Он то и дело всматривался вниз, туда, где виднелись выложенный гулким камнем пол, фонтан и окаймленная медными перилами парадная лестница. Время от времени взгляда Михаила удостаивалась и укрепленная на серой каменной стене эмблема — многолучевая золотая звезда.

Поистине имперское великолепие — для имперских амбиций. А главная созидательница этих амбиций была уже на подходе. Советник

из Ресиона в сопровождении министра науки Ариана Эмори-Карнат собственной персоной, безнадежно опаздывавшая по причине полной уверенности в своем величии. Даже Государственный зал она удостоила посещением лишь потому, что Советнику требовалось лично участвовать в голосовании.

Разглядывая новоприбывшую, Кореин вдруг ощутил учащенное биение сердца. И вспомнил предупреждение врача, запретившего волноваться. Доктора неизменно призывают к спокойствию, твердя, что удержать все под своим контролем просто невозможно.

Можно предположить, что они имели в виду Советника из Ресиона.

Планета Сайтин, доселе самая густонаселенная из членов Союза, постоянно ухитрялась сохранять за собою сразу два места в исполнительном органе Союза — Совете Девяти. В силу обычной логики одним из этих двух мест было председательство в Комитете по гражданским делам, то есть надзор за развитием сельского хозяйства, малого предпринимательства и трудовых ресурсов. Но вопреки логике выборщики в Комитет по науке, рассеянные по Союзу в радиусе многих световых лет, упорно избирали в прави-

тельство Ариану Эмори, хотя кроме нее на этот пост претендовала дюжина не менее достойных кандидатов.

И если бы только этим все ограничивалось! Ариана занимала свой важный пост уже пятьдесят лет, целых полвека! Все это время госпожа Эмори давала взятки, запугивала и искала иные подходы к людям не только на Сайтине и на всех станциях Союза, но даже, как поговаривали (впрочем, то были неподтвержденные слухи), на Соле и в Альянсе. Угодно добиться чего-нибудь? Пожалуйте к знакомым Советника по науке — она все устроит. Вопрос упирался только в кредитоспособность просителя.

А проклятые выборщики в Комитет по науке, эти якобы интеллектуалы, раз за разом голосовали в пользу Арианы, невзирая на связанные с ее именем скандалы, невзирая на то, что она, по сути, являлась фактической хозяйкой ресионских лабораторий. А это было немало, ибо Ресион приравнивался в правительстве Союза к целой планете. Впрочем, правительство было достойно доктора Эмори, поскольку обделывало разного рода подозрительные делишки, которые тщетно пытались расследовать многочисленные комиссии.

Так в чем же проблема? Деньги? Нет. Кореин сам располагал средствами, но… Скорее, ключом к разгадке была сама Ариана. Фактически большинство населения не только Сайтина, но и всего Союза так или иначе вышло из ресионских лабораторий. Те же, чья родословная не была связана с генетическими лабораториями, использовали разработанные Ресионом обучающие ленты.

Обучающие ленты, созданные самой… Арианой Эмори.

Ставить под сомнение качество обучающих лент было настоящим безумием. Разумеется, находились люди, отказывавшиеся пользоваться ресионскими обучающими лентами. Эти немногие изучали высшую математику и основы предпринимательства без них. Они не глотали особые пилюли, приняв которые, обучаемый ложился спать и получал массу необходимой информации во сне — столько, сколько был в состоянии усвоить. Кроме обучающих лент для получения теоретических знаний, существовали и ленты других видов. К примеру, для любителей драмы. Эффект они давали потрясающий — пользователь не только все видел, но и чувствовал, переживал. Или взять практические навыки — благодаря ресионским обучающим

лентам они прививались выработкой рефлексов, воздействием на нервную систему. Лентами из Ресиона пользовались и оттого, что их применяли конкуренты, пользовались из желания чего-то добиться в этом мире, ибо продукция хозяйства Арианы Эмори оказывалась единственным способом достичь успеха за короткий срок. Благодаря ресионским обучающим лентам мир менялся буквально на глазах…

Комитет по информации проверял качество ресионских программ обучения. Их дотошно исследовали эксперты. Не приходилось сомневаться, что квалифицированные специалисты из Комитета могли вдруг прозевать интегрированные в обучающую ленту приемы воздействия на подсознание, окажись таковые в ресионской продукции. Михаил Кореин не принадлежал к числу параноиков, подозревавших правительство в проникновении в компьютерные сети, Альянс — в умышленном заражении перевозимых грузов, а потому не верил, что кому-то может понадобиться выпускать обучающие ленты, использующие запрещенные приемы воздействия на человеческое подсознание. Поборников «чистоты» во всем Кореин считал не вполне нормальными, ибо тем ничего не стоило отвергнуть омоложение и уме-

реть всего-то в семьдесят пять лет, но при этом они не отказывались жить за счет общества, хотя каждый из них был, по сути, пустым местом.

Но, черт побери, эту дамочку всё избирали и избирали! Чего Михаил никак не мог понять.

Вон она — немного ссутулившаяся, с прядкой седины в копне черных волос. Любой знающий арифметику без труда мог вычислить, что госпожа Эмори была старше Союза, а внешняя бодрость была следствием омоложения и скрывавшей седину черной краски. Помощники гурьбой обступили начальницу. Видя, с какой настойчивостью репортеры нацеливают на Ариану объективы камер, Кореин желчно подумал: «Неужели снимать больше некого? Или наша Ари стала центром Вселенной? Будь ты проклята, стерва костлявая!»

…Желаете вывести человека с заранее заданными качествами, точно свинью, которой обеспечено призовое место на выставке? Нет проблем — обратитесь в Ресион. Нужны солдаты, рабочие, есть потребность в крепких спинах и слабых мозгах, или, наоборот, жаждете обзавестись гением? Ради Бога — вам прямая дорога опять же в Ресион.

А сенаторы и Советники слетелись засвиде-

тельствовать ей почтение. Боже, кто-то даже цветы приволок!

Резко развернувшись, Михаил начал проталкиваться сквозь обступивших его помощников.

Уже добрых два десятка лет Кореин находился в Совете Девяти в качестве главы оппозиционного меньшинства, двадцать лет старался плыть против течения, закрепить свое влияние, но неизбежно проигрывал, заодно теряя и прежние позиции. Умер Станислав Фогель из Комитета по торговле. Учитывая, что Альянс нарушал соглашения с той же скоростью, с какой вооружал свои торговые корабли, освободившееся место следовало занять кому-нибудь из центристов. Но нет — коллегия выборщиков предпочла посадить на вакантное место Людмилу Де Франко, племянницу Фогеля. Людмила оказалась женщиной спокойной (к вящему неудовольствию Кореина), а потому предпочла идти прежним осторожным курсом дяди. Она была не меньшей, чем Станислав Фогель, приверженкой партии экспансионистов. Но положение изменилось — кто-то кого-то подкупил, кто-то заставил компанию «Андрус» обратить внимание на политику Людмилы, и в результате центристы окончательно утеряли шанс ввести своего представителя

— пятого по счету — в «Девятку» и тем самым впервые в истории получить большинство в исполнительной власти.

Какое горькое разочарование!

А там, в зале наверху, в окружении толпы подхалимов и преуспевающих молодых законодателей стояла женщина, заставлявшая дергаться нити, шевельнуть которые были не в состоянии даже деньги.

Стало быть, просто везение в политике. Нечто неосязаемое, но столь ценимое.

И от этого зависела судьба всего Союза.

Михаил — в который уже раз — позволил себе помечтать, как в зал врывается какой-нибудь маньяк с автоматом и ножом. Удар — и проблема решена! Впрочем, шальная мысль сильно обеспокоила Кореина. Тем не менее факт оставался фактом: нечто подобное могло резко изменить Союз, дать человечеству шанс, пока не поздно.

Всего одна жизнь. В подобной игре она значит до смешного мало.

Михаил задышал — глубоко и ровно. Потом, пройдя в глубину зала, завел учтивую беседу с немногими, посчитавшими своим долгом посочувствовать проигравшим. Скрипнув зубами, Кореин отправился поздравлять Богдановича —

того избрали на пост председателя Государственного Комитета, что подразумевало одновременно и пост председателя Совета.

Лицо Богдановича было абсолютно бесстрастно, а пушистые седые брови придавали ему сходство с добрым дедушкой, души не чающим во внуках. При этом ни следа чувства превосходства над проигравшими выборы соперниками. Держи себя Богданович подобным образом во время переговоров об учреждении Альянса, Союз был бы в долгу перед Пеллой. Но Богданович всегда был более искушен в менее масштабных вопросах. А еще он был политическим долгожителем. Избиратели, отдавшие свои голоса Богдановичу, разного рода профессионалы, консулы, служащие, иммигранты, управленцы со станций — заметная социальная группа, определявшая итог выборов на должность, первоначально казавшуюся не столь значительной, какой она стала позже. Боже, и как разработчики Конституции посмели так несерьезно отнестись к своей работе? Ишь, вздумали поиграть с политикой! Назвали свое творение «новой моделью», в которой правительство станут формировать якобы просвещенные избиратели. При этом они, эта мерзкая свора социальных теоретиков, в числе

которых были Ольга Эмори и Джеймс Карнат, позволили себе отбросить опыт последних десяти тысячелетий человеческой истории. События, которые так недобро поминал Михаил Кореин, случились давно — когда представители Сайтина еще занимали в Совете Девяти целых пять мест и представляли большинство в Совете Миров.

— Да, не повезло тебе, Михаил! — Богданович сочувственно потряс Кореину руку.

— Ничего не поделаешь — воля избирателей, — отозвался тот, сохраняя самообладание. — Тем не менее мы набрали рекордно высокий процент голосов.

«Ничего, старый пират, — ожесточенно подумал Кореин, — наступит день, и я соберу большинство голосов… Ты еще доживешь до того момента…»

— Воля избирателей, — эхом отозвался Богданович, продолжая улыбаться. Кореин в долгу не остался — тоже расцвел в улыбке и растягивал губы до тех пор, пока те не заныли от напряжения. Затем внимание Михаила переместилось к Дженнеру Харого — человеку из той же фракции, что и Богданович. Дженнер занимал влиятельный пост председателя Комитета по внутренним делам. Рядом стояла Катрин Лао, глава Комитета

по информации, который занимался проверками выпускаемых Ресионом обучающих лент. Что, впрочем, было естественно.

Михаил раскрыл было рот, но тут в зал величественно вплыла сама доктор Эмори, и Катрин с Дженнером быстро направились встречать руководительницу ресионского комплекса. Кореин обиженно переглянулся с Нгуеном Тинем из Викинга (тот курировал экономику) и Махмудом Чавезом со станции «Вояджер», занимавшимся финансами, — оба были центристами. Четвертый их единомышленник, адмирал Леонид Городин стоял среди молчаливой толпы своих помощников в одинаковой одежде. По иронии судьбы, именно Комитет по обороне был самым слабым звеном в цепи единомышленников, ибо имел обыкновение часто менять точку зрения и дрейфовать в сторону экспансионистов, если на то находились веские причины. Городин примыкал к центристам лишь потому, что желал держать новые военные транспорты типа «Эксцельсиор» в Ближнем Космосе, дабы ими можно было воспользоваться в любой момент. Адмирал не уставал повторять нечто вроде: «Вы что — хотите заслать корабли черт знает куда, когда Альянс вводит одно эмбарго за другим? Желаете, чтобы

избиратели стучались вам в двери, требуя еды и товаров? Хотите новой разрушительной войны? Если да, то отсылайте грузовые суда в Дальний Космос. И тогда останется уповать на доброту торговцев из Альянса».

При этом адмирал, разумеется, как бы забывал, что основанный по соображениям торговой выгоды Альянс по Пелльскому договору получил возможность перевозить грузы, но не имел права строить военные корабли. Договор также позволял Союзу, успевшему построить великое множество грузовых судов, сохранить свой флот, однако лишал его права строить новые корабли, способные составить конкуренцию торговым. По сути дела, речь шла о тонком дипломатическом подкупе, об уступке с целью возобновить прерванную во время войны доставку припасов. Когда Богданович объявил о достигнутых договоренностях, против них голосовала даже Ариана Эмори.

А станции одобрили договор. Дело оставалось за Генеральным Советом — тот должен был, собравшись в полном составе, обсудить Пелльский договор. Хоть и с незначительным перевесом, но договор все же был ратифицирован. И немудрено: Союз устал от войны, от дезорганизованной

торговли, от дефицита товаров.

Теперь доктор Эмори планировала начать новую кампанию за изучение и колонизацию Дальнего Космоса.

Все знали, что подобная затея не таит в себе ничего хорошего. Доказательством тому была неудача Сола, Солнечной системы, по ту сторону космоса. В результате Сол поспешно обратил взор обратно к Альянсу, умоляя о возобновлении торговли и открытии рынков. Но у Сола были соседи, и его недальновидная суета могла навлечь беду на Альянс с тыла, после чего под угрозой оказывалось и пространство Союза. Именно на это и упирал постоянно Городин, требуя увеличения ассигнований на оборону.

Но позиция Городина была чрезвычайно уязвимой, ибо ему запросто могли вынести вотум недоверия. Адмирал мог оказаться навсегда потерянным для единомышленников, если не успел бы разместить свои корабли на наиболее важных направлениях.

А новость о поведении выборщиков в Комитет по торговле явилась настоящим ударом. Центристы полагали, будто этот пост достанется их кандидату. Центристы искренне надеялись, что сумеют помешать Ариане. Но все, что было

теперь в их силах, — убедить Совет не проводить голосование по проекту «Надежда», ибо столь широкомасштабная затея подразумевала подготовку целой флотилии кораблей в частности и крупные финансовые ассигнования вообще. Но голосование можно было только отсрочить — до тех пор, пока Людмила Де Франко не прибудет с Эсперансы и не приступит к исполнению должностных обязанностей.

Или… Можно было также уклониться от участия в голосовании, дабы не собрался необходимый кворум. В этом случае проект автоматически уходил на голосование в Совет Миров. В этом случае клика Арианы могла не получить необходимого числа голосов. Представители были куда более независимы в своих действиях, особенно блок, представлявший Сайтин, ибо большинство сайтинцев принадлежало к лагерю центристов. Можно было надеяться, что нетерпеливые противники примутся терзать проект, еще не выверенный в Совете Девяти, месяцами внося изменения, которые «Девятка» ни за что не утвердила бы. Так повторялось снова и снова…

Пусть Городин еще раз попытается убедить экспансионистов отложить голосование. Адмирал лучше всех подходил для этой роли: как-никак,

грудь в орденах и медалях, герой войны! Да, нужно бросить против них Городина — возможно, дело выгорит. Если нет, четырем центристам ничто не помешает воздержаться от голосования. Но умышленное снижение кворума и, как следствие, преждевременное окончание заседания могло повлечь тяжкие политические последствия.

Однако сейчас требовалось выиграть время, дабы связаться с ключевыми лоббистами, дать им возможность потянуть за нужные нити. К тому же Людмилу Де Франко по прибытии можно склонить к проведению более умеренного курса, о чем она заявила сама. Или хотя бы сделать легкий реверанс центристам по поводу законопроекта, особенно важного для ее избирательного округа. Госпожа Де Франко могла проголосовать за откладывание законопроекта на более отдаленный срок…

Советники направились на свои места. Группа Эмори замыкала шествие — впрочем, это можно было предсказать заранее.

Богданович ударил старинным молоточком, возвещая об открытии заседания.

«Прошу считать заседание открытым», — объявил старик, тотчас переходя к обсуждению результатов выборов и формальному утвержде-

нию Людмилы Де Франко в должности Советника — председателя Комитета по торговле.

Оба вопроса прошли без сучка и задоринки. Катрин Лао и Дженнер Харого посматривали на Ариану, но та сидела как каменная. Она вообще не суетилась понапрасну. Выражение скуки на лице, медленные движения длинных пальцев с холеными ногтями с укрепленным на одном из них записывающим устройством — «стилосом» — просто кричали об отработанной до автоматизма терпеливости по отношению к разного рода формальностям.

Обошлось без дискуссий. Формально-вежливые «да», засвидетельствованные официально.

— Следующий вопрос повестки дня, — объявил Богданович, — утверждение господина Дензила Лала в качестве исполняющего обязанности председателя Комитета по торговле с правом голоса до прибытия Людмилы Де Франко.

Снова формальности. Опять скучный хор «да», шутливая перепалка между Харого и Лао, легкий смех. Городин, Чавез и Тинь вообще никак не отреагировали. Ариана обратила на это внимание: Кореин заметил, как женщина сначала засмеялась, но тотчас умолкла, бросив косой взгляд куда-то вбок. Стилос прекратил вращаться. В

глазах Эмори теперь таилась осторожность. А когда Ариана смотрела в сторону Кореина, то растягивала губы в легкой улыбке, которая могла сгладить неловкость при случайной встрече взглядов.

Но в глазах ее не было и тени улыбки. «Чего от тебя ждать? — точно спрашивали они. — Что ты замышляешь, Кореин?»

Конечно, в данном случае можно было не мучить себя множеством догадок, и Ариане с ее умом не составляло труда выбрать правильный вариант. Взгляд женщины то и дело замирал, в нем угадывалось то понимание, то неприкрытая угроза. Михаил ненавидел чертову бабу всей душой. Ненавидел все, что было связано с ее именем. Но дуэль с нею была сродни упражнениям в телепатии: Кореин глядел упрямо, отвечая угрозой на угрозу, и чуть приподнятая бровь словно говорила: «Конечно, тебе под силу подтолкнуть меня к пропасти. Но первой туда полетишь ты. Я не стану колебаться. Расколю Совет, парализую работу правительства».

Полузакрыв глаза, Ариана улыбалась. «Неплохой удар, Михаил, — будто говорили ее губы, — но ты уверен, что хочешь войны? Может оказаться, что ты к ней еще не готов».

Кореин, всем своим видом изображая любезность, мысленно говорил: «Да, именно так, Ари. Тебе ведь нужен кризис — как раз в момент, когда на подходе два твоих проекта. Что же, будь добра, получи его!»

Ариана моргнула, скользнула взглядом по столу, и ее полуприкрытые глаза снова уставились на Кореина, а улыбка стала несколько натянутой. Выходит, война, смекнул Михаил. Улыбка шире. Возможно, удастся договориться. «Будь осторожен, — мысленно призывала недруга женщина, — наблюдай за мной! Открытое противостояние обойдется тебе дорого… Победа будет за мной, Кореин. Конечно, ты можешь помешать мне, можешь отодвинуть все на период после выборов, черт побери! Тогда я потеряю куда больше времени, чем на ожидание Де Франко…».

— Переходим к рассмотрению следующего вопроса — утверждения ассигнований на проект «Надежда», — возвестил Богданович. — Предоставляю слово первому докладчику. Госпожа Лао, прошу!

Катрин и Ариана переглянулись. Кореин не сумел разглядеть выражение лица госпожи Лао, ибо председатель Комитета по информации сидела к нему белокурым затылком. Волосы Катрин

были заплетены в тугие пряди и уложены в замысловатую корону — эта прическа стала своего рода визитной карточкой соратницы доктора Эмори. Впрочем, Кореин не сомневался, что лицо госпожи Лао выглядело озадаченным. Между тем Ариана, подозвав помощника, что-то зашептала ему на ухо. Лицо помощника вмиг напряглось: губы плотно сжались, а в глазах мелькнула растерянность.

Получив приказание, помощник подошел к одному из референтов Лао. Тот в свою очередь шепотом передал сообщение начальнице. Женщина досадливо дернула плечами и вздохнула. В сочетании с хмурым выражением лица такое поведение было более чем красноречивым.

— Господин президент, — начала Катрин, — предлагаю отложить обсуждение вопроса по проекту «Надежда» до тех пор, пока госпожа Де Франко примет окончательно дела, ибо законопроект напрямую затрагивает торговлю. Отдавая должное многоуважаемому представителю Фаргоны, я все же считаю, что дело должно подождать.

— Поддерживаю! — резко бросил Кореин.

По толпе помощников и референтов прокатилось смятение. Даже некоторые из Советников

ошеломленно качали головами. Богданович и вовсе разинул рот. Старик не сразу пришел в себя, а когда опомнился, то первым делом схватил спасительный молоточек, маскируя смущение вниманием к формальностям.

— Поступило предложение отложить обсуждение проекта «Надежда» до вступления в должность госпожи Де Франко. Другие мнения есть?

Все шло как по маслу — Ариана сказала несколько теплых слов в адрес представителя Фаргоны, временно исполнявшего обязанности председателя Комитета по торговле. И, разумеется, согласилась с Лао.

Кореин также попросил слова, одобрив в коротком выступлении предложение Катрин. Он мог позволить себе даже небольшую шпильку в адрес противников: уладив какое-нибудь дело, экспансионисты и центристы иногда обменивались легкими шутками.

Сейчас, правда, дело нельзя было считать решенным. Ариана, чертовка, хитроумно обезоружила Михаила, сделав ему небольшую уступку. Пока Кореин, соблюдая формальности, благодарил за что-то Дензила Лала, Ариана не спускала с него глаз. Закончив речь, Михаил уселся на свое место.

«Наблюдай за мной, — призывал взгляд Арианы. — Не пожалеешь».

Голосование выявило полное единодушие. Дензил Лал, временно исполнявший обязанности председателя Комитета по торговле с правом голоса, по сути, одобрил выведение проекта «Надежда» за пределы своей компетенции.

— В таком случае повестка дня исчерпана, — заключил Богданович. — На дебаты мы ранее отвели три дня. На следующем заседании по регламенту нужно обсудить ваш, госпожа Эмори, законопроект за номером 2405. Речь тоже пойдет о бюджетных ассигнованиях — только для Комитета по науке. Может, желаете перенести обсуждение на другую дату?

— Господин президент, мой доклад готов, но мне не хотелось бы злоупотреблять любезностью коллег — ведь им нужно подготовиться к обсуждению. Если уважаемые коллеги не возражают, я перенесла бы обсуждение на завтрашнее заседание.

Советники забормотали вполголоса, одобряя столь здравое предложение. Даже Кореин не возражал.

— Госпожа Эмори, вы желаете оформить предложение в виде отдельного пункта протокола?

И снова единодушное одобрение.

Рассмотрение подготовленного Арианой проекта закона перенесли на следующее заседание.

Все — «за».

Тотчас от чинной тишины, царившей в зале, не осталось и следа. Поднявшийся шум оказался даже сильнее обычного. Но Кореин по-прежнему сидел в кресле, точно боясь шелохнуться. Почувствовав на плече чью-то руку, Михаил резко поднял голову и уставился в лицо Махмуду Чавезу. Тот выглядел одновременно обрадованным и обеспокоенным.

«Что случилось?» — спрашивали глаза Чавеза. Однако вслух он бросил:

— Ну и дела!

— Встречаемся у меня в кабинете, — отрывисто бросил Кореин. — Через полчаса.

Советники отправились вкушать полдник — чай и бутерброды, принесенные расторопными помощниками. Толпа растеклась за пределы зала заседаний и заполнила конференц-зал. Приученные к строгой дисциплине и мерам предосторожности адъютанты-военные тщательно обшарили зал в поисках подслушивающих устройств. Даже присутствующие здесь консультанты и ученые не избежали личного обыска.

Сложив руки на груди, адмирал Городин безучастно сидел в кресле. Еще недавно адмирал был не прочь прогуляться, но теперь, когда положение изменилось в худшую для него сторону, вояка остался на месте и сидел мрачнее тучи. Городин ломал голову, пытаясь понять, как вышло, что они проиграли заведомо выигрышную партию. Ведь Ариана с ее «Надеждой» была, по сути, у них в руках. Оставалось только предъявить ей ультиматум.

— Вот необходимая информация, — пробормотал Кореин, принимая из рук референта стакан минеральной воды. На столике покоился внушительный фолиант в твердой обложке — восемьсот страниц поистине взрывоопасной информации со всеми нужными цифрами, отражавшими бюджет Комитета по науке. Отдельные места в книге были подчеркнуты — на них требовалось обратить особое внимание. Раздобыть копию законопроекта (ходили упорные слухи, будто проект бюджета содержал массу ошибок) труда не составило: в Комитете по науке у центристов имелись свои люди. Впрочем, без ошибок при составлении проекта бюджета не обходилось никогда. Причем из года в год львиная доля таких несуразностей была связана с Ресионом. Указав

на книгу, Михаил пояснил: «Чертовым лабораториям нужны не столько деньги — на этом их не подловить. Ресион ведь все равно выплачивает кучу денег в казну в виде налогов. Важно другое: с чего вдруг они клянчат статус Персоны Государственной Важности для двадцатилетнего мальчишки-химика с Фаргоны? Кто вообще такой этот Бенджамин П. Рубин?»

Чавез зашелестел разложенными на столе бумагами, потом взял документ, услужливо поданный помощником. Тот ткнул пальцем в нужное место на бумаге. Читая, Махмуд задумчиво закусил губу. Наконец, покончив с чтением, сообщил: «Он студент. Больше никакой заслуживающей интереса информации».

— Может, это имеет какое-то отношение к проекту «Надежда»? Если рассуждать логически?

— Не забывайте — речь идет о Фаргоне. Все как будто совпадает…

— Можно просто потом спросить об этом Эмори, — кисло предложил Чавез.

— Спросить не то что можно, а придется — на заседании. И заодно забрать у Арианы всю документацию, какую она принесет.

Со всех сторон на Кореина устремились угрюмые взгляды. «Шутки сейчас неуместны», — про-

бормотал Городин.

Лу, председатель Комитета по обороне, выразительно откашлялся.

— У нас имеется проверенный источник. Скажу больше — несколько источников, заслуживающих доверия, — сообщил он. — Наш последний кандидат в Комитет по науке…

— Но ведь он ксенолог! — недовольно бросил Тинь.

— И к тому же личный друг доктора Джордана Уоррика. Того самого, из Ресиона. Кстати, доктор Уоррик здесь. Прибыл в качестве советника Эмори. Через Бирда его попросили о встрече с… с… Кое с кем из Комитета по науке.

Принимаясь изъясняться в таком стиле, Лу зачастую выбалтывал больше, нежели при произнесении официальных речей. Кореин пристально уставился на председателя Комитета по обороне. Насторожился и Городин. Адмирал всю жизнь воевал да и теперь с радостью вернулся бы к привычному ремеслу, оставив управленческие обязанности на председателя Комитета и его многочисленных помощников. Подобный подход был вполне объясним: Советники разбирались только в своих сферах, в то время как председатели Комитетов руководили работой

подведомственных учреждений. А уж начальники отделов знали даже такие подробности, как кто и с кем спит.

— Бирд — один из них?

— Вполне возможно, — важно изрек Лу и тотчас умолк.

«Пожалуй, — подумал Кореин, — это стоит запомнить».

— Старая дружба? — негромко осведомился Тинь.

— Суди сам — почти двадцать лет.

— Насколько это безопасно для Уоррика? — спросил Городин. — Что конкретно мы подвергаем опасности?

— Немногое, — успокоил Лу. — Во всяком случае, не дружбу Уоррика и Эмори. У Уоррика есть своя епархия, и потому он редко к ней заходит. И наоборот. Фактически между ними вражда. Доктор Уоррик потребовал себе автономию внутри Ресиона. И получил ее. Центристов в Ресионе нет. Но Уоррик не на стороне Эмори. Так или иначе, он явился сюда для консультаций с Комитетом по поводу перевода на другое место работы.

— Он один из Особых, — разъяснил Кореин, предназначая реплику для всех, не имевших отношения к Ресиону и потому не вполне пред-

ставлявших себе, кем был Уоррик. Джордан Уоррик считался признанным гением и был официально объявлен национальным достоянием. — Уоррику чуть больше сорока, он терпеть не может Ариану. У него была дюжина возможностей покинуть Ресион и основать собственную лабораторию, но Эмори в Комитете всякий раз спускает вопрос на тормозах. Она не хочет отпускать Уоррика. — Михаил лично изучал все, так или иначе связанное с Ресионом. И такой подход был вполне объясним. Правда, раздобывать удавалось не всю информацию; кое-что, включая и способность Лу отслеживать нужные связи, оставалось для Михаила тайной за семью печатями. Выдержав паузу, Кореин уточнил:

— Бирд может связаться с ним?

— Расписание пошло вкривь и вкось, — мягко произнес Лу, на мгновение обретая сходство с университетским профессором, наставляющим студентов. — Конечно, повестку дня все равно придется приводить в порядок. Уверен, кое-что можно устроить. Мне взять это на заметку?

— Вне всякого сомнения. А пока сделаем перерыв. И пусть народ займется работой.

— В таком случае, встреча возможна только утром, — заметил Тинь.

— Мои сотрудники будут здесь, — сообщил Михаил, — сегодня вечером, но попозже. Если случится нечто, требующее… — Советник выразительно пожал плечами. — Нечто естественное… Вы, господа, надеюсь, понимаете, о чем речь… — Слово «встреча» было из лексикона, которого единомышленники старались избегать в разговорах. Тем более, что кое-кто из помощников мог неправильно понять, что имелось в виду. А потому Михаил осторожно заметил: — Мои сотрудники свяжутся с вами лично.

По окончании встречи, когда присутствовавшие стали расходиться по своим делам, Михаил на мгновение задержал Городина и Лу.

— Сможете заполучить Уоррика?

— Лу? — спросил адмирал. Тот, пожав узкими плечами, бросил:

— Постараемся.

2

Человек, появившийся в конференц-зале, имел самую обычную внешность: неброский коричневый костюм, в руке — плоский чемоданчик, довольно потертый, что свидетельствовало о склонности его владельца к путешествиям. При случае Кореин не смог бы выделить этого человека из толпы; русые волосы, привлекательные черты лица и атлетическое сложение не слишком бросались в глаза. И уж тем более он не выглядел на свои сорок шесть лет. Однако этот неприметный человек был окружен телохранителями, которые вскоре перепоручили его заботам военной полиции. По всей вероятности, пальто ему всегда подавала прислуга, а помощники сопровождали всюду, куда бы он ни пошел. И уж тем более он не летал обычными самолетами, а его чемоданчика не касались руки служащих багажных отделений.

Эмори относилась к разряду Особых. Лиц с таким статусом в Ресионе было трое — больше, чем где-либо еще. Одним из них был и этот человек. Поговаривали, будто он обладал способностью прямо в уме конструировать и приводить в по-

рядок целые системы развития психических складов. Даже компьютеры были не в состоянии справиться с такой задачей. Если возникала нужда протестировать или исправить какую-нибудь важную обучающую ленту, то неизменно обращались к сотрудникам Уоррика. А когда разработчики бились над какой-нибудь непосильной загадкой, Джордан Уоррик брался за дело и неизменно находил причину неполадки. Больше ничего об Уоррике Кореин не знал. Этот человек был признанным гением и потому находился под охраной государства. Как Эмори. Как еще дюжина Особых.

И коль скоро Ариана старалась выхлопотать подобный статус для двадцатилетнего химика и открыть на Фаргоне представительство Ресиона, дабы зачислить молодое дарование в свой штат, то, принимая во внимание ее амбициозный проект по освоению Дальнего Космоса, следовало полагать, что для ее стараний имелась весьма существенная причина.

— Мое почтение, господин Лу! — воскликнул доктор Уоррик, пожимая руку председателю Комитета по обороне. — О, адмирал, какая приятная неожиданность!

Оппонент Арианы обеспокоено, но не враж-

дебно посмотрел в сторону Кореина и наконец протянул тому руку:

— Здравствуйте, Советник! Не ожидал увидеть вас.

Михаил вмиг ощутил, как забилось в предчувствии опасности сердце. Уоррик, вспомнил он, не принадлежал к числу блестящих умов, живущих в отрыве от реальности, — Джордан был психохирургом, его работа заключалась в беспрестанном манипулировании, и потому ему ничего не стоило распознавать намерения окружающих. И все это было скрыто под маской угрюмой любезности и живому не по годам взгляду.

— Вы, наверное, уже догадались, — молвил Лу, — что за встречей кроется нечто большее, чем я сказал вначале…

На лице Уоррика мелькнула легкая тень беспокойства.

— В самом деле? — отозвался он.

— Советник Кореин выражал настоятельное желание переговорить с вами без посторонних. Доктор, речь пойдет о политике. Дело чрезвычайной важности. Разумеется, если вы предпочтете отправиться на запланированную встречу, на которую в противном случае опоздаете минут на десять, мы сделаем вывод, что вы не считаете

необходимым заниматься нашим делом и воспримем ваше решение с пониманием. Ничего не поделаешь: интриги — моя профессия!

Вздохнув, Уоррик отошел к необъятному столу, за которым собирались участники конференций, и опустил на него свой чемоданчик.

— Ваше дело как-то связано с Советом? — попытался угадать он. — Может, все-таки объясните мне суть? Я не могу принимать решение, не зная, о чем речь.

— Речь идет о готовящемся к утверждению законопроекте. Том самом, об ассигнованиях для Комитета по науке.

Едва заметно вскинув голову, профессор бросил: «Так-так». По лицу его скользнула легкая улыбка. Сложив на груди руки, Уоррик с явным облегчением прислонился к столу.

— Чем вам не нравится законопроект? — полюбопытствовал он.

— В самом деле, — в тон ему отозвался Кореин, — что в нем особенного?

Джордан снова улыбнулся — на сей раз шире, но улыбка получилась точно приклеенная.

— Вы считаете, будто законопроект — всего лишь прикрытие? — уточнил он. — Или что-то еще?

— Проект — что бы он ни прикрывал — все равно связан с проектом «Надежда», не так ли?

— Нет. Бюджет не имеет к этому никакого отношения. Во всяком случае, мне ничего не известно. Ну, поговаривают о сканере SETI, однако здесь все законно, уцепиться как будто не за что.

— А как насчет придания некоему лицу статуса Особого? Ведь Ресион явно заинтересован в этом?

— Можно сказать и так. Вас интересует общая информация о Фаргоне?

— Меня интересует все, что вы расскажете, доктор.

— В таком случае я сэкономлю свои десять минут, ибо смогу рассказать вам о Фаргоне за значительно меньшее время. Весь рассказ можно уместить в одно слово — психогенез. Пресса еще именует его клонированием умов.

Кореин ждал иного ответа. И уж тем более такой ответ не устраивал Городина. Адмирал выразительно фыркнул.

— В чем его суть? Чему этот проект служит прикрытием?

— Прикрытие здесь ни при чем, — невозмутимо сообщил профессор. — Во всяком случае в том виде, как расписывает его пресса. Речь не идет

о создании физически абсолютно точных копий людей — предполагается выращивать людей, обладающих теми же способностями, что и прототипы. Вряд ли это может помочь, например, безутешному ребенку, пытающемуся вернуть к жизни усопшего родителя. Но если подходить к проблеме с точки зрения воспроизводства, скажем, Особых, это как раз то, что надо. Вы уже слышали о попытке воскресить Бок…

Эстель Бок создала двигатель, позволявший передвигаться со скоростью, превышающей скорость света.

— Пытались, как же, — небрежно обронил Кореин. — Да только без толку.

— Но ее двойник получился одаренным. Тем не менее то была не настоящая Бок. Бок-два была больше склонна к музыке, нежели требовалось для психогенеза. К тому же из-за поднявшейся шумихи она чувствовала себя глубоко несчастной. Она упорно отказывалась от процедур омоложения и сдалась только тогда, когда время начало брать свое. Но было уже поздно — в девяносто два года она умерла. Последние несколько лет она безвылазно просидела у себя в комнате.

Тогда мы еще не располагали столь совершенной техникой. Не было и современных обучаю-

щих лент. Взять хотя бы работы доктора Эмори, программы обучения химии живого организма…

Человеческий организм обладает внутренней регулирующей системой. Это целый комплекс, управляющий физиологическим развитием, ростом и защитой от воздействия внешней среды. Но при клонировании не получается стопроцентная копия генетического кода. На состояние химического баланса, изначально заложенного генетическим кодом, оказывает влияние жизненный опыт. Все это вы можете почерпнуть из научных журналов. Если хотите, подскажу, где найти нужный материал…

— У вас здорово получается, — похвалил Кореин. — Будьте добры, продолжайте!

— Допустим, теперь нам известно то, чего не знали при клонировании Бок. Если программа оправдает ожидания доктора Эмори, мы сможем восстанавливать те способности, которыми обладал прототип. Правда, здесь не обойтись без генетики, эндокринологии, огромного числа физиологических и психологических тестов. И, понятно, без соответствующих архивных материалов. Я и сам не все знаю. В конце концов, это проект доктора Эмори, и он секретный. Им вообще занимаются в другом корпусе. Но мне

известно, что затея исключительно серьезная и что слухи недалеки от истины. Возможно, не обходится и без домыслов. Но прошу понять правильно: в нашей науке без напряженной работы не обойтись, а от ученого требуется способность к долгожительству, дабы он в конце концов сумел обобщить накопленную информацию. А доктор Эмори уже немолода. Любой эксперимент с ази занимает минимум пятнадцать лет. Проект «Рубин» займет и вовсе не менее двадцати. А потому трудности очевидны. Разумеется, госпожа Эмори вынуждена время от времени идти на небольшой риск.

— Как насчет проблем со здоровьем? — негромко полюбопытствовал Кореин, вспоминая изменение оттенка кожи и явную потерю в весе его давней оппонентки. Процесс омоложения занял больше времени, чем предполагалось. Но как только действие омоложения закончилось, начались проблемы. А увядание шагает бок о бок с мстительностью.

Уоррик отвел глаза. Еще не услышав ответа, Кореин понял, что правды от собеседника не дождаться. Михаил тотчас мысленно упрекнул себя за ненужную поспешность.

— Конечно, в ее возрасте страх смерти воз-

растает, — отозвался доктор Уоррик. — Это естественно. Но я уже обращал ваше внимание на то, что для осуществления любых проектов необходимо время.

— Как вы лично оцениваете данный проект? — поинтересовался Городин.

— Для нее он имеет исключительное значение. Поймите, в нем воплотились все ее прежние теории и работы. Исследования по эндокринологии, генетике, по психоструктурам — все сведено воедино.

— Она входит в группу Особых. И потому может позволить себе что угодно…

— Кроме, пожалуй, гарантированной защиты от того, что случилось с Бок. Я разделяю ее мнение насчет подключения к проекту кого-нибудь из посторонних — не из ресионцев. Двойник, впрочем, будет находиться в Ресионе. Почти наверняка это будет двойник Рубина. Он молод, а это, если хотите, своего рода предпосылка… Он одарен, родился на станции, и каждый его шаг, вплоть до покупки банки напитка в автомате, занесен в архив. Кроме того, он появился на свет с иммунной недостаточностью, и потому с момента его рождения велись обстоятельные медицинские наблюдения. А это чрезвычайно важно. Здесь

Ариане не нужно одобрение Совета, в то же время она не сможет помешать правительству Фаргоны заниматься тем, что способно поставить под удар результаты ее работы.

— Рубин должен быть посвящен во все это?

— Он обязательно почувствует себя объектом эксперимента. Более того, двойник Рубина даже не будет знать о существовании прототипа до тех пор, пока ему не исполнится столько же лет, сколько Рубину сейчас.

— Вы считаете, проект имеет право на существование?

Уоррик выдержал короткую паузу, а потом буркнул:

— Не знаю, уравновешивает ли одно другое, но научная ценность затеи несомненна.

— Но вы как будто не слишком уверены, — вставил Лу.

— Я считаю, что вряд ли Рубину будет причинен большой вред. Он ведь ученый. Такого рода методы называются «слепым контролем», и Рубин наверняка отнесется к нему с пониманием. Я бы помешал их встрече в будущем, если хотите знать мое мнение. Свою точку зрения я буду отстаивать и дальше. Однако у меня нет возражений против проведения программы.

— Но ведь она не ваша.

— Лично я никак в ней не участвую.

— Зато ваш сын, — напомнил Кореин, — работает в тесном контакте с доктором Эмори.

— Мой сын — всего лишь студент, — равнодушно отозвался Уоррик. — Занимается разработкой обучающих лент. Привлекать его к проекту или нет — зависит от Арианы. Вообще-то грех упускать такую возможность, поскольку в случае успеха парень мог бы претендовать на руководство лабораторией на Фаргоне. Подобный ход событий меня бы устроил.

«Но почему?» — едва не вырвалось у Кореина. Однако, как известно, даже общение с дружелюбно настроенным осведомителем имеет предел. К тому же насчет Эмори ходили прелюбопытные слухи — впрочем, неподтвержденные…

— Студент в Ресионе, — обронил Лу, — намного больше, чем студент университета.

— Определенно да, — осторожно согласился Джордан. Но дружелюбие с его лица точно ветром сдуло; теперь перед Кореиным и его единомышленниками стоял насторожившийся человек, в любой момент ожидавший подвоха.

— Ваше отношение к проекту «Надежда»? — спросил Михаил.

— Ваш вопрос имеет политическую окраску?

— Политическую.

— Тогда позвольте ответить так: я избегаю политики во всем, за исключением науки. — Уоррик посмотрел в пол, потом поднял взгляд на Кореина. — Ресион больше не зависит от торговли ази. Мы в состоянии жить безбедно за счет одних лишь исследований. Нам теперь все равно, основываются новые колонии или нет. Но наступит день, и возникнет необходимость в результатах наших теперешних трудов. Заверяю, что остальные лаборатории все равно не смогут разорить нас, сколько ни понижай они расценки. Слишком грандиозен наш задел. Конечно, больших богатств мы не наживем, но и с голоду не помрем. Впрочем меня беспокоит не материальная сторона. Знаете, как-нибудь нам действительно следует встретиться и переговорить…

Кореин растерянно моргнул, ибо не ожидал, что ученый из Ресиона первым пустит пробный шар. Засунув руки глубоко в карманы, Михаил посмотрел на единомышленников:

— Возможно устроить встречу с доктором Уорриком так, чтобы ни одна живая душа не узнала?

— Без проблем, — заверил Лу и многозначи-

тельно добавил: — Если, конечно, доктор Уоррик захочет устроить ее.

Джордан вздохнул. Опустив кейс на пол, он рывком выдвинул из-под стола стул.

— У меня зреет такое желание, — бросил он и сел.

Кореин немедленно последовал его примеру. По другую сторону стола уселись Городин и Лу.

Лицо Уоррика по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Я знаю этих господ, — пробормотал он, указывая взглядом на военных. — Советник Кореин, ваша репутация мне тоже хорошо известна. Знаю, вы — человек честный. То, о чем я собираюсь рассказать, может стоить мне… Словом, обойтись очень дорого. Надеюсь, вы воспользуетесь моей информацией ради дела, а не для сведения личных счетов. Да, между мною и доктором Эмори существуют разногласия. Сами понимаете: работая в Ресионе, в любом случае приходится принимать не устраивающие кого-то решения. Ведь мы работаем с особо деликатным материалом — с людьми. Иногда возникают ситуации поистине беспрецедентные — в смысле этики и прочего… Работаем, как считаем лучшим, по наитию. И оттого наши мнения не всегда совпадают.

У нас с доктором Эмори было достаточно столкновений — больше, чем положено в подобной ситуации. Я писал разного рода статьи и доклады, неугодные Ариане. Мы по-разному смотрим на… На отдельные аспекты ее деятельности. Так что если она пронюхает о нашей беседе, то наверняка решит, будто я пытался насолить ей. Но я молю Всевышнего, чтобы вы дали Ариане возможность заниматься ее программой. Ведь проект ничего не будет стоить правительству, кроме присуждения звания Особого еще одному человеку…

— Но такая мера создаст опасный прецедент: зачислить человека в разряд Особых в угоду разработчику проекта. И все ради того, чтобы удержать что-то такое под своим контролем…

— А мне нужно, чтобы меня и сына перевели из Ресиона, — отрезал Уоррик.

На мгновение Кореин даже затаил дыхание, а потом вкрадчиво произнес:

— Но ведь вы, как и она, Особый. Разве?..

— Я не занимаюсь политикой. Меня она не интересует. Стоит Ариане заявить, что без меня ей не обойтись, хотя бы по тем же причинам, по каким меня причислили к Особым, мне ничего не останется, кроме как подчиниться. И работать там, где сочтет нужным правительство. До сих

пор начальству было угодно держать меня в Ресионе. В данный момент мой сын участвует в проекте «Надежда» по двум причинам: во-первых, потому, что это — его специализация, а специалиста лучше Эмори просто не найти, а во-вторых, потому, что он мой сын и Ариана тем самым держит меня в узде. Вообще, все, что касается внутренних дел Ресиона, уже не в моей власти. Конечно, я могу попробовать выбраться из Ресиона, а потом вызволить и сына под предлогом работы над другим проектом. Возможно, в конце концов мне удастся добиться его перевода к себе. Это одна из причин, по которым я заинтересован в строительстве лабораторий на Фаргоне. Да и государство внакладе не останется. А Ресион — тем более.

— То есть не исключено, что в будущем возможны удивительные результаты, вы это имеете в виду?

— Пока что я не стал бы ничего утверждать. Тем более в такой обстановке. Я только говорю, что Ариане дали слишком много власти — как в Ресионе, так и за его пределами. Ее вклад в развитие науки под сомнение не ставится. Как ученый-исследователь, я не имею к ней претензий. Но чувствую, что особая линия дома и здесь

— единственное средство выпутаться из сложившейся взрывоопасной ситуации.

Наступил момент, когда от собеседников требовалась крайняя осторожность. Однако Кореин проработал в правительстве целых двадцать лет и потому научился видеть во всем тайную подоплеку. Михаил к тому же был достаточно осторожен, чтобы не спугнуть готового к сотрудничеству важного партнера. И потому мягко поинтересовался:

— Доктор Уоррик, чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы проект претворили в жизнь. Посмотрю, к чему это приведет, а потом уйду из Ресиона. Знаю, она собирается помешать мне. А потому мне нужна поддержка. — Джордан выразительно откашлялся, сцепив побелевшие кисти рук. — В Ресионе сгущаются тучи. Один-единственный маневр может дать мне все, чего я добиваюсь. Как бы вам объяснить… Я не согласен с политикой колонизации. И разделяю точку зрения Бергера и Шлеги, что распыление человечества на такие расстояния за короткий срок не принесет ничего хорошего. Только-только закончилось одно социальное бедствие; мы уже не те люди, что покинули когда-то Землю, и не выходцы со станции Глория. И нам не стать таки-

ми, какими нас хотели видеть отцы-основатели. Но если мы сделаем неоправданно резкий рывок, то необратимое различие между нами и нашими потомками обеспечено. И не стоит уповать на чудеса — их не будет, как по-прежнему нет Эстель Бок, нет и грандиозного изобретения, способного преодолеть намечающийся разрыв. Такова моя точка зрения. Но я лишен права высказывать ее в Ресионе.

— Доктор, вы даете понять, что ваши права в Ресионе ограничены?

— Я даю понять, что существуют причины, в силу которых я не в состоянии свободно выражать там свои мысли. Имейте в виду: если вы передадите содержание нашего разговора журналистам, я вынужден буду все опровергнуть и поддержать официальное мнение Ресиона.

— Стало быть, все ваши нынешние действия имеют одну цель — перевод на другое место?

— Да, господин Советник, речь идет о переводе. Меня и моего сына. Дабы я мог без опасений выражать свои мысли, понимаете? Большинство коллег, работающих в той же отрасли, что и я, и имеющих полное право со знанием дела критиковать проект «Надежда», находятся в настоящее время в Ресионе. Но без поддержки в Комитете

по Науке, без соответствующих публикаций наши попытки изначально обречены на провал. Ксенологи разбились на два лагеря, причем мы располагаем убедительнейшими аргументами. Вы, Советник, не обладаете большинством в девяти избирательных округах. Вам предстоит раскусить очень твердый орешек: Комитет по науке — территория самой Арианы. А упомянутый проект по психогенезу чрезвычайно дорог ей. Настолько дорог, что она не подпускает к нему даже помощников. Опять же нельзя упускать из вида временной фактор. С одной стороны, жизнь коротка, но с другой — в ней столько нюансов, столько отдельных периодов, что для получения результатов необходимо время.

— Правильно ли я понимаю, что нам все равно придется иметь дело с нею?

— Пока Ариана жива — вне всякого сомнения. Все это время она будет заседать в Совете, и вы будете регулярно выяснять отношения. Потому-то фаргонский проект выгоден нам обоим. Я готов открыто принять вашу сторону. Моя поддержка будет для вас весьма существенна: как-никак, я — один из ресионцев, да к тому же отношусь к Особым. Правда, положение вещей пока таково, что я не могу позволить себе поддержать вас

немедленно.

— Кроме этого, есть еще один существенный вопрос, — подал голос Городин. — Насколько реален проект «Рубин»?

— Уверен, что он вполне реален, адмирал. Без сомнения, он куда жизнеспособнее затеи с Бок. Возможно, вы знаете, что мы не берем в качестве прототипов генетические наборы Особых. Ведь даже наш обычный исходный материал защищен особым статусом. На практическом же уровне мы сталкиваемся со старой, как мир, проблемой: гениальность шагает рука об руку с безумием. Подобное утверждение — вовсе не чепуха. Когда мы моделируем ази, с классом «альфа» куда больше возни — проверки и доводки следуют одна за другой. Особенно наглядно это видно из статистики. Несчастья, постигшего затею с Бок, как раз следовало ожидать, принимая во внимание ее жизненный опыт и оставшиеся неизвестными нам моменты ее биографии. Однако возможность создать копию кого-нибудь из ныне здравствующих Особых куда выше. Сами понимаете — мы располагаем более подробными архивными материалами. Бок явилась сюда как колонистка, и ее документы прибыли на корабле. Увы, корабль не сохранился, так что многое пропало, а

еще больше осталось не записанным. Я вообще сомневаюсь, что нам когда-либо удастся вернуть талант Бок. Одно можно сказать определенно уже теперь — задуманный проект не предоставит такой возможности. С другой стороны, можно, к примеру, воспроизвести Клейгманна… Который — как вы сказали?.. Так вот, соблазн отбросить разом полтора века действительно велик…

— Или саму Эмори, — подсказал Кореин, затаив дыхание. — Боже мой, неужели в этом и кроется смысл ее проекта? Неужели Ариана хочет стать бессмертной?

— Ее желание получить потомка, в максимальной степени усвоившего сходство с нею, ничуть не сильнее аналогичного желания любого человека. В сущности, неверно говорить о бессмертии в привычном смысле слова, ибо потомок не будет ощущать себя Арианой Эмори в той же степени, что и прототип. Речь идет скорее о психическом сходстве. Два человека будут походить друг на друга сильнее, чем близнецы, причем наличие близнеца-доминанта исключено. Точное воспроизведение нужных качеств будет гарантировано приобщением потомка к особой составленной в соответствии с генотипом программе. Программе на тех же принципах, что создаются для обыч-

ных ази.

— Как, обычная обучающая лента?

— Нет, — покачал головой Уоррик, — обычной обучающей лентой нужного эффекта не достигнешь. Имеется в виду программа не в теперешнем понимании…

Кореин погрузился в раздумья.

— Стало быть, — подхватил Городин, — при соответствующем уровне развития генетики и правильном воспроизведении психического склада возможно воссоздавать ныне живущих Особых. И даже ушедших из жизни. Я правильно понял?

— Такая возможность не исключена, — тихо признался Джордан. — Однако необходимо изменить кое-какие законы. Собственно, я против подобной практики. И понимаю, почему развитие по программе происходит именно так, а не иначе. Тем не менее вероятность возникновения психологической проблемы очень велика, даже если персонал сделает так, что объект и его прототип никогда не встретятся. Даже покойник… любой человек беспокоился бы за родного сына. А что касается того парня, которого, в сущности, его родным братом не назовешь… Или отцом… Неужели вы не понимаете, что все осложняется,

едва речь заходит о человеческих жизнях? «Девятка» чрезвычайно заинтересовалась делом Бок. Даже слишком. Здесь я не могу не согласиться с доктором Эмори: только Комитет по науке, или, проще говоря, только Ресион вправе заниматься этим. Именно так, по замыслу Арианы, и будут обстоять дела на Фаргоне. Пока речь не идет об учреждении представительства или лаборатории. Правильнее говорить о своего рода анклаве, о замкнутом сообществе, покидать которое Рубин будет не вправе, как я — Ресион. Отлучки если и будут, то редко и в сопровождении охраны.

— Боже мой, — пробормотал Городин. — Но ведь Фаргона не допустит подобного на своей территории.

— Все задумано как отдельный орбитальный комплекс. Именно такое обещание доктор Эмори вынуждена была дать Харого. Строго ограниченное пространство. Все расходы по строительству несет Ресион.

— Стало быть, вы в курсе замыслов Арианы?

— Я случайно оказался посвящен именно в этот. Возможно, она планирует что-нибудь еще. Так или иначе, но этот контракт чрезвычайно выгоден фаргонским строительным компаниям.

Ответы Джордана звучали более чем убеди-

тельно. Кореин закусил губу.

— Позвольте задать вам трудный вопрос, — наконец выдавил Михаил. — Если вы вдруг получили бы доступ к дополнительной информации…

— Я незамедлительно поделился бы ею с вами.

— И если вы узнаете что-нибудь еще…

— Вы просите меня стать вашим осведомителем?

— Я обращаюсь к вам как к человеку чести. Мои принципы вам известны. Как и ваши — мне. Судя по всему, у нас много общего. Скажите, способен ли Ресион похвастаться такими, как у вас, высокими принципами?

— Даже адмиралу не удавалось до сих пор привлечь меня к сотрудничеству. Я стою на страже государственных интересов. Все мои передвижения и остановки на новом месте подлежат согласованию с правительством Союза. Такова цена, которую приходится платить за право считаться Особым. Адмирал не даст мне соврать: Ресион понимает, что ему не обойтись без меня. А потому на пять голосов из девяти можно рассчитывать сразу — то есть дальнейшее пребывание в Ресионе мне обеспечено. А теперь, Советник, вкратце посвящу вас в свои дальнейшие шаги. Я

намерен вручить адмиралу Городину прошение о переводе, как только Рубин в результате голосования обзаведется статусом Особого и накануне голосования по проекту «Надежда». Именно тогда все и произойдет — формально, разумеется.

— Ого! Неужели вы действительно цените себя так высоко?

— Советник, исход голосования по «Надежде» будет не в вашу пользу. Де Франко — марионетка Арианы. И получает от нее деньги через компанию «Хейз». У них уже все оговорено: Де Франко просто воздержится при голосовании, дабы по меньшей мере продемонстрировать избирателям собственную непреклонность. Только уговор: я ничего вам не рассказывал. Но если вы станете сидеть сложа руки и не передадите дело в Генеральный Совет, все случится именно так. Как только вы выкупите меня и моего сына из Ресиона, я начну говорить. Уверяю, что окажусь для вас куда ценнее на Фаргоне, вдали от ищеек Эмори. Возможно, она протолкнет проект «Надежда». Но предупреждаю — ее не остановить. Если вам нужен свой человек в Комитете по науке, рассчитывайте на меня.

Кореин лишился дара речи. Он взглянул на Лу, на Городина, судорожно пытаясь припомнить,

каким образом Лу заманил его на эту встречу, и подозревая единомышленников в двойной игре.

— Вам следует заняться политикой, — наконец посоветовал Михаил и, к своей великой досаде, вспомнил, с кем имеет дело: с ресионским мастером психологии, одним из двенадцати гениев, столь высоко ценимых Союзом.

— Моя стихия — психология, — заметил Уоррик, глядя собеседнику прямо в глаза и снова повергая того в беспокойство, причем взгляд доктора уже не казался спокойным, безобидным или не заслуживавшим внимания. — И я хочу заниматься ею в свое удовольствие. И в политике тоже разбираюсь. Уверяю вас: в Ресионе нам от нее некуда деться. Как, впрочем, и ей от нас. Помогите мне, и я помогу вам. Все очень просто.

— Нет, не все так просто, — возразил Кореин, понимая, что переубедить собеседника все равно не удастся. «Кто бы ни устроил эту встречу, — подумал Михаил, — Лу, Городин или даже сам Уоррик…»

Неожиданно Кореин заподозрил, что здесь не обошлось без Эмори. И тотчас посетовал в душе, что общение с Особыми способно свести нормального человека с ума — особенно с теми из них, кто занимается проблемами восприятия.

Однако не доверять никому тоже нельзя. Ибо в таком случае на успех нечего и надеяться.

3

— Первым пунктом повестки дня значится законопроект 2405, представленный Комитетом по науке. Законопроект представлен одной Арианой Эмори. Исходя из графика выделения ассигнований для Комитета по науке и руководствуясь положениями статута Союза за номером 2595, перечисленными во втором разделе…

Ариана устремила взгляд на Кореина. «Ну? — спрашивали ее полузакрытые глаза. — Неужели ты станешь мешать мне даже в такой чепухе?»

Кореин улыбнулся: поволнуйся, стерва!

Молоточек председательствующего звонко опустился на стол. «Ничего не попишешь — кризис!» — Богданович развел руками. Ропот в палате Советников утих.

Наконец Ариана позволила себе вздох облегчения: первая часть представленного проекта получила одобрение. Рубин получил свой статус, вето Совета Миров потеряло силу, и беспокоиться было уже не о чем. Конечно, Кореин мог устроить нечто вроде перекрестного допроса, однако Ариана была уверена, что недруг побережет силы для более значительной схватки. Для поединка,

который Кореин сочтет намного более важным. Проект «Надежда» мог послужить чем-то вроде приманки. Де Франко, возможно, предпочтет воздержаться при голосовании. Но вряд ли станет молчать, когда начнется склока…

Помощники волной хлынули к двери за Советниками. Хорошо еще, что журналистов держали внизу вплоть до объявления об отсрочке заседания. Теперь предстоял двухчасовой перерыв на обед, затем — кадровые вопросы Комитета по науке. С последними было особенно тяжко, ибо процедура была на редкость затяжной и утомительной. Такие вопросы начали решаться в правительстве давно, однако в те годы Совет Девяти был небольшим исполнительным органом и работал куда оперативнее. Затем на протяжении всего одной человеческой жизни штат «Девятки» неимоверно разросся — со всеми вытекающими последствиями. Так что правительству приходилось заниматься вопросами, которые могли решить простые Секретари. Впрочем, одобрение требовалось чисто формальное.

Тем не менее Ариана не могла позволить себе почить на лаврах, пока коллеги не одобрили ее инициативу. Пока Совет Девяти не санкционировал, наряду с прочими осуществляемыми в

Ресионе проектами, использование генотипа кого-нибудь из здравствующих Особых.

Каждый год делались попытки протащить в Генеральном Совете запрет на осуществление проектов под эгидой Комитета по науке. Каждый год изоляционисты или им подобные группки сумасшедших старались поставить вне закона практику разведенияази и прочие эксперименты с человеческим материалом. И каждый год Совет Миров пресекал подобную инициативу. Однако не исключалось, что центристы могли на сей раз использовать в своих целях кого-нибудь из этих безумцев и помешать осуществлению проекта «Надежда», провалив соответствующий законопроект. Если радикалы сойдутся в этом вопросе с центристами, уныло рассуждала Эмори, то их объединенные голоса станут устойчивым противовесом партии экспансионистов.

Ариана переживала. Переживала с тех самых пор, как осведомители сообщили, будто центристы решили покинуть зал во время голосования. Беспокоила женщину и внезапная покладистость Кореина.

Доктор Эмори охотно попросила бы председательствующего вынести законопроект Комитета по науке на рассмотрение в первой половине дня,

если бы такая мера не показалась остальным подозрительно поспешной. Теперь же складывалась поистине парадоксальная ситуация: препятствия рушились одно за другим, задуманное стремительно воплощалось в жизнь — словом, все было на мази. Даже грозившая поначалу затянуться надолго сессия Совета Девяти должна была завершиться за какие-то три дня, чего раньше не бывало. Покончив с формальностями, члены «Девятки» могли наслаждаться спокойной жизнью обычных граждан по меньшей мере полгода.

Суть задумки сводилась к намерению подстегнуть работу правительства. Участники «Совета девяти» планировали собраться и урегулировать все вопросы, так или иначе затрагивавшие сферы их интересов, дабы потом предоставить «канцелярщину» заботам многочисленных служащих комитетов, выборным представителям Совета Миров, сенатов и иных советов.

Но члены «Девятки» не зря ели свой хлеб: каждый был профессионалом высочайшего класса. Собираясь на короткие заседания, они стремительно решали все дела, после чего столь же стремительно разлетались, дабы заняться своей основной деятельностью. Кое-кто из советников контролировал работу подведомственных коми-

тетов так ретиво и скрупулезно, как конституция не предусматривала. Впрочем, создатели конституции не могли предугадать ту важную роль, которую сыграли в последней войне ресионские разработки, не знали, в каком направлении пойдет развитие человечества. И уж конечно авторам основного закона и в голову не приходило, что Пелла порвет с Солом и Союзом, породив череду громких событий. Комитет по иностранным делам мыслился создателям как своего рода «тихая заводь», управляемая принятыми на дипломатическую службу профессионалами. Однако со временем Комитет по иностранным делам становился все более зависим от докладов Комитета по обороне, ибо непредсказуемые ситуации возникали одна за другой.

Комитет же по науке в свете недавнего открытия другой цивилизации на более важном, нежели звезда Пеллы, небесном теле попросту был вынужден принять на себя дипломатические функции и начать подготовку специалистов, которым, возможно, предстояло общаться с представителями загадочной цивилизации.

Комитет по гражданским делам неимоверно разросся и стал представлять непропорционально крупный избирательный округ. Ко всему

прочему тамошние избиратели выдвинули кандидатом человека прыткого и опасного, словно бы обладавшего способностью угадывать, где именно его подстерегает ловушка.

Возможно, Кореин не знал, что Де Франко безоговорочно поддерживала Эмори. Это объясняло бы желание Михаила рискнуть своим политическим будущим, покинув зал при голосовании. Он наверняка не тешил себя надеждой благополучно выбраться из передряги в отношении торговли, которую устроил Пан-Париж с подачи Лао. Кореин не был способен ни на что, кроме как тратить казенные деньги — что, без сомнения, могло вызвать раздражение в определенных кругах. И потому, рассуждала Ариана, Кореин вряд ли осмелится мешать прохождению ее законопроекта на голосовании.

— Доктор Эмори, — несмотря на помощников и телохранителей, плотной толпой окружавших директрису Ресиона, какой-то ловкач сумел дотянуться до ее руки. Тотчас к хозяйке метнулась Кетлин; по ее растерянному лицу можно было угадать напряжение девушки. Растерянность телохранительницы была вполне объяснима, ибо наглецом оказался не чей-нибудь помощник, которого можно было бесцеремонно оттереть в

сторону, а сам адмирал Городин. — Можно вас на пару слов?

— Простите, но график поджимает, — сухо отозвалась она, не испытывая ни малейшего желания общаться с человеком, на чье ведомство приходилась весьма ощутимая статья бюджета и кто запросто позволял себе бессмысленные, по ее мнению траты, в то же время въедливо цепляясь к вопросу о необходимости постройки всего лишь десяти кораблей по проекту «Надежда». К тому же адмирал водил дружбу с Кореиным. Ариана имела свои связи в Комитете по обороне и вполне ими обходилась, ибо ей хранили верность значительное число сотрудников спецслужб. И потом, Эмори полагала, что новые выборы в Комитет по обороне могут оставить без мандатов и Городина, и Лу. И теперь стремилась дать это понять Кореину. На случай, если тот жаждал драки.

— В таком случае переговорим на ходу, — не моргнув глазом, отозвался адмирал, чьи адъютанты уже успели смешаться с толпой сопровождавших Ариану лиц.

— Господин, прошу прощения, — вмешалась Кетлин, и тотчас сбоку вынырнул Флориан. Телохранители были безоружны — в отличие от военных. Впрочем, неравенство сил в случае чего

не смогло бы остановить Кетлин и Флориана, ибо они были ази, подчинявшиеся хозяйке, а не законам логики.

— Ничего, ничего, — успокоила Эмори переполошившихся телохранителей, подтверждая реплику небрежным взмахом руки.

— Из осведомленного источника я узнал, — начал Городин, — будто одобрение проекта «Надежда» уже у вас в кармане…

«Проклятие!» — мысленно выругалась женщина, чувствуя, как взволнованно забилось сердце. Но ответ ее прозвучал с завидным спокойствием:

— Возможно, ваш источник не ошибся. Но не стоит принимать все за данность.

Кореин расстроился. Выходит, он снова потеряет лицо…

«К чему же он клонит, черт побери?!» — гадала Ариана.

— Знаете, а ведь мы можем застопорить ваш проект, — бросил адмирал.

— Знаю. Но такой шаг не принесет вам выгоды. Так что вы, возможно, просчитали неверно.

— Среди сотрудников Де Франко у нас есть источник. А потому просчет исключен. А еще у нас есть источники в компаниях «Андрус» и

«Хейз». Как видите, чертовски лакомый кусочек. Что, неужели работы в Дальнем Космосе все-таки начнутся?

«Боже мой!» — мысленно ужаснулась она.

— Между прочим, — выразительно повел бровью Городин, — у «Хейза» на руках оборонные контракты…

— Не понимаю, к чему вы клоните. И потом, мне не хочется говорить о деньгах перед голосованием. Если вы полагаете подобную привычку правилом, то можете считать меня исключением из него.

— Я и сам — исключение из вашего правила. Но речь вовсе не о деньгах. Так случилось, что я направил своих людей переговорить кое с кем из компании «Хейз», едва только узнал обо всем. Все мы прекрасно понимаем, что ресионский замысел напрямую связан с законопроектом по Рубину. Вчера ночью мои сотрудники штудировали «Ресионскую хартию», и один из них — парень чрезвычайно дотошный — обнаружил там любопытную оговорку. Суть оговорки сводится к праву Ресиона объявлять частью административной территории любую вспомогательную лабораторию. То есть выходит, что ваш комплекс на Фаргоне будет неподконтролен тамошним

властям. Зато станет подчиняться вам. Окажется на правах независимой единицы Союза. Причем Рубин тоже имеет к этому отношение.

«Нет, сам он на такое не способен, — лихорадочно рассуждала женщина. — Черт, но теперь ничего не поделаешь. Кто-то проболтался, а он уже упомянул о «Хейзе» и «Андрусе». Скорее всего, они-то во всем и виноваты…»

— Все не так просто, — выдавила Ариана, когда они добрались до пересечения выводившей к балкону галереи и продолговатого зала, за которым располагались помещения Совета — куда она, собственно, и держала путь. Остановившись, доктор Эмори взглянула собеседнику в глаза и попросила: — Продолжайте!

— Проект представляет интерес и с военной точки зрения. Между тем ресионская лаборатория на Фаргоне слаба в отношении обеспечения безопасности.

В груди у Арианы все оборвалось: удар пришелся не с той стороны, откуда она его ожидала. И вообще, оброненная адмиралом фраза показалась ей сущей глупостью: с таким же успехом он мог печься и о торговых договорах.

— Адмирал, мы говорим не о лабораториях.

— А о чем тогда?

— Рубин собирается там работать. По большому счету, это будет его лаборатория.

— Вижу, вы свято верите в недюжинные способности этого молодого человека.

«Ловушка, — смекнула Ариана, — но только где?» А вслух бросила:

— В самом деле, он подает большие надежды.

— Мне бы хотелось обговорить вопросы безопасности, неизбежно возникающие при обсуждении проекта. Но до голосования. Это возможно?

— Послушайте, но у меня деловой обед!

— Доктор Эмори, мне в самом деле очень не хочется отсылать все в Комитет. Я пытаюсь сотрудничать с вами. Но, кажется, события развиваются слишком стремительно. У меня есть и другие заботы — полагаю, вы и сами это хорошо понимаете.

«Кто-то проболтался, — решила она, утверждаясь в подозрении. — И этот лис добрался до болтуна».

Но, обернувшись, госпожа Эмори велела Флориану:

— Передай Янни, что у меня проблема. Пусть позаседает вместо меня. Я прибегу, как только освобожусь.

Чуточку успокоившись, она посмотрела на

адмирала, сообразив, что последняя фраза прозвучала точно аргумент в споре, в то время как ее словам надлежало походить на несущиеся с фланга торпеды. «Ну, поговорим у вас или у меня?».

— Спасибо, — поблагодарила Ариана, принимая из рук Флориана чашечку кофе — он готовил этот напиток по ее любимому рецепту. В итоге она согласилась на предложение адмирала: уединиться в ее апартаментах, в зале для совещаний и даже в присутствии ее телохранителей. Только снаружи стояли адъютанты Городина.

Возможно, это был своего рода жест примирения.

Адмирал тоже пригубил кофе — крепкий черный. Впрочем, большинство высокопоставленных лиц в особых случаях предпочитали черный кофе — натуральный и редкий напиток, импортируемый с Сола, с южного полушария Земли. Пристрастие к кофе было одним из немногих недостатков, которые Ариана не только не собиралась изживать, но, напротив, бережно лелеяла. В отличие от Городина она предпочитала кофе с молоком. С настоящим молоком — то была еще одна слабость Советника по науке.

— Сельхозсектор все еще продолжает свою

работу. Но наступит день… — доктор Эмори осеклась. Женщина вдруг вспомнила, что Сайтин, когда здесь впервые начали заниматься сельским хозяйством, был настоящим адом, загрязненным силикатами. Первыми очагами сельского хозяйства стали глубокие долины, над которыми возводились специальные купола для поддержания с помощью особых устройств нужного микроклимата.

В ее мозгу промелькнуло еще одно воспоминание: холмы, покрытые, как казалось издали, бурыми и голубовато-зелеными пятнами. Над холмами гигантской паутиной тянулись провода. Установленные на тех же холмах колоссальные зеркала улавливали из космоса свет, который затем направляли вниз. Вращавшиеся по орбитам спутники для формирования погоды регулярно нагоняли на долины бури, ужасные бури. «Не пугайся, Ари, все хорошо, — утешала ее, бывало, мать. — Мы в безопасности. Это непогода ревет…»

Леонид Городин с выражением блаженства на лице мелкими глоточками пил кофе. И время от времени улыбался. Наконец, нарушив тишину, он бросил:

— В Комитете поговаривают, будто затея с

Рубиным — ваша личная инициатива. Вы только тем и занимаетесь, что подрываете паритет между нами и Альянсом, между нами и Солом. На эту тему у нас с Лу был разговор. Мы сильно обеспокоены.

— Но ведь мы должны заботиться о своей безопасности. Мы всегда о ней заботились.

— Доктор, скажите лучше вот что: ваш проект будет иметь какую-нибудь стратегическую важность?

«Вот она, ловушка!» — поняла Ариана. А вслух сказала:

— Если рассматривать дело с такой стороны, то даже изобретение новых унитазов может быть истолковано кем-нибудь из ваших советников как нечто, имеющее стратегическое значение.

Городин тактично рассмеялся и выжидательно замер.

— Хорошо, — тихо молвила женщина, — мы будем рассчитывать на то, что ваш Комитет выскажется в пользу проекта. Желаете перевести станцию в другое место — мы переведем ее. Возможно, даже на сайтинскую станцию. Как видите, мы сговорчивы. Единственное, нам не хочется терять Рубина.

— Неужели это так важно?

— Очень важно.

— Хочу сделать вам одно предложение, доктор Эмори. Вы поставили на повестку дня проект. И хотите протолкнуть его. Причем вы намерены протолкнуть проект быстро и легко, без придирок со стороны Комитета по финансам. Повторяю, в проволочках вы не особенно заинтересованы. Вы хотите вернуться в Ресион, мне не терпится возвратиться к моим любимым солдатам. Мне до черта надоело здесь. Вообще терпеть не могу появляться на публике.

— Мне тоже хочется домой, — призналась женщина, решив в подходящий момент сыграть на этой слабости адмирала.

— В таком случае поделитесь со мной информацией по фаргонскому проекту, — попросил военный.

— Скажем, это эксперимент в области генетики.

— Вы собираетесь оборудовать там лаборатории по последнему слову техники?

— Нет, только медицинский отдел. И проводить анализы. Естественно, без административной работы тоже не обойтись. Так что секретного оборудования там не будет.

— Стало быть, там не будет ничего нового.

— Говоря практическим языком, нет. То есть воспроизводства людей на Фаргоне не ждите.

Городин посмотрел на опустевшую чашку, потом — на застывших поодаль ази. И выразительно поднял пустую чашку.

— Флориан, — распорядилась Ари. Едва заметно кивнув, ази взял кофейник и налил адмиралу еще кофе. Городин задумчиво следил за идеально точными движениями телохранителя.

— Можете смело положиться на них, — успокоила собеседника Эмори, угадав его опасения. — Все в порядке. Наш разговор их не интересует. Как-никак они — лучшие творения Ресиона. Правда ведь, Флориан?

— Да, госпожа, — отозвался ази, подавая ей вторую порцию кофе.

— Красота и мозги, — сказала Ариана с улыбкой, но в глазах ее не было и тени веселья. — Между прочим, Альянс не захочет создавать подобные лаборатории. Им нет необходимости этим заниматься, ибо они не осваивают другие планеты.

— И тем не менее нужно все как следует обдумать. Кто станет управлять фаргонским комплексом?

— Янни Шварц.

Городин, нахмурясь, снова принялся прихлебы-

вать кофе из непропорционально крохотной для его габаритов чашечки.

«Ну вот, — подумала Ариана, — теперь что-то начинает проясняться».

— Вот что я вам скажу, доктор Эмори. Многие мои сотрудники возлагают большие надежды на больницу для умственно отсталых в Викинге. По чисто политическим соображениям мне хотелось бы обзавестись соответствующим комплексом вблизи станции Надежда, за которую вы так бьетесь. Нужно подходящее местечко, куда можно в случае чего посылать тяжелобольных. И чтобы Сайтин не мог забирать их в свой госпиталь.

— У вас есть на то особая причина?

— Речь идет о специальных операциях. О людях, чья психика подвергнется изменению. И о тех, чьи лица по понятным вам причинам мне не хотелось бы видеть рядом. Все это люди, ведущие беспокойную жизнь. На больших станциях они чувствуют себя выдохшимися, беззащитными. И определенно почувствуют себя куда лучше в любом из укромных ресионских местечек. Главное, только бы не на Сайтине.

Ариана нахмурилась, не желая более скрывать озадаченность. Доводы адмирала содержали зерно истины…

— Мне нужно только право доступа, — втолковывал Городин. — Право доступа туда, где мои люди могли бы чувствовать себя в безопасности. И чтобы я знал, куда они попали. Я, со своей стороны, готов выделить кое-какие резервы из скрытого бюджета. Выделить людей.

— Военных нам не нужно.

— Но ведь речь идет о единодушной поддержке строительства комплекса. Я в состоянии ее организовать.

— Обойдемся без военных — своими силами. К тому же мне не хочется просить у вас так много. Чего доброго, вы потребуете внесения существенных изменений в проект. Не хочу, чтобы ваши люди, снующие по Ресиону, в конце концов скомпрометировали мой проект. Другое дело, что военный госпиталь и наши помещения могут сосуществовать рядом. Но отдельно друг от друга.

— Пожалуй, мы договоримся. Но нужна надежная связь между нами и вами. Подошел бы человек, с которым мы вместе работали.

Мысль об этом была для Арианы подобна ледяному душу. Ей стоило больших трудов не выдать волнения и удержать руку в прежнем положении, не расплескав кофе из чашки.

— Кого же вы предлагаете? — сдержанно поин-

тересовалась женщина.

— Доктора Уоррика. Он разрабатывал тренировочные обучающие ленты. В общем, он нас устраивает.

— А вы его? — нарочито спокойно осведомилась хозяйка Ресиона.

— Спросим его самого.

— Знаете, адмирал, кажется, я догадываюсь, от кого вы все узнаете. Черт побери, я знаю, кто ваш источник. Что еще он вам выболтал?

— Вижу, вы уже делаете поспешные выводы.

— Нет. Я и сама боялась чего-то в этом роде. Выходит, вам нужен он? Вам понадобился человек, который руководил бы вашими самыми секретными операциями, с готовностью поступившись моими интересами.

— Я же сказал, что у меня за источники.

— Конечно, они у вас есть. Вам хочется подставить под удар кого-нибудь из людей «Хейза»... Какого-нибудь беднягу-инженера. Которого, уверена, в конце концов и обвинят во всех смертных грехах. Вам нужен Джордан Уоррик. Он хоть сказал, к чему ему все это?

— Он ничего мне не говорил.

— Адмирал, вы крепкий орешек, но вспомните, какой жизнью я живу. И сопоставьте ее с жизнью

Уоррика. Итак, что он вам наобещал? Предложил выступить с обличениями? Выходит, таким образом вы рассчитываете гарантировать мне покладистость Кореина?

— Доктор Эмори, вы отлично знаете, что я в состоянии выполнять свои обещания.

— Конечно, в состоянии. А Джордан Уоррик сулит вам мою голову на тарелочке. Обещает изменить расклад голосов в Комитете по науке. А теперь послушайте, какие шаги предприму я. Можете забрать его. Я распоряжусь о переводе не только Уоррика, но и всей его своры. Если хотите поставить его во главе секретнейшей лаборатории, дело ваше. Если он будет произносить речи и писать обо мне разгромные статейки, пусть! — Ариана поставила чашку на стол. — Ну что, адмирал, договоримся? Если все дело только в этом, то в проклятом городе мы долго не задержимся. Вы обеспечите моему предложению прохождение по тайному голосованию по проекту «Надежда». Если решение действительно примут единогласно, то необходимость обсуждать что-то дополнительно не возникнет. Договорились?

— Думаю, мы поладим.

Женщина улыбнулась:

— Вот и замечательно. Если хотите разместить отдел Уоррика на Фаргоне, это следует оформить официально. Надеюсь, ваши сотрудники с этим справятся. Мои все загружены делами. Впрочем, размещение в надежном убежище не к спеху. Верю также, что вы знаете, как получить необходимую для оформления бумаг подпись Уоррика.

Поспешно допив кофе, адмирал поставил чашку на стол.

— Спасибо, доктор Эмори, — пробормотал он. — Уверен, что все сложится к обоюдному удовольствию. — Поднявшись, Городин протянул руку хозяйке.

Ариана тоже встала и пожала адмиралу руку. И улыбалась ему все время, пока провожала до двери.

Кетлин закрыла за гостем дверь; при этом лицо ее оставалось непроницаемым, точно у часового на посту.

Флориан собрал со стола чашки, тоже стараясь не смотреть на хозяйку.

Ази отлично понимали, когда можно схлопотать нагоняй.

«Пособие по производству», аудиозапись.
Обучающая лента по генетике № 1.
2396 год по ресионскому летоисчислению.

«Ресионские общеобразовательные издания», 8970-8768-1.

Одобрено для 80+

Партия AL-5766: четыре единицы.

Техник начинает стандартную для Ресиона процедуру — пересадку заранее размноженного генетического материала. Неиспользованные десять единиц из партии AL-5766 остаются в генетическом банке данных — обычная процедура при работе с коммерческим и экспериментальным материалом.

AL-5766 — женские особи класса альфа. Альфа обладает высшим интеллектом в классификации неграждан от A до Z, от 150 по шкале Резнера и выше, вплоть до 215 — наиболее высокого результата из известных на сегодня AL-5766 имеет показатель 190 баллов, что граничит с гениальностью. Альфы создаются очень редко: только для выполнения специальных задач, для научных исследований, а также для колонизации в местах с относительно низкой плотностью населения и терпимым отношением к независимым суждениям. Альфы, лишенные возможности ранней социальной адаптации, подвержены расстройствам личности: лучшие успехи асоци-

альных альфа имеют положительную обратную связь с ранним началом обучения и ускоренным усвоением информации об окружающем мире, чтением и занятиями математикой при минимальном вмешательстве извне кроме как для поощрения. В случае с альфа успех наиболее надежно обеспечивает их воспитание в приемных семьях с первых дней после рождения: тогда их поведенческие и социальные установки полностью соответствуют естественно рожденным с аналогичными показателями по шкале Резнера. Всегда необходимо иметь в виду, что особенности генотипов ази и, до некоторой степени, их классификация заранее предопределены генетической картой, составленной специально для данного генотипа, и что недостатки альфа связаны, по всей видимости, в первую очередь с ошибками при составлении генетических карт.

При воспитании среди родственников AL-5766 демонстрировали приемлемые параметры развития, однако обнаруживали склонность к агрессии. При развитии в сообществах ази статистика AL-5766 совершенно неудовлетворительна: агрессивное поведение, депрессии, странные иррациональные стремления. Выявленные недостатки AL-5766 не поддаются исправлению через

генетическую карту и лишь иногда могут быть компенсированы вмешательством в воспитание, хотя в двух случаях определенное решение этой проблемы было достигнуто помещением объектов в условия военного времени с присущими ему тяготами и лишениями.

Однако исключительная способность AL-5766 к математике до сих пор не была востребована, а с 2353 года научные эксперименты с этим генотипом вообще не проводились. Но сейчас в Ресионе полагают, что способ корректировки проблем генетической карты найден; интерес к этому возник в связи с тем, что партия AL-5767 обрела все качества класса бета, утратив черты, делавшие партию 5766 одновременно выдающейся и требующей постоянных забот.

Группа состоит из четырех единиц, поскольку команда генетиков разработала два слегка различающихся способа исправления генотипа. Две единицы каждого типа обеспечат статистику для адекватного сопоставления с ранее собранным материалом. Использовать исходный генотип для контроля необходимости нет: статистика по AL-5766 ведется уже сорок шесть лет, и нет нужды подтверждать недостатки старого типа.

Яйцеклетка не имеет собственного кода, пока

не получит полный диплоидный набор AL-5766. Это стандартная процедура при размножении ази и граждан.

Матка, в которую вживляется каждое яйцо, заполнена биоплазмой и имеет способность сжиматься; указанная среда практически не отличается от естественных условий вынашивания плода. Система используется в Ресионе уже сорок девять лет и в точности воспроизводит все движения, звуки, химический состав и процессы обмена живой матки.

Партия EU-4651: десять единиц.

Особи из партии EU-4651 представляют собой четыре крохотные частички жизни, которым всего лишь сутки от роду. Все четыре имеют идентичный генетический код, способны активно делиться и расти во тьме маток. Особи мужского пола зачаты в идентичных условиях; как положено во всех таких случаях, десять особей хранятся в генобанке.

EU-4651 — старый тип класса эта, коэффициент по шкале Резнера колеблется между 90 и 95. Обладают исключительной устойчивостью. Представляют собой одну из самых удачных партий класса эта, обычно находящего применение

в промышленности и военном деле, причем не только на Сайтине; все исходные и обычные производные данной партии запатентованы. При обычном раскладе Ресион мог просто продать необходимые яйцеклетки в любом затребованном лабораторией количестве, но на сей раз на EU-4651, большинство которых используется на военной службе, поступила не совсем обычная заявка. Одна из особей этой партии выказала несвойственную и начавшую развиваться с опозданием способность действовать в экстремальных ситуациях, что подразумевает возможность перевода в другую категорию и дальнейшее усовершенствование типа при условии, что программа развития с учетом данной особенности может быть запущена либо на имеющихся особях, либо на будущих представителях типа EU-4651.

Партия RYX-20: двадцать единиц.

Генотип относится к классу ро, от 45 баллов и ниже по шкале Резнера. Ро — самый примитивный из всех классов ази, производимых Ресионом на коммерческой основе. Ази класса ро исключительно хорошо выполняют все задачи, а вмешательство извне минимально,

поскольку они не имеют тенденции отклоняться от программы. Способность противостоять нежелательному воздействию и так называемым «плохим обучающим лентам» делает их исключительно ценным исходным материалом при проверке новых программных структур, что в сочетании со склонностью к обычному труду подчеркивает особую полезность для Ресиона этих двадцати ази. В силу способности переносить длительное физическое напряжение они, подобно классам от тета до пи, обычно не подвергаются омолаживанию, которое, разумеется, мало препятствует износу опорно-двигательной системы; но они являются носителями ценной структуры, что внушает уверенность в успешном развитии генотипа.

Партия КВ — *-**-**-**-****: одна единица.

КВ-*-**-**-**-**** получен непосредственно методом криогенного воспроизведения, перевезен самолетом компании курьерской службы в Новгород, дабы в конце недели, если позволит погода, вылететь обычным рейсом.

КВ-*-**-**-**-**** получен из тканей семилетнего ребенка из ***, погибшего при неудачном падении. Матери ребенка было заявлено, что опыт

не предусматривает воссоздание идентичного человека; по закону такое воссоздание требует особого разрешения, но по желанию матери клонированный экземпляр может носить имя и обязан получить гражданский номер погибшего ребенка, став, таким образом, посмертной копией любимой дочери Сюзанны Х. (настоящие имя и гражданский номер не приводятся). Эмбрион будет развиваться в лаборатории ***, что потребует минимальных расходов — на перевозку емкости с эмбрионом обычным военным самолетом. Соответственно, в нужный момент ребенок будет доставлен из лабораторного эмбриофона к своей генетической матери.

Партия КВ-*-**-**-**** РП: одна единица.

Клонирование людей, желающих обзавестись своей точной копией, а не потомством со смешанным генетическим набором, стало желанным источником дохода для лаборатории, ибо расходы на производство одного такого объекта достигают 500 тыс. кредитов; но Ресион как исследовательский и научный центр не проявляет особого интереса к деятельности подобного рода, которую еще называют «клонированием тщеславия» — исключая, правда, воспроизводство редких

генотипов, представляющих коммерческий или научный интерес. Речь идет о находящемся в материнской утробе плоде. На практике Ресион полностью оплачивает расходы по криогенному воспроизведению материала, обозначенного как КВ-*-**-***-****: родительская особь, исключительно талантливая, проявляет желание обменять ценную генетическую информацию на одного из полученных потомков. Кроме того, родитель готов подписать доверенность на право передачи Ресиону права доступа ко всем интересующим его информационным материалам: Ресион будет хранить эти данные для дальнейшего использования в развитии генотипа, но обязуется не использовать генотип в коммерческих целях ранее, чем через пятьдесят лет после смерти родительской особи и ее копии.

Под кодовыми обозначениями А**-1 в хранилище закладываются десять генетических наборов.

Партия СХОЗ-789Х: одна единица.

Эмбриофон с СХОЗ-789Х (день от роду) располагается в большом здании на удалении от последнего корпуса, что на холме СХОЗ-789Х — экспериментальный образец (на это указывает приставка «Х»), очень близок к RYX-20 или EU-

4651, однако генетические коды RYX-20 и EU-4651 указывают на наличие двух ног, а СХОЗ-789Х — на четыре. Кроме того, в RYX-20 и EU-4651 генокоды определяют гладкую кожу, а в СХОЗ-789Х — гнедую шелковистую шкуру и весьма развитую способность к быстрому бегу.

СХОЗ-789Х — исключительно редкий материал земного происхождения и, по сути, попытка воссоздать живое существо, в чем успехи Сайтина были до сих пор невелики. Программа СХОЗ, предусматривающая не только воспроизведение животных, но и исследования в области ботаники, добилась более впечатляющих успехов в экспериментах с водорослями и нижними звеньями биологической цепочки, что когда-нибудь сможет поддержать потомков выходцев с Земли. Сделав широко разрекламированный жест примирения, Земля снабдила Сайтин генетическими кодами и данными всех обитавших на ней живых организмов, сделав особый упор на вымершие и находящиеся под угрозой истребления. Сюда же были включены генотипы человека, способные дать информацию, по каким-либо причинам отсутствующую в генетических хранилищах Союза и Альянса.

В ответ Союз открыл ученым с Земли свои

внушительные генетические хранилища — так было положено начало широкой программе обмена, результатом которой должно было стать всеобъемлющее выравнивание человеческих популяций Земли и Союза. Соответственно, предполагалось организовать запасы генетических данных на случай вселенской катастрофы или непредвиденной потери контактов.

Из двух планет, в настоящее время населенных людьми, одна — Низлежащая — конечно, является протекторатом, и потому нет никакой необходимости изменять там привычную среду обитания, что могло бы привести к исчезновению коренных обитателей. Человечество пребывает на Низлежащей в положении гостя.

Сайтин, не обладая столь благоприятными условиями для существования (самые развитые живые организмы там — платитеры и анкилодермы), представлял собой куда более подходящий объект для радикального переустройства. А способность генетического материала сохраняться в сайтинских условиях даже при необратимых изменениях климата и атмосферы по меньшей мере давала надежду на возрождение некоторых популяций в особо защищенных ареалах, если изменения выйдут за первоначально намечен-

ные рамки.

Формирование на планетах условий, аналогичных земным, нанеся непоправимый ущерб местным формам жизни, предоставило в то же время уникальную возможность изучения зон взаимодействия и сравнения адаптационных изменений у земных и туземных форм жизни, позволяя нам лучше понять катастрофические изменения, постигшие обитателей Земли в геологический период, и грандиозность перемен, грозящих людям в результате изменений привычной среды обитания.

Понимая, что генетические изменения неизбежны, хоть и не всегда желательны, Земля стала рассматривать Сайтин как хранилище генетической информации живых существ, находящихся под угрозой исчезновения. Некоторые более амбициозные проекты предполагали воссоздание среды обитания крупных млекопитающих, начиная с нижних звеньев биологической цепочки. По иронии судьбы план придания Сайтину сходства с Землей, угрожая коренным обитателям этой планеты, дает возможность воссоздать заново некоторые исчезающие экосистемы Земли и основать более хрупкие системы на Марсе — четвертой планете Солнечной системы.

Некоторые из предложенных на будущее изменений определенно кажутся весьма амбициозными.

Земля проявляет особый интерес к успешному укоренению на Сайтине китовых и высокоорганизованных приматов. Земляне предложили создать совместную исследовательскую программу, как только затея с китами оправдает себя, и заняться изучением развития китов и сравнения их жизни на Сайтине и на Земле.

Сайтин тоже находит такие проекты заслуживающими интереса в перспективе. Однако делающийся в настоящее время упор на создание земных условий существования и воспроизведение развития чреват быстрым возникновением проблем, связанных с крупномасштабными изменениями в атмосфере, с зонами взаимодействия, засоления и отложения минералов в Бухте Свигерта и в дельте широко освоенной Новой Волги, что обещает самые благоприятные условия для массированного развития морских культур.

ГЛАВА 2

1

С воздуха Ресион казался зеленым пятном, втиснутым в глубокую долину Новой Волги, окаймленной с обоих берегов полосками, год от года протягивающимися все дальше и дальше вдоль реки. На одной из полосок белели дома, питомники сельхозсектора, бараки — словом, далеко внизу под левым иллюминатором, возле которого имела привычку сидеть Ариана, распростерся ресионский комплекс. Госпожа Эмори убрала бумаги в кейс, щелкнула замками. И вовремя — самолет пошел на посадку, и рядом возник Флориан, готовый позаботиться о ее багаже.

Но кейс она оставила при себе.

Как обычно.

Шасси самолета коснулось взлетно-посадочной полосы, и под косо сходившимися к фюзеляжу крыльями замелькала бетонная лента. Подрулив к ресионскому терминалу, самолет плавно затормозил, и тотчас засуетилась наземная обслуга: те, в чьи обязанности входило обеспечение доставки на место пассажиров и багажа, чистильщики, механики — словом, все те, кто, как и в Новгороде,

должен был проделать с самолетом необходимые операции, начиная от обеззараживания и кончая постановкой в ангар.

Аэродромный техперсонал состоял сплошь из родившихся в Ресионе ази. Их обучение далеко превысило достаточный, по мнению Новгорода, предел. Впрочем, это можно было сказать обо всех служащих Ресиона.

Всюду были знакомые лица, знакомые типы — вся информация о них хранилась в банках данных.

Первый раз за последние дни Ариана Эмори почувствовала себя в безопасности.

Контроль прошли достаточно гладко, ибо наблюдение в Ресионе началось с момента, когда в отделе Жиро Ная узнали, что с аэродрома в Новгороде в воздух поднялся РЕСИОН-1 — причем с опозданием всего на час. Арси имела обыкновение неожиданно ломать графики и далеко не всегда посылала соответствующие предупреждения даже Жиро Наю — главе службы безопасности Ресиона. Впрочем, сегодня импульсивность Арианы не знала границ.

— Возьми инструктаж на себя, — велел Жирно Аббану, своему личному телохранителю, и тот кинулся ретиво исполнять приказание, заняв-

шись рассылкой протоколов и отчетов адресатам. Сам Жиро связался со своим братом Деннисом, сотрудником Администрации, и Деннис тотчас занялся подготовкой первого корпуса. Самолет начальницы в это время был уже на подлете к Ресиону.

Теперь оставались формальности, отработанная за многие годы процедура — РЕСИОН-1 приземлялся на аэродром, та доктор Эмори отправлялась в собственный корпус, к себе в апартаменты.

Вчера в Ресионе узнали, что обсуждение проекта «Надежда» состоялось. Фондовый рынок до того бурно отреагировал на это событие, что ситуация грозила потрясти весь космос сверху донизу, хотя аналитики поговаривали о процедурной затяжке. А затем последовала пресловутая хорошая новость — небольшая, но существенная. К скудному сообщению прилагалась короткая биографическая справка, составленная в Комитете по науке. Суть сообщения сводилась к тому, что неизвестный доселе химик с Фаргоны удостоился статуса Особого: выходило, что законопроект точно был принят. Совет провел заседание в рекордно короткий срок, уложившись в несколько часов, что вызвало еще более сильный переполох

на межзвездном фондовом рынке, ибо неопределенность он ненавидел сильнее, чем внезапные изменения в политике. Комитеты по информации всех членов Союза выступили с совместным аналитическим комментарием последних событий, лишив тем самым информационной пищи утренние выпуски новостей; маститые комментаторы-специалисты по законодательной деятельности изощрялись в толковании последних событий, обескураженные нежеланием даже оппозиционных Советников давать какие-либо интервью.

Правда, лидер фракции изоляционистов в центристской коалиции Янни Мерино согласился-таки на интервью: на телеэкране мелькали его вечно всклокоченные седые волосы, лицо было краснее, а риторика — резче обычного; господин Мерино требовал проведения общенационального референдума по вопросу доверия всему Совету и грозил выходом своей фракции из партии центристов. Впрочем, Янни Мерино не обладал количеством голосов, достаточным для организации такого референдума, но зато ему было по силам осуществить вторую угрозу. А Жиро Най все это время слушал новости, зная куда больше комментаторов, но наряду с ними

гадая, что за сделку заключили в Совете Девяти и почему Михаил Кореин вдруг решил поддержать Ариану Эмори.

Жиро ломал голову, не зная, как истолковать последние события.

Триумф Ресиона?

Или, может, политическая катастрофа? Страшное поражение?

Находясь на заседаниях в Новгороде, Ариана не имела привычки советоваться со своими — за исключением чрезвычайных случаев. А если и советовалась, то уж точно не по телефону и даже не по комитетским каналам связи; к ее услугам всегда были штатные курьеры и самолеты.

Не получив от Арианы предварительного уведомления, ресионцы тешили себя надеждой, что их начальница держит ситуацию под контролем.

Заранее намеченные протокольные мероприятия сорвались, Советники отменяли встречи одну за другой, а Советники с Русселя и Пан-Парижа без промедления кинулись обратно на сайтинскую станцию, дабы как можно скорее вылететь на Руссель. Вместо себя Советники оставили в Новгороде заместителей — наверняка предварительно проинструктировав тех, как следует

действовать.

Но братья Най явились встречать крохотный автобус не только и не столько в силу требований протокола. Проехав по дугообразной подъездной дорожке, автобус остановился у главного входа в ресионский комплекс.

Дверь автобуса открылась. Первой, как и следовало ожидать, вылезла облаченная в черную униформу службы безопасности Ресиона ази Кетлин; по бледному лицу телохранительницы пробежала тень тревоги. Ази отступила в сторону и помогла хозяйке спуститься. Ариане нужно было преодолеть одну-единственную ступеньку; одетая в светло-голубое платье и по обыкновению с кейсом в руке, она вышла из автобуса. Ее спокойное лицо не предвещало ни триумфа, ни катастрофы. И только когда женщина посмотрела на Жиро и Денниса, те поняли: беда.

— Поговорим у тебя в кабинете, — бросила она Деннису. Жиро продолжал рассматривать остальных выходящих из автобуса, среди них был и Джордан Уоррик. Между прочим, Уоррик не собирался прилетать одним с Арианой рейсом, ибо вылетел на РЕСИОНЕ-1 пять дней назад и планировал вернуться в конце недоели спецрейсом «Ресион-эйр».

Стало быть, действительно беда. Возвращение Уоррика вместе с Арианой было такой же катастрофой, как, например, внезапное объединение центристов и экспансионистов. Уоррик прилетел без своих служащих, прихватив только слугу, Пауля, который, беспокойно хмурясь, сжимал в руках багаж своего господина.

Аббан мог узнать последние сплетни от обслуги — от тех, кто считался полноправным членом Семейства и потому мог позволить себе говорить открыто. Отдав Аббану соответствующее распоряжение, Жиро заторопился вслед за братом и Арианой. Как только они вошли в корпус, тихоня-Флориан свернул налево, а Кетлин направилась следом за Сили — ази Денниса.

За всю дорогу до кабинета Денниса никто не проронил ни слова. Плотно прикрыв дверь, Деннис включил защищающее от прослушивания устройство. Теперь они могли спокойно все обсудить.

— У нас появилась проблема, — сообщила Ариана, кладя кейс на дорогой полированный стол хозяина и изящным жестом раскрывая чемоданчик.

— Неужели «Надежда» под угрозой? — полюбопытствовал Деннис, принимая из рук

начальницы папку. — Или Джордан выкинул какой-нибудь фокус?

— Городин сулит обеспечить единодушное голосование в поддержку «Надежды» при условии, что Джордан станет связующим звеном, обосновавшись в военном психиатрическом госпитале на Фаргоне — деньги на постройку лечебницы нам переведут в качестве скрытой статьи бюджета.

— Боже мой, — растерянно уронил Жиро, опускаясь на стул. — А теперь расскажи, как тебе удалось купить поддержку Кореина и почему одним из условий сделки Городин поставил перевод Джордана из Ресиона.

Теперь Жиро уверился: Ариану мучили сомнения.

— Он превратился в настоящую проблему, — пробормотала женщина.

— И мы не можем пальцем его тронуть, — с досадой бросил Най, чувствуя нарастающую панику: иногда Ариана забывала, что сама должна действовать в определенных границах и что всякой осмотрительности есть предел.

— А он на это и рассчитывает, верно? — догадался Жиро. Ариана опустилась на второй стул. «А голосование все еще впереди. До начала стро-

ительства голосовать по проекту необязательно. Все равно ассигнования мы уже получили».

Вспотев от волнения, Жиро отчаянно боролся с желанием вытереть лоб. От работы звукозавесы, что защищала от прослушивания, у Ная обычно начинали болеть зубы, но сейчас главным неудобством стал отвратительный холодок в груди.

— Что же, не все так печально, — подал голос Деннис, покачиваясь на стуле и сложив руки на объемистом животе. — Мы в состоянии все уладить. Джордан просто дурак. Мы хоть сейчас можем включить его отдел в состав Администрации вместе со всем штатом и материалами. Это, скажем, для начала.

— Он не настолько глуп, — возразила Ариана. — Нужно узнать, не пропало ли что из документации.

— Думаешь, он оставил что-нибудь в Новгороде?

— А кто мог ему помешать?

— Проклятие! — выругался Жиро. — Ари, я ведь предупреждал, предупреждал тебя.

Наклонив голову, госпожа Эмори искоса оглядела заместителя:

— Вот что я тебе скажу: даже если Уоррик уйдет,

его сынок Джастин все равно останется у нас.

— Но ведь нам еще надо пробивать бюджет на ближайшие пять лет! Как нам вести себя, когда Джордан распустит язык перед камерами?

— Об этом не беспокойся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он здесь, не так ли? Оставил своих помощников, вообще весь свой штат в Новгороде — прихватил только Пауля. Я не стала припоминать ему утечку информации. Просто послала Флориана передать ему несколько слов. Так что Уоррик в курсе, что мне все известно.

— Но если его хоть пальцем тронуть… Послушай, вряд ли он отважился бы на такое без предварительной подготовки. Кто знает, сколько бед он еще может нам принести. И неизвестно, что за информацию он тайком вывез из Ресиона. Боже правый, я и подумать не мог…

— Да, Джордан припомнил все свои мелкие обиды — отказы в переводе из Ресиона, скандалы из-за сотрудников. Но наши отношения все еще более-менее дружеские. Да, между нами существуют политические расхождения. Между прочим, даже в дороге мы успели поцапаться по одному вопросу. А потом улыбались друг другу за стаканчиком. А, собственно, почему нет? Всегда

можно сказать, будто я поверила Городину.

— Он прекрасно знает, что ты ему не доверяешь.

— И более того — он знает, что я знаю, что он об этом знает. Поэтому мы мило улыбаемся друг другу. И вообще, я нисколько не беспокоюсь. Он уверен, что я и пальцем не пошевельну до тех пор, пока не разузнаю, что попало к нему в руки. У него есть возможность управлять ситуацией. Наш Особый из отдела образования полагает, будто все складывается в его пользу. Он сделал главную ставку на то, что события будут развиваться в нужном ему направлении. Вот увидишь — скоро он сделает мне контрпредложение. А я выдвину свое. Таким образом мы продержимся несколько нужных месяцев, то есть потянем время. Он не сомневается в своей способности просчитать каждый мой шаг. Ничего, еще посмотрим. Ладно, пойду к себе. Уверена, что Флориан уже все там проверил. Приму душ, отдохну немного и посмотрю сводки. И плотно покушаю. Сегодня у меня официальный ужин. Что поделаешь — конец сессии, не так ли? Кетлин позаботится насчет меню.

— Я распоряжусь, — буркнул Деннис, а его брату стало не по себе от одной только мысли о еде.

— Не все так прискорбно, — успокоила заме-

стителей госпожа Эмори. — Смотрели новости? Коалиция центристов утром затрещала по всем швам. Кореин очень расстроил Янни Мерино. Старый пройдоха Кореин действует слишком тонко, чтобы Мерино во всем разобрался. Люди Кореина наготове, сейчас он наверняка отдает последние приказания — изоляционисты как пить дать почуют, что дело нечисто, не так ли? Так что пусть изоляционисты устраивают пикеты и снова болтают о ликвидации лабораторий. Все это должно несколько обеспокоить умеренные круги.

— Но ведь именно здесь Джордан может ужалить нас сильнее всего! Стоит ему встретиться с репортерами…

— Неужели ты думаешь, что изоляционисты поверят словам ресионца?

— Если он станет болтать толково, к нему наверняка прислушаются.

— В таком случае мы можем как-то скомпрометировать его, верно? Джерри, подумай над этим. Кореин скоро перестанет идти на уступки — нет, голосовать за основание ресионской лаборатории в точном соответствии с проектом «Надежда». Изоляционисты пока не поумнели, только чуточку притихли, но и мы не сидим

сложа руки — у нас тоже есть глаза и уши в их рядах. Нужно отвлечь Кореина — пусть займется собственными неурядицами. Городину может показаться, что возникшая шумиха немного сильнее, чем он рассчитывал; нам всегда есть что ему предложить — адмирал всю жизнь пытается усидеть на двух стульях. Вот с Лу могут быть проблемы — этого голыми руками не возьмешь. Но его можно переубедить. Наш проект — как раз то самое, что поможет нам подступиться к Лу. А потому ознакомься с раскладом сил повнимательнее — не мне учить тебя, что здесь нужна крайняя осторожность. Воспользуйся своими знакомствами среди военных. Комитет по науке отправляет специальный корабль — известить Рубина о присуждении ему статуса Особого. Ну и, конечно, они позаботятся о безопасности Рубина — теперь его поселят в охраняемой резиденции в фаргонской Синей зоне. «Атлантис» отправляется на Фаргону в воскресенье — со всей командой…

— Харого тоже полетит? — спросил Деннис.

— Обязательно. Все должно пройти гладко. Он пронесет через таможню все, что нужно. А «Атлантис» летит ох как быстро!

— Но военные могут нагнать его, даже остановить!

— Да, есть такой риск. Но Харого на мякине мне проведешь. К тому же у себя на станции он сразу ощутит прилив уверенности. Не забывай, он везет второй по величине за всю историю Фаргоны строительный контракт. Но сначала, конечно, нужно дать ход «Надежде». Полагаю, проблем не будет. Если центристы вздумают мешать Рубину, Харого поставит их на место — даже не сомневайся. Харого для нас — тяжелая артиллерия. Кстати, ты видел по телевизору наш рекламный ролик? Рубин выглядит этаким большеглазым невинным созданием. Весь в науке, но чрезвычайно уязвим. Я подумала, что это должно сработать.

— Но это могут использовать и против нас, — заметил Жиро.

— Думаю, Харого стоит доверять. Иногда приходится пускать дела на самотек.

— И даже Уоррика?

— Если в то время он еще будет им нужен.

2

Сидя за столом, Ариана кротко улыбалась. Положив себе в тарелку порцию салата и винегрета, женщина щедро сдобрила еду ложкой тертого кейса — синтетического сыра, образованного подсолеными дрожжами, самого первого лакомства жителя космоса. Когда-то так ела ее мать, и верная ее памяти Ариана импортировала кейс с другой планеты. Тем более, что подобное удовольствие обходилось ей очень дешево.

Но почти все Семейство — то есть ресионский коллектив — терпеть не могло кейс.

Обед был организован в официальном зале: длинный стол предназначался для Семейства; его окаймлял подковообразный стол для ази, к которым здесь относились лучше, чем к иным родственникам. Но ази было вдвое больше обычных ресионцев, потому их и усадили за отдельный стол такой причудливой формы.

Сама доктор Эмори восседала во главе стола — с того самого дня, как умер дядя Джеффри. Справа от начальницы — Жиро Най, слева — его брат Деннис. Дальше справа — Янни Шварц, соответственно по левую сторону — его сестра

Бет, напротив нее — узколицый и длинноносый сын Бет и Жиро Ная, молодой Сули Шварц, выглядевший, как всегда, задумчивым. Парню было шестнадцать лет, и он постоянно изнывал от скуки. Затем слева и, соответственно, справа и еще раз справа разместились Петрос Иванов и его сестры Ирина и Катрин, следом — последнее увлечение Катрин: темнокожий Мори Карнат-Най; старая Джейн Штрассен в строгом черном платье с обильным серебряным шитьем выглядела вдовствующей императрицей, а ее дочь Юлия красовалась в зеленом платье с глубоким декольте, далее — двоюродный братец Патрик Карнат-Эмори, в котором было куда больше от Карната, чем от Эмори, ибо он был неисправимым растяпой. Вот и сейчас Патрик стыдливо стряхивал с колен упавший с вилки кусок. Чуть дальше виднелась дочь Патрика Фиделия Карнат, миловидная, с оливково-смуглой кожей, рядом — ее тридцатидвухлетний сын Жюль, родившийся, как установила генетическая проверка, от Петроса, а не от Жиро, как считалось раньше. Дальше сидели Роберт Карнат-Най и его дочь, молодая Юлия Карнат, и в самом конце, разумеется, Джордан и Джастин Уоррики, на первый взгляд казавшиеся отцом и сыном — но при условии,

что для вас оставалось тайной их родство и вы не видели Джордана лет тридцать назад; по сути же они были близнецами.

Тщеславие, кругом тщеславие…

У Джордана была бурная молодость — а у кого ее не было? Но когда пришла пора продолжения рода, передачи наследственности, Уоррик-старший не доверился ни природе, ни женщинам. Возможно, в нем взыграла мания величия. А может, он, будучи Особым, просто загорелся идеей произвести на свет другого Особого.

Копия гражданина — не ази. К примеру, в статусах того же юного Джастина и сидевшего с ним ази, элегантного рыжеволосого Гранта, имелись существенные различия, хотя молодые люди были чрезвычайно похожи и появились на свет в одной лаборатории с разницей в какой-нибудь день. Но семнадцатилетний Джастин — темноволосый, с квадратным подбородком и широкими плечами, поразительно напоминавший Джордана в молодости, имел регистрационный номер КВ-976-88-2355 РП, то есть принадлежал к категории Граждан, на что красноречиво указывала могущественная приставка РП (то есть «родительская»). Парень был почти точной копией «отца», если не принимать во внимание такие

незначительные детали, как след от перелома на носу Джордана, шрам на подбородке Джастина и различия в воспитании и способностях обоих. Когда Джастин только начал развиваться в эмбриофоне, проект «Бок» уже потерпел крах, однако (что очень забавляло Ари) Джордан продолжал вполне серьезно уверять всех, будто его программы и гены в конце концов преодолеют все препятствия.

Парень получился что надо. Но все равно неточная копия Джордана — и слава Богу.

Что до Гранта, то он значился в ресионских регистрах как ALX-972, экспериментальный образец: творение самой Эмори, утонченный до крайности, с отличным происхождением — словом, генотип другого Особого, однако Ариана, руководствуясь юридическими соображениями, исправила генетический промах, случайно придав иное выражение нескольким эстетическим «впадинам». Оказалось, что оплошность эта вылилась в появление на свет потомка щуплого, чуть близорукого рыжеволосого паренька-биолога с больным сердцем, хотя разница между отцом и сыном получилась ошеломляющая.

Биолог из Гранта тоже не вышел. Грант был способным студентом, изучавшим развивающееся

программирование, альфа, умеющим выполнять работу, благодаря которой появился на свет он сам. Паренек работал со структурами, в которых скрывалась юридическая причина различия в статусах его самого и Джастина. Именно в силу такой структуры, а вовсе не из-за изменений в генотипах или отличий в выносивших их эмбриофонах, и различались братья Уоррики.

После рождения одного младенца отдали отцу, дабы мальчик мог посапывать в колыбельке. Дома, временами не слыша ни звука, поскольку у отца не было времени, так что иной раз даже кормили малыша не вовремя, а уж если ребенку случалось испугаться какого-то шума…

Второй новорожденный попал в особую колыбельку, где биение человеческого сердца время от времени прерывалось звуком ласкового голоса, где каждое движение отслеживалось, крик — регулировался, реакция задавалась по часам; затем в течение трех лет — воспитание и обучение с применением изощренных обучающих лент, после чего Ариана попросила Джордана забрать малыша к себе.

В просьбе начальницы не было ничего необычного: дети-потенциальные альфа как правило брались на воспитание в семьи, а отношения Эмо-

ри и Уоррика в то время были хоть и бурными, но деловыми. Ресионец с сыном того же возраста подходил для воспитания ребенка как нельзя лучше, вдобавок даже в Ресионе не всякому выпадает удача обзавестись таким незаменимым помощником, как альфа.

В тот день Эмори поведала Джордану, что возлагает на Джастина большие надежды. «То, что Джастин и Грант вместе — почти естественно, — сообщила она. — Мне бы хотелось, чтобы такое положение сохранялось как можно дольше, пока я работаю с тестами и обучающими лентами для Гранта. Личностная основа играет первостепенную роль, как ты сам понимаешь».

Ариана имела в виду, что Грант, ази по рождению, мог со временем быть отдан под опеку Джастина, а это, в свою очередь, подразумевало ее веру в возможность юного Джастина получить право на работу с альфа — то есть в то, что квалификация позволит Уоррику-младшему заниматься альфа.

Доктор Эмори не слишком удивилась, когда все стало складываться именно так. Вмешаться в процесс пришлось лишь однажды, но и внесенное изменение не носило существенного характера и потому не затрагивало умственное развитие

ази… хотя, принимая во внимание некоторые параметры, главным в создании генотипа все равно было не это.

Столь удобным способом Ариана приобрела надежное средство давления на беспокойного Джордана, хотя в смысле информации ничего не получала, ибо десяти-тринадцатилетний ази вряд ли знал нечто, неизвестное ей.

Однако дальновидная хозяйка Ресиона приберегала это средство на будущее, ибо кто знал, как станут разворачиваться события?

Доев салат, Ариана затеяла невинную болтовню с Жиро, пока прислуга уносила посуду и вносила следующее блюдо — великолепную ветчину. Привезенные с Земли свиньи прижились в Ресионе при обильной кормежке с огородов как нельзя лучше. Свиньи расплодились в достаточном количестве, так что теперь их потомства могло хватить на несколько ферм. Кроме свиней, в Ресионе разводили коз — и те и другие шли людям в пищу едва ли не с сотворения мира. Умные животные идеально подходили для местных условий, ибо оказались достаточно сообразительны, чтобы не схватить случайно пару ядовитых листочков с ветки незнакомого кустарника.

Но зато с лошадьми и коровами проблем воз-

никало множество.

— Кстати, знаешь, — как бы между делом обронила Ариана, расправляясь с поданным на десерт приятным на вкус мороженым, — нам предстоят далеко идущие кадровые изменения.

Увидев настороженные лица, Ариана поразилась: оказывается, многие внимательно слушали ее разговор с Деннисом. В зале воцарилась мертвая тишина.

— Уверена, что проект «Надежда» без труда получит одобрение, — продолжала доктор Эмори, убеждаясь, что сотрапезники теперь откровенно слушают ее, бросив изображать увлеченных едой гурманов. Улыбнувшись своим, женщина отложила ложечку и подняла чашечку с крепким кофе: — Вы знаете, о чем я. Проблем для нас не существует. Не верьте выпускам новостей. Дело подвигается вполне сносными темпами, как и запланировано по графику. Перед нами открываются блестящие перспективы, да, блестящие. Причем в дополнение ко всему на Фаргоне будет выстроена военная психиатрическая лечебница. Что принесет реальные изменения в операции, которые мы собирались там осуществлять. За это следует поблагодарить Джордана — он обеспечил нам не только быстрое и легкое прохождение

проекта «Надежда» на голосовании, но и организовал дополнительную лабораторию. Именно так. Да, он постарался на славу.

Лицо Джордана оставалось бесстрастным.

— Теперь можно не притворяться. Мы дома, и телекамер здесь нет.

Ари лучезарно улыбнулась:

— Джордан, я вовсе ни в чем не обвиняю тебя. Прости, если мои слова тебя задевают, но ты оказал и Ресиону, и мне большую услугу. И потому мне хочется достойно отблагодарить тебя.

— К черту!

Хохотнув, Эмори отпила кофе:

— Джорди, дорогой, я знаю, что ты рвешь и мечешь; но так случилось, что меня навестил Городин и я намерена преподнести тебе на тарелочке все, чего ты добивался. Ты получишь долгожданный перевод на новое место, причем можешь забрать с собой из своего штата всех, кто изъявит желание переселиться на Фаргону. И можешь сделать это немедленно, как только военные пришлют запрос по официальным каналам.

— Что такое? — удивился Янни Шварц.

— Я бы не сказала, что все так уж плохо, — откровенно призналась Эмори, продолжая

улыбаться. — Янни, я вовсе не собиралась преподносить тебе сюрприз — это Джордан преподнес мне его. Считаю, что как следует подумать над моими словами должны все — и те, кому по душе отправиться жить на границу, и те, кто предпочтет остаться в спокойном Ресионе. Видит Бог, кое-кому будет недоставать ветчины и свежих фруктов. Но зато на Фаргоне открываются такие перспективы, что стоит серьезно задуматься. — Снова глоточек кофе — медленный и задумчивый, с одновременным взглядом Джордану в глаза. — Разумеется, образовательный отдел продолжит работу. Кое с кем, как вы понимаете, мы расстаться не можем. Вряд ли имеет смысл воссоздавать отдел в прежнем виде — думаю, его стоит переформировать. — Ариана позволила себе улыбнуться шире, давая понять, что пошутила. Опомнясь, Сули Шварц испытующе оглядел соседей, стараясь угадать, стоит ли рассмеяться. — Джорди, тебе придется порекомендовать нам кого-нибудь.

— Порекомендовал бы, — в тон собеседнице отозвался Уоррик. — Да только боюсь, что у тебя давно составлен список более подходящих кандидатур.

Она снова игриво рассмеялась:

— Конечно, так и есть. Но я действительно всегда стараюсь уважать твой выбор — в конце концов, надо полагать, что все, указанные в твоем списке, пожелают переехать на Фаргону, ибо они нужны тебе. Янни, ты должен обсудить это с Джорди.

Присутствующие откровенно насторожились. Молодой Сули, кажется, смекнул наконец, в чем дело; а может, он просто впервые в жизни понял, что трапеза в парадном зале — не обед с молодежью в столовой. Все — и Семейство, и ази — застыли, точно боясь шелохнуться.

Деннис звучно откашлялся, нарушив тишину.

— Что же, — молвил он, — если на то пошло, Ари, тогда… — Снова выразительное покашливание. — Кажется, вчерашних пирожных сегодня отведать не удастся, так ведь? — Вопрос прозвучал откровенно тоскливо…

— Так точно, господин, — сообщил официант, тотчас выскакивая за дверь, а Деннис принялся ложечкой сыпать сахар себе в кофе.

— Гм-м-м-м. Кажется, в Ресионе это — самое важное, не так ли? Ари, Джорди, Янни — мы ведь думаем об одном и том же: как свободно трудиться. Все мы не переносим бюрократической волокиты, ибо приходится тратить на нее массу

времени, а у нас есть более важные дела, нежели препирательства с мелкими чиновниками из Новгорода. Уверен, что особую важность представляет вопрос, вправе ли руководство станций управлять у себя так, как им удобно, но речь даже не о том, что и как мы должны решать. То есть я имею в виду, что суть затеи с комитетами заключается совсем не в том, чтобы отрывать заслуженных людей от работы. Совет определенно не представляет серьезного препятствия для Кореина, Чавеза или, положим, Богдановича, но держать Городина на коротком поводке невыгодно. А Комитет по науке — это ведь полное убожество! Ари, я хочу сказать, что не стоит тратить время и силы на…

— Не знаю почему, — послышался с другого конца стола голос Уоррика-старшего, давнего, как и их работа в Ресионе, оппонента доктора Эмори, крепко державшего слегка под наклоном бокал вина, — но наша милая Ари уверена, будто вся Вселенная принадлежит ей.

Ариана рассмеялась, лишь бы не молчать и не показаться невежливой. Засмеялись и остальные, поскольку выбора у них все равно не было: поступить иначе значило устроить Чрезвычайное Происшествие. Этого не желал никто, даже

сам Джордан.

— Что же, тебе тоже подвернется такая возможность, верно? — осведомилась женщина. — Проект «Надежда» непосредственно связан с Фаргоной, так что ты станешь работать с нашими старыми друзьями. И потому одиночество тебе не грозит. Будь я моложе, Джорди… чтоб мне провалиться, я ухватилась бы за эту возможность обеими руками! Но Деннис прав. Курс намечен, и мне пора приниматься за работу — да и ты, как я вижу, жаждешь заняться делами. Мне претит мысль о том, что я взваливаю на тебя очередную бюрократическую задачу, но без твоего заключения мне не обойтись. В самом деле, нам придется формировать образовательный отдел заново. Для тебя открывается замечательная возможность передать нам свое наследство Джорди, я серьезно…

— Я ведь сделал уже через криогенную технику! — отозвался Уоррик. Снова беспокойный смех. Затем Джордан уточнил: — Или нужен еще образец?

Засмеявшись, Ариана отпила кофе.

— Что? — переспросила она. — Странно, Джорди, я полагала, будто ты пошел другим путем. Впрочем, у нас есть второй источник.

Джастин покраснел. Сидевшие за столом тотчас дружно посмотрели на юношу, дабы убедиться, что тот действительно смутился. И опять смех — только на сей раз не такой дружный.

— Уверен, что Джорди не откажется от сотрудничества, — вмешался Деннис, после чего прислуга собрала и унесла из зала все ножи: древнее правило — во время перебранок убирать подальше явное и потенциальное оружие. Здесь умели мстить, изощренно и быстро.

— И я так считаю, — заверила Эмори. А затем, посерьезнев, добавила: — Но без реорганизации не обойтись. Придется мне спихнуть часть работы в Совете на доверенное лицо. Поскольку мы уже пробили основные проекты, то проблемы там возникнуть не должны. Если уж я вдруг понадоблюсь, то в любое время могу слетать к ним. Но Деннис прав: мне сто двадцать лет…

— Даже чуть больше, — вставил Деннис.

— Да, но я вижу явное препятствие, — пояснила Ариана, снова отмечая тишину в зале. — Проект «Рубин» отнимет у меня массу времени. На здоровье я не жалуюсь. Но и вы, и я знаем, что на воплощение в жизнь подобного проекта требуется определенное время. А потому я намерена перепоручить основное руководство затеей с Фар-

гоной твоим заботам, Янни. Что до меня, то я буду запрашивать информацию из соответствующего отдела и все такое прочее. Хочу проконтролировать ход работ сама — меня обуяло желание окунуться в прежнюю атмосферу. Возможно, сюда примешивается и тщеславие.

— Женщина усмехнулась. — Сяду писать книгу, заодно выполняя кое-какие исследования — думаю, мне пора готовиться уйти на покой.

— К черту! — бросил Джордан.

Улыбнувшись, доктор Эмори выразительно закрыла чашку ладонью, едва официант вознамерился налить ей еще кофе:

— Нет, любезнейший, я достаточно уже наглоталась кофеина, а потому мне пора к себе. Туда я и отправлюсь, принимая во внимание, что собрание все еще волнуется — мы ведь здорово переволновались из-за Каукаша, не так ли? К тому же в Новгороде я плохо спала Кетлин!

Послышался шум отодвигаемого стула, и Кетлин, а следом и Флориан оказались подле хозяйки. Кетлин предупредительно пододвинула к столу опустевший стул Арианы.

— Всем спокойной ночи, — пожелала доктор Эмори и, обернувшись к Флориану, вполголоса распорядилась, когда сотрапезники начали рас-

ходиться: — Передай Гранту, чтобы зашел.

— Госпожа?

— Он мне нужен, — пояснила Ари. — Передай, я подыскала ему новое задание. Все равно Джордан не имеет юридических прав на Гранта — да он и сам наверняка это понимает.

3

— Минуточку, — пробормотал ази Флориан, когда Джастин и Грант направились было вслед Джордану и Паулю среди прочих закончивших трапезу, поскольку ази тотчас же разошлись по делам.

— Потом, — досадливо бросил Джастин. Сердце юноши учащенно забилось — как всегда, когда он оказывался рядом с Арианой или ее телохранителями. Взяв Гранта за руку, Джастин потащил его дальше, однако Флориан решительно загородил ему дорогу.

— Прошу прощения, — пробормотал Флориан, делая виноватое лицо. — Госпожа велела передать, что ей нужен Грант. Теперь он приписан к ней.

Поначалу Джастин не поверил собственным ушам, а Грант — тот просто поник.

— Он может забрать свои вещи, — сообщил Флориан.

— Передай ей мой ответ: нет, — вспыхнул Джастин, с опозданием замечая, что они мешали пройти семье Шварц. Спохватившись, Джастин кинулся в сторону, потащив за собой и Гранта,

однако Флориан и не думал оставлять их в покое. И тогда юноша распорядился: — Передай ей… Передай… Проклятие, скажи, что если она хочет сотрудничать со мной, то пусть отвяжется от Гранта. Он должен остаться при мне.

— Мне очень жаль, господин, — как всегда учтиво ответил Флориан, — но она сказала, что все уже решено. Пожалуйста, поймите меня правильно. Гранту нужно получить свои вещи. Мы с Кетлин станем помогать ему во всем.

— Все равно у нее ничего не выйдет, — успокоил брата Джастин, наблюдая, как Флориан возвращается обратно в глубину зала, где осталась госпожа Эмори. Юноша похолодел от ужаса, и переполненный желудок показался ему камнем. — Подожди здесь! — Отец и Пауль остановились в коридоре в ожидании юношей. Джастин мгновенно добежал до отца, стараясь только, чтобы на его лице все это время оставалась гримаса вполне объяснимого раздражения. Мысленно он твердил себе, что ни в коем случае не должен бледнеть, хотя это наверняка уже случилось. И спокойно сообщил отцу: — Там что-то с проектом. Мне придется немного задержаться.

Джордан кивнул, хотя у него наверняка были вопросы. Впрочем, объяснение сына его вполне

устроило. Развернувшись, Джастин помчался обратно, туда, где его ждал Грант. Положив руку на плечо брату, Джастин повел его к Эмори, которая как ни в чем не бывало продолжала беседовать с Жиро Наем.

Джастин выждал несколько секунд, и наконец хозяйка Ресиона удостоила его вниманием. Затем она что-то сказала Жиро — явно на прощание, поскольку тот, развернувшись, оглядел юношей и ушел.

Ари выжидательно уставилась на братьев.

— Что там насчет Гранта? — бросил Джастин, оказавшись лицом к лицу с женщиной.

— Он мне нужен, — отозвалась та. — Вот и все. Ведь он — генотип Особого, и потому пригодится мне в работе. Он просто понадобился мне сейчас, вот и все. Так что не относите мое решение на счет последних событий.

— Мы и не относим. — Паренек все-таки не выдержал. Ему, в конце концов, было семнадцать — не самый подходящий возраст для переговоров с женщиной, столь же могущественной, сколь и отец. Джастина одолевал соблазн ударить ее. Но это, понятно, был не выход. Ибо власть в Ресионе принадлежала Ариане. Она могла позволить себе сделать что угодно. И с кем угодно. Это Джастин

усвоил давно. — Что вам нужно? Чего вы от меня добиваетесь?

— Я же сказала: не стоит искать в моем решении подвох. Я не настолько мстительна. Что до Гранта, то пусть собирает вещи. Я даже могу предоставить ему несколько дней — пусть успокоится. Вы еще увидитесь. В конце концов, ты ведь работаешь в том же отделе.

— Вы хотите перепрограммировать его!

— Но ведь он для этого и создан, не так ли? Он — объект для экспериментов. Должен же он как-нибудь окупать свое содержание!

— Черт возьми, но ведь он зарабатывает свой хлеб моделированием, он вам не какой-нибудь подопытный кролик! Он… — Джастин умолк, ибо с языка у него едва не сорвалось «Он — мой брат».

— Мне жаль, что ты рассуждаешь так необъективно. Лучше остынь. У тебя все равно нет допуска к работе с альфа, и ты его не получишь, если не научишься владеть собой. Ты даешь ему невыполнимые обещания, а это означает, что ты обращаешься с ним против правил, понимаешь? Ты его обидел. Кто знает, что еще ты успел натворить. Уже сейчас мне ясно, что нам предстоит долгий-долгий разговор — о том, кто такие альфа,

и что ты сделал с этим альфа, получишь ты или не получишь соответствующую лицензию. Здесь, дорогой, нужен не просто ум, но и способность действовать, исходя не только из желаний и убеждений. Тебе пора это понять.

— Ладно, ладно, я сделаю, как вы хотите. И он тоже. Только оставьте его со мной!

— Успокойся, понятно? Не кипятись. Я ни за что не оставлю альфа с человеком такого склада. К тому же… — Ариана побарабанила по груди Джастина. — Мы знакомы не первый день, и ты хорошо знаешь, что я умею добиваться своего. Кроме того, ты понимаешь, что неизбежно сдаешь позиции, едва начинаешь пикироваться с кем-нибудь, особенно из профессионалов. Вытри глаза, приведи себя в порядок, отведи Гранта домой и проследи, чтобы он собрал свои пожитки. Вы должны его успокаивать, а не стращать. Где же твои родственные чувства?

— Черт побери, чего вы добиваетесь?

— Уже добилась. Давай-ка, иди и делай, что я велю. Станешь работать со мной. А утром чтобы был как шелковый, ясно? Все, ступай!

— Я…

Повернувшись, Ариана удалилась через служебный выход, за которым находились

технические помещения и лифт; Кетлин и Флориан красноречиво преградили юноше путь. И Джастин понял: ничего не поделаешь, ибо ази непробиваемы.

— Флориан! — донесся издалека нетерпеливый голос хозяйки. Заслышав оклик, ази заспешил следом за ней, оставив напарницу охранять выход, что было еще хуже, ибо более решительной Кетлин ничего не стоило наградить Джастина мощным ударом, сделай он лишний шаг вперед…

— Не ходите туда, господин, — предупредила девушка-ази. — Иначе мне придется арестовать вас.

Резко развернувшись, Уоррик-младший кинулся к другой двери, где истуканом стоял Грант: он все видел и слышал.

— Идем! — бросил Джастин, хватая брата за руку. Обычной реакцией на такой жест было бы легкое сопротивление из-за рефлекторного сокращения мышц. Однако сейчас ничего такого не последовало: Грант просто покорно поплелся за братом и продолжал идти, когда Джастин отпустил его руку. За всю дорогу до коридора братья не обменялись ни словом. Лифт в мгновение ока домчал их на третий уровень жилых помещений.

— Почему она поступает так?

— Не знаю. Не знаю. Без паники. Все утрясется.

Когда лифт остановился, Грант посмотрел на брата с робкой надеждой.

Братья устремились домой. В этот час в коридорах было мало народу. Джастин отстегнул от нагрудного кармана магнитную карточку, служившую и ключом, после чего не без труда вставил ее в прорезь замка. Руки юноши дрожали. Грант вынужден был смотреть на все это…

«С момента последнего использования ключа в дверь не входили», — доложил равнодушный голос системы слежения, после чего автоматически зажегся свет.

— Джастин специально запрограммировал Память на эту операцию. Стремительно миновав выдержанную в синих и бежевых тонах гостиную, Уоррик-младший шагнул в спальню.

— Здесь Грант, — выдавил он, и в комнате брата вспыхнул свет, что было заметно через арку слева.

— Я заберу свои вещи, — сказал Грант, и в его голосе впервые зазвучало отчаяние, когда он спросил: — Может, позвоним Джордану?

— Боже! — взволнованный Джастин заключил брата в объятия. Грант прильнул к нему, вздраги-

вая всем телом. Джастин, прижимая брата к себе, отчаянно размышлял, взвешивая непростую ситуацию, пытаясь отыскать в ней рациональное зерно. Вдруг ему вспомнилось одно из ресионских правил — гражданин не вправе заступаться за ази, даже если тот ему — родной брат.

А Грандт знал все — знал и то, о чем думал Джастин. Между братьями не было разницы — за исключением проклятой приставки «Х» в личном номере Гранта. Из-за проклятой приставки Грант считался пожизненной собственностью Ресиона.

Ариана имела полное право подвергнуть Гранта допросу, выпытывая все, что он знал или хотя бы подозревал о Джордане, могла сколько угодно проверять на нем работу новых систем, могла сколь угодно часто перепрограммировать его, изымать в архив фрагменты его памяти — словом, поступать с ним как заблагорассудится, а Джастин не имел права помешать ей.

Конечно, она просто вздумала отомстить отцу. Обрести средство давления и на него, Джастина, ибо он, как и Грант, имел допуск к работе в ее отделе. А ведь он сам просил отца дать Ариане возможность взять его к себе. Так что теперь ничего не попишешь, последние события — всего лишь логическое продолжение прошлых. От

Арианы ему никуда не деться, рассудил Уоррик-младший. А может, и не стоит никуда рваться?

Ибо Джастин уже подумывал, что отец, в очередной раз одержимый стремлением перевестись на другое место работы, вполне мог проиграть по-крупному.

А отец строго-настрого наказывал: если Эмори начнет причинять беспокойство, тотчас сообщать ему.

Беда уже грянула. Даже больше, чем просто беда, и случилось это на второй день его работы в отделе Арианы. В тот день Джастин сидел в кабинете доктора Эмори — она проводила с ним интервью. Хозяйка повела себя более чем радушно: села почти вплотную, то и дело как бы невзначай касалась его тела, и ее прикосновения с каждой минутой становились все более откровенными. Ариана дала понять, что решила принять его на работу к себе в отдел не только и не столько благодаря его производственным и учебным показателям и что они с Грантом могли бы… могли бы развлекать ее, как делали другие помощники — именно так виделась госпоже Эмори работа братьев Уоррик. В противном случае, намекнула она, их жизнь может сильно осложниться.

Джастин испытал прилив отвращения и испуга. Более того — он сумел раскусить намерения начальницы, распознал расставленную ловушку: строя время от времени мелкие пакости, интриганка намеревалась использовать в борьбе против Джордана его родного сына, толкнуть его на необдуманный поступок, дабы в конечном итоге сполна воспользоваться его ошибкой. А потому Джастин смирился с чрезмерно вольным отношением к нему начальницы. Он отвечал на бесконечные вопросы, пока она сидела на подлокотнике его кресла, держа руку на его плече. Ариана приглашала его к себе в кабинет после работы, о чем-то расспрашивала, делая вид, будто это понадобилось для заполнения личного дела, а он выдавливал из себя ответы на вопросы, которые ему даже не хотелось потом припоминать; Ариана спрашивала его о том, чего он никогда не делал, да и не собирался делать всего того, о чем она толковала. Паренек даже заподозрил, что госпожа Эмори сумеет исковеркать ему жизнь благодаря одной только своей изворотливости и его наивности, обойдясь без обычных в таких случаях обучающих лент и таблеток. Он мог бы дать бой — отбросить способность поражаться, отвечать на вопросы бойко и без стеснения, ведя

тем самым свою игру…

Но игру вела Ариана.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал он Гранту. — Наверняка есть какой-то выход. Все уладится. — И отпустил Гранта, чтобы тот смог собрать вещи. Оставшись один, Джастин застыл посреди гостиной — в душе у него царил холод. Юношу то и дело одолевал соблазн позвонить отцу, рассказать о случившемся, попросить совета, узнать, могут ли они помешать Ариане законным способом.

Однако не составляло труда догадаться, что отец просто бросится к Ариане в попытке отбить Гранта. В этом случае Ариана могла прибегнуть и к другим средствам — например, воспользоваться видеозаписями ее общения с Джастином в кабинете…

Боже! Тогда Джордан наверняка кинулся бы в Комитет по науке, поднял страшный скандал и одним махом разрушил все договоренности, добиться которых ему стоило таких усилий. Он потерял бы все.

Может, самому пробраться в библиотеку и порыться в компьютерных файлах по юриспруденции? Джастин не мог позволить себе такую роскошь — системы автоматически фиксирова-

ли всякое вхождение. Наследить можно было где угодно. С Ресионом невозможно сражаться — игра с самого начала будет проигрышной. Уоррик-младший не подозревал, как далеко простиралось политическое влияние Арианы, но уже знал, что авторитета начальницы достаточно, чтобы начать освоение новых маршрутов, основывать компании на планетах далеких звездных систем и даже влиять на торговлю с самой Землей; и то была только верхушка айсберга.

В соседней комнате хлопали дверцы встроенных шкафов; Грант бросал на кровать охапки своей одежды.

Неожиданно Джастин понял, куда уйдет брат — когда-то в детстве они мечтали о таком уходе, сидя на берегу Новой Волги. Они пускали по реке сделанные из старых банок кораблики, воображая, что те непременно доплывут до Новгорода, прикидывали, как новгородцы станут дивиться непонятно откуда взявшимся суденышкам. А позднее — в один из вечеров — разговор вдруг зашел о их возможном насильственном удержании в Ресионе до тех пор, пока отец не вытащит их к себе.

«Вот теперь и случилось самое худшее», — уныло подумал Джастин. Конечно, все произошло не

так, как они предполагали, однако это была их единственная возможность…

Зайдя в комнату к брату, Джастин выразительно приложил палец к губам, ибо служба безопасности прослушивала все помещения: Джордан давно предупредил сына о наличии в квартирах подслушивающих устройств. Схватив Гранта за руку, юноша решительно и быстро увел его в гостиную, потом — к двери, на ходу выхватив из шкафа пальто: снаружи был почти мороз, и в том, что они тепло оделись, не было ничего подозрительного — люди ходили из корпуса в корпус по улице. Сунув пальто брату, Джастин вывел его в коридор.

«Куда теперь? — спрашивал обеспокоенный взгляд Гранта. — Джастин, что за глупость ты затеял?»

Схватив брата за руку, юноша потащил его к лифту.

Не колеблясь, Джастин нажал кнопку с литерой «Т», чтобы уехать на тоннельный уровень. Кабина бесшумно заскользила вниз. Джастин молил Бога, чтобы по дороге лифт не остановил кто-нибудь еще.

— Джастин…

В ответ паренек толкнул брата к стене и при-

жал к холодному пластику — несмотря на то, что Грант был выше его на целую голову.

— Тихо, — распорядился Уоррик. — Это приказ. Ни слова. Понял?

Он не говорил с братом в подобном тоне. Никогда. Джастина трясло. Стиснув зубы, Грант напряженно кивнул. Лифт остановился, и перед беглецами открылось сплетение разбегавшихся в разные стороны скупо освещенных бетонных тоннелей. Джастин выволокази из лифта и снова прижал к стене. И тотчас ощутил небольшой прилив уверенности.

— А теперь слушай. Мы уходим в город…

— Я…

— Слушай меня. Я хочу, чтобы ты отключился. Глубоко и на всю дорогу. Прямо сейчас. Давай. И веди себя так все время. Это приказ, Грант. До сих пор тебе не доводилось выполнять мои приказы, а теперь, будь добр, сделай это! Прямо сейчас, уяснил?

Судорожно глотнув, Грант пришел-таки в требуемое братом состояние, сделав два глубоких вдоха.

Все, конец панике. «Отлично, — одобрил Джастин. — Надень пальто и иди за мной!»

Беглецы снова вошли в лифт — на сей раз в

другой — и поднялись в старейший в Ресионе административный блок. Далее путь лежал к старомодным кухням административного крыла, где вовсю трудилась ночная смена, моя обеденную посуду и готовя завтрак для утренней смены. То был известный всем ресионским детям маршрут — каждый сорванец хоть раз в жизни да убегал за пределы комплекса через огнедышащие кухни, где кондиционеры бессильны были побороть зной, где повара из поколения в поколение распахивали настежь двери, подпирая их мусорными бачками, дабы в кухни просачивалось хоть немного свежего воздуха. Работавшие в кухне никогда не сообщали о юных беглецах, если только их не расспрашивали об этом специально. Начальство и не думало пресекать эту практику: молодые прогульщики уходили при свидетелях, которые теперь могли подтвердить: да, Джастин Уоррик и его ази действительно вышли вон через ту дверь…

Но сначала беглецов должны были хватиться.

Джастин сделал выразительный знак одному из работавших в кухне ази, требуя молчания. Ази смотрел удивленно и обеспокоено. Тревога ази была вполне объяснима: эти беглецы были старше тех, что обычно уходили через кухню, да

и час был уже поздний.

Миновав выстроившиеся в ряд мусорные баки, братья спустились по ступенькам в холодную тьму.

Грант догнал брата у сарая, где хранились насосы. Сарай был первым укрытием на холме над дорогой.

— Сейчас спустимся с холма, — пояснил Джастин. — А потом возьмем лодку.

— А как быть с Джорданом? — не удержался ази.

— Ему ничего не грозит. Идем же!

Джастин кинулся вниз, и брат последовал за ним. Уоррики перебежали через дорогу. Добравшись до освещенного участка возле складов, мастерских и улиц нижнего Города, братья перешли на шаг. По периметру территории неспешно расхаживали несколько бодрствовавших в этот час охранников, причем заботили стражей заборы и погода, а не двое молодых людей, направлявшихся из Дома в сторону дороги на аэропорт. Пекарня и мельницы работали по ночам на полную мощь, однако Уоррики были слишком далеко, чтобы ночные смены могли их увидеть. Наконец позади осталось последнее строение.

— Джордан связался с Мерильдом? — спросил

Грант.

— Положись на меня — я знаю, что делаю.

— Джастин…

— Грант, я же сказал — заткнись!

Беглецы достигли аэропорта. Посадочные огни в этот час не горели, однако маяк продолжал посылать в окутанный сумерками мир пульсирующие световые сигналы. Вдали виднелись силуэты грузовых складов и большого ангара «Ресион-эйр», ярко освещенные. Техперсонал и грузчики вовсю трудились, обслуживая коммерческий самолет.

— Джастин — он в курсе?

— Он все уладит. Идем! — Джастин снова побежал, не давая брату возможности задать очередной вопрос. Теперь беглецы двигались по дороге, пересекавшей конец взлетно-посадочной полосы, к причалу, где на берегу выстроились в ряд портовые пакгаузы.

Среди пакгаузов притулился крохотный лодочный сарай — его дверь никогда не запиралась. В этом просто не было необходимости. Толкнув легкую дверцу щитового домика, Джастин шагнул внутрь, непроизвольно вздрогнув от душераздирающего скрипа несмазанных петель. Под ногами негромко гудела железная решетка. Вода

плескалась о пристань и сходни, очертания лодок влажно поблескивали в сочившемся сквозь оконца лунном свете. Резко пахло речной сыростью, машинным маслом. И было очень холодно.

— Джастин, — снова забормотал Грант, — ради Бога…

— Все в порядке. Теперь ты уйдешь тем путем, о котором мы условились.

— Я должен уйти…

— Да, ты. Я остаюсь.

— Ты с ума сошел! Джастин!

Джастин запрыгнул в первую попавшуюся лодку, распахнул дверцу в трюм, оставив взволнованному брату единственную возможность — последовать за ним.

— Джастин, если останешься, тебя могут арестовать!

— А если я вытащу тебя отсюда, мне уже точно не видать лицензии на право работы с тобою, и ты это прекрасно понимаешь. Поэтому заранее договоримся: меня здесь не было. Я ничего не знаю. Я вернусь к себе и буду твердить, будто не выходил из комнаты. В самом деле, откуда мне знать, куда ты подевался? Может, скажу, тебя слопала платитера, получив несварение желудка. — Щелкнув выключателем, Уоррик проверил

показания приборов, нажал несколько кнопок. — Готово. Лодка заправлена, батареи заряжены. Какие исполнительные работники: все исправно и в рабочем состоянии!

— Джастин… — молвил ази дрожащим голосом. Возле воды было еще холоднее, и юноша сунул руки в карманы. — Послушай, давай трезво взглянем на вещи! Я — ази. С детства приучен к обучающим лентам. Даже если она начнет пробовать на мне новую обучающую ленту, я выдержу. Я просто разорву структуру в куски и скажу, были в ней «жучки» или нет…

— Черта с два ты выдержишь!

— Ее тесты выдержу, а мой Контракт она все равно не перерубит, такого кода просто нет. Я точно знаю, что нет. Джастин, я ведь знаю свою систему. Давай бросим эту затею, пока не поздно, и вернемся. Может, придумаем что-нибудь получше. Если положение ухудшится, мы всегда сможем прибегнуть к этой возможности.

— Заткнись и слушай. Вспомни, как мы все спланировали: первая цепочка огней справа — все еще Ресион, станция очистки воздуха номер десять на пристани. Чуть дальше слева — уже огни Моривилля. Если поплывешь быстро и не ошибешься, проскочишь благополучно, прежде

чем Ари хватится тебя. А ночь сегодня ясная. Не забудь, что плыть нужно строго по центру канала — только так не напорешься на решетку. Ради Бога — будь осторожен, не наскочи на корягу! Возле Кенникаты течение бьет слева. Повернешь туда, через пару-тройку часов увидишь огни — это и есть Кругерс. Скажешь им, кто ты такой, и передашь это. — Наклонясь, Джастин нацарапал в укрепленном под приборным щитком блокноте номер. Под номером подписал: «Мерильд». — Попроси их связаться с Мерильдом, причем сразу же, независимо от времени. Как только прибудет Мерильд, скажи, что Ариана использует меня, чтобы шантажировать Джордана. И все, с него достаточно. Скажи, что сам я не могу приехать, пока отец не на свободе, но я должен был выручить тебя. С Джордана хватит и одного заложника! Понял?

— Да, — покорно, как подобает ази, отозвался Грант. — Да.

— Кругерсы тебя не предадут. Передай, что в случае необходимости лодку можно затопить. Она все равно принадлежит Эмори. Остальное сделает Мерильд.

— Ари вызовет полицию.

— Ну и замечательно! Пусть вызывает. Только

не проскочи мимо Кенникатa. Если такое вдруг случится, то следующее надежное место называется Эвери — до него ночь ходу. Может, чуть больше. Тогда Ариана получит возможность перехватить тебя по пути. Кроме того, в этом случае ты нарушишь сайтинские законы и полиция возьмет тебя в оборот. Что это означает, ты знаешь не хуже меня. Так что ищи только Кругерсов. — Джастин в слабом лунном свете всмотрелся брату в лицо и только теперь понял, что, возможно, никогда уже его не увидит. — Будь осторожен Бога ради, будь осторожен.

— Джастин, — Грант обнял брата, — это ты будь осторожнее. Пожалуйста…

— Я должен вызволить тебя отсюда. Не забудь спустить паруса. Все, пошел!

— Но другая лодка… — растерялся Грант.

— О ней я позабочусь. Плыви! — обернувшись, Джастин выскочил за дверь, прыгнул на причал. Железная решетка загудела под его ногами. Отвязав лодку, юноша бросил канат на нос судна, одновременно резко оттолкнув его от пристани. Заскрежетав по железу, лодка неохотно отплыла в темноту.

Суденышко несколько раз повернулось вокруг своей оси и, попав в течение, поплыло прочь по

фарватеру, рыская из стороны в сторону.

Вскрыв вторую лодку, Джастин откинул крышку двигателя.

Мотор был оснащен электронным стартером. Вытянув блок управления, Уоррик-младший водворил крышку на место, захлопнул за собой люк, выбросил блок управления в воду. Прыжок — и юноша снова оказался на железной решетке.

Вдалеке зачихал мотор лодки Гранта.

Довольный проделанной работой, Джастин решил возвращаться домой.

Захлопнув дверь лодочного сарая, он бросился бежать со всех ног. Оставаться на берегу реки было опасно — как опасно было блуждать в темноте даже в не столь тщательно охраняемых местах, ибо легко можно было попасть в беду: набрести на хищника, запутаться в коварно спрятавшемся в ложбинке плотоядном растении, надышаться витавшей в воздухе дряни. Джастин всеми силами старался не думать о худшем. Он бежал до тех пор, пока не закололо в боку. И лишь выйдя на дорогу, Уоррик-младший перешел на шаг.

Джастин не верил тишине — она казалась обманчивой. Юноше то и дело казалось, что кто-нибудь из работавших в ночную смену заметил отошедшую от причала лодку или услышал рев

мотора. Впрочем, в ангарах постоянно стоял шум. Возможно, рев лодки Гранта потонул в грохоте и лязге. А может, случайные свидетели решили, будто то была проходящая лодка — откуда-нибудь с Моривилля или Верхней Волги. К тому же яркий свет мог помешать работавшим увидеть лодку с беглеца.

До сих упор судьба была благосклонна к братьям.

Благосклонна до того момента, когда Джастин, добравшись до корпуса, с ужасом обнаружил, что дверь в кухню заперта.

Опустившись на ступени, Уоррик-младший погрузился в размышления, стуча зубами и мучительно пытаясь найти выход из положения. Он надеялся, что лодка Гранта успела отойти достаточно далеко. Однако, если его застигнут сидящим на ступеньках, рассудил юноша, Ариана поймет, что все было спланировано заранее.

Если он своим поведением натолкнет врагов на такую мысль.

Тогда отвечать придется Джордану.

Но выбора не было: Джастину оставалось только воспользоваться собственным ключом и справиться с охранной системой, которая в этот час была уже запущена.

В коридоре неподалеку от кухни он столкнулся с охраной.

— Господин, — осведомился ази-начальник патруля, — откуда вы идете?

— Просто решил прогуляться, — отмахнулся юноша. — Вот и все. Выпил лишнего, и пришлось выйти подышать свежим воздухом.

Ази немедленно связался со штабом караула, сообщая о происшествии. Джастин уставился на ази, ежесекундно ожидая громогласного ответа по рации, от которого лицо ази изменилось бы до неузнаваемости. Но все обошлось — кивнув, охранник пожелал Уоррику-младшему приятного отдыха и отпустил с миром.

Чувствуя предательскую слабость в коленях, паренек поднялся на лифте на нужный уровень и неспешно направился домой.

Едва Джастин вошел к себе в квартиру, как зажегся свет и мелодичный голос Памяти сообщил: «В ваше отсутствие в квартиру не входили».

Он прошел в комнату брата. Первым делом Джастин собрал оставленные Грантом вещи, которые тотчас принялся вешать обратно в шкафы и укладывать в ящики. Среди прочего ему вдруг попалась памятная безделушка — блестящая сувенирная модель грузового корабля «Китти-

хок», которую он привез в свое время Гранту из Новгорода. Гранту в тот раз не позволили слетать в столицу. Тут же сиротливо лежала фотография: братья Уоррик в четыре года, худой светлокожий Грант с ярко-рыжими волосами, а сам Джастин в дурацкой шляпе, которая, как тогда казалось, делала его взрослым. Братьев запечатлели за работой в саду вместе с ази. Вторая фотография была сделана позднее — братьям тогда исполнилось по десять лет, и сняли их сидящими на заборе, за которым размещались вольеры с разной живностью. Джастин и Грант сидели на заборе, точно голуби на насесте, подперев ладошками подбородки и глупо ухмыляясь.

Боже! Джастину показалось, будто ему отрезали руку или ногу, хотя потрясение еще не успело как следует затронуть рассудок. Но душа Джастина уже была уязвлена, и он понимал — дальше будет еще хуже.

Молодой человек не сомневался, что очень скоро доктор Эмори вызовет его к себе.

Он снова вернулся в гостиную, опустился на кушетку, сложил руки на груди и принялся разглядывать полированный столик с замысловатым рисунком на столешнице. Однако и с открытыми, и с закрытыми глазами он видел

лишь одно — реку и ускользавшую вдаль лодку.

А думать мог только об Ари.

«Только Грант?» — обязательно спросит Мерильд, получив сообщение по телефону. Мерильд воспримет сигнал тревоги как надо. Мерильд попытается связаться с Ресионом и переговорить с Джорданом, а Джастин не мог позволить себе такую роскошь, ибо в настоящий момент должен был обеспечить себе сносное алиби. Возможно, Грант расскажет Мерильду достаточно, но если до отца дойдет от Гранта, или Мерильда, или даже от самой Ари хоть что-то о его, Джастина, отношениях с начальницей, Джордан обязательно сорвется.

Нет — отец слишком осторожен, чтобы совершать необдуманные поступки.

А время шло. Джастину стало казаться, что в квартире так же холодно, как и на улице; его так и подмывало лечь в постель, отгородиться от внешнего мира, однако вместо этого он попросил Память поднять температуру в квартире и остался сидеть в гостиной, опасаясь пропустить сообщение Памяти.

Но сообщения все не было.

Маленькие лодочки выходили из порта, так и не добравшись до пункта назначения — по-

добное случалось даже с куда более опытными водителями.

Джастин вновь и вновь анализировал проделанное, проверяя каждый шаг десятки раз. А потом его стал одолевать соблазн позвонить отцу и все ему рассказать.

Нет, сказал себе Уоррик-младший. Он сам уладит все с Арии. Джордану нужна помощь, и его незнание — единственный выход из создавшегося положения.

4

В небе пролетел самолет, и даже рокот лодочного мотора не смог заглушить гул его турбин. Ладони юноши взмокли. Он направлял суденышко по реке, строго держась середины, и невысокая скорость лодки чуточку увеличивалась — он плыл по течению. Огней беглец так и не зажег — даже крохотный проблесковый фонарик на приборном щитке не горел: больше всего Грант страшился быть обнаруженным. Сейчас паренек не осмеливался даже увеличить скорость, чтобы усилившийся рев мотора и более четкий пенный след не навели на него преследователей.

Пролетев, самолет скрылся во мраке.

Однако вскоре крылатая машина, развернувшись, снова закружила над рекой: Грант хорошо видел, как по темной поверхности воды позади него полоснул луч прожектора.

Не заботясь более о маскировке, беглец включил двигатель на полную мощность; лодка тотчас задрожала и, разрезая волну надвое, стремительно понеслась вперед, задрав наос кверху. Рев мотора уже не смущал ази, как не смущали и скрытые под водой полузатопленные коряги,

погубившие на Новой Волге не одно судно.

Если они выслали из Моривилля или с другого конца Ресиона лодки и если у кого-нибудь из преследователей есть оружие, то пули без труда пробьют легкую обшивку корпуса. Даже если не подстрелят его, то легко выведут из строя саму лодку, угодив в приборный щиток или топливный бак, рассуждал беглый ази. Впрочем, преследователи наверняка предпочтут как-либо задержать лодку, продырявить ее… Грант был уверен, что преследователи, при возможности, не станут убивать его.

Грант не хотел вредить брату: теперь его главной задачей было не дать себя использовать против Джастина или Джордана. Кроме того, даже ази имеет право на любовь к себе…

Самолет теперь рокотал над его головой, нестерпимо яркий свет выхватывал из спасительного мрака куски кормы, неудержимым потоком лился в иллюминаторы. Через мгновение луч скользнул в сторону, оставив ази полуослепленным. Выглянув в иллюминатор, юноша увидел, как луч с самолета шарит по деревьям на дальнем берегу, серая листва отчетливо светлела на фоне угольно-черной ночи.

Неожиданно лодка вильнула в сторону, и осве-

щенный берег тотчас оказался с другого борта. Первой мыслью было — отломился винт, но сама собой пришла спасительная догадка: Грант понял, что, направляемый течением, свернул в нужный приток. То был приток Новой Волги Кенникат, о котором предупреждал Джастин.

Все еще ослепленный ярким лучом — тот заскользил по лесистому берегу — Грант натянул шлем. Однако опасность миновала. Теперь случись что, юноша мог сойти на берег. Впрочем, света он так и не зажег.

Затем спереди надвинулись темные берега, на фоне ночного неба и отражающей свет звезд воды отчетливо виднелись высокие деревья.

Ази повернул к берегу, и лодка затряслась, выруливая на мелководье и царапая килем песок. Резкий удар бросил юношу вперед…

Придя в себя, Грант обнаружил, что лежит на приборном щитке в окружении всевозможного лодочного оборудования. Впереди чернела непроницаемая стена.

Что-то звякнуло о корму и проскрежетало вдоль левого борта. Коряга. Коряга или песчаная отмель. Но опасность миновала — впереди снова блеснула вода, и Грант начал молить Бога, чтобы после перенесенной передряги это оказался все-

таки Кенникат, а не все та же Новая Волга. Пока он был не в состоянии ориентироваться. Черная вода, подсвеченная звездами, повсюду выглядела одинаково.

Беглый ази позволил себе на мгновение включить подсветку на приборном щитке, чтобы свериться с компасом. Стрелка компаса указывала на северо-восток. Русло Волги вполне могло змеиться в том же направлении, однако Грант все же решил, что попал в нужный приток. Самолет больше не возвращался. Возможно, головокружительный поворот лодки сбил летчика с толку, к тому же беглец предусмотрительно отключил датчик, по которому преследователи могли определить его местонахождение. Ариана обладала достаточной властью, чтобы поднять по тревоге всю станцию Сайтин, а установленный на самолете датчик мог самостоятельно направлять работу действовавших геосинхронно спутников наблюдения. Однако Грант знал, что локаторы не могут причинить ему вреда, а он в состоянии ускользнуть от преследователей, вышедших на лодках из Моривилля или откуда-нибудь ниже по течению.

Первая цепочка огней, предупредил Джастин. Потом еще два-три часа пути вверх по реке,

причем берега должны выглядеть пустынными. Станция Кругерсов — всего лишь сильно автоматизированный шахтерский поселок, где все было взаимосвязано: ази, которых принимали на работу Кругерсы, всего лишь за год обзаводились документами, переводившими их в разряд КВ, плюс пакетом акций шахт Кругерсов. О таком безумном везении можно было лишь грезить, и ази зачастую перешептывались о благословенном месте, не веря, что оно существует. Если зарекомендовать себя как положено…

И обладать при этом соответствующим Контрактом.

Однако семнадцатилетнему ази с приставкой «Х» к личному номеру не следовало даже мечтать ни о чем подобном; обретенный за время жизни в Ресионе опыт подсказывал юноше, что брат сделал ради него нечто из ряда вон выходящее…

Джастин уверял, будто Кругерсы радушно примут любого Уоррика — даже если тот ази и обладает действующим Контрактом, однако Грант сильно сомневался в душевной широте Кругерсов — с чего это им вдруг принимать обычного ази?

Чем больше Грант размышлял над положением, в котором оказался, тем сильнее становилась его растерянность. Ази понимал, что не пред-

ставляет для Кругерсов особой ценности, разве что его знания обстановки в Ресионе, Арианы и проблемы с Уорриками могли кому-нибудь пригодиться. Наверняка найдутся охотники за этой информацией, рассудил беглец, и они потребуют выложить все. Как назло, Джастин не дал на сей счет никаких инструкций. Грант был альфа, но в то же время молод и вдобавокази, а все полученные ранее уроки настойчиво внушали одно: его реакция задавалась заранее, знания носили ограниченный характер, а логика не отличалась безупречностью (Джордан постоянно твердил, что, дескать, не стоит беспокоиться насчет обучающих лент. Даже если почуешь неладное, просто приди к Джордану, выложи причину беспокойства, и ответ найдется сам собой. И помни, что твои данные у него, а потому все будет в порядке).

Тогда Гранту было семь лет. Он плакал у Джордана на руках, что повергло того в сильное смущение, однако Джордан как ни в чем не бывало потрепал его по плечу и обнял — совсем как Джастина, — назвал своим вторым сыном и признался, что даже урожденным людям свойственно теряться и ошибаться.

Признание Джордана подействовало на маль-

чика и благотворно, и плохо одновременно: он узнал, что полноправные люди произошли с Земли, причем в своем развитии прошли долгий путь проб и ошибок, и что сама Ари сочла его право на жизнь законным и потому что-то такое сделала. Метод проб и ошибок. Именно это и означала злополучная приставка «Х» в его личном номере.

Тогда Грант еще не понимал, что это означало также неспособность Джордана сдержать данное обещание и что его, Гранта, жизнь принадлежала не ему, а всему Ресиону. Однако слова «мой второй сын» точно приоткрыли для семилетнего ази путь к новым горизонтам.

А потом он повзрослел. Им с Джастином исполнилось по двенадцать. Джастин стал заглядываться на девчонок и Грант понял, что секс может заставить человека смотреть на вещи под несколько иным углом.

— Но почему? — спросил он Джордана, а Джордан отвел его в кухню, положив руку на плечо. И объяснил, что альфа всегда имели тенденцию видоизменять требования программ и что он, Грант, исключительно умен, а тело его развивалось отменно и потому ему неплохо бы отправиться к ази, которые «занимаются этим».

— А если кто-нибудь от меня забеременеет? —

полюбопытствовал юноша.

— Не забеременеет, — успокоил Джордан, и Грант не стал уточнять, хотя позднее понял, что уточнить все-таки стоило. — Ты же не можешь путаться с кем попало. У них просто нет лицензий.

Юноша был вне себя. И усмотрел в словах Джордана скрытую иронию.

— Это потому, что я альфа? — спросил он. — То есть с кем бы я ни лег в постель…

— Должен иметь лицензию. Да и у тебя ее нет — в таком-то возрасте. Что автоматически исключает всех твоих ровесниц. А я не хочу, чтобы ты спал со старой теткой Марией, понимаешь?

Это действительно звучало несколько забавно — в то время Мария Уоррик была дряхла — на грани процесса омоложения.

Но потом подобная мысль казалась все менее смешной. Гранту бывало непросто сдерживаться, когда девчонка по фамилии Карнат как бы между прочим проводила рукой по телу паренька там, где чужим рукам вовсе не было положено находиться, и хихикала ему на ухо; причем от Гранта ожидался на редкость однообразный ответ: «Прошу прощения, госпожа, но я не могу».

В то время как Джастин, бедняга, с головой

окунулся в девичьи смешки и двусмысленные увертки, ибо был членом Семейства; а с ази Джастина все и так было ясно — или было бы, принадлежи он хотя бы к классу бета.

— Одолжи его — напрокат, можешь? — как-то раз откровенно бросила Юлия Карнат прямо в присутствии Гранта, который прекрасно знал, что Джастин сам пытается ухаживать за нею. В тот момент ази хотелось провалиться сквозь землю. Однако вместо этого он просто побледнел и выпрямился, а позднее — смолчал, когда обиженный брат сообщил, что Юлия так и не ответила ему взаимностью.

— Ты привлекательнее, — сетовал Джастин. — Черт побери, Ари постаралась на славу — наградила тебя совершенством. Так что какие уж у меня шансы?

— А я предпочел бы быть тобой, — бросил вдруг Грант, неожиданно для себя осознавая, что сказал правду. И заплакал — второй раз за сознательную жизнь и без видимой причины, разве что Джастин невзначай задел его самый больной нерв. Или программную структуру.

Ибо он состоял из того и другого одновременно.

После этого он сомневался относительно своего

устройства, пока Джордан не позволил ему взглянуть на структуры его собственной обучающей ленты — тогда Гранту исполнилось шестнадцать и он начал изучать продвинутый курс моделирования. Правда, до тех пор он сам сумел разгадать многие структуры собственной обучающей ленты. Джордан лишь подтвердил его догадки, раскрыв соответствующую книгу со схемами. До сих пор Грант не сумел обнаружить в своей структуре ни одной линии, которой объяснялась бы боязнь интимных отношений.

Но альфа непрерывно меняли собственное строение. То был постоянный процесс, очень напоминавший балансирование на краю пропасти. Только в качестве пропасти в данном случае выступал хаос. Ни одна черта не могла возобладать — все строилось на взаимном противовесе.

В противном случае мир грозил кануть в пучину хаоса.

Жизнь прекратилась бы.

Ази, сумевший стать собственным наставником, буквально напрашивался на неприятности. Ведь ази — существо невероятно хрупкое. И Грант не смог бы совладать с ситуацией, которая грозила ему бедой. Вокруг велась игра более масштабная, чем юноша-ази мог понять.

«Черт побери, Джастин!» — мысленно выругался он.

Беглец вытер глаза левой рукой, не снимая правую со штурвала, одновременно пытаясь смотреть вперед. Время от времени Грант повторял себе, что ведет себя как последний дурак.

Как урожденный человек. Как все они…

«Предполагается, что я намного умнее, — размышлял беглыйази. — От меня ожидают сногсшибательной гениальности. Правда, обучающие ленты отчего-то не работают, как задумывалось, и я не таков, каким они меня задумывали.

Возможно, я просто не использую свои задатки.

Так почему же я не повысил голос? Почему не схватил Джастина за шиворот и не отволок к папаше, пусть даже мне пришлось бы ударить его?

Потому что яази. Да, черт возьми, именно потому. Потому что я становлюсь размазней, едва они начинают вести себя, как… Я просто перестаю рассуждать. Проклятие, проклятие, проклятие! Мне следовало остановить его, втащить в лодку, увезти к Кругерсам, спасти, и тогда он сумел бы защитить нас обоих; и Джордан мог бы со спокойной душой предпринять что-нибудь. О чем он думал?

О том, что это мне не под силу?

Проклятие, в том-то и заключается моя беда: я не могу вести себя уверенно, вечно сомневаюсь перед тем, как сделать что-нибудь, и в конце концов оставляю все как есть. Я просто выполняю приказы…

… Потому что проклятые обучающие ленты вцепились в меня мертвой хваткой. Они никогда не приказывали мне колебаться, они просто заставляют меня действовать подобным образом, потому что обучающие ленты уверены, чертовски уверены в себе, и ничто в этом мире не…

Потому-то мы никогда не принимаем собственные решения. Мы познали нечто не подлежащее сомнению — то, что неизвестно урожденным людям. Именно в этом наша беда…»

Лодка вновь ударилась о какое-то препятствие, и корма заходила ходуном. Чтобы удержать равновесие, Грант на мгновение выпустил руль, а потом, судорожно схватив его снова, обливаясь потом, лег на прежний курс.

В самом деле, он ведет себя как дурак. Неожиданно суть этой догадки стала ясна Гранту — так ясна, что он едва не наскочил на мель и не пропорол днище лодки. Нечто подобное случалось с урожденными людьми, обязательно подметил бы

Джастин — случилось бы с кем угодно; именно в этом и заключался смысл сущего — вторая грандиозная истина за шестьдесят секунд. Ум Гранта работал исключительно четко, подстегнутый страхом, функционировал сверхбыстро, ибо в какой-то момент юноша неожиданно подумал, что подобные мысли могут приходить в голову только урожденному человеку и возможность свалять дурака как бы венчала весь процесс понимания: нужно просто загнать поглубже сомнения и двигаться вперед, как учил Джордан. Сомнения — не обучающая лента, поговаривал отец. И не жизнь. Вселенная не погибнет, если вдруг сделаешь что-то не то. Не погибнет, даже если ты вдруг свернешь себе шею. Рухнет только твоя крохотная Вселенная, понимаешь?

«Я думаю так», — говорил он. Но это оказалось ложью. Как выяснилось только что, когда жизнь все расставила по местам. «Я свободен, — подумал Грант. — Здесь или у Кругерсов — я свободен, впервые в жизни мое положение зависит только от меня». Мысленно выдержав паузу, беглец признался себе: «Правда, не уверен, что мне это нравится».

«Идиот, очнись! Оглянись вокруг. Боже, неужто самолет опять возвращается?»

Неожиданно сзади вспыхнул яркий свет.

«Лодка. Боже, сзади лодка!»

Беглец включил скорость. Задрав нос, лодка с ревом понеслась по Кенникату. Грант включил бортовые огни. Их отражения тотчас засверкали в черной воде — в той самой, что вскипала позади пенными бурунами меж берегов, расположенных более близко друг к другу, чем на Волге. Берега густо поросли плакучими ивами, с возрастом обретавшими ломкость; их древесина стремительно трухлявела от времени. Из-за узловатых стволов река изобиловала топляком, представлявшим для судоходства большую опасность, нежели скалы, ибо полузатопленные стволы деревьев постоянно перемещались с места на место.

Беглец решил, что зажженные бортовые огни в его положении меньшее зло, нежели гонка впотьмах наугад.

Возможно, преследователи вооружены. Возможно, у них более мощная лодка. Грант удивился бы, если бы в Моривилле нашлась более быстроходная лодка; несказанно удивился бы, признался себе юноша, чувствуя предательский холодок в груди и наблюдая за скольжением света головного фонаря преследователей по берегу

на очередном повороте, после чего свет снова появлялся в его зеркале заднего вида.

Возможно, это лодка со станции очистки воздуха; возможно, там тоже есть лодки — Грант теперь не знал точно.

Оглянувшись, беглец снова перенес внимание вперед, на середину канала, о чем настоятельно просил Джастин. Джастин, по крайней мере, катался на лодке вверх до Моривилля и вниз до станции очистки воздуха и беседовал с людьми, ходившими по реке до самого Новгорода.

Джастин вел беседы, а Грант главным образом разглядывал примыкавший к Новгороду участок реки, ибо он интересовал ази больше остального. Да, однажды братья Уоррики обсуждали мысль взять лодку и отправиться по реке к Новгороду.

Резко повернув штурвал, Грант обогнул предательски затаившуюся в воде корягу, один сук которой грозно топорщился над речной гладью.

Чертово дерево! Грант в последний момент разглядел месиво корней и, не оглядываясь, снова в отчаянии налег на штурвал.

Боже, если по курсу попадется хоть одна коряга и днище заденет ее…

Лодка беглеца стрелой летела все дальше.

А погоня преследовала его, пока справа не по-

казались огни, о которых предупреждал брат. Едва завидев их, Грант в панике подумал: засада! Теперь ему везде чудился враг…

Однако огни горели слишком далеко от реки, к тому же их было очень много — огоньки мерцали за выстроившимися стеной плакучими ивами, красные огни горели на вершинах холмов, предупреждая экипажи самолетов об опасности.

И тотчас колени паренька начали подгибаться, а руки затряслись. Оглянувшись, он не увидел света погони и впервые за все время вспомнил о записке брата, которую тотчас решил переложить в карман. Вместе с запиской он предусмотрительно изъял из блокнота и следующую, чистую страничку, дабы заинтересованные лица не смогли восстановить по отпечаткам на ней содержание написанного — в случае, если лодку все-таки вернут в Ресион.

Грант тотчас сбавил скорость, с беспокойством высматривая причал. Свет фонаря выхватил из мрака ржавую металлическую стену, затем — еще одну, а потом…

Внезапно юноша понял: баржи. Ведь Кругерсы — прежде всего шахтерский поселок. То были баржи для перевозки руды, пусть не столь большие, как приходившие с севера; но зато весь

берег служил причалом и здесь было где приткнуться небольшой моторной лодке, нашлась даже лестница, по которой можно было подняться с нижнего уровня пристани на верхний. А это означало, что он добрался-таки до цивилизации и может позволить себе расслабиться. Впрочем, Грант не собирался терять бдительность. Он даже в мыслях не допускал возможности воспользоваться радиосвязью, ибо Джастин ни словом не обмолвился об этом; к тому же ази все равно не умел ею правильно пользоваться. Он просто несколько раз просигналил — и кто-то зажег на причале свет. А потом из темноты показались люди — проверить, кто пожаловал к ним в столь неурочный час.

5

«Вам звонят», — сообщил голос Памяти, и Джастин, дернувшись, стряхнул незаметно сморивший его сон. Оказалось, что он уснул прямо на кушетке в гостиной и лежал, скрючившись в три погибели. Заслышав сигнал предупреждения, Джастин приподнялся, опираясь на локоть, а потом — когда Память включилась, отвечая на звонок, — и вовсе вскочил. «Я на месте!» — бросил юноша громко. И тотчас учтивый голос электронного устройства сообщил звонившему полученную информацию:

— Джастин на месте. Минуточку, пожалуйста!

Юноша энергично потер начавшее зарастать щетиной лицо, ибо окружающие предметы все еще казались расплывчатыми. «Я дома», — снова пробормотал Уоррик-младший, с напряжением ожидая худшего.

— Доброе утро! — послышался голос Ари. — Прости, что разбудила ни свет ни заря, но куда подевался Грант?

— Не знаю, — отозвался паренек, осмысливая слова начальницы. Время, она спросила о времени — сколько сейчас на часах? Снова протерев

глаза, Джастин взглянул на смутно вырисовывавшийся во мраке циферблат: пять утра. Стало быть, Грант уже должен быть у Кругерсов. Просто обязан. И потому Джастин нарочито удивленно пробормотал: «Как, разве он не у тебя?» С этими словами молодой Уоррик глянул за арку, где виднелась по-прежнему застланная кровать брата и где все еще горел свет. И тотчас окончательно удостоверился в том, что бегство Гранта ему не приснилось.

«Такое нам с рук не сойдет», — подумал он.

— Джастин, мне нужно срочно переговорить с тобой. Как только придешь на работу, зайди.

— Куда? — уточнил юноша, с дрожью предчувствуя начало злоключений.

— В 08.00, в лабораторию первого корпуса. Повторяю, срочно, как только придешь на работу…

— Да, госпожа.

И тотчас на другом конце провода стало тихо. Джастин, стиснув зубы, в который уже раз принялся растирать заспанное лицо, массировать закрытые глаза. Пареньку казалось, будто он заболевает.

Потом появилась мысль позвонить отцу. Или заглянуть к нему.

Но Ари и так предоставила ему массу возмож-

ностей проделать и то, и другое. Быть может, именно на это она и рассчитывала или даже пыталась ему внушить, будто понимает, что он догадывается о ее намерениях, а потому Джастин решил пока не тревожить отца. Но перехитрить Ариану было так же трудно, как и Уоррика-старшего.

А Джастину предстояло обвести вокруг пальца обоих.

Он позавтракал поджаренными хлебцами и соком — на большее желудок упорно не соглашался. Приняв душ, Джастин оделся и принялся расхаживать по квартире, пытаясь отвлечься разными мелкими делами, ибо нужно было как-то убить время.

Конечно, решил он в конце концов, Ариана позвонила нарочно. Определенно нарочно. Ведь она никогда ничего не делала просто так.

Возможно, Грант угодил в лапы полиции.

И уже в Ресионе.

Или погиб.

Ари наверняка решила ошеломить его, отследить и записать на пленку реакцию на сообщение. И потому Уоррик-младший подготовил себя к тому, что может услышать от начальницы что угодно, даже самое худшее. Он готов даже был

сказать нечто вроде: «Не знаю, он ушел. Я подумал, что он отправился к тебе. Откуда мне знать? Он никогда не вытворял ничего подобного».

В 07.45 Джастин вышел из квартиры и спустился на лифте в главный коридор; миновал первый корпус, где размещалась служба безопасности, добрался до своего кабинета, отпер дверь, зажег свет — все как обычно.

Пройдя по коридору, он поздоровался с уже сидевшей на рабочем месте Джейн Штрассен. Свернув за угол, спустился по лестнице в торце здания в отсек, где размещались лаборатории.

Белые двери украшал установленный службой безопасности замок, который юноша отпер личной магнитной карточкой. И снова по обе стороны коридора замелькали запертые кабинеты. Наконец он подошел к двойной двери, за которой находилась лаборатория первого корпуса: там пахло спиртом, царили холод и сырость, отчего Джастин сразу вспомнил ранние ученические годы. Свет уже горел. Сейфовая дверь холодильной камеры была распахнута настежь, и прямоугольник входа был освещен еще ярче.

Хлопнув входной дверью, Джастин услышал голоса. А потом из-за тяжелой двери лаборатории показался Флориан.

Не редкость увидеть здесь ученика, да и техника тоже: первая лаборатория считалась устаревшей, ибо блок «В» был оснащен куда более современным оборудованием. Впрочем, первая лаборатория все еще пребывала в рабочем состоянии, и ею пока пользовались, поскольку до блока «В» с его огромными родильными лабораториями нужно было еще дойти, а потом возвращаться обратно, да и старое оборудование было привычнее сложного в управлении нового. В последнее время сюда зачастила Ари. Она много работала над каким-то личным проектом в старой холодильной камере, ибо эта лаборатория в частности и первый отсек вообще идеально подходили для подобной цели.

Джастин решил, что начальница трудилась здесь над проектом «Рубин». Раньше его удивляло появление доктора Эмори в этой лаборатории, поскольку начальнице не было необходимости возиться со всем самостоятельно — в ее распоряжении находились высококвалифицированные техники. Но теперь Джастин уже ничему не удивлялся.

«Мне хочется курировать процесс лично — просто возникло желание вновь пойти в бой. Возможно, отчасти виновато и мое тщесла-

вие», — говаривала доктор Эмори.

Дело было настолько деликатное, что несколько недель подряд Джастин старался не попадаться женщине на глаза.

— Госпожа ждет вас, — доложил Флориан.

— Спасибо, — поблагодарил юноша нарочито обыденным тоном. — Не знаешь, зачем я ей понадобился?

— Я надеялся, что вы сами знаете, — отозвался ази. Черные глаза Флориана равнодушно скользнули по двери холодильной камеры. — Можете войти. Госпожа, пришел Джастин Уоррик!

— Пусть заходит, — послышался голос Ари.

Джастин приблизился к распахнутой двери в продолговатую лабораторию, где за рабочим столом восседала на табурете Ариана, занятая настройкой старомодного сепаратора. «Проклятие, — пожаловалась она, не поднимая глаз, — не верю, не верю! Придется заказать новый, из блока «В». С этим все равно ничего не получится». Женщина тотчас подняла голову, и Джастин, проходя в глубь лаборатории, невольно подивился порывистому движению ее руки. И лишь затем визитер понял, что случайно задел тяжелую дверь. Стремясь исправить оплошность, он вернул дверь в прежнее положение, мысленно

кляня собственную неловкость, ибо сейчас как никогда требовалось спокойствие.

— Проклятый аппарат, — продолжала возмущаться Эмори. — Джейн развела черт знает что! Даже коснуться страшно… Нет, нужно исправлять. Ну, как дела?

— Спасибо, все хорошо.

— Где Грант?

Сердце юноши учащенно забилось. Но в конце концов ему удалось подавить душевный трепет.

— Не знаю, — выдавил Уоррик-младший. — Я решил, что он уже у тебя.

— Конечно, а как же. Ночью Грант угнал лодку, вторую вывел из строя. Служба безопасности установила, что он уплыл к Кругерсам. Что тебе известно обо всем этом?

— Ничего. Ровным счетом ничего.

— Конечно ничего. — Ариана резко повернулась на винтовом табурете. — Твой напарник все спланировал сам.

— Думаю, да. Грант — парень способный, — отозвался Джастин, отмечая, что все прошло слишком уж легко, ибо от Ари можно было ожидать куда большего. Начальнице ничего не стоило начать издалека, а не брать быка за рога с самого начала. Уоррик-младший насторожился:

в своем теперешнем положении он напоминал себе пловца, которого быстрое течение несет к водопаду. Одновременно юноша вспомнил, что Флориан все еще оставался снаружи. Таким образом, никто не слышал слов начальницы — как и ее распоряжений. Вполне возможно, что рядом работали записывающие устройства. «Если бы он только сказал мне!» — сокрушенно вздохнул Джастин.

Ари прищелкнула языком.

— Хочешь взглянуть на рапорты службы безопасности? Ночью вы оба выходили. А вернулся ты один.

— Так я разыскивал Гранта. Он сказал, что возьмет у соседей большую сумку. Ушел, а назад не вернулся.

— Надо же! — Женщина с наигранным возмущением подняла брови.

— Прошу прощения, но все было именно так.

— Ты меня разочаровал. Я полагала, ты окажешься более изобретательным.

— Я рассказываю, как было.

— Вот что, мой юный друг. Твой поступок — настоящая кража, знаешь? А знаешь, что бывает, когда за дело принимается следователь?

— Да, — отозвался юноша, вкладывая в ответ

возможно большую уверенность. — Мне все хорошо известно.

— Здесь тебе не Сайтин.

— Знаю.

— Что-то ты нагловато держишься. С чего вдруг?

— Потому что вы не предъявите мне обвинение в суде.

— Что, хочешь побиться об заклад?

Понимая, что нужно как-то реагировать, Джастин улыбнулся. До сих пор он держался спокойно, не зная, угодил ли Грант в лапы Эмори.

— Да, я готов побиться об заклад, — наконец спокойно отозвался Джастин. — Конечно, я в вашей власти. Но зато Грант — нет. Пока меня и отца никто не трогает, Грант будет молчать. И волки сыты, и овцы целы, и жизнь продолжается…

— Так вот почему ты остался.

Джастин понял, что именно волновало до сих пор начальницу: его нелогичный поступок.

Джастин позволил себе улыбнуться еще шире, стараясь донести до противника собственное торжество. Он был один и на чужой территории, но…

— Одному из нас в любом случае нужно было остаться. Нужно же проследить, чтобы вы не

слишком суетились.

— Конечно. Это все Джордан придумал?

Уоррик-младший все-таки отреагировал: он знал, что выдал себя. Ответ сам собой сорвался с его губ.

— Нет.

— Стало быть, твоих рук дело, — с насмешкой выдохнула она. Восклицание и даже движения начальницы вызвали у юноши подозрение. Все — покачивание на табурете, жестокая улыбка, взгляд — говорили о ее крайнем удивлении.

Ариана и сама отслеживала реакцию паренька, сравнивая ее с манерами Джордана. В этом у нее был богатый опыт.

Но и Джастин не остался в долгу — он пренебрежительно повел плечами.

— Действительно, неплохо, — вымолвила женщина. — Но вот беда: ты обрек Гранта на большой риск.

«Он погиб! — ужаснулся Джастин, готовясь к самому страшному. — Конечно, она обязательно соврет».

— Я доверяю ему, — отозвался юноша.

— Имей в виду, твой план все равно содержит один существенный изъян.

— И какой же?

— Джордан. Вряд ли ваша затея ему понравится.

— Ничего, я поговорю с ним, — отозвался Джастин, поеживаясь от холода: казалось, змеившиеся над головой криогенные проводники вытягивали из его тела все тепло. Почувствовав, что уверенность его все убывает, Уоррик-младший снова попытался взять себя в руки. Когда-то отец обучил его этой тактике — попеременно повергать человека в ужас и вызывать у него облегчение, что теперь и делала Ариана, отслеживая выражение его глаз, легкое сокращение мышц. Свою задачу Джастин видел в скорейшем настрое на нужную волну, дабы окружить себя чем-то вроде невидимой непроницаемой преграды. Познав правила, можно с легкостью вести игру. Наконец юноша понял, что не ошибся. Вновь обретя уверенность, он улыбнулся и сообщил: — Отец здорово повеселится.

Лицо Арианы медленно расплылось в ухмылке, и невозможно было догадаться, выдала она себя или намеренно раскрыла суть своей тактики, дабы заманить его в ловушку.

— Выдержка у тебя есть, — молвила женщина. — И ты, кажется, не собираешься петушиться? Но учти, что не все так просто и всего не преду-

смотришь. Впрочем, должна признать, задумка действительно стоящая. Хотя второй раз подобное тебе вряд ли удастся.

— Я никуда не собираюсь убегать — во всяком случае, пока отец здесь.

— В этом, кажется, и заключается проблема? Но как же распутать образовавшийся клубок? Ты подумал об этом заранее? Представь, каково придется Джордану, когда наступит время улетать. Забавно выходит, верно?

— Наверное, хотите предложить мне что-то?

— Молодец! — рассмеялась Ари. — Умница, ничего не скажешь! Знаешь, ты преподал мне урок. В моем возрасте это нужно ценить особо. Ты действительно очень привязан к Гранту, раз решился на такое ради него. Да, ты к нему очень привязан. — Положив локти на стол, доктор Эмори печально оглядела подчиненного. А потом сказала: — Вот что. Джордан очень любит тебя. Это сказывается на твоем поведении. Должна признать, он проделал с Грантом гениальную работу. Именно такое воспитание нужно детям. Однако все имеет свою цену. Мы смертны и потому время от времени теряем людей. И скорбим, когда им нехорошо, верно? Ведь семьи — это так трогательно… Что же мы скажем теперь

Джордану?

— Не знаю. Что нужно, то и скажу.

— То есть столько, сколько он заслужил?

Перерыв, дабы снова собраться с мыслями. Потом Джастин улыбнулся, давая начальнице понять, что не станет спорить.

— Ну что же, — пробормотала доктор Эмори, — на сей раз Джордан может тобою гордиться. Хотя я и не считаю, что вы поступили мудро. План хорош, но причины — просто идиотские. Но что поделаешь: родственные чувства ослепляют, не так ли? Как думаешь, что сделает Джордан, если я отдам тебя под суд?

— Обратится к общественности. К Комитету. А вам это невыгодно.

— Но ведь здесь можно действовать и по-другому, не так ли? Что сделает Джордан, если его сын действительно совершил кражу со взломом, влез в дела, которые не имеют к нему никакого отношения. Словом, простор для размышлений здесь большой. Джордан начнет бросаться обвинениями, я начну бросаться обвинениями… Сам понимаешь, если это произойдет, твой отец ни за что не получит обещанного перевода — как бы не пеклись об этом его покровители. И вообще, они просто откажутся от него. И ты хорошо это

понимаешь. Именно так все сложится — при условии, что я не приму мер к поиску Гранта и судебному преследованию ваших сообщников. В этом и заключается твой промах. То есть я могу пойти тем же путем, что и вы: нарушить закон; и если кто-нибудь докопается до твоей роли в случившемся, если отец захочет выслушать твои оправдания по поводу… По поводу нашего общения в интимной обстановке… Уверена, что Джордан очень расстроится.

— Но и ты пострадаешь, если я сяду на скамью подсудимых. Тебе это невыгодно. Пока что тебя поддерживают в Совете. Если хочешь, чтобы все сорвалось, — лови Гранта. Я тотчас заговорю. Вот увидишь.

— Ты молодой пройдоха, — процедила Эмори. — Уверена, что ты отдаешь себе в этом отчет.

— В достаточной степени, чтобы понять: до поры до времени мои друзья воздержатся от определенных действий.

— С чего вдруг Кругерсам так радеть за тебя? Или, может, ты думаешь, будто они не захотят воспользоваться вами в своих интересах? Ты об этом подумал?

— Да ведь выбор у меня был небогатый? Но все должно пройти гладко: осуществляется перевод

Джордана, а ты сдерживаешься от преследований Гранта. Если меня допросят, я поведаю много интересного о твоем проекте. Сомневаюсь, что тебе понравится, как кто-то из ресионцев раструбит на весь мир о твоих замыслах.

— А вы опасны, молодой человек! — подавшись вперед, доктор Эмори наставила на него указательный палец. — Это все Джордан придумал?

— Нет.

— Но наверняка что-то посоветовал?

— Нет.

— Удивительно. Да и другие тоже несказанно удивятся. Если дело дойдет до суда, Комитет ни за что не поверит в непричастность Джордана. И когда встанет вопрос о голосовании, это будет свидетельствовать совсем не в его пользу, не правда ли? А потому лучше держать язык за зубами. Можешь выложить отцу столько, сколько сочтешь нужным, и будем считать, что сложилась патовая ситуация. Я не стану разыскивать Гранта и не буду арестовывать Кругерсов. И даже не пошлю к ним наемных убийц. Хотя все это мне по силам. Знаешь, я ведь могу устроить так, что ты погибнешь якобы в результате несчастного случая. Или Джордан. Что поделаешь: механизмы — вещь непредсказуемая.

Джастин ужаснулся, ибо и подумать не мог, что откровенность начальницы может зайти так далеко.

— Прошу тебя подумать еще вот над чем, — продолжала она, — то, что ты расскажешь отцу, либо поможет сохранить обстановку под контролем, либо разнесет спокойствие в пух и прах. Мне очень хочется, чтобы Джордан все-таки получил назначение на Фаргону. И потому я расскажу, что собираюсь предпринять для устранения образовавшейся по твоей вине путаницы. Джордан сможет улететь на Фаргону, как только там будет готово для него рабочее место. А когда он вылетит с сайтинской станции, ты будешь здесь. Ты поможешь Гранту вылететь следом за ним, едва установят коридор для «Надежды» и разработка проекта «Рубин» будет в самом разгаре. Все это должно побудить вас и вашего папашу держать языки за зубами и действовать так, как нужно мне. Военные все равно не позволят Джордану поднимать шум, ибо терпеть не могут, когда репортеры суются в их дела. Впрочем, есть и другой вариант — не откладывая посостязаться в суде. И неизвестно, кто выиграет, если придется переводить проект «Рубин» обратно на Сайтин и прекратить строительство комплекса

на Фаргоне.

«Я угодил в ловушку, — подумал Джастин. — Но мог ли я избежать ее? Что я сделал не так?»

— Согласен? — осведомилась женщина.

— Да, пока ты будешь соблюдать условия. А мне необходим перевод обратно в отцовский отдел.

— Э, нет — такого уговора не было. Останешься здесь. Более того: нам придется установить полное взаимопонимание. Сам знаешь: твой отец — человек очень гордый. Представь, как трудно ему дастся такой выбор: обратиться в Комитет и, соответственно, потерять уже достигнутое или молчать, сознавая, на что тебе пришлось пойти ради нашего соглашения. Что поделаешь: ты сам во всем виноват. Сам вооружил меня индивидуальными и законными средствами воздействия, и я воспользуюсь ими в случае необходимости. Мне ведь нужно заставить твоего отца хранить молчание. Самый легкий способ сделать это — воздействовать на одну из болевых точек. От тебя требуется лишь молчание, добросовестная работа и терпение. Ты, по сути, получил то, чего добивался — стал заложником освобождения Гранта и его примерного поведения. И потому, молодой человек, я требую от вас исполнительности, предоставления мне отчетов BRX в конце

каждой смены и результативности А пока поступай как знаешь: звони отцу и сообщай о якобы таинственном исчезновении Гранта — словом, говори что хочешь. Я не собираюсь мешать тебе. А часов в девять вечера добро пожаловать ко мне домой — доложишь о результатах. В противном случае будем считать, что все пошло не так, как мы условились.

Ариана умолкла, а Джастин еще размышлял, еще обдумывал ее слова. Впрочем, он знал, что подчинится. Юноша старался обнаружить в предложении начальницы замаскированные ловушки. То, что он сам уже угодил в ловушку, ускользало от его внимания. В данный момент более всего его ужасало приглашение в гости. Ибо дома у Ари все обычно и происходило…

— Можешь идти, — милостиво разрешила она.

Джастин ушел. Миновав дежурившего во внешней лаборатории Флориана, он вышел в коридор, потом за дверь с хитроумным замком, поднялся по лестнице и оказался наконец в общих помещениях первого корпуса. Всю дорогу до кабинета ему попадались какие-то люди, бормотали приветствия; смысл сказанного достигал рассудка Джастина с опозданием, и потому он не мог припомнить, с кем встретился.

А еще молодой человек не знал, как посмотрит в глаза отцу. Поначалу он решил связаться с Джорданом по телефону. Сообщить новость по телефону, а за обедом все объяснить. И поскорее покончить с этим. Отец должен видеть его убитым горем.

Ари права. Если Джордан начнет действовать, то наломает дров и все испортит. А потому, рассудил юноша, нельзя вмешивать в это отца…

Лучшим выходом из положения Джастину казалась возможность выждать, а затем собраться с силами и еще раз подумать, стоит ли посвящать отца во все подробности происшедшего.

Невзирая на то, что время — деньги.

6

— То, что мы натворили… — Джастин вертел в пальцах ножку бокала, через который пытался смотреть на окружающие предметы, не рискуя взглянуть в лицо отцу. — То, что случилось, мы уже давно планировали осуществить, окажись хоть один из нас в безвыходной ситуации. Она специально привязалась к Гранту — чтоб надавить на меня. Знаю, знаю: ты предупреждал, что в случае чего я должен рассказать все тебе. Но все случилось настолько неожиданно, что времени было в обрез. Мы точно не успели бы обратиться в суд, а потому пришлось действовать спонтанно. Для Гранта могло бы оказаться слишком поздно. Кто знает, как сильно она бы перепрограммировала его, прежде чем мы сделали бы ему инъекцию, если бы это вообще оказалось возможно… — Юноша выразительно повел плечами. — И вряд ли нам в конце концов удалось победить, ибо закон на ее стороне, к тому же затея с Фаргоной окончательно сорвалась бы — после того, как все с таким трудом утрясли. А потому я ухватился за возможность, которую счел единственной. Так мне казалось. Все, больше нечего сказать.

Отец и сын решили перекусить вдали от чужих глаз и ушей — на кухне у Джордана. Пауль организовал скромный обед — незатейливые сэндвичи — однако собеседники так и не притронулись к еде.

— Черт возьми, — пробурчал Джордан. Он мало что понял, но предоставил сыну рассказывать, не перебивая его вопросами. — Черт возьми, все равно ты должен был посвятить меня в положение дел. Я ведь просил…

— Я не мог. В этом случае Ариана обязательно решила бы, что это — твоих рук дело. Нам не хватало еще судебного разбирательства!

— Как, ты подал иск?

— Что до меня, то боюсь, что здесь все предельно ясно. Но это — часть договоренности. Потому-то я и остался. У Ари есть на меня какой-то компромат. Она решила использовать меня против тебя так же, как планировала использовать против меня Гранта. А теперь он ей не нужен, правильно?

— В этом ты прав — Грант действительно ей не нужен. Боже мой, сынок…

— Не все так печально. — Джастину удалось сохранить спокойный тон. — Я сказал, что она блефует. Она говорит… Говорит, что именно так все и будет: ты получишь назначение на новое

место, как только завершат фаргонский комплекс. Клянется всем на свете. Так что…

— Но в этом случае ты останешься здесь, и она будет вольна сделать с тобой что угодно!

— В этом случае, — негромко отозвался Уоррик-младший, — она будет знать, что может воздействовать на тебя, пока я в ее власти. Твое молчание нужно ей, пока осуществляются ее проекты. Военные не дадут тебе откровенничать на публике. Ари это понимает. Но и ее возможности не безграничны, а потому рано или поздно мы выберемся отсюда. В конце концов это произойдет.

Джордан долго хранил молчание. Наконец, подняв бокал, он сделал небольшой глоток, после чего поставил бокал на место.

И продолжал молчать.

— Мне вообще не следовало принимать к себе Гранта, — наконец сказал ученый. — Это ведь была затея Ари. Я знал, что так случится. Знал, подозревал все эти годы. Запомни: никогда не пользуйся добротой врагов!

— Но ведь тогда было уже поздно, не так ли? — бросил Джастин. Откровенность отца шокировала юношу, так что он едва не расплакался. Не сумев сдержать гнев, он с раздражением спросил: — Что еще мы могли сделать?

— Ты уверен, что он в безопасности?

— Я побоялся наводить справки. Думаю, Ари обязательно сообщила бы, если бы события развивались в худшую сторону. Я все продумал. Даже если Грант не дозвонился по номеру, которым я снабдил его, Кругерсы спрячут его до лучших времен. В конце концов Грант дозвонится.

— Это номер Мерильда?

Джастин кивнул.

— Боже. — Джордан встряхнул шевелюрой и в отчаянии взглянул на сына: — Но полиция легко доберется до Мерильда.

— Да ведь ты всегда твердил: если что-то случится… И повторял, что Мерильд — лучший друг Кругерсов. К тому же Ари не собирается заявлять в полицию. Она вообще не хочет ничего предпринимать. Она сама так сказала. Так что обстановка под контролем. Я уверен, что все сделал как надо.

— Ты уверен в себе куда больше, чем следует, — раздраженно бросил отец. — Грант неизвестно где, да и полиция запросто может нагрянуть к Кругерсам… Мерильда может не оказаться на месте. Ты ведь знаешь, что он разъезжает по всему континенту…

«Все-таки следовало предварительно позво-

нить ему», — мысленно выругал себя Джастин.

Лицо Джордана побагровело. Он снова отпил вина, и на сей раз темно-красной жидкости в бокале значительно поубавилось.

— Мерильд — адвокат. И потому этика для него — не пустой звук.

— Но у него есть и друзья, не так ли? Много друзей.

— Все равно это ему не понравится.

— Но ведь с таким же успехом к нему мог обратиться и я. — Неожиданно Джастин перешел от наступления к обороне. — Грант ничем не отличается от меня. И Мерильд это знает, так? Какой может быть разговор об этике, если он выдаст Гранта полиции?

— Все могло оказаться куда проще, и такие вопросы просто не возникли бы — если бы тебе хватило ума отправиться вместе с ним.

— Он принадлежит не нам, а лаборатории. Мое пребывание с ним было бы истолковано как незаконное.

— Но по тому же закону ты пока несовершеннолетний, к тому же налицо смягчающие обстоятельства — окажись ты рядом с Грантом…

— Да, но в этом случае дело неминуемо дошло бы до суда. Кто знает, какие обвинения нам

предъявили бы. Разве не так?

Джордан глубоко вздохнул и устремил на сына взгляд из-под кустистых бровей.

Юноша страстно желал услышать отрицательный ответ, к которому были бы присовокуплены веские аргументы — и тогда все окончательно встало бы на свои места…

Однако Джордан, беспощадно руша иллюзии сына, глухо уронил короткое «да».

— Выходит, все ясно, — отозвался Джастин, — верно? И тебе вообще не нужно дергаться, если вдруг все решится. Если у меня будут проблемы с Ари, я тебя извещу, можно?

— Как теперь? — уточнил ученый.

— Нет, не такие, как сейчас. Обещаю. Договорились?

Джордан взял с тарелки сэндвич, оставляя вопрос без ответа. И Джастин понял: не все так просто. Однако поделать с этим он ничего не мог.

— Тебе не стоит задерживаться здесь после моего перевода, — решил Уоррик-старший. — Я что-нибудь придумаю.

— Просто ничего никому не рассказывай.

— Я ничего не собираюсь рассказывать. Ари голыми руками не возьмешь, пойми. Она держит

слово только до тех пор, пока это ей выгодно. Случай с Грантом — лишнее тому доказательство. Она чертовски хорошо умеет сносить людям головы, учти это на будущее, если снова вздумаешь блефовать. О тебе, обо мне и о всех остальных она думает исключительно как о подопытных существах. Отношение к окружающим у нее сродни отношению к одному девятилетнему ази-садовнику: Ариана решила очистить его разум и запрограммировать на что-нибудь более подходящее, ибо к своей работе он оказался не способен. И еще она привыкла видеть вокруг себя простор. Если проблема неразрешима, то она не бьется над ней до последнего и даже не передает моим сотрудникам — а просто бракует неудачный генотип. В прошлом месяце, к примеру, она уничтожила трех совершенно здоровых ази — те показались ей опасными — только потому, что она не нашла времени возиться с ними, да и эксперимент подошел к концу — большего ей и не требовалось. Доказать это я не могу, ибо не располагаю конкретными данными, но знаю, что случай имел место. Вот с кем ты связался. Чужая жизнь для нее — ничто, помоги господь ее подопытным! К тому же общественное мнение ей безразлично, она неимоверно хитра, подотчетна

только закону Союза, и карман у нее далеко не пустой, а всех нас она держит на мушке. — Джордан отпихнул тарелку и резко сказал: — Сынок, не верь ее обещаниям. Она способна на все.

Джастин внимательно, даже напряженно слушал отца. Тем более, что от Арианы он уже знал: иногда в Ресионе бывают несчастные случаи.

7

Когда Джастин вышел из душа и надел часы на запястье, те показывали 20.30. Квартира показалась ему слишком тихой и гнетуще пустой.

Отчасти Уоррик-младший даже радовался, что избавлен от необходимости ночевать дома, во все еще непривычной тишине, рядом с опустевшей комнатой Гранта — радовался так, как радуется человек, нарочно прикусивший губу, чтобы боль в раздробленном пальце не казалась столь невыносимой. Потеря Гранта была мучительнее всех собранных воедино болей, и унижения, которые Джастин терпел от Ари, стали своего рода громоотводом, позволявшим хоть на время забыть о злоключении с братом — о злоключении, виновницей которого была все та же Ари.

«Чертова стерва», — то и дело думал юноша, потирая чесавшиеся глаза — об этом унижении он ни за что не собирался признаваться Ариане. Но больше всего Джастина беспокоил Грант. Руки Уоррика-младшего предательски тряслись при одной мысли об опасной переделке, в которой тот оказался, — тряслись так, что он не сумел даже водрузить на место колпачок аэрозольного

баллончика и, окончательно утратив самообладание, со всей силы запустил пластиковым колпачком в зеркало, от которого тот немедленно отскочил. Джастина обуяла страшная ярость: окружающие только тем и занимались, рассуждал он, что строили козни против него. В конце концов ему удалось взять себя в руки, вернуть флакон на место и побриться.

«Как покойника к похоронам готовлю», — вдруг подумалось юноше. Все, буквально все имели право влиять на его судьбу — даже отец, который не удосужился поинтересоваться, удобно ли ему носить приставку «РП» к имени и знать обо всех изменениях, которые должны были произойти с его организмом к сорока годам. Хорошо хоть, уныло думал Джастин, ему не грозит стать обладателем уродливой физиономии, но и точной копией отца он все равно не станет. На его лице появится отпечаток отцовской важности, последствия общения с друзьями и врагами отца. Вдруг вспомнилось, как когда-то Ари впервые подкараулила его на лабораторном складе.

Тогда он не знал, как себя вести; тысячу раз он мечтал, что когда-нибудь доберется-таки до Арианы и устроит ей такое, чего она никак не ждет от семнадцатилетнего юноши, ибо она была вдвое

старше даже его бабушки. Однако Джастину было всего семнадцать, он испытал сильнейшее потрясение и так и не подумал, какой выбор у него был, а только ошеломлено застыл и выдавил нечто нечленораздельное о необходимости куда-то идти — кажется, на какую-то встречу — а кстати, что госпожа Эмори скажет по поводу его отчета по проекту, номер которого он даже не сумел вспомнить…

Джастин всякий раз краснел, вспоминая тот день. Он тогда опрометью выскочил за дверь, так что забыл свою магнитную карточку и отчеты. Однако потрясение оказалось столь глубоким, что Уоррик-младший предпочел написать все заново, только бы не возвращаться. И теперь, оказавшись в безвыходном положении, он направлялся на свидание с Арианой, то и дело теша себя надеждой на возможное возвращение в случае удачной игры хотя бы части утерянного достоинства.

Ариана была стара, однако омоложенный организм пока функционировал без перебоев. Выглядела она как накануне полувекового юбилея; Джастин неоднократно видел голограммы Ари, сделанные в двенадцати — и шестнадцатилетнем возрасте — тогдашняя мордашка еще не

сформировалась в строгую привлекательность, которой госпожа Эмори могла похвастать теперь. В отличие от других женщин вшестеро старше его на Ариану все еще приятно было посмотреть, и вдобавок она обладала всем тем, что и Юлия Карнат, с намеренным цинизмом сказал себе Джастин. Она была даже лучше Юлии, ибо не скрывала своих намерений. Время от времени ресионцы спали друг с другом, если находили подходящего партнера, и в стремлении Эмори воскресить воспоминания юности с производной человека, который даже тогда, в свои семнадцать лет, был втрое моложе ее, не было ничего неестественного. Ситуация казалась бы даже забавной, если бы обстоятельства были менее драматичны, да и Джастин не был тем самым семнадцатилетним пареньком.

Оставалось неясным, способен ли Джастин оправдать ожидания, но, то и дело повторял он себе, с Ари можно по крайней мере попрактиковаться, ибо его предыдущий опыт взаимоотношений полов сводился только к общению с Юлией, которая в итоге попросила у него Гранта; это до того обидело Уоррика-младшего, что он не захотел встречаться с ней дальше. Теперь Джастин был уверен, что и отец успел скатиться к

женоненавистничеству. Ари же и вовсе была настоящей змеей, олицетворяла все отрицательное, достойное осуждения, однако Джастин считал, что ключ к разрешению ситуации — он сам и ничто иное. Если он поведет себя правильно, нанесет, по выражению отца, ошеломляющий удар, то обезоружит Ари. Так что подобная модель поведения представлялась лучшей возможностью снять проблему с повестки дня. Именно это он и вознамерился осуществить — стать настоящим мужчиной, выпутаться из всех хитросплетений и извлечь урок на будущее (хотя какие уж уроки — в определенном понимании — могла преподать ему женщина в нынешнем возрасте Ари!), позволить Ариане делать то, чего ей хотелось, вести собственную игру и в конце концов дать ей возможность либо продолжать, либо утратить интерес к этой игре.

Джастин надеялся, что сумеет оставить след в душе Арианы; столь зрелой даме не под силу околдовать юношу семнадцати лет, но сама она вполне может развить сильную душевную потребность в привлекательном и веселом партнере, да еще КВ. А потому Уоррик-младший решил сполна воспользоваться этим преимуществом.

Джастин решил создать начальнице проблему,

одновременно став ключом к ее решению.

Слабыми местами доктора Эмори Джастину виделись в ее возрасте и тщеславии. Однако, как полагал молодой человек, недостатки Ари были заметны лишь ему, ибо никому другому судьба не послала возможность оказаться тем семнадцатилетним юнцом, чьей любви Ариана страстно возжелала.

8

Подойдя к двери и нажав кнопку звонка, Джастин машинально взглянул на часы — они показывали 21.05. Юноша нарочно опоздал на пять минут, дабы заставить Ариану теряться в догадках по поводу причины. Она могла, к примеру, заволноваться, гадая, придет он или приготовит сообща с отцом очередной неприятный сюрприз. Однако Уоррик-младший в то же время не мог позволить себе опоздать более чем на пять минут, ибо госпожа Эмори способна была предпринять нечто ужасное, такое, что при всем желании не сумела бы предотвратить трагические последствия своего поступка.

Кетлин отперла дверь в квартиру, где Джастин еще не бывал. Квартира была отделана светлым искусственным камнем и обставлена белой мебелью — должно быть, интерьер обошелся хозяйке в весьма круглую сумму, хотя она вполне могла позволить себе подобную роскошь, которую остальные ресионцы видели только по телевидению, когда шли передачи из Государственного зала и тому подобных недоступных простому смертному мест. Белокурая Кетлин в черной фор-

ме с уложенными короной косами и как всегда безупречными манерами была здесь как нельзя более к месту. «Добрый вечер!» — учтиво приветствовала Кетлин гостя. Джастин мимоходом отметил, что сейчас ему выпал один из редких случаев, когда посторонний мог добиться от телохранительницы приветливого слова.

— Добрый вечер, — отозвался он, когда Кетлин закрыла дверь. Из глубины квартиры доносилась ненавязчивая мелодия: играла электронная флейта, бесстрастная, точно отделанные камнем комнаты, через которые музыка летела в коридор. Джастин ощутил, как у него по спине прокатился холодный озноб. Он так и не поел, если не считать пригоршни соленых чипсов в обед и сухой галеты на ужин, ибо считал, что в гостях у Ари его желудок вывернет наизнанку. Теперь же, чувствуя слабость в коленях и легкое головокружение, юноша сожалел об этой ошибке.

— Госпожа не имеет привычки проводить время в этой части резиденции, — доложила Кетлин, увлекая посетителя в глубь квартиры. — Здесь проходят только формальные встречи. Шагайте осторожнее — ковры скользят по полу. Я беспрестанно говорю об этом госпоже… Ну как — о Гранте нет новостей?

— Нет, — выдавил Джастин, отражая неожиданную атаку с фланга. — Я и не ожидал новостей от него.

— Рада, что он в безопасности, — доверительно сообщила Кетлин таким тоном, каким она могла бы беседовать о чем угодно — хоть о хорошей погоде. Девушка-ази всегда говорила ровно, без эмоций, так что невозможно было определить, действительно ли ей интересно что-нибудь или кто-нибудь. Она была прекрасна и холодна, подобно музыке, подобно залам, через которые вела гостя. Наконец они пришли; Джастин внимательно осмотрел комнату, похожую на пещеру, обшитую искусственным глазурованным деревом серовато-голубого оттенка. Пол был покрыт пушистым молочно-белым ковром, в котором утопали ножки зеленовато-серых стульев и необъятной бежевой кушетки. Из соседнего зала показался Флориан в униформе — столь же быстрый и умелый, как Кетлин, только темноволосый. Ази дружелюбно положил руку на плечо Джастину. «Передай госпоже, что гость уже пришел, — велел он напарнице. — Господин, выпьете что-нибудь?»

— Да, — отозвался Уоррик-младший. — Водку и печо, если у вас есть. — «Печо» назывался экзоти-

ческий импортный напиток; к тому же Джастин все еще пребывал под впечатлением от роскоши, которой Ари смогла окружить себя в Ресионе. Оглядевшись, юноша приметил в дальнем углу за баром статую Низшего — стильная скульптура передавала ритуальный образ схематично, но точно. На стенах висели картины — похожие репродукции Джастин видел в стандартных образовательных видеофильмах о временах, когда скорость кораблей еще не дотягивала до скорости света. Подумать только: такие ценности дано было лицезреть исключительно Ари и ее гостям!

Здесь было над чем задуматься.

Джастин вдруг вспомнил о том ази, о котором рассказывал отец.

Флориан принес заказанный напиток. «Садитесь же!» — предложил он, однако юноша предпочел подняться на галерею, что окаймляла зал по периметру, и получше разглядеть живописные полотна. Переходя от картины к картине, Уоррик-младший прихлебывал питье и призывал на помощь все свое самообладание.

Заслышав позади звуки шагов, он резко повернулся и увидел Ари, облаченную в переливавшееся на свету всеми цветами радуги платье, расшитое геометрическими фигурами и утянутое

в талии. То был явно неделовой костюм. Глядя на нее во все глаза, Джастин чувствовал все нараставшее биение сердца, ибо в ужасе догадался, что попал в очень неопределенную ситуацию, выхода из которой пока не предвиделось.

— Любуешься моей коллекцией? — уточнила женщина, указывая на завладевшую вниманием гостя картину. — Между прочим, моего дяди. Довольно хорошая работа.

— Здорово, — одобрил Джастин, на минуту теряясь, ибо он менее всего ожидал, что Ари начнет с воспоминаний.

— Он был мастер на подобные вещи. Тебе не доводилось общаться с ним? Конечно, нет, — он умер в 45 году.

— То есть до моего рождения.

— Проклятие, за временем просто не уследить! — подхватив гостя под руку, госпожа Эмори подвела его к следующей картине. — А вот это — настоящий шедевр Кисти Фаусберга. Несколько наивно, но зато именно таким было его первое впечатление от альфы Центавра. Теперь туда уже не летают. Эта картина мне особенно по душе.

— В ней действительно что-то есть, — согласился юноша, глядя на полотно со странным ощущением их древности и неожиданно созна-

вая, что картина действительно была написана человеком, самолично побывавшим в несуществующей уже звездной колонии.

— Когда-то люди не задумывались о ценности подобных вещей, — продолжала Ариана. — А я уже тогда знала. С первыми кораблями прилетело множество художников-примитивистов. Поскольку скорость кораблей была ниже скорости света, у них была масса времени, чтобы дать полный простор полету творчества. Фаусберг работал ручками для прокладки курса и акриловыми красками, и потому я, черт возьми, в конце концов настояла на разработке новой технологии консервации прямо на станции. Да, настояла. Мой дядя накупил в свое время великое множество полотен, и мне захотелось сохранить все в целости. Потому-то, собственно, до нас дошли картинны с «Арго». Большинство их сейчас находится в музее в Новгороде. А теперь Солнечная станция возжелала заполучить одну из работ Фаусберга — «Сигни-61» — и это очень скверно. Впрочем, мы можем пойти им навстречу — но только в обмен на что-нибудь равноценное. Я как раз подумываю об одном из полотен Коро.

— Кто такой Коро?

— Боже, мальчик, ты не знаешь! Представь

деревья, зеленые деревья. Видел когда-нибудь обучающие ленты о Земле?

— Целую кучу, — пренебрежительно отозвался юноша, на мгновение забывая свою настороженность и вспоминая виденные в разное время обучающие ленты о жизни на далекой Земле — еще более странной, нежели первобытный Сайтин.

— Ну так вот — Коро писал пейзажи. Помимо всего прочего. Нужно дать тебе кое-какие обучающие ленты. Посмотрим прямо сегодня. Эй, Кетлин, у вас есть сериал «Истоки искусства людей»?

— Уверена, что есть, госпожа. Я принесу.

— Вместе с остальным. Так вот, мой юный друг, это один из наших родственников… По фамилии Шевченко. У нас есть соответствующие записи. Бедняга скончался из-за отказа системы жизнеобеспечения, когда они только-только обустраивались на Питоне — то есть на побережье. Но он поработал на славу.

Алые скалы на синем фоне. Это было уже куда более знакомо и потому интересно. Втайне Джастин решил, что и сам способен изобразить нечто подобное. Однако юноша был слишком хорошо воспитан, чтобы высказать подобную мысль

вслух. Он время от времени делал наброски, даже пытался рисовать серьезно под впечатлением увиденных работ художников-исследователей. Не имея возможности летать на другие планеты и в звездные системы, он просто выдумывал их. И никогда в жизни не мечтал покинуть Ресион.

Пока подобная возможность не замаячила перед отцом.

В комнату вошел Флориан; он протянул хозяйке граненый хрустальный бокал, в котором золотилась какая-то жидкость.

— Апельсиновый сок с водкой, — пояснила она. — Пробовал когда-нибудь апельсиновый сок?

— Искусственный, — отозвался юноша, как и все, имевший возможность питаться в основном искусственными продуктами.

— Нет, я говорю о настоящем. Ну-ка, попробуй!

Юноша отпил немного из протянутого бокала. Вкус был странный, горьковато-сладкий, с примесью алкоголя. Вкус старой Земли — разумеется, если Ари говорила правду. Впрочем, никто, имевший возможность любоваться у себя дома подобными картинами, просто не мог преувеличивать свое благосостояние.

— Вкусно, — похвалил он.

— Не то что вкусно — чудесно. Сельхозсектор пытается экспериментировать с апельсиновыми деревьями. Мы думаем, что и здесь для них найдется подходящее местечко — так что не придется даже вожжаться с генетикой: есть веские аргументы в пользу того, что апельсиновые деревья отлично приживутся на Зонах. Апельсин — это ярко-оранжевый плод. Содержит массу полезных веществ. Не стесняйся, пей! Флориан, приготовь мне еще порцию, ладно? — Ари сильнее стиснула руку гостя, увлекая его вниз по лестнице к кушетке. — Ну, что ты сказал Джордану?

— Что Грант просто исчез и что в этом нет ничего страшного. — Опустившись на кушетку, Джастин сделал большой глоток из бокала и поставил его на бронзовый столик у изголовья, призывая на помощь все свое самообладание — насколько это было возможно в подобном месте и в подобном обществе. — Ничего больше я ему не сказал. Полагаю, что это мое дело…

— Неужели? — вкрадчиво спросила Ариана, придвигаясь еще ближе, отчего он ощутил отвратительную тяжесть в желудке. Положив руку пареньку на колено, Ариана приникла к нему. Как назло, Джастин не мог вспомнить ничего, кроме юного ази, о котором рассказывал

отец. Того самого ази, которого Ариана вместе с остальными отправила на смерть без видимых причин, причем несчастные даже не знали, что им грозит, — для них это был очередной приказ «явиться в медицинскую часть». — Дорогой, сядь поближе! Вот так. Приятно, да? И расслабься, зачем нервничать? — Обхватив руками бока юноши, она тотчас переместила чуткие ладони ему на спину. — Вот так, расслабься. Приятное ощущение, не так ли? Развернись-ка — я займусь плечами!

Ситуация все более походила на тот случай, когда Ариана подкараулила Уоррика-младшего в лаборатории. Юноша отчаянно соображал, как порезче ответить на столь возмутительное отношение к своей персоне, однако, как назло, в голову не приходило ничего подходящего. Подхватив бокал, он отхлебнул, потом еще раз, заодно отказавшись выполнить очередную просьбу хозяйки. Однако рука ее скользила все дальше…

— Какой ты упрямый! Послушай, ведь мы только заключим небольшую сделку. Тебе даже не обязательно быть здесь. От тебя требуется только выйти за дверь.

— Конечно, но почему бы тогда не пойти прямиком в спальню, черт возьми? — взорвался

Джастин, с трудом унимая дрожь в руках. Холод льда в бокале дошел через пальцы до костей. Не глядя на хозяйку, юноша залпом опрокинул в рот остатки напитка.

«Я могу убить ее, — беззлобно подумал Уоррик-младший, решив, что это будет поистине идеальное решение неразрешимой проблемы. — И Флориан с Кетлин даже не успеют помешать мне. Могу хотя бы сломать ей шею. А что смогут сделать они?

Напичкать меня разной дрянью и, заглянув в подсознание, узнать, что она творила со мной; ну и что — зато она свое получит.

Возможно, так я и сделаю. Возможно, это и есть способ покончить со всеми проблемами».

— Флориан, у него закончился апельсиновый сок — принеси еще! — распорядилась госпожа Эмори. — Ну же, милый, давай! Расслабься. Тебе все равно ничего другого не остается, и мы оба это понимаем. Или, может, сам хочешь попробовать? В этом вся проблема?

— Я хочу еще выпить, — пробормотал Джастин. Окружающий мир казался теперь нереально-ужасным. В любой момент Ариана могла начать разговаривать с ним тем тоном, каким обычно пользовалась при интервью — и то была только

часть жуткой ситуации, выхода из которой он не видел. Однако ему хотелось напиться, и напиться крепко, дабы в конце концов ослабеть, оказаться ни на что не способным — тогда Ариана, возможно, оставит его в покое…

— Говоришь, не доводилось раньше экспериментировать? — вопрошала Ари. — Только обучающие ленты, и все, я правильно поняла?

Джастин не ответил. Он лишь изогнулся на кушетке, чтобы лучше видеть, долго ли Флориан будет готовить ему очередной коктейль. Пареньку хотелось отвлечься, такая мелочь легко могла направить развитие событий совсем в иное русло.

— Ты считаешь себя совершенно нормальным? — спросила Эмори. Однако юноша снова промолчал. Он сверлил взглядом спину Флориана, готовившего заказанный коктейль. И ощутил руку Арианы на спине, мягкость подложенной подушки, почувствовал, как хозяйкина рука скользнула к его боку…

Флориан подал гостю напиток, и Джастин откинулся назад, упершись локтем в спинку кушетки, мелкими глоточками попивая водку с апельсиновым соком и ощущая, как проворная рука Ари продолжает гладить его спину.

— Вот что я тебе скажу, — прошептала женщина, — слушай. Помнишь, я упоминала об отношениях в семье? О том, что и они — своего рода обязательство? Знаешь, я намерена оказать тебе замечательную услугу. Как ты думаешь, какую?

— И какую же?

Руки Арианы сомкнулись вокруг гостя, а тот сделал еще глоток, стараясь подавить некстати возникшую тошноту.

— Тебе кажется, будто нежность — нечто похожее вот на это, — сказала Ариана. — Но ты заблуждаешься. Нежность не имеет с этим ничего общего. Секс — это то, чем ты занимаешься для себя по понятным тебе причинам. Потому, что это приятно. Вот и все. А когда по-настоящему сближаешься с кем-то и решаешь заняться этим от души, то в этом нет ничего предосудительного. Ты начинаешь доверять таким людям, но вот это уже лишнее. На самом деле доверять не стоит. Перво-наперво запомни: везде сразу не поспеешь. Во-вторых, это привязывает тебя к людям, которые не являются членами твоей семьи, и данное обстоятельство сильно искажает твое восприятие реальности — если не помнить первый принцип. Вот какую услугу я намерена оказать

тебе, милый. И потому не путай это с тем, чем мы здесь занимаемся. Так тебе приятно?

У Джастина перехватило дыхание. Он не мог думать. Сердце паренька бешено билось, пока ловкие руки Ари делали странные движения, от которых кожа гостя обретала поразительную чувствительность, толкая его все дальше к краю наслаждения — или исключительного неудобства. Теперь юноша не знал, как точнее охарактеризовать положение, в котором оказался. Сделав большой глоток, Джастин попытался сосредоточиться на чем-нибудь другом, ибо ему казалось, будто его все плотнее обволакивал странный туман, в котором невозможно было ориентироваться.

— Милый, как мы себя чувствуем?

«Неважно», — подумал Уоррик-младший. А еще он подумал, что напился вдрызг. Ощущения обострились до предела, и Джастин чувствовал двусмысленность своего положения, с трудом ориентировался в пространстве — ему казалось, будто голос Ари доносится с расстояния в тысячу миль, и не просто сзади, а еще и сбоку, проходя извилистый путь…

Ариана опоила его особым коктейлем, в который добавила вещество, применяемое при

просмотре развивающих обучающих лент. Юношу охватила страшная паника, в голове то и дело приходили самые противоположные мысли, побуждения давали знать о себе в хаотическом беспорядке, пока тело томно покоилось в вязкой, как сироп, атмосфере. Кажется, доза оказалась не слишком велика, ведь Джастин не потерял способность видеть, чувствовать, как Ари задирает его рубашку, водит пальцами по его обнаженной груди. И даже когда ощущение равновесия покинуло Джастина, он все равно что-то чувствовал — на сей раз головокружение. Комната точно поплыла. Уронив бокал, юноша ощутил, как ледяная жидкость заструилась по бедру, затекая под ягодицы.

— Ах, Флориан! Ну что же ты?

Джастину казалось, будто он проваливается в бездонную пропасть, хотя сознание он пока не потерял. Юноша попытался шевельнуться, но был полностью подавлен непреодолимой смесью звуков и ощущений. В отчаянии Джастин попытался усомниться в реальности происходящего, но это оказалось самым трудным. Уоррик-младший видел, как Флориан убрал опрокинутый стакан, чувствовал, что его голова лежит у Арианы на коленях, в лощине между ее скрещенными ногами,

и что он смотрит снизу вверх в глаза хозяйке, а та неторопливо расстегивает ему рубашку, чтобы снять ее окончательно.

Однако не одна она расстегивала на Джастине одежду. Неподалеку слышались еще голоса, хотя они нисколько не интересовали паренька. «Джастин!» — позвал кто-то, и Ари осторожно повернула его голову. «Можешь мигнуть, когда нужно, — прошептала она тоном, каким обычно говорили дикторы в развивающих обучающих лентах. — Тебе удобно?»

Джастин не знал. Ему было страшно и стыдно. Он ощущал множественные прикосновения к своему телу, потом его подняли и стащили на пол.

Теперь над ним возвышались Кетлин и Флориан. Оказалось, что его трогали именно ази, беспрестанно передвигая с места на место и делая с ним нечто такое, что ощущалось крайне смутно, хотя было ясно: творится нечто скверное и ужасное.

«Прекратите, — в панике подумал он, — прекратите, я не согласен. Я не хочу!»

Однако удовольствие все-таки было. Где-то в глубине души Джастин неожиданно ощутил настоящий взрыв наслаждения.

«Помогите! Мне это не нужно!»

Юноша впал в полубессознательное состояние, но тут Ари сказала:

— Ты не спишь, так ведь? Теперь ты понимаешь? Большего просто не может быть. Все отменно, как положено. Приятнее быть не может, с кем бы ты это ни пробовал. Обычная биологическая реакция. Вот теперь сразу первое и второе правила…

— Смотри же!

Началась обучающая лента — между прочим, эротическая. Постепенно действие на экране переросло в то, что происходило с ним самим. Джастину, хотя он всей душой не желал подобного удовольствия, было приятно, но в том была уже не его вина, да, не его вина…

— Кажется, он начинает приходить в себя…

— Ничего, дайте ему еще! Он сразу успокоится.

— Ничто не сможет так пробудить тебя, как обучающая лента. Правда, мальчик? И кто бы ни пытался. Что поделаешь — биологическая реакция. Повторяю, кто бы ни пробовал…

— Не двигайся…

— Боль и наслаждение, милый, идут рука об руку. За минуту они могут пересекаться дюжину раз, боль — переходить в удовольствие. Могу про-

демонстрировать. Ты еще вспомнишь, милый, на что я способна ради тебя. Ничто не сравнится с этим. Ты будешь вспоминать это всю жизнь… Но все будет уже не так…

Открыв глаза, Джастин увидел наклонившийся над ним силуэт. Сам он, обнаженный, лежал в незнакомой кровати, и чья-то рука успокаивающе трепала его по плечу, откидывала с глаз непослушные волосы. А Ари все повторяла: «Ну же, очнись!» Только теперь юноша понял, отчего так сильно прогибалась постель. Ари сидела одетой, а он…

Его сердце снова учащенно забилось.

— Милый, мне нужно на работу. Можешь спать дальше, если хочешь. Флориан приготовит тебе завтрак.

— Пойду домой, — пробормотал Джастин, откидывая простыню.

— Поступай как знаешь, — пожала плечами хозяйка, поднимаясь, отчего матрац перестал прогибаться так глубоко. Она подошла к зеркалу полюбоваться собственным отражением — демонстративно безразличная к тому, что глодало душу гостя. — Заходи, когда захочешь. Можешь поговорить с Джорданом.

— И что мне теперь делать?

— Что хочешь.

— Мне остаться здесь? — растеряно спросил юноша, осознавая, что, выдавая собственные опасения, он только усугублял свое положение, ибо Ари в будущем обязательно использовала бы его страх перед случившимся. Тем более, что в ее последней реплике проскользнула скрытая угроза — так, во всяком случае, показалось Джастину. Хотя голос женщины был лишен всяких эмоций. Голос Арианы на мгновение помог юноше забыть недавние злоключения с Грантом, который теперь прятался далеко отсюда. И потому Джастин бросил:

— Имей в виду — этот номер не пройдет!

— Неужели? — осведомилась Ари, взбивая волосы. Сегодня облаченная в бежевый костюм она была особенно элегантна. Обернувшись, она лучезарно улыбнулась: — Заходи в любое время. Сегодня вечером можешь сидеть дома. Впрочем, и сегодняшний вечерок мы могли бы скоротать вдвоем, верно? Можешь даже рассказать все отцу и помочь ему пережить последующий шок. В общем, расскажи ему все, что считаешь нужным. Разумеется, я все записала на пленку. Так что если он захочет кинуться в Комитет, я представлю веские доказательства…

Джастина прошиб холодный пот. Не желая выказывать панику, он улыбнулся. Стиснув челюсти, он смотрел и смотрел на начальницу, а она, тоже улыбнувшись, направилась к выходу. Джастин еще долго лежал в кровати, холодный, как ледышка, чувствуя неприятную тяжесть в желудке и испытывая приступы острой головной боли, сверлившей голову от темени до шеи. Кожа еще сохраняла сверхчувствительность и кое-где покраснела. На покрытой синяками руке виднелись четкие отпечатки чьих-то пальцев…

…Флориан!..

На мгновение в мозгу сверкнула вспышка — смесь ощущения и образа. Джастин, закрыв лицо ладонями, отчаянно пытался изгнать мучительное воспоминание. И понял: при помощи обучающей ленты ему сделали внушение на уровне подсознания. Со временем станут вспоминаться все новые подробности проведенной ночи. Пока что юноша мог только предполагать, что именно вспомнится ему в будущем. Но не было сомнения в том, что обрывки воспоминаний станут подниматься из глубин памяти на поверхность, вынося слова и целые фразы, образы и ощущения. Едва показавшись и озарив сознание, они погрузятся обратно — неполные, но ясные

и все умножаясь. И он ничего не сможет с этим поделать…

Откинув простыни, юноша соскочил с кровати, стараясь не смотреть на собственное тело. Проковыляв в ванную, он принял душ, намыливаясь снова и снова, энергично натираясь губкой и по-прежнему не глядя на себя, стараясь ничего не чувствовать и ничему не удивляться. Уоррик-младший усердно намыливал, обмывал и снова намыливал лицо и волосы, прополоскав с ароматизированным мылом даже рот, ибо не знал, чем еще смыть с себя скверну. Он то и дело сплевывал, кашляя от отвратительного мыльного привкуса, однако по-прежнему не чувствовал себя чище. Джастина все еще преследовал запах, который, как он помнил, принадлежал Эмори. Теперь он сам не только благоухал так же, но и ощущал его едва ли не носоглоткой.

Обсохнув под сушилкой, Джастин вышел в холодную ванную. На пороге тотчас показался Флориан с его одеждой, сложенной аккуратной стопкой.

— Господин, есть кофе, если хотите…

Джастин был потрясен: после всего ази мог говорить так спокойно! Как будто ничего и не было.

— Где у вас здесь бритва? — спросил юноша.

— На полочке, господин. — Флориан указал на дальнюю, отделанную зеркалами стену ванной. — Там же зубная щетка, расческа, лосьон. Что еще желаете?

— Ничего, — нарочито спокойно отозвался Уоррик-младший, подумывая о том, чтобы уйти домой. Потом закралась мысль о самоубийстве — ножом, взятым с кухни, или хранящимися в ванной таблетками. Но обязательное расследование наверняка повернет дело в политическое русло, а политика сожрет отца В то же время юноша подумал, что ночью ему в подсознание наверняка вживили особые импульсы — нечто вроде порыва к самоубийству и прочего. И потому он теперь вправе относиться с подозрением к любой нелогичной мысли, подвергать ее сомнению. Вчера таких импульсов была целая серия: чувства, эротические видения, пейзажи, старинные произведения искусства…

А потом — вещи более реальные, нацеленные в будущее. Разгневанный отец, он сам — мертвый, распростертый на полу в кухне. Восстановив в памяти последний образ, Джастин попытался видоизменить его, сделать менее реальным: например, представить как отправился в путе-

шествие за пределы территории комплекса в таком виде, что его тело, похожее с воздуха на груду белого тряпья, смогли обнаружить только через несколько часов с самолета. «Простите, господин, мы, кажется, нашли его», — наверняка скажет пилот.

Однако сейчас было не время проверять действенность вживленных ему в подсознание побуждений — на какие бы ни пал выбор Эмори. Когда человеческий ум погружался в развивающие обучающие ленты, он попросту вбирал их в себя. Образы, приведенные в обучающей ленте, имели тенденцию постепенно утрачивать выразительность, в то время как постоянная память срасталась с полученной от обучающей ленты, начиная развиваться самостоятельно. Стопроцентно надежного способа отыскать вживленную команду не существовало; однако и команда была не в состоянии заставить подопытного при ясном сознании совершать необходимые кому-то поступки — разве что был спущен заранее подготовленный «рычажок». И только если наркотики снижали порог, до которого человек контролировал свои действия: тогда подопытный попросту не мог анализировать все поступавшие к мозгу побудительные импульсы, отвечал на все без

исключения задаваемые вопросы, делал все, что приказывали.

Все, о чем просили и что приказывали — если этим просьбам и приказам удавалось преодолеть скрытые в подсознании барьеры системы ценностей и естественного самоконтроля. Располагая достаточным временем, психохирург мог найти ключ к системе ценностей и тем самым установить ее конфигурацию, ловко внедрив в нее пару-тройку аргументов, способных парализовать действие защитного механизма внутренней логики: перестроить систему и создать после этого новую микроструктуру, подсоединив ее к чему угодно по желанию психохирурга…

Сколько же вопросов содержалось в проклятых психологических тестах, которые Джастин вынужден был проходить по настоянию Арианы, якобы обычных и необходимых для первого блока — о работе, привычках, убеждениях, сексуальном опыте!.. А он, идиот, по наивности решил, что Эмори просто издевается над ним!

Избегая смотреть в зеркало, юноша оделся. Потом почистил зубы, побрился и причесался. С лицом все было в порядке — ни отметинки, могущей намекнуть искушенному человеку, что стряслось ночью. То было обычное лицо — лицо

Джастина.

Ариана, должно быть, получила истинное наслаждение.

Джастин улыбнулся, проверяя способность к самоконтролю. С этим все оказалось в порядке. В моменты, когда рядом не было Ари, самоконтроль был присущ ему. Ази госпожи Эмори в счет не шли.

Точнее, в счет не шел Флориан. Оставалось благодарить Бога, что его оставили на попечение именно Флориана, а не Кетлин. Ощутив приступ паники, Уоррик-младший неожиданно задался вопросом: почему он так странно отреагировал на одну только мысль о возможности общения с ледышкой Кетлин? Неужели его стали пугать женщины?

«Милый, боишься женщин? — вспомнился вкрадчивый голос Ари. — Прямо как твой папа».

Джастин продолжал причесываться. Ему вдруг страстно захотелось покончить с этой безмятежностью. Однако вместо этого юноша улыбнулся, снова проверяя степень самоконтроля, одновременно прогоняя напряжение, от которого ныли плечи, а под глазами обозначились темные круги. Выйдя из ванной, он улыбнулся Флориану.

«Он все ей выложит, — подумал юноша. — Не-

возможно размышлять, когда голова раскалывается! Черт, необходимо заставить его сообщить Ари, что со мной все в порядке. И все, большего от меня не требуется — нужно только сделать спокойное лицо и убраться отсюда».

Гостиная с белым ковром и картинами на стенах на мгновение напомнили о недавних ощущениях: наслаждении пополам с болью.

И тем не менее все это случилось, и случилось с ним. Воспоминания оказались своего рода бронеей, ибо Джастин понял, что бояться уже нечего — худшее позади. Приняв у Флориана чашку, он отхлебнул, унимая предательскую дрожь в руках. Как назло, дрожь охватила теперь все его тело, ибо внутренний озноб смешался с прохладой, созданной кондиционером.

«Холодно, — поежился юноша. — Наверное, с похмелья».

— Мне очень жаль, — посочувствовал Флориан, глядя гостю в глаза с типичной для ази чуть беспокойной, но уверенной искренностью: так по крайней мере показалось Джастину, ибо выглядело вполне естественно. Конечно, моралью здесь и не пахло — обычной моралью, не такой, как у ази: ни в коем случае не ссориться с гражданами, ибо те могли при случае отомстить. В данном случае

Флориан имел все основания для беспокойства.

…Флориан, прошлой ночью: «Я не собираюсь причинять тебе вред. Успокойся…»

Но лицо, как известно, зачастую не говорит, что на уме у его хозяина. Вот и сейчас Флориан продолжал улыбаться. «Спасибо».

Да, измываться над Флорианом было куда проще. Будь на его месте Ари, Джастин давно не выдержал бы. Как ночью. Но страх Флориана…

…Боль и наслаждение. Переплетаются…

Улыбнувшись, Джастин принялся мелкими глоточками пить кофе, наслаждаясь своей властью над ази. Время от времени Уоррику-младшему становилось стыдно за свое поведение, но еще больше его ужасало осознание того, что подобное поведение доставляло ему наслаждение. Это, сказал себе юноша, всего лишь обычный человеческий порыв, желание отомстить за недавнее унижение. Но, с другой стороны, он и вчера думал и поступал бы точно так же.

Только вряд ли Джастин вчера догадался бы, что именно доставляет ему такое наслаждение. Остался бы тайной даже самый факт того, что это действительно наслаждение. Он не стал бы задумываться о десятке способов вогнать Флориана в пот, поставить в ужасное положение — к

примеру, под предлогом, далеким от обеспечения безопасности Ари, отправить в вольеры сельхозсектора подальше от Дома. Словом, с Флорианом можно было бы сыграть злую шутку, ибо Флориан был всего лишь уязвимым ази — однако только в отсутствие хозяйки.

Вне всякого сомнения, Флориан отлично знал это. А поскольку он принадлежал Эмори, та наверняка могла сыграть на скромности Флориана и оставить его с гостем наедине. Объяснений могло быть множество.

— Мне тебя жаль, — пробормотал Джастин, кладя руку на плечо Флориану и сжимая пальцы посильнее — дабы тот ощутил боль. — Тебе, кажется, приходится здесь несладко? Она тебя устраивает?

«…Во-первых, запомни: это ты можешь получить везде. Во-вторых, это привязывает тебя к посторонним, не членам Семейства, и искажает твое представление о мире, если вовремя не вспомнишь первое правило. Именно так я и постараюсь оказать тебе услугу, милый. То, чем мы сейчас займемся, ты уже не спутаешь…»

Боясь шелохнуться, Флориан смотрел на гостя. И хотя плечо у него наверняка ныло — кстати, ази мог одним движением запросто сломать наглецу

руку — он даже не шевельнулся. «Впрочем, — подумал Джастин, — от ази Арианы и нужно было ожидать только стоического молчания».

— Что на самом деле нужно от меня Ари? — осведомился Джастин. — Может, ты уже догадался? Мне оставаться здесь или уйти домой?

Будто они с Флорианом были в равном положении! Оба ази и оба замышляли некий поступок. Сама эта мысль привела юношу в ужас. Впрочем, в какой-то степени Флориана можно было причислить к его союзникам. Ази был своего рода удобной для чтения страницей, вещью, пригодной для манипулирования; но прочесть правды в глазах Арианы Джастин все еще не мог — даже когда той случалось отвечать на его вопросы в нормальной обстановке.

— Господин, хозяйка предполагает, что вы отправитесь домой.

— А приглашать меня еще предполагалось?

— Думаю, да, — тихо-тихо отозвался Флориан.

— Сегодня вечером?

— Не знаю, — прошелестел ази и, помолчав, добавил: — Сегодня госпожа, наверное, будет спать.

Все казалось давно устоявшейся чередой взаимосвязанных событий.

Джастину вновь стало не по себе. Выходит, они все оказались в ловушке! Позиция, сказал бы Джордан — все зависит от позиции. Можно заниматься чем угодно — главное уверенность, что сможешь удержать ситуацию под контролем. И знать, почему выгодно поступать подобным образом, вот и все.

Жизнь была слишком малозначащей, чтобы за нее продавать душу. Но власть… Власть предотвратить событие, власть расплатиться с долгами — за это стоило поторговаться. И за безопасность отца тоже. И за надежду когда-нибудь как следует взяться за Ариану Эмори.

— Пойду домой, — сообщил юноша Флориану. — Приму что-нибудь от головной боли, посмотрю почту и отправлюсь на работу. Не думаю, что отец звонил мне домой.

— Господин, не могу знать.

— А я-то думал, вы следите за подобными вещами, — тихо, но резко бросил Джастин. Поставив на столик чашку, он сделал шаг, другой, на ходу вспоминая, где выход из квартиры, после чего решительно направился через анфиладу залов. Флориан безмолвно шел за ним, точно тень. Охранник Арианы — слишком обеспокоенный тем, как незаметно провести гостя через апарта-

менты госпожи, и слишком воспитанный, чтобы выказывать это открыто.

Вновь ощущая учащенное биение сердца, Уоррик-младший начал размышлять, насколько безопасно оставаться у себя. Юноша привык, что его всегда поджидал брат, чтобы как можно скорее обменяться новостями, наметить возможный выход из сложившейся ситуации — так у них было принято всю жизнь. Теперь Джастин, измученный голодом, чрезмерными возлияниями и наркотиками, подавленный и вместе с тем чувствующий удивительную легкость в голове, шагал все дальше, вспоминая, в какую сторону идти. Разум сам подсказывал дорогу: прямо через зал, уставленный хрупкими столиками с еще более хрупкой посудой.

Тройная арка, за ней — четырехгранные колонны из искусственного камня. Приемная — та самая, о которой Кетлин сказала, что она предназначена только для посторонних взглядов. Юноша вовремя вспомнил предупреждение насчет скользкого пола и ковров, благополучно одолел полированные каменные ступени и направился дальше — пол здесь слегка поднимался к выходу.

Дойдя до двери, Уоррик-младший отпер замок

— правда, Флориан мягко убрал его руку и сам откинул щеколду. «Господин, будьте осторожны!» — напутствовал ази. И, конечно, рассудил Джастин, это было куда более глубокомысленное предупреждение, нежели пожелание благополучного возвращения домой.

Снова вспомнился девятилетний ази. Вспомнился и погубленный Арианой другой ази. Тотчас Джастин представил себе, насколько беззащитны ази — все, даже Грант. И посмотрел на Флориана — у того с рождения не было никакой возможности постоять за себя, но, если не учитывать скрытые стороны характера, он был послушен и честен, точно святой. Ибо таким Флориана создали, в таком состоянии его поддерживали обучающие ленты — несмотря на поведение Ари, которое в других условиях могло бы сильно его изменить.

Эта загадка терзала Джастина всю дорогу, пока он, выйдя из квартиры Ари, шел по коридору, мучаясь слабостью и тем, что перед глазами все плывет, ибо все это — вспышки воспоминаний из обучающей ленты и физическое истощение — было частью кошмара, увенчавшего его ощущения.

Эмори сформировала Флориана — во всех смыслах, задала все его качества, хорошие и плохие.

Возможно, Ари не приложила руку к исходному созданию Флориана, но она и только она поддерживала его соответствие первоначальной модели — с самого раннего детства.

«Может, — подумал Джастин, — Ари просто хотела иметь рядом потенциальную жертву? Неужели так?»

Или ей нужен был подопытный экземпляр — для задуманного проекта?

«Взаимодействие. — Ответ сам собой поднялся из глубины сознания и тотчас погрузился обратно, отвратительный, точно тело утопленника. — Скрещивание линии».

Истина лежит между крайностями.

Противоположности нужны друг другу.

«Боль и наслаждение, милый… Все колеблется… Или ничто не существует. Все может переходить в иные состояния, а может вовсе не меняться. Именно по такому принципу летают корабли. И светят звезды. И развиваются живые существа».

Джастин подошел к лифту. Войдя в кабину, он прислонился к стене и опомнился, лишь когда двери распахнулись. Выйдя на своем этаже, Уоррик-младший качнулся: пол точно уплывал у него из-под ног. Однако юноша сумел удержать равновесие, добраться до своей квартиры и со-

владать с замком.

«С момента использования ключа в квартиру не входили», — сообщила Память.

«Не могу все время полагаться на это, — мрачно подумал юноша. Внезапно его охватила такая слабость, что кушетка показалась безнадежно далекой, а окружающие предметы — опасными. — Ни на что нельзя полагаться. Она в состоянии пролезть всюду, даже в систему обеспечения безопасности. Возможно, пока меня не было, здесь установили «жучки». С нее станется. И вряд ли можно узнать, способна ли Память распознать ее уловки. Ведь она умеет действовать виртуозно. И техника у них новейшая, секретная. Да, от нее только того и жди.

Возможно, и Джордан способен на такое».

Добравшись до кушетки, Джастин безвольно опустился на мягкую поверхность, откинулся, закрыл глаза.

«А если я здесь не один?» — подумал он.

…Голос Ари, мягкий и ненавистный…

«Я спланировала действия твоего папаши. Каждое в отдельности. Даже если мне было не под силу предвидеть микроструктуры поступков. Но микроструктуры значения не имеют».

Создатели обучающих лент поговаривали: мак-

роструктура задает микроструктуру. Ценностный шаблон определяет все остальное.

«Я спланировала даже тебя, милый. Ты — моя идея. Ведь у Джордана сильна потребность в товарищах. Думаешь, я лгу? Своим существованием ты обязан мне».

С замиранием сердца Джастин попытался представить, как из соседней комнаты выходит брат, спрашивает, что стряслось, и в конце концов помогает выйти из лабиринта, в котором он, Джастин Уоррик, оказался.

Ведь у Гранта в сознании — глубоко укорененная обучающая лента. Грант обязательно дал бы подходящий совет.

Но мечта так и осталась мечтой. А привычку, как известно, побороть трудно.

«И уж конечно, Грант — тоже моя идея. Можно сказать, я его сделала».

Джастин вспомнил, что должен идти в лабораторию. Выбраться из изоляции, в которой структуры обучающей ленты могли окрепнуть и развиться до неконтролируемых пределов. Следовало как можно скорее заняться повседневными делами, занять ум, дать ему возможность отдохнуть и неспешно во всем разобраться.

Если бы только можно было дать отдых еще и

телу — вздремнуть!

— Пожалуйста, сообщения! — приказал юноша Памяти, вспоминая, что все равно пришлось бы узнавать, звонил ли отец. Или кто-нибудь еще.

Звонки были — но самые безобидные. Звонили консультанты из отдела. Из администрации. Предупредительное извещение о недопустимости незаконного проникновения в чужую систему. Слушая доклад Памяти, Джастин незаметно уснул, а проснулся, что называется, рывком, впившись в изголовье кушетки, и эротическое видение-вспышка плавно перетекло в напоминание о необходимости надеть что-нибудь с длинными рукавами и высоким воротником, замазать тональным кремом синяки; можно было усыпить бдительность отца, сообщив, что Ари назначила ему на дополнительное дежурство в лаборатории — это было вполне логично, ибо Джордан уже знал, что Ари недовольна его сыном. В любом случае Джастин не мог позволить себе оказаться лицом к лицу с отцом, пока вновь не обретет спокойствие.

Из задумчивости юношу вывел легкий щелчок — Память, перечислив звонки, отключилась. Джастин, к своему неудовольствию, понял, что прослушал только половину сообщений и что

повторно прослушать их уже не удастся, ибо несколько дней назад он сам настроил Память на режим доклада с последующим стиранием записанного.

9

Грант завидел самолет издалека — еще прежде, чем они дошли до взлетно-посадочной полосы. Однако то была не элегантная машина «Ресион-эйр», а обычный грузовой самолет с закрытыми иллюминаторами. Возле группки ожидавших притормозил автомобиль. «Здесь», — сказал водитель — это было единственное сказанное им за всю дорогу слово. Шофер указал на людей, к которым должен был отправиться Грант.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарил юноша. Открыл дверцу, вышел, прихватил сумку и с бьющимся сердцем шагнул навстречу незнакомцам.

Слава Богу, не все встречавшие оказались незнакомцами: среди них Грант завидел Хенсена Кругерса, который поспешил взять инициативу на себя. «Это Грант. Грант, эти люди увезут тебя отсюда», — Кругерс протянул руку, и Гранту пришлось ее пожать, что также взволновало ази: к таким жестам он не привык. Вообще его смущало буквально все. Один из незнакомцев назвался Винфридом; женщину — судя по комбинезону без единого опознавательного знака, летчицу — он представил как Кенни. Здесь же были двое

других — Ренц и Джеффри, причем последнее было то ли фамилией, то ли именем ази: Грант не разобрал. «Давайте трогаться!» — предложила Кенни. Она вообще была взвинчена; о волнении свидетельствовали и ее взгляд, и скованные, неестественные движения, когда она вытирала ладони о покрытый пятнами комбинезон. «Ну, тронулись?» — снова спросила она.

Остальные многозначительно переглянулись, так, что у Гранта по коже побежали мурашки. Юноша пытливо оглядел встречавших, стараясь догадаться, не из-за него ли возникло замешательство. Спорить с чужими было выше сил беглеца: проблемы за него всегда решал Джастин. Грант всегда четко представлял себе свое место и обязанности: во всем слушаться начальства. Правда, Джастин требовал от него протеста, если что не так.

— Отправимся к Мерильду? — полюбопытствовал юноша, ибо до сих пор не услышал из уст встречавших имени, которое во что бы то ни стало желал услышать перед дорогой.

— К Мерильду, — успокоил Винфрид. — Ну же, в дорогу! Хенсен!

— Без проблем — свяжемся позже. Договорились?

Грант заколебался, вопросительно глядя на Кругерса и сознавая, что перестал понимать происходящее. Но юноша подумал, что знает ровно столько, сколько ему собирались сообщить. И направился к трапу самолета.

Символа компании на самолете тоже не было — только серийный номер, A7998. Белый самолет с облупившейся кое-где краской и забрызганным красноватой грязью брюхом. «Опасно, — подумалось беглецу. — Разве самолеты здесь не обмывают пеной? А где бригада по обеззараживанию?» Вскарабкавшись по трапу, Грант вошел в самолет, миновал кабину пилота и, оглядевшись в обшарпанном салоне, уставился на шедших следом Джеффри и Ренца, за которыми шагал Винфрид.

Хлопнула дверь — Винфрид запер ее. Вдоль стены тянулись откидные сиденья. Схватив Гранта за руку, Джеффри опустил одно сиденье и помог пристегнуться. «Сиди все время здесь», — предупредил он.

Грант послушно замер, с бьющимся сердцем чувствуя, как самолет разгоняется и набирает высоту. Ази не привык летать. Изогнувшись, он приподнял оконный щиток, желая выглянуть наружу. Тотчас в иллюминатор — единственный

в отсеке — хлынул свет. Внизу виднелись башни и скалы, проплывали речные доки.

— Опусти, — распорядился Винфрид.

— Простите, — извинился юноша, опуская щиток на место. Приказ не слишком понравился пареньку, ему хотелось посмотреть в иллюминатор. Но попутчики явно не были расположены к дискуссиям — Грант сразу почувствовал это по тону Винфрида. Открыв врученную ему перед отлетом сумку, юноша проверил, что дали на завтрак, неожиданно осознав, что есть в присутствии остальных, у которых ничего при себе не имелось, невежливо. Снова упаковав съестное, Грант отложил сумку в сторону до тех пор, пока Ренц не поднялся с места и не вернулся из соседнего отсека с несколькими банками какого-то напитка. Одну из банок предложили Гранту — это был единственный доброжелательный жест со стороны попутчиков.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Мне, кажется, тоже дали кое-что…

Беглый ази наконец решил, что настало время подкрепиться. За ночь он так устал, что во время ужина почти не притронулся к еде, а потому соленая рыба, хлеб и напиток, собранные в дорогу Кругерсом, казались теперь самой изысканной

пищей — хотя Грант предпочел бы выпить кофе.

Ревя моторами, самолет несся все дальше. Попутчики время от времени переговаривались и, поднимая защитные шторки, смотрели в иллюминаторы — в основном почему-то по правому борту. Иногда несколько слов вставлял пилот — его речь из кабины была едва понятна. Доев рыбу и хлеб, осушив банку, Грант узнал, что самолет набрал высоту семь тысяч метров, а чуть позже — десять.

— Господин! — раздался утром незнакомый голос, и чья-то рука отворила дверь в комнату, которую ему выделили в доме Кругерса. Грант тотчас испуганно проснулся. Все казалось нереальным — даже незнакомец, почему-то назвавший его господином. Ночью Грант почти не сомкнул глаз и задремал лишь под утро, чтобы очнуться с тяжелой головой, плохо понимая, где он и который теперь час.

Накануне у него забрали личную карточку — когда ночные сторожа привели его с причала мимо складов в этот дом на холме. Сам Хенсен Кругерс изучил его личную карточку, которую потом куда-то унес — проверить подлинность, предположил Грант и пришел в ужас: ведь без карточки он был никто. Если карточка вдруг

пропадет, то потом его личность можно будет подтвердить только в результате сложной экспертизы, даже если он и существует в единственном экземпляре — в чем юноша, несмотря на заверения Джордана, сомневался.

Однако карточка вернулась вместе со стопкой одежды и чистых полотенец, которые положили на стул у двери. Незнакомец предложил Гранту принять душ, поскольку самолет уже прилетел и за юношей был выслан специальный автомобиль.

Грант не заставил себя уговаривать — все еще чувствуя головную боль и мучаясь расплывчатостью видения, он пулей вылетел из кровати, отправился в ванную, хорошенько ополоснул лицо холодной водой и оглядел себя в зеркале: воспаленные глаза явно требовали продолжения сна, а всклокоченные каштановые волосы топорщились во все стороны.

Боже, как Гранту хотелось произвести хорошее впечатление на окружающих, выглядеть рассудительным и спокойным, а не — как наверняка сообщили из Ресиона — беглым альфа, свихнувшимся и потенциально опасным.

Если попутчики составят о нем неблагоприятное впечатление, предположил Грант, его вернут

в Ресион. В этом случае им даже необязательно обращаться в полицию; да и Ари может попытаться предпринять нечто подобное. Должно быть, Джастин уже побывал у Эмори — Грант мог только гадать, как пришлось выкручиваться брату. Беглый ази старался не думать о дурном и всю ночь гнал ужасные мысли, лежа в кровати и вслушиваясь в ночные звуки незнакомого дома: скрип дверей, пыхтение насосов и обогревателей, гул снующих туда-сюда автомобилей.

Спешно приняв душ, Грант облачился в принесенную одежду — рубашка пришлась впору, а вот брюки оказались то ли великоваты, то ли плохо скроены, — аккуратно причесался и, напоследок оглядев себя в зеркале, направился вниз.

— Доброе утро! — приветствовал Гранта кто-то из обитателей дома — молодой мужчина. — Завтрак вон там, на столе. Они уже в пути. Так что берите еду с собой и идите.

Непонятно почему Грант встревожился — возможно, испугался странной поспешности, ибо привык к размеренной жизни, где все было известно наперед, где он знал, от кого ждать подвоха или, наоборот, помощи. Теперь же, когда по заверениям Джастина ему полагалось быть на свободе и в безопасности, Грант просто не знал,

как защитить себя в случае чего. Оставалось только беспрекословно выполнять все, о чем просили окружающие. Как и подобает ази: «Да, господин!»

Моторы самолета размеренно гудели, и беглец, уронив голову на грудь, наконец смежил веки — выбившийся из сил, он устал смотреть на скудное убранство салона, задраенные иллюминаторы и насупленных попутчиков; юноша решил, что молчание, возможно, чуточку облегчит путешествие, и, проснувшись уже в Новгороде, он встретится с Мерильдом, который в свою очередь позаботится о его дальнейшей судьбе.

Беглец проснулся от перемены в тональности гула моторов — самолет менял высоту. Очнувшись, Грант тотчас впал в сильнейшую панику, ибо по расчетам выходило, что они должны были прилететь в Новгород целых три часа назад, но Новгородом пока, был уверен ази, и не пахло. «Мы идем на посадку? — испуганно вопрошал он. — Что-то стряслось?»

— Все в порядке, — заверил Винфрид и добавил, завидев, что беспокойный пассажир вновь пытается заглянуть в иллюминатор: — Да перестань же! — Грант наивно полагал, что его желание выглянуть в окошко не должно волновать по-

путчиков. Но, судя по столь бурной реакции, все обстояло иначе.

Самолет снизился, шасси коснулось взлетно-посадочной полосы; сработали, как и положено, тормоза, и крылатая машина сбавляя скорость, подрулила, как хотелось верить Гранту, к новгородскому аэровокзалу. Едва самолет остановился, как все вскочили со своих мест, дверь распахнулась и управляемый гидравликой трап плавно скользнул вниз. Грант тоже поднялся, предусмотрительно подхватив и пухлый бумажный пакет, — юноша все еще был полон решимости не давать спутникам повода жаловаться на его манеры — и выжидательно застыл, когда Винфрид взял его за руку.

Снаружи не оказалось они одного большого здания. Только скалы и заброшенного вида ангары; воздух отдавал чем-то резким и сухим. К самолету уже катил автобус.

— Где мы? — с ужасом спросил Грант. — Разве Мерильд живет здесь?

— Все в порядке. Идем.

Беглыйази на мгновение оцепенел. Он мог отказаться идти. Мог сопротивляться. Но дальше этого все равно не пошло бы — ведь он не имел ни малейшего представления, куда попал и как

управлять самолетом, если бы даже вдруг удалось его захватить Еще есть автобус — можно было попытаться спастись на нем; но, опять же, Грант не знал, куда его завезли. В этом захолустье в баках автобуса запросто могло закончиться горючее, и тогда можно было смело готовиться к смерти. Повсюду, насколько хватал глаз, царило запустение. Глушь.

Можно было надеяться добраться до телефона, если попутчики сочли бы его поведение достаточно кротким и ослабили бдительность. Номер телефона Мерильда прочно врезался в цепкую память Гранта. Все эти мысли пронеслись в его голове, пока он озирался по сторонам, и оборвались, когда Винфрид снова схватил его руку.

— Да, господин, — покорно отозвался ази, спускаясь по трапу — чего и хотели попутчики; возможно, надеялся Грант, его все-таки доставили к Мерильду. Юноше хотелось верить, что спутники говорили правду. Впрочем, с каждой минутой он все сильнее сомневался в их искренности.

Доведя Гранта до автобуса, Винфрид распахнул дверь, подтолкнул его внутрь и влез сам. Следом в автобус погрузились Джеффри и Ренц. В автобусе было семь сидений — по одному у каждого оконца и последнее в торце; Грант уселся впереди,

а Винфрид — рядом, в то время как двое других пристроились сзади.

Грант внимательно осмотрел окна и двери: те были основательно загерметизированы. Настоящий транспорт для путешествия по захолустью!

Зажав руки между коленями, ази безмолвно наблюдал, как автобус, фыркнув, тронулся с места и пересек взлетно-посадочную полосу, но направился не к строениям, а к дороге — возможно, именно по ней здешние обитатели добирались к башням очистки воздуха. Вскоре пошла грунтовая дорога, а потом, когда дозорные башни остались позади, закончилась и она: теперь автобус то взбирался на голые возвышенности, то спускался в лощины.

Началась неосвоенная местность.

Грант начал готовиться к худшему. Возможно, решил беглец, у него сначала выпытают все им необходимое, а потом просто прикончат. Это могли быть люди Эмори, хотя, впрочем, решать проблемы таким образом было совсем не в ресионском стиле, ведь его без труда могли втайне от отца и брата доставить обратно в Ресион — отправить любым из обычных рейсов, после чего перебросить автобусом в один из удаленных от основных корпусов бараков и делать с ним все,

что заблагорассудится, до тех пор, пока наконец (при желании) не появилась бы возможность открыто заявить о его поимке.

Но еще более вероятным казалось предположение, что Грант угодил в руки врагов Арии. В этом случае с ним могло произойти что угодно — тогда попутчики наверняка были бы заинтересованы в том, чтобы он никогда не заговорил.

Что бы ни случилось, было совершенно ясно: Кругерс был обо всем осведомлен, и не обошлось без денег… «Возможно, — подумал Грант, — недалек от истины давний слух, будто декларируемая Кругерсом приверженность идеям гуманизма на поверку — чистой воды вымысел». Чего-чего, а вымыслов в Ресионе хватало. Возможно, и к этому приложила руку сама Ари. А может, Кругерс просто сумел одурачить всех — возможно, он решил провернуть параллельно с прочим и свое дельце, составляя при любой удобной возможности поддельные Контракты. Грант не исключал также, что его просто продали на шахту или рудник в глубине материка или, чего доброго, туда, где его могли попробовать переучить. Попробовать — могли. Грант был в состоянии провести любого, кто вздумал бы возиться с его программными структурами — но до определенного уровня. Что

до прочих уровней…

Здесь ази был уже не столь уверен.

Попутчиков было четверо, включая водителя; такого рода субъекты наверняка имели при себе оружие. Да и запоры на двери автобуса выглядели надежными.

Зажав руки между коленями, Грант отчаянно размышлял над ситуацией. Самым благоприятным выходом ему виделась возможность добраться до телефона. Возможен — если спутники действительно поверили ему — был и угон автобуса: стоило только разузнать, в какой стороне цивилизация и достаточно ли в баках горючего, чтобы туда добраться. Благоприятная возможность могла представиться не сразу, а, скажем, только через несколько дней. А то и недель.

— Думаю, теперь ты понял, — наконец пробормотал Винфрид, — что попал не туда, куда должен был попасть.

— Да, господин.

— Мы друзья, поверь.

— Чьи друзья?

Винфрид положил руку Гранту на локоть:

— Твои друзья.

— Да, господин, — смиренно молвил юноша, решив со всем соглашаться и ни в коем случае не

перечить — пусть болтают, что хотят.

— Ты расстроен?

Грант про себя рассмеялся: собеседник напоминал ему рядового надсмотрщика, беседующего с рабочим класса мю. Стало быть, этот человек полагает, будто ему известно, что они затеяли. Открытие было одновременно приятной и удручающей новостью — в зависимости от того, насколько глубокой этот идиот считал осведомленность Гранта относительно наркотиков и обучающих лент. До сих пор Винфрид обращался с ним не так, как полагалось. Однако беглыйази ничем не выдал себя, поскольку считал, что в такой ситуации попутчики все равно не смогут использовать его в своих интересах и им куда выгоднее придержать его до поры до времени… Грант также считал похитителей далеко неглупыми, но все же неспособными догадаться, что классификация альфа, как следовало из его личной карточки, отнюдь не подразумевала наличие физиологической заторможенности, свойственной, по мнению урожденных людей, всемази. Во избежание возможных проблем им следовало накачать его наркотиками и перевозить в беспомощном состоянии, исключающем эксцессы.

Но, конечно, Грант не собирался указывать

похитителям на их ошибки.

— Да, господин, — преданно повторил он на одном дыхании, как полагалось какому-нибудь ази класса тета.

Винфрид потрепал его по руке:

— Вот и хорошо. Ты — свободный человек. Будешь свободным.

Грант недоуменно заморгал, тем более что продолжать игру от него не требовалось. Обращение «свободный человек» добавляло к уравнению несколько новых неизвестных и значительно усложняло его — что очень не понравилось юноше.

— Мы держим путь в горы. Там есть одно безопасное местечко, где тебя точно никто не найдет. Дадим тебе новую карточку. Научим ориентироваться в городе.

«Научим, — мысленно повторил Грант. — Стало быть, они затеяли переподготовку. Боже, я что, влип?

Похоже ли это хоть отчасти на то, что задумал Джастин?»

Внезапно он испугался, ибо на ум ему пришла совершенно новая мысль: противодействуя подозрительным попутчикам, не сорвет ли он какой-нибудь план Джастина…

…Или Джордана, который, узнав о случившемся, вмешался бы и…

Эти люди вполне могли оказаться единственными надежными друзьями, искусно игравшими свои роли, они могли действительно везти его навстречу свободе. Но переподготовка, если спутники действительно планировали ее, могла серьезно затронуть психический склад Гранта. Волею судьбы он родился ази, поэтому не имел в этом мире ничего — даже собственного достоинства и собственных мыслей. Его чувства были искусственными, привитыми, как и у других ази, и беглец хорошо знал это и смирился, не восставал против отсутствия выбора: по крайней мере, имеющееся было реально и действительно принадлежало ему.

Между тем попутчики толковали что-то о свободе. И о переподготовке. Возможно, отец и сын Уоррики действительно планировали его судьбу таким образом — и тогда ему оставалось только принять все как есть, даже если придется лишиться всего, заменив теплое ощущение дома холодным чувством свободы. Ведь Уоррики не могли более позволить себе держать его рядом, так как любовь к нему оказалась чревата для них серьезными неприятностями. Что ж — жизнь

полна парадоксов.

Но себе-то юноша мог признаться, что совершенно запутался: он не знал, к кому попал и как вести себя.

Может, попросить у них разрешения воспользоваться телефоном, отправить сообщение Мерильду, узнать, действительно ли все идет как задумано?

Но если они Мерильду не друзья, то сразу смекнут, что он не столь послушен, и станут действовать осторожно. Если его спутники — не те, за кого себя выдают, если происходящее идет вразрез с планами Уорриков, то они обязательно постараются не дать ему ни единого шанса выбраться из переделки…

Размышляя так, Грант смотрел на проплывавший за окном однообразный пейзаж, терпя на своем локте руку Винфрида. На сердце у ази было так тяжело, что даже щемило.

10

Казалось просто нереальным, что жизнь теперь войдет в привычное русло, что повседневные тишь да гладь Ресиона будут непоколебимы, что бы ни случилось, несмотря на то, что тело Джастина все еще ломило, а самые невинные обстоятельства тотчас будили в его сознании вживленные кусочки обучающей ленты. Однако с каждым часом жизнь казалась все более спокойной и размеренной — конечно, так и должно было быть; конечно, с незапамятных времен люди занимались сексом друг с другом и платили сексом за безопасность: такова жизнь, и он, Джастин, уже не ребенок, чтобы испытывать столь глубокие эмоциональные потрясения — сознание ему туманило не одно лишь похмелье, сказывались новые последствия положения, в котором ему лучше было не оказываться вовсе. Зато он был жив, Грант уплыл и тоже находился в безопасности, и Джордану ничего не грозило. Но только ему следовало быть умнее и с самого начала учитывать изворотливость Арианы Эмори.

Выше голову, тверже шаг, напрячь ум — пока голова не затрещит!

«Мальчик, но ведь ты сам желал Гранту свободы! Тогда, может, заменишь его?»

…Уйти из квартиры, отправиться на работу, улыбаться знакомым, удостовериться, что его дела идут по-прежнему, как и вчера, как и всегда в первом отделе — вот Джейн Штрассен клянет своих подчиненных на чем свет стоит и устраивает скандал из-за сбоев в ремонте оборудования; вот Янни Шварц пытается утихомирить расходившуюся госпожу Штрассен; краем уха ловить неясные отголоски спора в коридоре. Усевшись за рабочий пульт, Джастин мигом окунулся в рутину, занявшись моделированием обучающей ленты, полученной от Арианы неделю назад. Работа оказалась достаточно сложной, чтобы изгнать неприятные воспоминания.

Джастин был осторожен. Иногда попадались штуковины, обнаружить которые не мог даже уловитель AI. Между теперешней работой Уоррика-младшего и подопытными ази стояли еще и высококвалифицированные разработчики обучающих лент, но нельзя было забывать и об обучающих лентах-ловушках, созданных специально для отсеивания случайных привязок в определенных психических шаблонах: это была лента глубинного внушения, одна из тех, кото-

рыми психохирурги пользуются для подгонки определенных подшаблонов KU-89 под выполнение ограниченных управленческих функций.

Ошибка, допущенная создателями обучающих лент, могла дорого обойтись, поскольку причинила бы непоправимый вред как самим KU-89, так и оказавшихся подчиненным им ази; могла привести к преждевременному износу, если работа с самого начала пошла бы не так, как задумано. Подобный исход мог присниться создателю обучающих лент только в кошмарном сне, ибо ошибка была чревата образованием в живом интеллекте изъяна, вызревающего на протяжении недель и даже лет и в конечном итоге превращающего носителя бракованного интеллекта в обладающего всё более безумной день ото дня логики. Достаточно было любого выходящего за рамки логики стимула — и пагубность случившегося становилась очевидна.

По этой проблеме даже как-то вышла книжка — научно-фантастический роман под названием «Ошибочное сообщение». Между прочим, роман сильно расстроил Жиро Ная, и неспроста: в книжке говорилось о том, как одна из лабораторий (причем автор почти не скрывал, что подразумевает Ресион) разработала и пустила в продажу

развлекательную обучающую ленту, в которую вкрался вирус, отчего в итоге рухнула вся цивилизация. В ресионской библиотеке даже имелся экземпляр этого романа, доступный только людям-КВ, хотя очередь из желающих ознакомиться с книгой была расписана далеко наперед; разумеется, братья Уоррики тоже прочли скандальный опус. Как и почти все ресионскиеази, за исключением закрепленных за Наями, ибо оно стоило того.

Джастин и Грант пытались создать вирус — исключительно из любопытства, желая посмотреть, к чему это приведет. «Слушай-ка, — как-то сообщил Грант, усевшись на пол у ног брата и начиная перебирать логические шаблоны, — мы добрались до альфа-шаблона и теперь можем им воспользоваться, а потому к чертям ро-шаблоны!»

Новость перепугала Джастина. Выходило совсем не смешно. «Даже не думай об этом», — наказал он брату, ибо коль скоро существовало нечто подобное вирусу и имелись основания считать, что он будет живуч да еще потенциально опасен, то действительно стоило поостеречься; к тому же Грант имел в виду собственный шаблон. У Гранта имелось свое руководство.

Грант посмеялся, причем это была скорее не улыбка, а ухмылка — ази всегда забавляло, если ему удавалось как следует досадить своему КВ.

— Не уверен, что нам следует это делать, — сказал брату Джастин, хватая записную книжку. — Лучше вообще не афишировать это.

— Послушай, но ведь ничего подобного все равно не существует!

— Не знаю и знать не хочу. — В тот момент Джастину было особенно трудно пользоваться своим старшинством, напоминать брату, кто из них КВ, и обращаться с ним соответственно. Уоррику-младшему было страшно неловко. Внезапно помрачневший Грант тотчас скомкал набросок начала обучающей ленты, и Джастин нервно заерзал, ибо откровенное разочарование в глазах брата задело его за живое.

Но однажды Грант явился к нему в комнату посреди ночи и, разбудив, сообщил, что размышлял о вирусе, который действительно заработал, — и хохотал, как бешеный, то и дело толкал Джастина и вообще здорово перепугал его.

— Свет! — приказал он Памяти, и хохочущий Грант повалился на пол.

Таков был Грант — неунывающий и слишком энергичный, чтобы допустить, чтобы что-то про-

легло между ними. И слишком хорошо знающий, чего он достоин за свое долготерпение.

Джастин безмолвно сидел за пультом, глядя прямо перед собой невидящим взором и чувствуя внутри тупую боль чистейшего эгоизма. С Грантом все было в порядке. Да, в порядке.

Вдруг замигал сигнал вызова. Собрав все свое мужество, Джастин нажал кнопку и бросил короткое «да!», ожидая услышать голос Ари или кого-нибудь из ее сотрудников.

— Джастин, — раздался голос отца. — Мне нужно переговорить с тобой. У меня в кабинете. Сейчас же.

Юноша не осмелился уточнить тему предстоявшей беседы. «Иду», — отозвался он и, выйдя из режима разговора, отправился к отцу.

Вернулся юноша через час. Усевшись на тот же стул, он долго смотрел на погасший экран и наконец, собравшись с духом, запустил код восстановления проекта.

Компьютер воспроизвел обучающую ленту и отыскал в ней нужное место. Теперь Джастин был далеко за тысячу миль от Ресиона, полуонемевший — как в момент, когда отец сообщил, что связался с Мерильдом и тот почему-то дал отрицательный ответ на шифрованный запрос.

Стало быть, Мерильд не получил сообщения. Мерильд не получил ничего, могущего иметь хоть какое-то отношение к запросу Джордана. Словом, полный провал.

Возможно, было еще слишком рано. Возможно, Кругерс по какой-то причине удерживал Гранта у себя и потому же не позвонил Мерильду. Возможно, они испугались реакции Ресиона. Или полиции.

Возможно, Грант даже не добрался до Кругерса.

Джастин испытал сильнейшее потрясение, когда отец, присев на подлокотник кресла, положил руку ему на плечо и посоветовал не отчаиваться. Но предпринять что-либо было не в их силах. Ни Уоррики, ни их знакомые не могли организовать поиски Гранта, к тому же Джордан не мог подставить под удар Мерильда, сообщив ему подробности случившегося по телефону. Зато он связался с Кругерсом и категорично спросил, состоялась ли «отправка». Кругерс заверил, что все прошло как задумано. Стало быть, кто-то лгал.

— Считаю, мы должны верить Мерильду, — уронил Джастин. Больше юноша ничего не был способен сказать.

— Не знаю, что происходит, — пробормотал отец. — Не хотелось говорить тебе. Но если Ари

хоть что-то пронюхает, то отыграется на тебе. И потому я решил, что лучше посвятить тебя в детали.

Джастин сумел-таки сдержаться — пока, поднявшись, не промямлил, что должен идти к себе в кабинет, и отец не обнял его. Вот здесь-то нервы у паренька сдали. Но любой юноша отреагировал бы подобным образом, вдруг узнав, что его брата, возможно, уже нет в живых.

Или он угодил в лапы Эмори.

Успокоившись, Джастин вытер глаза. Миновав пост службы безопасности, он вернулся в отдел Арианы, прошел мимо кабинета опять поносившей помощников Джейн Штрассен (какие-то люди пытались вылететь на отправлявшемся за припасами самолете, но Джейн упрямилась, ибо считала, что самолет имеет право вылететь только полностью загруженным).

Теперь Уоррик-младший сидел, глядя на мерцавшую на экране монитора программу обучающей ленты, превратившуюся в серьезную проблему. Он испытывал жгучую ненависть к Ари; Джастин ненавидел начальницу как никого и никогда, хотя толком не знал, где теперь Грант, и вовсе не сознавал, что, в сущности, сам послал брата на верную гибель.

А еще он не мог объяснить Джордану всю подоплеку последних событий. Не мог, ибо излишняя правдивость автоматически толкнула бы его в заранее расставленные капканы.

Снова отключив компьютер, юноша вышел из кабинета и направился по коридору к кабинету Ари, не обращая внимания на встречных. Войдя в приемную, он столкнулся лицом к лицу с Флорианом. «Мне нужно поговорить с ней, — бросил гость. — И немедленно».

Флориан с сомнением поморщился, но все же проводил визитера к начальнице.

— Как поживаешь? — поинтересовалась Ари; Джастин, замерев у ее стола, дрожал так сильно, что с трудом выговорил:

— Где Грант?

Ари недоуменно заморгала — возможно, реакция была самая что ни на есть естественная. «Где Грант? — Присаживайся. Давай все по порядку».

Джастин плюхнулся в обитое кожей кресло у стола:

— Грант исчез. Где он?

Ари глубоко вздохнула. Джастин тотчас решил, что она либо подготовилась заранее, либо просто не считает нужным скрывать эмоции.

— Он добрался до Кругерсов, — сообщила жен-

щина. — Утром прилетел самолет — возможно, на нем Грант и отправился дальше. Утром же из поселка вышли две баржи, так что он вполне мог уплыть на одной из них.

— Где же он, черт побери?! Куда ты его запрятала?

— Мальчик, ценю твою озабоченность, но тебе лучше успокоиться. Криком ты от меня ничего не добьешься, и если ты не притворяешься, то я просто удивлена. Может, поговорим спокойно?

— Пожалуйста.

— Мальчик, ты ведешь себя по-идиотски. Между прочим, я тебе не ровесница.

— Где он?

— Успокойся. У меня его нет. Конечно, я велела отследить его передвижения. А где он должен быть?

Джастин промолчал. Сидя в кресле, он отчаянно пытался вновь отыскать самообладание, дабы не упасть в уже вырытую яму.

— Я вообще не смогу помочь тебе, если ты не подскажешь, в каком направлении нужно действовать.

— Ты и так можешь помочь мне — было бы желание. Ты сама прекрасно знаешь, где он.

— Дорогой, ей-богу, шел бы ты ко всем чер-

тям. Либо отвечай на вопросы — в этом случае я могу гарантировать, что вызволю твоего брата отовсюду, куда бы он ни попал. Я не стану арестовывать Кругерсов. И не подведу твоего дружка из Новгорода. Не думаю, что недавний телефонный звонок Джордана как-то связан с твоим уходом с рабочего места и последующим появлением у меня. На этой неделе вы просто не похожи на себя.

Джастин пристально смотрел на начальницу.

— Что тебе нужно? — прохрипел он.

— Правда. Как все случилось. Давай так: я стану рассказывать, куда и когда он должен был прибыть, а ты только подтвердишь или опровергнешь мои слова. Достаточно будет кивка. Итак, отсюда Грант должен был добраться до Кругерсов. От Кругерсов — к человеку по имени Мерильд, дружку Кореина.

Пальцы юноши сами собой сжались в кулаки. Однако он сумел обуздать эмоции и сдержанно кивнул.

— Вот так-то. Возможно, он отправился дальше на одной из барж. Хотя, кажется, он должен был добраться до места по воздуху?

— Не знаю.

— В самом деле?

— Правда…

— Возможно, он только-только отправился в дальнейший путь. Но все прочее мне не слишком нравится. Кореин — не единственный из политиков-друзей Кругерса. Имя де Форте тебе ни о чем не говорит?

Удивленный Джастин отрицательно покачал головой.

— А Роше?

— Изоляционисты? — с бьющимся сердцем уточнил юноша, переживая отчаяние и надежду одновременно, ибо Роше был настоящим сумасшедшим.

— Ну вот, милый, догадался. Этот самолет приземлился сегодня утром в Биг-Блу. К аэродрому подошел автобус, а затем направился по дороге Бертили-Санги. Кое-кто из моих людей затесался в число пассажиров автобуса, но даже мне нужно время, чтобы вызволить Гранта живым и невредимым. Поверь, мальчик, они сделают все, что возможно. Изоляционисты не слишком разборчивы в средствах, и если они готовы принести в жертву даже Кругерса, то ради какого-то ази и вовсе стараться не будут. Понимаешь, дитя мое?

Джастин понимал. Ему казалось, он все понял. Однако действовал он совсем не так, как следовало, сказала Ари, и теперь юноша ждал от

начальницы конкретных указаний.

— Как ты думаешь, что им вообще нужно? — наконец не выдержал он.

— Твой папаша. И Советник Кореин. Грант — ресионский ази. И не просто ази — ази Уоррика. Удар почти такой же точный, как если бы они добрались до Пауля; де Форте, мальчик, охотится за головой Кореина оттого, что Кореин продался мне, заключив со мной сделку по фаргонскому проекту и проекту «Надежда», а твой папаша угодил в самую гущу событий, и не приведи Господь окажется, что Гранта в лапы Кругерса бросил он, а не ты!

— Ты просто намерена заполучить его обратно.

— Я хочу вернуть его. Вырвать у Роше. И если ты, идиот, хочешь увидеть его живым, то немедленно выкладывай все, что до сих пор ухитрился утаить от меня. Ты просто не знал о Роше — откуда тебе знать о дружках Кругерса из числа экстремистов!

— Не знал. Не знаю. Я…

— Слушай, что с ним сделают. Завезут куда-нибудь в захолустье, напичкают наркотиками и устроят допрос. Возможно, додумаются даже подвергнуть его воздействию обучающей лен-

ты, если таковая у них имеется. Попытаются разнюхать, что Гранту известно о проекте «Рубин» и о проекте «Надежда» — ну и, конечно, все остальное, что он знает. Они просто вывернут его наизнанку. Одному Богу известно, как далеко они способны зайти. Но не суть важно, за чем они охотятся. Скажу, как, по моему мнению, развивались события. Уверена, что Кругерса попросту здорово запугали — наверное, в его организации у них есть свой человек. Скорее всего, когда они пронюхали, кого ты к ним направил, Мерильд не получил соответствующего извещения: Роше наверняка постарался на славу. Возможно, они напичкали Гранта какой-нибудь дрянью. Вернувшись сюда, что он станет думать? Что его мучители — твои друзья? Что все, постигшее его, — твоих рук дело?

— Бога ради…

— И тем не менее это так. Успокойся и все как следует обдумай. Мы не можем напасть на людей Роше и перестрелять их, не зная точно, что Грант действительно у них. Пока что мы задействуем локатор. В аэропорту Бертили мы допустили промашку, и потому нельзя быть уверенными, что в Биг-Блу у нас все получится как надо. Но попытка не пытка. Кстати, пока нельзя исклю-

чать возможность того, что Грант по-прежнему находится у Кругерсов. Но уже сейчас я могу получить санкцию на проведение там обыска. Хотя намерена действовать иначе. Ибо догадываюсь, чем именно они шантажировали Кругерса: держу пари, что изрядное число его контактов с ази действительно вызывает подозрение; я могу устроить соответствующую проверку. Я уже направила туда самолет. Заодно Жиро слетает в Гагаринград к Кореину и переговорит с ним. Все это мы объясним Джордану, и передай отцу, что я буду признательна, если он свяжется с Мерильдом и обрисует ему истинный облик Кругерса.

— Мы доберемся до него, — пообещал юноша. — И он отправится к Мерильду. Тот будет действовать осторожно.

— Умница, — похвалила Эмори, — ты хорошо меня изучил, но я не столь проста. Мы освободим, но он вернется в Ресион. К тому времени он пробудет в руках похитителей более 48 часов — на лучшее мы не способны. А то и дольше. И потому нам просто придется проверять его, правда ведь? Они способны сделать с ним все, что угодно. И ты, естественно, не захочешь, чтобы он приходил в себя в одиночестве, верно?

— Выходит, ты решила предать эту историю

огласке…

— Милый, я не заинтересована в огласке. Тебе не хочется втягивать в заварушку отца. Но он и так обо всем догадается, когда мы вернем Гранта. Если нам вообще удастся заполучить его живым. Он не сможет не сообразить, что Грант угодил в госпиталь, не так ли? И наверняка начнет беспокоиться. Надеюсь, ты будешь придерживаться нашей договоренности.

Джастин промолчал, ибо был полностью обезоружен.

— Предположим, — рассуждала женщина, — спасти Гранта можно. Но лечение может занять годы — если удастся вернуть его к нормальной жизни. Конечно, для начала нужно забрать его живым.

— Ты мне угрожаешь…

— Милый, я просто неспособна предсказывать поведение Роше. Или развитие событий. Я просто предупреждаю…

— Я ведь сказал, что сделаю так, как ты хочешь!

— Только ради отца. Да, уверена, что ты поведешь себя благоразумно. А как только Грант окажется здесь, обсудим его дальнейшую судьбу. — Потянувшись к пульту, женщина нажала

нужную кнопку и негромко бросила: — Джордан? Это Ари.

— В чем дело? — послышался голос Уоррика-старшего.

— Тут ко мене явился твой сын. Кажется, мы оба столкнулись с проблемой. Не позвонишь ли своему человеку в Новгород еще разок — передай, пусть соблаговолит убедить Кругерса связаться со мной…

11

Наконец наступил перелом — путешествие завершилось на маленькой обшарпанной станции очистки воздуха, в подземном гараже с бетонной лестницей. Впрочем, здесь почти всюду виднелся крошащийся бетон. В помещении было только три комнаты, не считая ванной и кухни. Окна отсутствовали — для подобной норы они были бы непозволительной роскошью, а потому для ориентации в пространстве имелось некое подобие перископа, позволявшего обозревать окрестности на 360 градусов; впрочем, Грант был лишен доступа к перископу. Он только сидел и отвечал на вопросы — в основном правдиво, но довольно часто и лгал, ибо ложь была теперь его единственной защитой. Здесь же имелся радиоприемник. Но беглый ази понятия не имел, как пользоваться аппаратом, ибо видел манипуляции с радиоприемником лишь единственный раз в жизни: Джордан включал приемник на лодке.

Грант все еще не разобрался, кто его попутчики. Или на кого они работают. Юноша просто сдержанно отвечал на расспросы Винфрида и жаловался на недостаток кофе, сетовал на неудоб-

ное жилище, выражал недовольство по поводу всего, стараясь как можно скорее спровоцировать спутников, взбесить их и заставить раскрыться. Вместе с тем беглец старательно изображал спокойствие, уверенность в собственной безопасности и старательно играл роль самого что ни на есть раболепного ази — фактически юноша просто копировал Аббана, терпеливого слугу Жиро Ная, который казался сущим бедствием уборщикам и поварам, не говоря уже о прочих ази, тех, кто, был уверен Аббан, в подметки ему не годились.

В спальне стояла машина для воспроизведения обучающих лент, что очень не нравилось беглецу. Конечно, в наличии этой машины на захолустной станции не было ничего необычного: здешним служащим только и оставалось проводить досуг за просмотром развлекательных обучающих лент. Однако машина была не обычной, предназначенной для развлечений, конструкции — то было последнее слово техники, и аппарат явно содержал датчики наблюдения, что не давало Гранту покоя. В конце концов ази сумел подвести своих похитителей к черте, переступив которую, любой КВ потерял бы терпение: пареньку очень хотелось увидеть истинные лица попутчиков.

— Сядь, — приказал Ренц, когда юноша поднялся было, чтобы последовать за Винфридом на кухню.

— Господин, но я только хотел помочь. Я…

Договорить паренек не успел — снаружи послышался шум подъезжавшего автомобиля. Шум мотора услышали и остальные — и тотчас Ренц и Джеффри вскочили, Винфрид вернулся с кухни и прилип к перископу.

— Кажется, Кралер пожаловал.

— А кто такой… — начал было Грант.

— Сядь, и все. — Положив юноше руку на плечо, Ренц едва ли не силой заставил его опуститься на стул и удерживал в таком положении, пока шум мотора усиливался. Ворота гаража поднялись сами собой — никто даже не сдвинулся с места.

— Кралер, — заключил Винфрид. И тотчас напряжение в комнате пошло на убыль.

Автомобиль въехал в гараж, и от урчания двигателя завибрировала стенка, отделявшая подземный гараж от комнаты; ворота гаража опустились, послышалось шипение обеззараживающей жидкости. Лязгнули и захлопнулись дверцы машины, и кто-то начал подниматься по лестнице.

— Господин, кто такой Кралер?

— Друг, — пояснил Винфрид. — Джеффри, отведи его в спальню.

— Господин, а где же Мерильд? Почему он не приехал? Разве…

Джеффри бесцеремонно стащил юношу со стула, отвел в спальню и подтолкнул к кровати. «Ложись», — распорядился он тоном, не терпящим возражений.

— Господин, я хочу знать, куда пропал Мерильд, я должен знать…

В спальню вошел Ренц. Грант понял: о лучшей возможности узнать, кто в действительности его спутники, и мечтать нельзя. Извернувшись ужом, юноша коротким, но сильным ударом локтя отшвырнул Джеффри в сторону, второй рукой достал Ренца, после чего метнулся в соседнюю комнату, где Винфрид уже заподозрил неладное…

Увидев, что Винфрид достал из кармана пистолет, Грант резко вильнул в сторону. Однако, вопреки ожиданиям ази, Винфрид не растерялся. Он обладал твердой рукой и считался метким стрелком; Грант застыл на месте, прислонившись к косяку, как вдруг дверь, ведущая из гаража, распахнулась, и в комнату ворвались сразу три человека, причем двое действовали особенно

решительно и были вооружены.

А один из оставшихся позади уже поднимался. Грант не смел шелохнуться, пока чья-то рука не схватила его сзади. Ази ничего не стоило сломать эту руку. Однако он позволил незнакомцу оттащить себя назад, в то время как Винфрид, не опуская пистолета, последовал за ним.

— Развлекаетесь? — полюбопытствовал один из вошедших.

Но Винфрид не оценил шутки. «Ложись! — приказал он Гранту, и ази послушно попятился и присел на кровать. — Ложись!»

Юноша повиновался. Джеффри вынул из кармана шнур и привязал правую руку Гранта за запястье к спинке кровати, пока Ренц продолжал стонать на полу, а несколько вооруженных людей держали пленника под прицелом.

Джеффри позаботился и о втором запястье, и шнур больно врезался юноше в кожу. Грант оглядел вошедших: два здоровяка, а с ними третий, постарше, единственный невооруженный. Именно его взгляд особенно не внушал юноше доверия. И еще он явно руководил остальными.

Единомышленники называли его Кралером. Другие имена были Гранту незнакомы — они явно не имели отношения к Мерильду.

Наконец попутчики спрятали оружие. Помогли Ренцу подняться. Джеффри остался в комнате, остальные вышли, а Грант неотрывно смотрел в потолок, стараясь не думать лишний раз, насколько уязвим его живот.

Выдвинув ящик подставки, на которой покоилась машина для воспроизведения обучающих лент, Джеффри извлек безыгольный инжектор. После чего, приставив к руке пленника, привел в действие.

От удара Грант заморгал и зажмурился, потому что через минуту уже не смог бы вспомнить, как правильно вести себя, и не верил, что ему напомнят. После чего мобилизовал защитные структуры, укорененные в психошаблоне, и сосредоточил мысли на Джастине, не тратя времени на физическое воздействие, которое все равно оказалось бы бесплодным: следующий уровень представлял собой поединок уже иного рода. Рассеялись последние сомнения. Оружие явилось решающим, самым убедительным доводом. Замыслы попутчиков сразу прояснились. Сам Грант, хоть и ази, тем не менее был для похитителей ресионцем, младшим сотрудником из отдела Эмори: Ариана создала его, вместе с Джорданом смоделировала его психошаблоны.

Грант готов был проклясть доктора Эмори, если бы незнакомцам в конечном итоге удалось «расколоть» созданные Арианой психошаблоны.

Гранта, что называется, повело. Начался процесс расщепления личности. Паренек понял: человек вернулся, и они запустили обучающую ленту. И тогда он ушел в себя еще глубже. Кажется, ему ввели большую дозу. Программа глубокого воздействия — здорово! Все, как он предвидел.

Они спросили его имя. Спрашивали что-то еще. Сказали, будто у них его Контракты. Однако Грант все еще оставался в достаточно твердой памяти, чтобы знать: дело обстояло иначе.

В конце концов он очнулся. Ему дали напиться и отдохнуть; заставили поесть, хотя от еды его чуть не стошнило. Мучители все же дали ему передышку.

А потом все началось сначала, и Грант потерял счет времени. Возможно, он приходил в себя еще несколько раз. Отчаяние соединило пробуждения воедино. Очнувшись, ази первым делом ощущал ломоту в спине и руках. Он отвечал на вопросы. Чаще всего он не помнил, куда попал и чем заслужил такое наказание.

А потом раздался глухой удар. Кровь забрызгала стены комнаты. Запахло горелым.

Грант подумал, будто уже умер, а вошедшие в комнату люди завернули его в одеяло. Запах горелого тем временем становился все нестерпимее.

Потом начались бесконечные встряски — вверх-вниз — так что юноша едва не сошел с ума. Его бросало из стороны в сторону, а воздух, казалось, содрогался от оглушительного биения сердца.

— Просыпается, — послышался чей-то голос. — Дайте ему еще порцию.

Грант увидел вдруг человека в голубом комбинезоне. И разглядел Вневременного Человека — эмблему Ресиона.

Потом Грант усомнился, что все идет так, как он рассчитывал. Неуверенность росла: юноша не мог поручиться даже, что обучающая лента уже заработала и все происходит наяву.

— Дайте же, черт возьми, инжектор! — завопил кто-то над ухом. — Черт, да держите его!

— Джастин! — крикнул Грант, ибо теперь ему пришло в голову, будто все это время он был дома и есть слабая, но все же надежда, что брат услышит его и поможет избавиться от этого кошмара. — Джастин!

Тотчас сработал безыгольный инжектор. Чувствуя, как мучители навалились на него, Грант

отчаянно отбивался — пока введенный наркотик не начал действовать и мир, завертевшись, вдруг перевернулся.

Проснулся беглец в кровати, в белой палате, со смирительными ремнями поперек тела. Простыня закрывала его полностью оголенное тело. На грудь была наложена повязка с биосенсорами, другая обвилась вокруг правого запястья. Левая рука была забинтована. Вдруг запищал сигнал тревоги. Грант сообразил, что сам спровоцировал систему, ибо та реагировала на частоту сердечных сокращений. Тогда юноша попытался вернуть пульсу прежний, спокойный ритм.

Но было поздно — дверь отворилась, и в палату вошел техник. Приглядевшись, Грант узнал доктора Иванова.

— Все хорошо, — первым делом сообщил вошедший, присаживаясь на край кровати. — Тебя доставили сегодня днем. Все в порядке. Твои мучители понесли справедливое наказание — их превратили в сплошное месиво.

— Где я был? — едва слышно спросил юноша. — И где я теперь?

— В больнице. Все хорошо.

Монитор снова запищал, причем писк был учащенный. Грант попытался вернуть пульсу

прежнюю частоту. Он теперь не знал, где был раньше и случилось ли все на самом деле. И вдруг вскинулся:

— Господин, а где Джастин?

— Ждет, пока ты оклемаешься. Тебе лучше?

— Да, господин. Пожалуйста, снимите с меня эту упряжь!

Улыбнувшись, врач потрепал паренька по плечу:

— Слушай, мы ведь оба знаем, что с тобой все в порядке. Но ради тебя самого — давай пока оставим этот разговор. Кстати, как мочевой пузырь?

— Со мной все в порядке, — негодующе бросил больной. — Скажите, можно поговорить с Джастином?

— Боюсь, очень недолго. Нежелательно допускать к тебе посетителей до приезда полиции. Но насчет этого не стоит беспокоиться, ибо это уже формальности. Тебе только предстоит ответить на пару вопросов, полицейские составят протокол, вот и все. Потом пройдешь несколько процедур. А там и выпишем тебя, отправишься домой. Ну как?

— Да, господин, — выдавил юноша, замечая, что проклятый монитор перестал пищать, едва ему удалось взять пульс под контроль. — Скажи-

те, что с Джастином?

Снова потрепав пациента по плечу, Иванов поднялся, подошел к двери и распахнул ее.

В палату вошел Джастин. Монитор запищал снова, писк перерос в пронзительный вой, но затем все стихло; Грант смотрел на брата точно сквозь дымчатую пленку. Врачи допустили в палату даже Джордана. И Гранту стало невероятно неловко.

— Как самочувствие? — первым делом поинтересовался Джастин.

— Все хорошо, — заверил Грант, вновь теряя контроль над пульсом и проклятым писком, отчего по его лицу заструились слезы. — Кажется, я натворил дел…

— Нет, — отозвался Джастин, подходя и беря брата за руку. Запищавший было монитор опять умолк. — Все в порядке. Конечно, шок был, но теперь-то все позади, ты дома. Слышишь?

— Да.

Наклонившись, Джастин обнял больного, не обращая внимания на препятствия — смирительные ремни. И вновь выпрямился. Затем у постели оказался Джордан. Обняв сына, стиснув руками его плечи, он сказал:

— Просто отвечай на их вопросы, и все. Ладно?

— Да, господин, — отозвался Грант. — Нельзя попросить их выпустить меня отсюда?

— Нет, — признался Джордан. — Это ведь ради твоей же безопасности. Понимаешь? — Джордан поцеловал сына в лоб, чего не делал очень давно. — А пока спи, слышишь? И если тебе пропишут обучающую ленту, я обязательно ее посмотрю. Лично.

— Да, господин.

Не шевелясь, юноша наблюдал, как отец и брат вышли за дверь.

Монитор снова запищал, свидетельствуя о его смятении.

Грант понял, что остался один. Ему предстояло многое преодолеть, прежде чем его отпустят. Он понял это, глядя за отцовское плечо, в лицо Джастину.

«Где я? Что же стряслось на самом деле? Я вообще выходил отсюда?»

В палату вошла медсестра со шприцем, и Грант понял: не поспоришь. Он, правда, попытался успокоить монитор, попробовал что-то возразить.

— Но это всего лишь успокоительное, — молвила медсестра, поднося шприц к его руке.

Впрочем, ази не был уверен, что к нему по-

жаловала именно медсестра, а не Джеффри. Заметавшись, он вновь увидел перед собой забрызганную кровью белую стену и услышал чьи-то вопли.

12

— Ну, все в порядке? — бросила Ариана, когда Джастин — между прочим, один — пожаловал к ней в кабинет.

— Когда его выпишут?

— Ох, — вздохнула женщина, — не знаю. Откуда же мне знать? Как не знаю, что делать с соглашением, которое мы заключили. Теперь оно кажется нелогичным, не так ли? Ну, чем ты собираешься отблагодарить меня?

— Молчанием.

— Милый, ты поставишь под удар очень многое, если осмелишься нарушить это молчание. Как и Джордан. Не потому ли мы теперь делаем то, что делаем?

Джастин испугался, но попытался скрыть страх. И сказал:

— Нет, просто тебе не хочется пустить под откос проект, с которым ты носилась столько времени. Именно сейчас ты не заинтересована в огласке. Тебе есть что терять. В противном случае ты не была бы столь терпелива.

На губах Ари заиграла едва заметная улыбка:

— Парень, ты мне нравишься. В самом деле нра-

вишься. Преданность в Ресионе — вещь редкая. А в тебе ее так много! Если я верну тебе Гранта в неизмененном виде, ты сочтешь мой жест достойным?

— Возможно, — нарочито медленно, точно размышляя, отозвался Джастин. — Но только ты можешь ошибиться, высчитывая, как долго на меня можно давить.

— Назови цену Гранту.

— Освободи его и не перепрограммируй.

— Милый, но ведь у него в голове образовался легкий сумбур. Он прошел все круги ада. И нуждается в отдыхе и лечении.

— Я сам обо всем позабочусь. И Джордан тоже. Повторяю: не стоит загонять меня в угол. В противном случае я за себя не ручаюсь.

— Милый, знаю, что ты попытаешься сделать. Многое уже сделано. Мне вообще не хочется разбираться с тобой по поводу Гранта. У меня есть несколько обучающих лент иного рода. Случись что, твой папаша умрет — просто умрет.

— Возможно, ты его недооцениваешь.

— Неужели? Так ты все рассказал ему? Думаю, нет. Сам пойми: мне нужно разобраться в ситуации. Речь не просто о его сыне. И не о какой-то женщине. Ты просто его двойник. А я — это я, Ари

Эмори. А уж про ази и вовсе говорить нечего. — Женщина негромко засмеялась. — Но попытка очень разумная, очень. Я восхищена. Восхищена настолько, что готова дать тебе немного свободы. Мальчик, иди сюда. Иди сюда.

Доктор Эмори протянула руку. Поколебавшись, Джастин тоже протянул руку, так что Ари смогла коснуться ее. Ариана осторожно взяла его за руку, и нервы юноши не выдержали — пульс участился, кровь бросилась в лицо, а мысли смешались.

Джастин не отстранился. Ему уже было все равно. Он не сумел даже подобрать подходящее к случаю саркастическое замечание. Рассудок его метался, как маленький перепуганный зверек.

— Ты хочешь уступок? Тебе нужен Грант? Милый, вот что я тебе скажу: будешь паинькой — добьешься своего. Пусть это станет нашим небольшим соглашением. Если мы будем держать язык за зубами до отлета твоего папаши, то я преподнесу тебе Гранта в качестве подарка.

— Ты используешь обучающую ленту глубинного внушения.

— Ты о себе? Ничто не способно изменить твой ум. Неужели ты думаешь, будто я беру нормальный здоровый рассудок и перестраиваю его? Ты начитался разных книжек. Программы, которые

я применяю на тебе, носят восстановительный характер. То же самое получают наиболее перспективные ази класса мю. Они кажутся тебе невыносимыми? Разлагающими? Милый, Ресион сделает куда больше, и я смогу преподать тебе урок. Я же сказала: ты мне нравишься. Придет день, и ты окажешься у власти в Ресионе. А может, и на Фаргоне, либо где-нибудь еще. Все задатки у тебя налицо. Мне действительно хочется, чтобы ты все благополучно преодолел.

— Ты лжешь.

— Думаешь? Впрочем, неважно. — Ари сжала его пальцы. — Ладно, увидимся у меня. В то же самое время. Понял?

Джастин резко отдернул руку.

— Я вовсе не хочу лишать тебя возможности выбирать, — улыбнулась женщина. — От тебя требуется только молчание. Это не слишком много по сравнению с твоими запросами. Милый, ты сделаешь мою жизнь безмятежной и встанешь между мной и Джорданом, а я не стану заявлять в полицию на его дружков, не стану перепрограммировать Гранта. Даже перестану тиранить тебя на работе. Цену всему этому ты уже знаешь.

— И перерегистрируй Гранта на меня.

— На следующей неделе. На случай, если вдруг

что-нибудь всплывет. Ты ведь такой умный парень! И потому поймешь меня. Итак, до встречи в 22.00, ибо работаю я сегодня допоздна.

«Образцы развития», аудиозапись.

Обучающая лента по генетике № 1.

«Ресионские общеобразовательные публикации»: 8970-8768-1.

Одобрено для: 80+

Оператор, внимание.

Партия ML-8986: Партия BY-9806: конец конец конец.

Прекращается мигание мониторов компьютеров — требуется вмешательство людей. Старший техник оповещает соответствующий персонал, и начинается процесс рождения.

Все как обычно: эмбриофоны, слегка подрагивающие и сокращающиеся, оборудованы сенсорами на все случаи жизни. Две единицы ML-8986, женского пола, класса мю, достигли заданного к моменту рождения веса в 4,02 кг. Видимые отклонения не обнаружены. Две единицы BY-9806, класса гамма, также находятся в прекрасном состоянии. Техники знают свои задачи. BY-9806, исключительно активные, уже стали общими любимцами и получили имена — но эти имена

недолговечны, ибо общение техников с новорожденными носит кратковременный характер.

Эмбриофоны входят в стадию родовых схваток и, выдержав положенный интервал, выталкивают содержимое в наполненные особой жидкостью ванночки, где младенцы попадают в затянутые в перчатки руки ожидающих техников. Сбоев не наблюдается. Волнение минимальное. Единицы женского пола класса мю широколицы, спокойны, с бесцветными волосами; две единицы бета выше ростом, но уже в кости, с клочками темных волос и не столь привлекательны, как класс мю. Они строят гримасы, чем забавляют техников.

Пуповины перевязаны, из ванночек убирают послеродовую слизь, ванночки наполняются чистой теплой водой, и новорожденных обмывают — впервые в жизни. Происходит формальное взвешивание, результаты вносятся в заведенные двести девяносто пять дней назад личные досье — теперь по мере взросления младенцев все меньшее число людей будет иметь право доступа к этим данным.

Ази-санитары принимают малышей, заворачивают в мягкие белые одеяльца и укачивают на руках.

В промежутках между сменой подгузников и кормлением новорожденные лежат в колыбельках, которые, подобно эмбриофонам, слегка покачиваются в такт сердцебиению и приглушенному голосу — тому самому голосу, что мягко и успокаивающе разговаривал с ними, пока они находились в утробе. Иногда голос начинает напевать. А иногда почти замолкает.

Наступит день, и голос станет учить малышей, как вести себя. Голос — тоже обучающая лента. И хотя голос звучит в подсознании, он в то же время — сама уверенность. Даже на данном этапе он способен вознаграждать за примерное поведение. Когда-нибудь он станет выражать неодобрение, но пока дурных поступков быть не может, разве что небольшая непоседливость у бета…

Партия СХОЗ-789Х: тревога тревога тревога.

СХОЗ-789Х в опасности. Экспериментальный генотип не удался. После производственного совещания техник отключает систему жизнеобеспечения, и СХОЗ-789Х поступает на вскрытие.

Техники-ази вычищают содержимое эмбриофона, несколько раз промывают его, и старший техник начинает процесс покрытия эмбриофона

биоплазмой.

Как только покрытие завершится, эмбриофон будет задействован снова. Прежде чем начать процесс, сотрудники ожидают результатов вскрытия.

В это время в эмбриофон помещается яйцеклетка с мужской особью СХОЗ-894 той же модели. Это уже не первая неудача. Управление регулировкой — процесс сложный, и потому промахи — не редкость. Но СХОЗ-894 представляет собой индивид иного рода с теми же изменениями: есть надежда, что все получится. И даже если снова последует неудача, будет получен материал для ценных сравнений.

Изменения рельефа местности и атмосферы недостаточно для объявления планеты пригодной для существования людей. На протяжении миллионов лет приспособления, позволившие земным существам сформировать сложную экосистему, остаются для Сайтина непозволительной роскошью.

Ресион играет роль фактора времени и естественного отбора. Как и в природе, он отсеивает ненужные единицы, однако отбор происходит быстрее и разумнее. Кое-кто утверждает, будто такой процесс чреват нежелательными

последствиями, отбраковкой естественного разнообразия и нефункциональных элементов, придающих жизни на Земле неповторимость, акцентом на определенных чертах и забвением всех прочих.

Но Ресион ничего не потерял. Он планирует строительство кораблей для полетов в дальний космос, обычных металлических емкостей, которые будут рассылаться к определенным звездам и не будут оборудоваться силовыми установками, а потому постройка таких судов окажется сравнительно дешевой и генетические материалы не будут храниться в одном месте, а к тому же получат защиту от радиации. Емкости будут содержать исходные генетические образцы, цифровые записи генотипов и записи, которые в случае чего помогут разобраться в содержимом хранилищ всякому, обладающему достаточным уровнем подготовки к работе с «грузом» этих кораблей-емкостей.

Человеку хватило одного миллиона лет, чтобы превратиться из исходного примитивного существа в существо космическое. Благодаря разработке космических кораблей человечество сохранит на миллион лет вперед генетическую историю всех живых существ, к которым Ресион

имеет доступ; сохранит свидетельство не только нашего развития, но и развития всех планет, где существует жизнь и до которых мы добрались, — сохранит наперекор возможной катастрофе и действию времени.

В корабли заложены фрагментарные коды — те, что были извлечены из людей, живших тысячи лет назад; взятые из банков генетических данных Земли, предвосхитивших развитие банков генетических данных в 20 веке; из последних предварительно смешанных банков генетических данных материнской планеты; из останков как животных, так и людей, столетиями хранившихся в вечной мерзлоте и при сходных условиях сумевших сохранить неизменной внутреннюю клеточную структуру.

Можно только представить разницу, какой разительно иной была бы сегодняшняя жизнь, если бы существовали такие корабли-контейнеры с генетической информацией геологических эпох. Земля, располагающая уникальными свидетельствами вымирания высокоорганизованных существ в результате катаклизмов, могла бы, используя подобные сборники генодданных, восстановить отдельные звенья богатой цепи эволюции и раскрыть не поддающиеся разгадке

тайны прошлого.

Ресион никогда не отказывался от решения проблем посредством генетики. А потому позаботился о сохранении соответствующих образцов в масштабах, каких до сих пор не знало человечество, и, работая с прицелом на эволюционные изменения, сумел собрать все возможные разновидности живой материи.

ГЛАВА 3

1

Казалось, время остановилось. Прокручивалась только обучающая лента — в основном спокойно, лишь время от времени внушая тревогу. Случались и моменты смутного пробуждения, но сон почти сразу возобновлялся — до мгновения, когда сознание Гранта поднималось к поверхности рассудка чуть ближе, чем ранее.

— Ну же, к тебе пришли! — сообщил чей-то голос, и влажная ткань коснулась его лица. Промокнув лицо, ткань скользнула ниже, обмывая шею и грудь. Ноздри Гранта уловили чуть едкий запах. — Проснись!

Юноша приоткрыл глаза. И уставился в потолок, пока сноровистые руки продолжали обтирать его тело мягкой тканью. Все это время ази надеялся, что его развяжут, но надежде не суждено было осуществиться. Гранту даже захотелось обратно под наркоз, ибо страх снова напомнил о себе — тем более, что в наркотическом сне больной ощущал себя в полной безопасности.

Воздух холодил увлажненную кожу, и Грант зябко поежился. Ему снова захотелось укрыться. Но вслух он об этом не сказал. Он уже прекратил

общаться со всеми, кто за ним ухаживал, и теперь они не досаждали ему. Большего ему и не было нужно. Больной вспомнил, что может моргать. Однако он по-прежнему ничего не видел. Тогда Грант попытался забыть про холод. Юноше стало не по себе, когда санитар вонзил ему в руку иглу шприца. Спину ломило, и ази желал только, чтобы медики догадались переместить его в другое положение.

— Ну вот. — Простыня снова окутала Гранта. Чья-то ладонь осторожно, чтобы не причинить боли, шлепнула его по лицу. — Ну же, открой глаза!

— Да, — пробормотал Грант. И снова закрыл их, едва его оставили в покое.

А потом у двери послышался другой голос — мужской и молодой. Подняв голову, Грант увидел брата. Однако больной не поверил своим глазам и дернулся, но смирительные ремни не позволили ему подняться.

Это был все-таки Джастин. Он подошел и присел на край койки, взял руку Гранта в свои ладони — несмотря на ремни, из-за которых больной был почти лишен возможности двигаться. Руки Джастина показались юноше очень теплыми и поэтому настоящими…

— Грант?

— Пожалуйста, не надо.

— Грант, Бога ради — ты ведь уже дома. Понимаешь?

Одна мысль о том, чтобы поверить услышанному, казалась опасной. И означала отказ от сопротивления. Не было ни одного скрытого признака, который Грант мог бы не заметить. Не существовало такой обучающей ленты, чтобы та могла внушить ему иллюзии. Но они вполне могли попробовать использовать Джастина — конечно…

— Грант?

Обучающая лента способна была даже уверить Гранта в том, что он бодрствует. Или что матрац промялся сильнее. Или что Джастин держит его за плечо. Только острая боль в спине вторгалась в иллюзию. И та отчасти утрачивала убедительность.

Реальность все же заключала в себе небольшие несуразности.

— Пока что мне не разрешают забрать тебя домой. Ари не разрешает. Что они затеяли? Грант, у тебя все хорошо?

Вопросы. Грант не понимал, к чему они относились. Обычно вопросы задавались по опре-

деленному шаблону. Кажется, эти были как-то связаны с достоверностью. В том-то и заключался смысл игры…

— Грант, да хватит! — Джастин слегка похлопал брата по щеке. — Ну же, открой глаза!

Но больной упорствовал. Потому что знал — так лучше. Он несколько раз глубоко вздохнул и тотчас ощутил адскую боль в спине и плечах. Ему грозила страшная беда… Ведь он счел иллюзию реальностью. Или утратил способность различать их.

— Ну же, просыпайся!

Грант осторожно приоткрыл глаза. Увидел лицо Джастина, перехватил его встревоженный взгляд.

— Ты дома. В госпитале. Понимаешь? Ари раздавила их всех и вызволила тебя.

(Кровь забрызгала стены. Запах дыма).

В самом деле, помещение походило на больничную палату. И человек напоминал Джастина. Правда, способа удостовериться в этом не было — даже если бы ему позволили немного пройтись по округе. Только время способно расставить все по местам — гораздо больше времени, чем длится какая бы то ни было обучающая лента-иллюзия.

— Грант, давай! Скажи, что у тебя все хорошо.

— Со мной все хорошо. — Больной сделал глубокий вдох, отозвавшийся болью в спине и сообразил, что стоит попытаться обратить иллюзию себе на пользу. — Спина у меня вконец онемела. Руки болят. Можно хотя бы передвинуть кровать?

— Попрошу их снять эту сбрую.

— Сомневаюсь, что снимут. Но мне нужно, чтобы передвинули койку. Вот… — Поверхность под ним внезапно заходила ходуном, как живая, и начала выгибаться кверху, приподнимая и его голову. Вся койка волнообразно задрожала, отчего в мышцах и суставах наступило приятное расслабление. «О, совсем другое дело!» — пробормотал он.

Джастин снова опустился на край кровати, разглаживая сбившуюся простынь:

— Ари проследила, как ты добирался до Кругерсов. Кругерса, оказывается, шантажировали. Он выдал тебя изоляционистам. Мне пришлось пойти к Ари. Она отрядила кого-то — кого, точно не знаю — за тобой. Говорит, будто тебе крутили какую-то обучающую ленту.

Удар пришел, откуда Грант его не ждал, а потому юноша не располагал защитной структурой. «Здесь» и «там» для него существовали слитно. Он

с большой осторожностью отнесся к услышанной новости. И уточнил:

— Как долго это продолжалось?

— Два дня.

Возможно.

— Ты здесь два дня, — продолжал Джастин. — Нас с Джорданом допустили сразу, как только тебя привезли. Теперь мне даже разрешают навещать тебя.

Грант перепугался, ибо решил, что иллюзия станет действовать на него беспрерывно — а столь надежной защитой он не обладал. И понял, что проигрывает. Он сидел и плакал, чувствуя, как слезы катятся по лицу.

— Грант!

— Все в порядке, — отозвался больной, отмечая, что едва не впал в беспамятство. — Но только уйди, если я попрошу.

— Грант, это не обучающая лента. Я же говорю — ты дома! — Джастин до боли стиснул руку брата. — Ну, напряги глаза, посмотри на меня. Все в порядке?

Грант так и поступил. А потом сказал:

— Но если я попрошу уйти…

— Уйду. Договорились. Хочешь, чтобы я ушел?

— Бога ради, не надо…

— Черт возьми, я доберусь до этого Иванова!

Джастин уже собирался вскочить, как больной вдруг вцепился в его руку и не отпускал. Почувствовав крепкую хватку брата, Уоррик-младший снова наклонился и обнял его.

— Ох, — пробормотал Грант, отмечая, что боль вполне реальна. Джастин мог вытащить его отсюда. И знал, что делает, знал, что произошло, знал, чего следовало опасаться. И был его союзником. В противном случае, решил он, все пропало. — На это уйдет время…

— Неделя, чтобы вытащить тебя отсюда. Так говорит Ари.

Грант вспомнил и другие кризисы — не такие, как постигший его самого. И посмотрел на Джастина, сидевшего смирно-смирно. И вдруг вспомнил, почему пустился в плавание по реке. «Она наверняка сильно досадила тебе?» — уточнил ази.

— У меня все хорошо.

Лжет, понял Грант, отмечая, что явь стала преобладать над иллюзией. Будь то обучающая лента, все казалось бы куда более простым. Через минуту Джастин уйдет, и тогда Грант поверит в происходящее и ему станет страшно. Но пока больной пугался совсем по другой, более

конкретной причине. Перевод на другое место работы; настойчивость, с какой Джастин пытался отослать его, — отдельные фрагменты стали превращаться в ощущение времени. Начинали существовать заново. Реальный мир был напичкан ловушками, к созданию которых приложила руку Ари, а Джастин пытался ему помочь, а теперь он дома, но в беде оказался Джастин.

Нет — нужно вести себя осторожнее.

Осторожнее.

— Как она повела себя, когда узнала о моем исчезновении?

— Расскажу потом.

Спокойнее, черт побери, спокойнее — не хватало расстроиться еще сильнее! Но Грант все больше убеждался, что действительно вернулся домой. А дом всегда был полон тайн, несчастий и вездесущей Арии. И всего, что ему дорого. Больной медленно сделал глубокий вдох.

— Я держусь, — сказал он, надеясь, что Джастин уловит скрытый смысл слов. — И довольно обучающих лент. Обойдусь и без успокоительных. Мне нужно бодрствовать. Пусть не гасят свет. Ни на минуту. И пусть из моей руки вынут проклятую трубку.

— Да кто меня послушает? Сам понимаешь

— я не главный. Впрочем, я передам Иванову. И попрошу очень настоятельно. А трубку вытащу сам — смотри!

На мгновение руку больного пронзила острая боль. «Забрызгаем весь пол!» — выдавил юноша.

— Пусть. Вот так! — молвил довольный Джастин, останавливая брату кровь. — Кстати, тебе собираются установить телефон. И видео.

В груди у Гранта захолонуло. Он тотчас вспомнил, чем важен для людей телефон. Но вспомнил и то, что его вызволили из плена. Возможно, на самом деле ничего не произошло. Или оставались другие возможности, которые он не предусмотрел.

— Сам знаешь, я пока что не успокоился.

— Брось — я не заметил никакой разницы!

Грант хохотнул — возможно, машинально, но все же радостно, ибо был доволен, что Джастин запросто шутил с ним — и понял, что зашел слишком далеко. Ази поразился собственному открытию: все это время он ожидал формального, выхолощенного сочувствия. А потому смеялся не столько задорно, сколько удивленно.

Обучающая лента вряд ли была способна заставить Джастина совершить нечто такое, чего не мог предугадать его ум — во всяком случае когда

он не поддавался ее действию и противодействовал на подсознательном уровне.

Ази снова рассмеялся, желая проверить догадку, и тотчас заметил, что брат выглядит так, будто проглотил стекляшку — но его лицо светилось надеждой.

— Не обошлось без вируса, — пояснил он Джастину. И широко ухмыльнулся, увидев, как лицо брата в ужасе скривилось.

— Ты совсем свихнулся!

Грант захохотал громче прежнего. И снова боль напомнила о себе, однако на душе у него все равно стало радостно. Тотчас он попытался пошевелить ногами, но попытка не удалась.

— Проклятие, — выругался юноша, — как считаешь: они могут освободить мне ноги?

— Как только ты окончательно придешь в себя.

Грант вздохнул, чувствуя, как напряжение начинает спадать. Откинувшись на спинку кровати, он смерил брата более доброжелательным, чем полагалось в соответствии с обучающей лентой, взглядом. Но боль еще не прошла. И мышцы были напряжены. «Наверное, растяжение», — подумал юноша. Оставалось только гадать, что он сотворил с собой — или что сотворили с ним.

«Достал я тебя, да?» — улыбнулся он.

— Если и дальше будешь так себя вести…

— Хотелось бы. Все как в тумане. Наверное, отдельные эпизоды останутся в памяти. И изгладятся не сразу. Если ты больше не навестишь меня, мне будет очень плохо. Всем заправляет доктор Иванов, насколько я понял…

— Он осуществляет надзор за тобой. Ты ведь ему доверяешь?

— Доверяю, когда он не пляшет под дудку Ари. Мне страшно. Очень страшно. Если бы ты все время был рядом!

— Я поужинаю с тобой. И вернусь наутро к завтраку; постараюсь проводить с тобой каждую свободную минутку, пока не надоем врачам. Переговорю с Ивановым. Почему бы тебе не попытаться уснуть, пока я здесь? Посижу у кровати, а ты отдыхай…

Глаза больного закрывались сами собой. Внезапно Грант понял, до чего хочет спать, но попытался побороть сонливость.

— Не уходи, — попросил он. — Тебе придется разбудить меня.

— Дам тебе поспать полчаса. Скоро ужин. Ты обязательно должен что-нибудь съесть, слышишь? Хватит отказываться от еды.

— М-м-м-м-м, — пробормотал Грант, закрывая глаза. И тотчас погрузился в другой мир, оставив неприятности далеко позади. Сквозь сон он услышал, как Джастин поднялся, сел на стул. На мгновение больной открыл глаза и, удостоверившись, что брат по-прежнему рядом, позволил себе предаться долгожданному спокойному отдыху.

В голове прояснилось. Грант даже ощущал себя с каждой минутой в большей безопасности. Он всегда знал: если мир стоит того, чтобы жить в нем, то Джастин или Джордан обязательно вернут его в этот мир. Вернут любым путем… И коль скоро судьбе угодно проверить его готовность к этой жизни, так тому и быть — в противном случае лучше вообще ни во что не верить и не возвращаться из путешествия, в которое он пустился.

2

Сообщения поступали одно за другим, и Жиро Най, покусывая авторучку, напряженно глядел на экран монитора.

Выпуски новостей наперебой сообщали о похищении экстремистами ази из Ресиона, передавали подробности проведенной объединенными силами полиции и ресионской службы безопасности операции на далекой станции очистки воздуха в горах под Биг-Блу, сопровождая все множеством леденящих душу кадров, сделанных полицией: ази, забрызганный кровью своих похитителей, лежит на носилках, загружаемых в полицейский транспорт. Операцию спланировали блестяще — специально экипированные стрелки пробрались на станцию, через боковую дверь вломились в гараж, где держали пленника, и, одолев лестницу, совершили молниеносный бросок к цели. Из участников штурма ранен лишь один офицер. Трое изоляционистов-радикалов убито на месте — камеры охотно показывали окровавленные трупы. Подробное информационное освещение вкупе с доказательствами сделали свое дело, так что у Янни Мерино

и изоляционистов-центристов не нашлось оснований поднимать шум и созывать заседание Совета: Мерино во всеуслышание отмежевался от случившегося. Роше забрасывал Министерство информации требованиями создать условия для проведения пресс-конференции, но ничего не добился. Это означало, что полиция следит за каждым шагом Роше — в последний раз, когда он заявил о себе, кто-то развернул в новгородском метро огромное знамя Полного Изоляционизма и нарушил движение поездов, что, разумеется, не могло пройти мимо средств массовой информации.

Ясное дело, благодарности пассажиров подземки Роше не снискал. Однако сочувствующие ему все-таки находились, а даже небольшая демонстрация собственных возможностей сулила прибыль в виде притока новых кадров.

Господин Най решил, что настало время вплотную заняться Роше и де Форте. До сих пор оба представляли собой для Кореина и Мерино удобный фактор, ибо дискредитировали центристов. Но Роше переступил границу дозволенного и стал неугоден всем.

Особенно удобно, рассуждал Жиро, если злоумышленники нанесли Гранту серьезный ущерб.

В распоряжение информационных служб предоставили рекламные ролики, в которых Грант был снят до и после пленения, что должно было показать звериный оскал изоляционизма. Обыватели никогда не видели очистку разума в действии. Хотя бы даже в неумелом исполнении. Жаль, что они не рискнули полностью перепрофилировать ази или даже уничтожить его. Ведь он — альфа, да к тому же продукт от Уоррика, и оставалось тюолько гадать, каковы результаты применения обучающих лент Роше: Гранту наверняка ничто не грозит, сказал Жиро Ариане.

«Вовсе нет, — возразила она. — О чем ты только думаешь? Во-первых, он — инструмент в наших руках. Во-вторых, его можно использовать как свидетеля для окончательного устранения Роше. А потому пальцем его не тронь!»

«Интересно, инструмент против кого? — с недовольством думал Жиро. — Ари развлекалась ночами с молодым Джастином, все время доводила до бешенства Джейн Штрассен планами переоборудования первой лаборатории и переводом на новые места восьми студентов-исследователей да к тому же была так поглощена проектом «Рубин», что находила время только для своих ази да Джастина Уоррика.

Пытается вернуться в прошлое. Обрести утраченную юность и все такое прочее.

Развлекается, а меня заставляет разгребать новгородские завалы. Ишь, «не трогай Мерильда и Кругерса!» Не стоит заставлять врага маскироваться еще хитрее. Договоримся и с Кореиным, ведь это нетрудно, да?»

Черт возьми!

Зазвонил телефон. На проводе был Уоррик-старший. Требовал освобождения Гранта под его ответственность.

— Джорди, это зависит не от меня.

— Проклятие, никто за него не отвечает! Мне нужно вытащить парня оттуда.

— Джорди, послушай…

— Плевать, кто виноват.

— Джорди, тебе бы радоваться, что никто не собирается привлечь парня к ответственности. В конце концов, он сам виноват, а ты кричишь на меня…

— Петрос говорит, что выписать Гранта могут только по твоему указанию.

— Но ведь все зависит от врачей. Я не вмешиваюсь в лечение. Если парень тебе действительно дорог, советую не мешать Петросу работать и…

— Джерри, он кивает на тебя. И Деннис тоже.

Речь идет не о накладке с обучающей лентой, а о перепуганном ребенке.

— Еще недельку…

— К черту недельку! Можешь для начала хотя бы выдать мне пропуск в госпиталь и приказать Петросу отвечать на мои звонки.

— Послушай, твой сын лежит именно в госпитале. С ним все в порядке. О нем позаботятся.

На другом конце провода стало тихо.

— Послушай, Джорди, они просят всего неделю. В крайнем случае две.

— Но ведь у Джастина есть пропуск.

— Да, сейчас он как раз с Грантом. Так что все в порядке. Поверь мне. Успокоительные парню больше не требуются. Джастина пропускают свободно, и я рассмотрю твои пожелания, договорились?

— Я хочу, чтобы парня выписали.

— В таком случае договорились. Я потолкую с Петросом. Устроит? Пока пусть с Грантом повозится твой сын — возможно, для того это будет лучшее лекарство. Дай мне несколько часов. Я предоставлю тебе возможность ознакомиться с медицинскими заключениями. Этого достаточно?

— Я зайду к тебе.

— Хорошо, я у себя.

— Спасибо, — донеслось из трубки.

— Не за что, — пробормотал Жиро, и на том конце провода повесили трубку. «Ни капли терпения!» — недовольно бросил Най, вновь принимаясь за набросок беседы, в ходе которой собирался обсудить с Кореиным кое-какие проблемы. А потом отвлекся, дабы связаться с отделом доктора Иванова и попросить послать Джордану Уоррику медицинские отчеты о состоянии Гранта. И, подумав, добавил к приказу код УСБ — «учитывая соображения безопасности», — ибо не знал, что за данные содержались в отчетах и какие распоряжения на их счет отдала сама Ари.

3

Новый сепаратор работал вовсю. Остальное оборудование подлежало проверке. Ари делала заметки от руки, в основном из-за того, что работала над самой системой, а планшет для записей использовался ею на особый манер: кое в чем требовалась подлинная виртуозность. Но когда дело доходило до обычных заметок, госпожа Эмори предпочитала пользоваться ручкой и Переводом, используя особый вид стенографии, причем ресионская База данных автоматически, без постороннего вмешательства направляла заметки в архив, ибо распознавала почерк Арианы. То была устаревшая обучающая лента, однако она представляла существенное препятствие для любителей чужих секретов. База данных сама расшифровывала, приводила в порядок и архивировала сделанные заметки, реагируя на ключевые слова и почерк хозяйки, поскольку, прежде чем приступить к составлению очередной порции заметок, доктор Эмори вводила в систему ключевое слово.

Сегодня Ариана занималась не секретной работой, а обычной, лабораторной. Работой

познавательного характера. Конечно, столь примитивную работу можно было поручить любому ази, однако Ари желала проделать ее сама, тряхнуть стариной. Женщина часами просиживала на деревянных сиденьях в первой лаборатории, оснащенной таким оборудованием, на фоне которого даже безнадежно устаревший сепаратор казался последним достижением техники.

Госпожа Эмори не собиралась ничего менять в этом уголке Ресиона. Пока она только хотела громко заявить о себе в задуманном проекте. Хотела застолбить отрасль за собой и лично отработала мельчайшие детали, начиная с самой задумки «Я с самого начала делала все тонко… Я подготовила емкость…»

Сейчас мало кого из сотрудников обучали азам работы. Каждый специализировался в чрезвычайно узкой области. Ариана начала научную карьеру еще во времена освоения Сайтина, когда современная наука только зарождалась. Теперь же пошли так называемые коллеги-ученые — их Ариана сравнивала с дрессированными обезьянами, ибо они заученно нажимали нужные кнопки и пользовались обучающими лентами, не вникая, как на самом деле работали биосистемы. Доктор Эмори отчаянно боролась с подобным

примитивизмом и устанавливала чрезвычайно строгие критерии разработки методических обучающих лент, даже пока Ресион сохранял свои секреты в неприкосновенности.

Некоторым из этих секретов суждено было раскрыться в ее книге. Так она рассчитывала. Книга задумывалась как классическое научное исследование — раскрытие сущности и механизма развития Ресиона с особым акцентом на проекте «Рубин», проверка многочисленных теорий, накопленных за десятилетия ее деятельности. Доктор Эмори даже дала книге рабочее название — «IN PRINCIPIO» — хотя считала, что следует подобрать более удачный заголовок.

Между тем машина выдала готовый ответ на заданное сочетание. На экране красным четырехугольником выделилась допущенная ошибка.

К черту все! В чем причина провала: ошибка в расчетах или сбой в системе? Ариана тотчас сделала запись — откровенно безжалостную. И на мгновение задумалась: потратить время на замену проклятой штуковины и перейти к обработке нового образца или извлечь данные и задокументировать их? Первое казалось не совсем удачным решением. Вторая же возможность — понятное дело, и неспособность обнаружить

причину (наверняка следствие технологического сбоя) — могла выставить ее на посмешище либо привлечь к работе специалистов, лучше ее разбирающихся в оборудовании.

Извлечь материал из машины и препоручить ту заботам техников, а самой заняться прогонкой данных в «чистой» машине, а также установить третью машину с новым образцом.

«Каждый судьбоносный проект обречен иметь мелкие недочеты, либо исследователи лгут», — пронеслось в голове у некоронованной королевы Ресиона.

Отворилась входная дверь. Издалека донеслись голоса. Флориан и Кетлин. И кое-кто еще. Проклятие!

— Джордан? — крикнула она, чтобы тот сразу расслышал. — Что стряслось?

Она услышала звуки шагов. И снова голоса Флориана и Кетлин. Она нечетко объяснила ази задачу, и те просто следовали за Джорданом по пятам до самой хладолаборатории.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Джорди, мне не до тебя. Неужели нельзя через часок, у меня в кабинете?

— Здесь самое подходящее место. И поговорить можно с глазу на глаз.

Эмори сделала глубокий вдох. «Была не была! — подумала она. — Наверное, насчет Гранта явился. Или по поводу Мерильда с Кореиным». И сказала:

— Ладно, согласна. Но учти, через полчаса по соседству будут работать Джейн и ее свора. Флориан, сходи в сектор «В» и скажи, что машина не работает. — Повернувшись, она извлекла исследуемый образец из установки и бросила: — Придется брать новый. Если понадобится, прогоним его через все машины, какие здесь есть. Я хочу прояснить все до конца, а не так, как на деле. Достала уже эта толерантность! Невольно сама начинаешь ею заражаться. Не верю этим помощничкам! Кетлин, а ты встань там — передашь Джейн, чтобы она увела своих учеников в другое место. Я закрываю лабораторию до окончания эксперимента. — Женщина снова глубоко вздохнула и принялась прогонять многострадальный образец через криогенную технику, после чего, раскрыв дверцу в камеру с образцом, вернула его в исходное положение и повторила процедуру. А когда обернулась, увидела, что ази ушли, а Джордан терпеливо ждет.

4

Госпиталь располагался довольно далеко от основных корпусов, так что в непогоду, когда приходилось идти по закрытым переходам и тоннелям, прогулка могла изрядно затянуться. Но зато под открытым небом путь значительно сокращался. Джастин выбрал второе, хотя солнце скрылось за скалами и пришлось накинуть пальто. Юношу продолжали мучить рецидивы воздействия обучающей ленты — они терзали его повсюду. Ощущения особенно досаждали Уоррику-младшему — ему становилось нехорошо, да еще мучила тяжесть в желудке. «А все Грант». — С легкой досадой юноша вспомнил, как санитары принесли обед на двоих и брат настоял, чтобы он разделил с ним трапезу.

Джастин проглотил свою порцию, хотя не был уверен, что съеденное пойдет ему на пользу. Однако Уоррик-младший был готов и не на такое, только бы брат мог посидеть и посмеяться; Гранта даже развязали, чтобы он смог поужинать, и больной, скрестив ноги, уселся на койке и с энтузиазмом проглотил десерт. Энтузиазм не пропал даже тогда, когда медицинские сестры сообщили,

что на ночь вынуждены снова привязать его к койке смирительными ремнями.

Джастин остался бы с братом и на ночь — доктор Иванов не возражал — если бы не назначенная встреча с Ари, о чем он, конечно, не мог рассказать Гранту. Уход он объяснил необходимостью сверхурочной работы в лаборатории. Однако когда Джастин уходил, больному явно было вдвое лучше, чем когда он вошел в палату; Грант все еще быстро уставал, но зато в глазах появился блеск, он вновь обрел смешливость — возможно, смех звучал несколько вымученно, неестественно, но глаза Гранта безошибочно свидетельствовали о начале возврата к нормальной жизни.

Однако когда Джастин поднялся, чтобы уйти, маска слетела: Грант снова выглядел унылым и несчастным.

— Утром зайду, — пообещал Джастин.

— Слушай, ну зачем тащиться в такую даль?

— Но я хочу прийти. Разве нельзя?

Грант вздохнул с явным облегчением.

Именно поэтому день показался Уоррику-младшему удачным. И юноша готов был платить за эту удачу любую цену. Впервые с того дня, как все это началось в кабинете Ари, он осознал, что даже из такого положения может быть выход.

Если… Если только дел будет достаточно, чтобы отвлечь Ари, если… Джастин подумал о Гранте и Ари: Грант и так находился на грани помешательства…

Тот самый Грант, красавчик, от которого девчонки были без ума и которого они дружно предпочитали ему, Джастину…

Юноша сумел перебороть напоминавшую о себе обучающую ленту, превратившуюся в постыдные воспоминания, пробрался сквозь смуту боли и изнурения. И не собирался набивать себе цену. Джастину хотелось уйти куда-нибудь и заболеть — что если позвонить Ари и соврать, будто прихворнул — впрочем, это соответствовала истине — и она могла бы попросить его прийти в следующий раз…

Боже, как он мог забыть о соглашении, которое открыло ему дорогу к Гранту! И гарантировало тому свободу. Ариане ничего не стоило очистить рассудок Гранта. Она могла сделать что угодно. Она угрожала отцу. Все теперь зависело от него, Джастина, и он ничего не мог сообщить брату — во всяком случае, в его нынешнем состоянии.

Тяжело вздохнув, он прибавил шагу. Тропа, огибая угол, вела к главному входу. Слышался гул моторов заходившего на посадку самоле-

та. Все как обычно «Ресион-эйр» без работы не простаивает, и полеты осуществляются строго по графику. Джастин проследил, как шасси самолета коснулось взлетно-посадочной полосы, а потом зашагал вдоль окаймленной гравием клумбы и акклиматизированного кустарника, тянувшегося до самого парадного входа. От входа отъехал автобус и, по дуге подъездной дорожки, направился к шоссе. Автобус должен подобрать кого-то и отвезти к самолету, смекнул Джастин, дивясь, кого из ресионцев понесло к реке в такое тревожное время.

Просунув магнитную карточку в прорезь замка, он миновал автоматические двери, опять пристегнул карточку к рубашке и направился прямиком к лифту, чтобы подняться на свой этаж и уйти к себе.

Первым делом он собирался позвонить отцу и сообщить, что с Грантом все в порядке. Юноша пожалел, что не нашел времени позвонить прямо из госпиталя, но поскольку Грант вообще не хотел отпускать его от себя, Джастин не решился беспокоить больного.

— Джастин Уоррик!

Обернувшись, он увидел сотрудников службы безопасности: те явно появились в холле к

прибытию самолета и, соответственно, автобуса, дабы в случае чего не пропустить постороннего.

— Пожалуйста, следуйте за нами.

Юноша указал на лифт:

— Я лучше поднимусь к себе и не стану путаться у вас под ногами.

— Пожалуйста, следуйте за нами.

— Черт возьми, да воспользуйтесь компьютером, обратитесь к начальству. Вы не смеете пальцем меня тронуть! — воскликнул юноша, когда один из охранников потянулся к нему. Однако охранники все-таки заломили ему руки и прижали к стене. «Боже!» — процедил Джастин, обескураженный и рассерженный, а те, не обращая внимания на протесты, начали сноровисто обыскивать его. Конечно, здесь была какая-то ошибка. И охранники были ази. Они просто переврали полученный приказ и превысили свои полномочия.

Потом ему снова заломили руки, и кожа на запястьях ощутила холодное прикосновение металла.

— Эй!

Наручники со звоном замкнулись. Охранники вновь осмотрели его и повели по коридору. Джастин упирался, его подталкивали. Путь лежал к

отсеку службы безопасности.

«Боже, — испугался Уоррик-младший, — выходит, Ари все-таки предъявила им обвинения. Ему, отцу, Кругерсу — словом, всем, так или иначе имевшим отношение к побегу Гранта. Стало быть, это случилось. Каким-то образом она ухитрилась отыскать нужную зацепку, способную в случае чего заставить их молчать, и всей мощью обрушилась на них; а он, уверенный в своих возможностях, не сумел раскусить эту женщину!»

Джастин шел, куда указывали — все дальше по коридору; потом в кабинет со стеклянными дверьми, где сидел начальник. «Туда», — коротко распорядился чиновник, махнув в угол кабинета.

— Да что происходит? — гневно осведомился задержанный, лишенный всех средств защиты и потому используя последнее — блеф. — Черт побери, свяжитесь с Арианой Эмори!

Однако его провели за стальные двери, оборудованные хитроумным замком. За массивной дверью скрывалась комнатка с голыми бетонными стенами. Дверь с лязгом захлопнулась.

— Проклятие, вы должны сообщить, в чем меня обвиняют!

Ответа не последовало.

5

Справа от выхода из хладокамреры лежал ничком, чуть изогнувшись, труп, промерзший почти насквозь. Внутри камеры все до сих пор было покрыто инеем и причиняло боль при прикосновении. «Сплошной лед», — прокомментировал следователь, запечатлевая на пленку увиденное. Жиро подумал, что Ари наверняка вознегодовала бы по поводу столь незавидной кончины. И воззрился на труп, все еще не веря, что Ари никогда больше не шевельнется, что в этом промерзшем насквозь теле, приоткрытом рту и остекленевших глазах уже не будет жизни. Эмори была в свитере. Как и прочие исследователи, работавшие в устаревшей хладокамере, — более теплая одежда только мешала. Но она не выжила бы, даже облачившись в защищающий от холода костюм.

— В таком случае не образовалось бы столько льда, — сообщил Петрос. — Ни за что.

— Она работала при закрытой двери? — уточнил следователь Штерн из Моривилля — небольшого городишки, — единственный представитель закона на тысячу миль вокруг, пробуя

рукой тяжелую дверь. При прикосновении дверь чуть-чуть отъехала в сторону. — Проклятие! — Чиновник затормозил скольжение двери, после чего отпустил снова.

— Здесь есть внутренняя связь, — подсказал Петрос. — Все знали, что дверь когда-нибудь захлопнется таким вот образом. Говорят, во всем виновата конструкция здания. А потому, если дверь вдруг захлопнется, можно позвонить в службу безопасности или в кабинет Штрассен. В конце концов кто-нибудь да придет, откроет — дело нехитрое…

— На сей раз так и произошло, — пробормотал Штерн. Вытянув руку, он нажал кнопку на пульте связи, но пульт рассыпался, как будто был сделан из хрупкого воска. Обернувшись к помощнику, который повсюду сопровождал его с планшетом для записей в руках, следователь прокомментировал: — Холодно. Но эта штуковина мне понадобится. А что, кто-нибудь услышал сигнал?

Однако механизм не подавал признаков жизни.

— Не работает.

— Возможно, все дело в низкой температуре, — предположил Жиро. — Никакого сигнала точно не было.

— Падение давления было первым сигналом, по которому вам следовало догадаться о каких-то неполадках.

— Давление в емкости с жидким азотом? Это забота техников. Минуту или две спустя меня отвлек телефонный звонок.

— А разве сигнал не должен был раздаться повсюду?

— Он прозвучал, — пояснил Жиро, указывая на прибор на стене, — внизу. Но там сейчас никто не работает. А поскольку здесь очень своеобразная акустика, невозможно определить, откуда именно доносится сигнал. Вот и мы не знали до тех пор, пока техники не сообщили, что авария произошла на линии подачи азота. А потом стало ясно, что сигнал прозвучал из хладокамеры. Бросились туда со всех ног и распахнули дверь.

— Гм-м-м-м-м… А ази здесь не оказалось. Только Джордан Уоррик. Который снова очутился наверху в момент тревоги. Мне нужен отчет о работе этого селектора.

— Но мы сами можем вам его предоставить, — удивился Жиро.

— Лучше, если этим займутся мои люди.

— Вы здесь по чисто формальной причине. Так сказать, для галочки. Капитан, это не входит в

вашу компетенцию.

Штерн — дюжий, плотно сбитый мужчина с умными глазами — пристально посмотрел на Ная. Следователю хватило сообразительности догадаться, что Ресион умел хранить свои тайны.

Кроме того, ресионцы располагали связями в верхах, а потому возможное решение по делу могло повлечь за собою либо повышение по службе, либо крупные неприятности.

— Полагаю, — молвил Штерн, — мне следует переговорить с Уорриком.

То был ясный намек на предпочтительность общения с каждым из участников событий по отдельности. Поначалу Жиро одолевал соблазн отправиться вслед дотошной ищейке и тайком записать все, что можно записать. Но соблазн уступил место неподдельной панике, осознанию обрушившегося на Ресион бедствия. Бедствия, которое разом разрушило все планы. Только сейчас Жиро Най окончательно понял, что блестящий ум, «хранилище» множества тайн, превратился теперь в обычную глыбу льда. Промерзшее насквозь тело Арианы просто невозможно было переправить из хладокамеры хотя бы с малой толикой того уважения, каким пользовалась покойная при жизни. Даже столь нехитрая

необходимость грозила обернуться гротеском, неприятной суетой.

А еще Кореин… Несомненно, гибель Эмори станет главной новостью информационных служб еще до наступления утра.

«А что мы можем сделать? — с тоской подумал Жиро. — И что делать теперь? Ари, черт побери, что делать?»

Флориан терпеливо ждал, устроившись на скамье в комнате ожидания в западном крыле госпиталя. Облокотившись на колени, спрятав лицо в ладони, ази плакал, ибо ничего другого просто не оставалось — к Ариане его не допускали, разве что на минуту, чтобы жуткое зрелище убедило его: случившееся — правда, а Джордан Уоррик уже заключен под стражу. Итак, хозяйка погибла. И мир точно перевернулся. От Жиро Ная поступил приказ: явиться для программирования.

Приказ был понятен ази. Явиться к Наставнику — знакомое с детства правило; существовала обучающая лента, при помощи которой подавлялось потрясение, рассеивались сомнения, разъяснялась суть бытия, его правила и законы.

Однако Флориан был не столь наивен, ибо понимал, что хозяйку не вернуть. Оставалось

только гадать, каким образом его заставят смириться со случившимся.

Представься возможность, он попросту убил бы Уоррика. Прямо сейчас, будь у него шанс. Но в данный момент Флориан располагал только кусочком бумаги — направлением на процедуру программирования. Не слишком большое утешение; до сих пор ази никогда не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным, и потому любое указание казалось ему бессмысленным, а желание выполнять прежние обязательства пропало.

В дверях послышались шаги — в помещение кто-то вошел. Подняв голову, ази увидел Кетлин — та казалась даже более подавленной, чем он. Она всегда держалась спокойно, невзирая на потрясения, и даже теперь…

Поднявшись, Флориан обнял напарницу и прижал к себе — так они спали все эти годы; годы, счет которым он просто потерял. Годы, полные радостей и невзгод…

Ази опустил голову на плечо девушке. И ощутил, как ее руки обвились вокруг его тела. На душе у Флориана стало совсем тоскливо. «Я видел ее, — пробормотал он, вспоминая чудовищную сцену. — Кет, что теперь будем делать?»

— Мы здесь. Только это и остается. Иного выбора нет.

— Скорее бы уж началось программирование — я больше не могу. Скорее бы прошла эта боль!

Обхватив ладонями лицо напарника, Кетлин заглянула ему в глаза. У самой девушки глаза были светло-голубые — ни у кого из знакомых Флориана не было таких. Кетлин всегда отличалась здравым смыслом. В какой-то момент ему даже стало страшно — настолько унылым, безнадежным был взгляд напарницы.

— Все пройдет, — прошелестела она. — Флориан, все скоро закончится. Ты ждал меня? Пойдем, пойдем и уснем. И боль утихнет навсегда.

В коридоре то и дело раздавались шаги — каждые несколько минут мимо двери в камеру пробегал человек, и Джастин кричал до хрипоты, а потом просто присел у холодной бетонной стены и застыл, съежившись, пока не услышал шорох отпираемого замка.

С трудом поднявшись, арестованный проковылял несколько шагов, на всякий случай держась за стену и глядя на вошедших в камеру двух охранников из службы безопасности.

Уоррик-младший даже не стал сопротивляться. И ничего не сказал, когда его препроводили об-

ратно в комнату с письменным столом.

За столом восседал Жиро Най.

— Жиро, — прохрипел юноша, опускаясь на свободный стул с закругленной спинкой, — ради Бога, в чем дело? Что они о себе вообразили?

— Ты обвиняешься в причастности к преступлению, — пояснил Жиро. — Вот в чем дело. Таковы законы Ресиона. Если есть желание, можешь сделать заявление. Ты знаешь, что на тебя распространяются положения Административного регулирования. Знаешь и то, что тебя можно подвергнуть допросу с применением психотропных средств. Искренне рекомендую не упрямиться.

Время точно замедлило свой ход. Мысли юноши лихорадочно заметались — невозможно было поверить, что произойдет нечто подобное. Конечно, в панике рассудил Джастин, он всему виной и к тому же впутал отца — психодопрос вытолкнет на поверхность все…

Все. И отец тоже все узнает. Ему обязательно расскажут.

Джастину захотелось умереть.

— Ари меня шантажировала, — бросил он, с трудом ворочая языком, ибо время тянулось как назло медленно, а мысли в голове, наоборот, неслись молниеносно. Казалось, прошла целая

вечность. «Упомянуть отца и почему Гранту пришлось бежать? — лихорадочно гадал Уоррик-младший. — Могут ли они все разузнать? Сколько лжи я могу себе позволить?» И вслух сказал: — Она пообещала отпустить Гранта, если я стану делать то, что она прикажет.

— Но ты не знал о связи Кругерса с Роше.

— Нет, — тотчас отозвался паренек, радуясь простоте вывода, хотя восприятие было все еще затруднено. — От Кругерса требовалось только препроводить Гранта в безопасное место, поскольку Ари грозила ему, если я… Если я не… Она… — Джастину стало не по себе. Снова напомнила о себе обучающая лента, и юноша, откинувшись назад, насколько это было возможно, попытался проглотить подступавший к горлу ком. — Когда стало известно, что Грант не прибыл в город, я сам пошел к Ари и попросил о помощи.

— И что она сказала?

— Назвала меня дураком. Рассказала о Роше. Я ничего не знал…

— Ничего не знал, стало быть. А к отцу не пошел.

— Не мог — отец ведь ни о чем не подозревал. Он просто…

— Что он сделал бы?

— Не знаю, каких дел он натворил бы. Я сам все сделал. От отца просто ничего не требовалось.

— Для похищения Гранта, ты хочешь сказать.

— И в отношении Кругерса, Роше и прочих.

— И Ари собиралась допустить подобное!

В самом деле, это было нелогично. «Ловушка, — подумал Джастин. — Она допустила побег. Возможно, надеялась, что Грант все преодолеет. Возможно…»

…Возможно, причина была иной. Просто Ари вконец обезумела. Она…

Но Ари не так проста. Изобразить любую возможную реакцию для нее — раз плюнуть.

— Думаю, остальные вопросы мы зададим на допросе. Если, конечно, тебе еще есть что сообщить…

— Кто будет проводить допрос? — осведомился Джастин, ибо юноше было небезразлично, кто из техников станет копаться в его рассудке. — Жиро, если все и дальше так пойдет, Ари это не понравится. Она хоть знает, где я? Знает, что…

Не договорив, он в панике подумал: «А если Жиро и Ари затеяли хитрую игру? Или вдруг Жиро прищучил меня, чтоб раздобыть компромат на Ариану?»

— Мне нужно поговорить с ней, — сказал юно-

ша. — Все равно мы договорились встретиться. Она наверняка уже разыскивает меня. И если не найдет, то начнет… — начнет терзать Джордана, чуть не сорвалось у него с языка. Натворит того, на что прежде не решилась бы. И отцу все расскажут. Хотя бы Жиро. Возможно, Администрации нужен компромат на отца, возможно, Ари и Жиро что-то затеяли. А может, Ари играет против меня, или Жиро действует против отца. Боже мой! Во что я влез?.. — Она наверняка разыскивает меня, понимаете?

— Сомневаюсь. Я не стану задавать вопросы лично. Ну что — сам спустишься в известную тебе комнату или начнешь артачиться? Если будешь сопротивляться, только ухудшишь свое положение — во всех смыслах. Думаю, ты сам все понимаешь. Я просто желаю удостовериться, что ты ничего не забыл.

— Я пойду сам.

— Вот и хорошо. — Жиро поднялся, а следом, подавшись вперед, поднялся и Джастин, пошатываясь на подкашивающихся ногах. Тело арестованного почти онемело от холода, а мысли еще недавно теснившиеся в беспорядке, слились в неразрывное кольцо, из которого не было спасения.

Жиро отворил дверь; юноша вышел и, обогнав Ная и замерших в ожидании охранников, пошел к известной с детства комнате — похожей на остальные больничные палаты в крыле, куда являлись для перепрограммирования ази. Здесь были зеленые стены и стояла обычная кушетка. В углу виднелась подставка для камеры.

— Рубашка, — напомнил Жиро.

Джастин понял, чего от него хотели. Стащив рубашку, он положил ее на стол. Опустившись на кушетку, принял из рук ази первый ремень, помог прикрепить сенсоры, ибо при программировании всегда выполнял для себя всю работу, хотя сейчас все его движения записывались на пленку. И тотчас обмяк, позволив допрашивавшим действовать самим. Юношу осторожно опустили на кушетку, и он ощутил, как к его телу приклеиваются все новые присоски с датчиками. Потом Джастин закрыл глаза. Ему хотелось попросить Жиро удалить ази, ведь в предстоящем рассказе нельзя было не упомянуть Ари и ази, ставшим невольными свидетелями допроса, предстояло в этом случае частичное промывание мозгов.

Жиро принялся задавать вопросы — вежливо, но профессионально. Поначалу Джастин их даже запоминал, но потом запомненное ускользнуло

от него. Уоррик-младший мог попасть в руки любого техника, однако в его положении Жиро был лучшим из возможных вариантов, так как действовал осторожно и не давил на психику. Словом, со знанием дела. И если Жиро действительно желал удостовериться в том, что услышал правду, то хотя бы пытался восстановить истинную картину событий.

Так говорил сам Жиро. А наркоз доказал: пояснения Джастина — чистая правда.

Жиро вряд ли шокировало известие о поведении Ари, ибо он прожил долгую жизнь и повидал немало. По сравнению с Ари Жиро был, конечно, молод, но опытен — ему оставалось лишь понять, что подобное случилось не впервые. И что она просто пыталась обрести средство давления на Джордана Уоррика. Разве можно было сомневаться в этом? Джордан наверняка все знал.

Нет, подумал вдруг юноша, на мгновение увидев белый потолок и яркий свет: так высоко он поднялся из глубин подсознания. И вспомнил, как Грант касался его плеча.

«Ты действительно постарался, чтобы отец ничего не узнал. Конечно. Как по-твоему, что он сделал бы, если бы узнал?

Обратился бы в Комитет.

Ах…

Но он не узнал.

Теперь можешь выспаться. Проснешься полным сил. Можешь отпустить — не упадешь!»

Но что-то еще было не так. Джастин попытался понять, в чем дело, но догадка всякий раз ускользала…

— Думаю, вряд ли стоит сомневаться, — сказал Жиро, глядя на сидевшего у его стола Джордана. В свои сорок шесть лет Уоррик умудрился сохранить атлетическую фигуру и потому шутить с ним было опасно. Впрочем, взяли его аккуратно — без единого синяка. Его даже не связали, а опутали веревками, да и проведение допроса с применением психотропных средств исключалось: как-никак, Джордан был Особым, то есть считался национальным достоянием. Даже Комитет по Внутренним Делам не мог позволить себе тронуть Уоррика-старшего.

Особому инкриминировали убийство другого Особого — беспрецедентный случай. Ибо Джордан Уоррик мог перебить хоть дюжину младенцев на центральной площади Новгорода, среди бела дня и при всем честном народе, а власти не имели бы права не то что притянуть его к ответу, как поступали в таких случаях с преступниками, но

даже устроить ему допрос.

Сейчас Джордан сидел на стуле, к которому привязала его охрана, и смотрел на Ная.

— Вы прекрасно знаете, — прохрипел он, — что я не делал ничего подобного.

— И что? Может, потребуешь провести допрос, дабы доказать свои утверждения? Мы не можем позволить себе подобную роскошь. И ты это знаешь. Если ты совершил убийство, пусть оно останется на твоей совести.

— Не делал я ничего! Черт возьми, вы еще даже не провели вскрытие!

— Отчего бы она ни умерла, холода было бы вполне достаточно Джордан, а ведь труба не просто обломилась — ты знаешь это и знаешь, как все произошло. А потому давай не будем тратить силы на чепуху. Что ты сделал? Как представляется мне — подрубил трубу и заполнил емкость до отказа, после чего завернул главный клапан и включил на полную мощность насос обратной тяги. Линию, если бы ее повредили хоть немного, должно было разнести в куски.

— Выходит, вы в курсе, как это надежнее всего устроить. В трубах вы разбираетесь куда лучше, чем я. Джерри, но ведь моя работа — компьютеры. Меня никогда не интересовало, где проходят

трубы в лаборатории первого блока. Я не разбираюсь в криогенных системах и всегда был к ним безразличен. Кстати, у твоей версии есть еще один существенный изъян: у меня не было допуска в эту лабораторию.

— Зато доступ был у Джастина. И его ази.

— Какая проницательность! Но не забудь, что Грант в госпитале.

— Мы допросили твоего сына. И начинаем допрашивать ази — твоего и его.

Лицо Уоррика-старшего точно окаменело.

— Все равно вы ничего не найдете — нечего искать, — выдавил он. — Жиро, лучше бы ты заранее все спланировал — так недолго и в галошу сесть.

— Я ничего не собираюсь искать. Мотив преступления мне ясен.

— И каков же он?

В ответ Жиро нажал кнопку кабинетного планшета для записей, куда загрузили нужную запись.

«Джерри, он валит все на тебя. Как и Деннис. Речь не о проблеме с записями, будь она неладна, Джерри, речь о напуганном ребенке.

— Еще недельку.

— К черту! Для начала можешь дать мне право

доступа туда. И пусть Петрос отвечает на мои звонки.

— Твой сын как раз там. Допуск по полной форме у него есть. Он позаботится о Гранте. — Пауза. — Слушай, Джорди, они просят еще недельку — максимум две.

— У Джастина есть допуск».

Конец записи.

— При чем здесь чертова пленка?

— Именно после этого разговора ты отправился к Арии. Разве не так? Прямым ходом.

— Верно. Как всегда.

— Да. Так вот, ты обронил, что у Джастина есть право доступа. Что тебя удивило. Во-первых, Джастин не сказал тебе ничего из того, о чем обязательно должен был поведать. Во-вторых, Ари так и не обмолвилась о своих преимуществах. В-третьих, ты знаешь привычки Арии. В тот момент ты попросту понял, откуда ветер дует, и в конце концов докопался до сделки, на которую твой сын пошел ради Гранта.

— Чистой воды выдумки!

— Твой сынок пытался шантажировать Ари. На самом деле задумано было неплохо. Ты думал, что он зажмет Ариану в тисках. И потому предоставил ему полный простор для действий. Но

когда Ари вернула Гранта, все козыри оказались у нее. Разве нет? Действительно, все до единого. Твой сын попросил Ари о помощи — заметь, ее, а не тебя. И сумел добиться от нее того, чего ты не смог добиться всеми своими угрозами. Интересно знать, как ему это удалось?

— Кто бы мог подумать, что у тебя такое богатое воображение!

— Вы с Ари враждовали. То ли она сказала тебе, то ли ты сам узнал — чем твой отпрыск платил за наставничество. И ты убил ее. Расплющил клапан и включил насос. Времени на это нужна самая малость. Весь первый блок знал о проклятой двери. Изначально все задумывалось как несчастный случай, но потом тебе пришлось проявить изобретательность.

Поначалу Джордан молчал, а затем хрипло бросил:

— Ну уж нет! Я ушел. То есть мы сначала поговорили, а затем я ушел. Можешь проверить планшет для записей.

— Она его не включала. Сам ведь знаешь: она работала с проклятым Переводом. Который не фиксирует звуковую информацию. И никаких записей не оставила. Просто не успела. Ты оглушил Ари, повредил трубу, захлопнул дверь и повысил

давление. Когда сработал сигнал тревоги, ты был уже наверху.

— Не делал я этого! Конечно, я не собираюсь горевать по Эмори. Но я этого не делал. А Джастин был в госпитале — ты сам записал, как проникновенно сообщаешь об этом. Только попробуй откорректировать запись — я обвиню тебя в фальсификации!

— Ну вот, начинается! Нет, Джорди, если ты вздумаешь обратиться в суд, я представлю туда кое-какие другие пленки. Одну из них я прокручу тебе.

— Можешь не стараться.

— А, так ты догадываешься, о чем речь! Но все же, Джорди, я хочу, чтобы ты их посмотрел. Если хочешь, прокрутим все. А потом поделишься впечатлениями.

— Можешь не стараться.

— Ари как-то обмолвилась — между вами что-то такое было… Несколько лет назад.

Джордан сделал глубокий вдох. Маска была сброшена.

— Вот что я тебе скажу, — процедил Уоррик-старший. — Слушай внимательно, слизняк! Слушай и не думай, что держишь всех в кулаке. Если Ари мертва и мне придется исчезнуть, то

сразу два отдела в Ресионе перестанут функционировать. Некоторые из своих обязательств Ресион уже не сможет выполнять. Ресиону вообще будет сложно выполнять свои договоры, а политикам-друзьям придется подумать о спасении собственных интересов. Спешном спасении. Не забывай: в случае гибели Особого проводится дознание. И то, что узнают в этот раз, кое-кому покажется весьма любопытным — и не только ресионцам. А когда новости попадут в информационные выпуски, можно представить, как засуетятся начальники департаментов и президенты корпораций. Ты прав — допрашивать меня ты действительно не можешь. И свидетельствовать я могу только под честное слово. А ты знаешь, о чем я им поведаю. И стану утверждать, что ты пытался воздействовать на меня обучающей лентой. Как они докажут обратное — разве что проведут психодопрос? Но закон запрещает мне даже добровольно соглашаться на подобное мероприятие. Ты и так усадил меня перед микрофоном. Что ж — продолжай в том же духе. Я от тебя ничего иного не ожидал. Ари и ее подружка Лао могли заставить меня держать язык за зубами. Но, как видишь, иногда некоторые истории просто невозможно скрыть. Убийство начальни-

цы ресионского комплекса относится к разряду таких историй. Мне становится очень не по себе, когда я начинаю думать над случившимся.

— Верно, в этом ты чертовски прав.

— В данный момент ты размышляешь, как сподручнее убить меня. Давай, действуй! Наверное, ты считаешь, что будет относительно несложно объяснить смерть одного из Особых.

— Все новости рано или поздно ожидает одна и та же судьба. Ну, пошумят, поскандалят. А потом все утихнет.

— Только в Совет тебе все равно не пролезть. Клянусь — не пролезть! У нас пока еще могут убить прямо на улице, но вот скрыть убийство уже не получается. Нет политической силы, которая была бы способна на такое. Случись что — и деваться некуда. Презрение отовсюду. Если ты хочешь, чтобы Ресион утратил все свои позиции, то…

— Старая песня! Убийство и последующее самоубийство. Тебе не избежать дурной славы, которая обеспечена тебе после суда. Ты полагал, будто в твоих силах замять скандал. Но не знал, что сохранились пленки с записями. Откуда тебе было знать, что Ари имела обыкновение записывать на пленку маленькие вечеринки,

которые так любила устраивать? Публика будет шокирована. Но ненадолго. Людям всегда нравились скандалы, неизменно окружающие богатых и знаменитых. Кто знает: возможно, твой сын преуспеет в жизни. Или, напротив, завершит ее трагически. Мало ли что случается — люди иногда принимают чрезмерные дозы лекарств, злоупотребляют тяжелыми обучающими лентами. Но одно тебе известно наверняка — в Ресионе он ничего не добьется. Как и везде, куда распространяется наше влияние. Про второго парня — проази — я вообще молчу. Возможно, его допрос был ошибкой: сейчас он уязвим как никогда. Но что поделаешь: факты — вещь упрямая.

Джордан долго сидел, точно окаменев.

— А еще я ничего не сказал, — заметил Жиро, — о Пауле.

Уоррик прикрыл глаза.

— Стало быть, признаешь свое поражение? — полюбопытствовал Най.

— Уверен, — отозвался Джордан, не сводя с собеседника глаз, — что ты хочешь что-то мне предложить. Оттого-то и юлил. Выходит, их безопасность в обмен на мое молчание?

Жиро невесело улыбнулся:

— Ты понимаешь, что мы можем убрать их.

Джорди, ты вынужден защищать слишком многих, но защитить по-настоящему тебе не удастся никого — разве что неукоснительным исполнением приказов. Ты же не хочешь, чтобы обучающая лента портила жизнь твоему сыну. Ты хочешь спасти его от удара, пытаешься отвести опасность от Кругерса и своего дружка Мерильда, и твои друзья в Совете крепко повязаны. Расследование подобного масштаба, начавшись, может не завершиться вовсе. Ты ведь не хочешь, чтобы Гранта или Пауля без конца таскали на допросы? Ты ведь знаешь, какие меры мы примем. Мы не заинтересованы, чтобы расследование выходило за рамки допустимого, и не хотим раздувать скандал. Давай поступим так. Ты расскажешь, как все было, не упуская ни малейших подробностей. Тебе все равно ничего не грозит — ты это и сам знаешь. Даже исполнится твое заветное желание — ты получишь долгожданный перевод из Ресиона. Мы станем настаивать, что твоя работа имеет исключительно важное значение. И ты будешь продолжать заниматься ею в спокойной обстановке, в укромном местечке, вдали от камер, микрофонов и посетителей. Разве такой выход хуже прочих возможных?

— Если забыть о том, что я не виноват. Не знаю,

что произошло. Я вышел отсюда. Мы с Ари поцапались. Я обвинил ее в том, что она шантажирует моего сына. Она рассмеялась мне в лицо, и я ушел. Я ей не угрожал. Ни единым словом. Сам понимаешь — только дурак на моем месте стал бы посвящать ее в свои намерения. В которые, между прочим, не входило убийство. Я ничего не знал. Это чистая правда. Я тогда даже не решил, стоит ли обращаться в Комитет. И сомневался, можно ли вообще купить ее покладистость.

— Стало быть, правда видится каждому из нас по-разному. Наверное, каждый час возникает какой-то новый вид правды…

— Это и шесть сущая правда.

— Тебя не подвергнешь психодопросу. Ты ничем не можешь подкрепить свои показания. Неясно, что ты на самом деле видел. Или сделал. А потому мы приходим к тому, с чего начали разговор. Откровенно говоря, Джорди, мне безразлично, убил ты ее или нет. В нынешней неразберихе ты стал нашей главной проблемой. Мне хочется разобраться; на повестке дня ты у меня значишься под первым номером. А если ты действительно не убивал Ари, ты все равно опаснее убийцы — ведь если ее убил кто-то еще, то сделано это было по личным мотивам. Но если это твоих рук

дело, то здесь нечто иное. А потому мы самым тщательным образом исследуем трубы, клапаны и всю систему. Буду предельно откровенен: если мы не найдем улик, то придумаем их сами. Тебе же я дам заранее подготовленный сценарий — озвучишь его в Комитете. Будешь действовать как велено — и я гарантирую выполнение нашей сделки. Только скажи, что тебе нужно. Проси, не стесняйся — разумеется, в разумных пределах. Признаешь себя виновным, выдержишь основной удар — и удаляйся в укромную обитель, где для тебя все уже будет приготовлено. Если не согласишься, то тогда, боюсь, нам придется принимать меры.

— Мне нужно, чтобы вместе со мной перевели Джастина, Гранта, Пауля. Вот моя цена.

— Слишком много просишь. Но их безопасность я готов гарантировать. Хотя им придется остаться здесь. Если вдруг передумаешь, передумаем и мы. Если попытаешься удрать, или покончить с собой, или заговоришь, с кем не положено, или попробуешь передать послание — мы отыграемся на твоих близких. Таковы условия сделки. Вот так просто.

Долгая тишина.

— В таком случае пусть они будут со мной, —

настаивал Уоррик-старший.

— Я и так чрезмерно щедр. — Жиро покачал головой. — Хотя, сам понимаешь, ты такой щедрости не заслужил. Так и быть — отдаю тебе Пауля. Я все-таки отношусь к тебе хорошо. Но, разумеется, положения нашего договора распространяются и на него.

— Попробуй только тронуть его!

— Послушай, что ты себе вообразил? Может, думаешь, я заставлю его шпионить за тобой? Нет. Этим будет заниматься не он. И не твой отпрыск. И не ази. Давай договоримся: мы оба станем придерживаться нашего соглашения. Идет?

Подумав, Джордан кивнул. Губы ученого слегка подрагивали.

— Тебе придется задержаться в Ресионе, — объявил Жиро, — пока Комитет по внутренним делам проводит расследование. Придется даже посидеть за решеткой. Но сносные условия гарантирую. Мы устроим тебе даже встречу с Паулем. Что касается сына, то ваше общение будет крайне ограничено. Предупреждаю заранее: парень наверняка попробует помочь тебе. А потому подави всякие такие попытки в зародыше. Ты скорее всего единственный, кому это под силу. Согласен?

— Да.

— Сейчас прокручу обещанную пленку.

— Не нужно.

— Ты должен увидеть ее. В самом деле, не отказывайся. Сможешь потом подумать на досуге, каким образом мы ею воспользуемся, если ты вдруг сумеешь дать публике понять, будто твое преступление имеет политическую подоплеку. Но, полагаю, ты — человек рассудительный. И еще, что ты сможешь вскрыть причастность к совершенному убийству радикальных элементов. В частности, речь идет о центристах. Нужен ведь хоть какой-то мотив, верно?

— Най нажал кнопку, и встроенный в стену экран тотчас засветился. Хозяин кабинета не сводил глаз с лица посетителя. Однако Уоррик-старший смотрел не на экран, а куда-то в угол. В полумраке кабинета поблескивали вспышки изображений из обучающей ленты, а лицо Джордана казалось вырезанным из какого-то светлого материала. Между тем с экрана доносились голоса, там же без конца переплетались тела. Но Джордан упорно не смотрел на экран. Не смотрел, но реагировал. И слышал.

В этом Жиро ничуть не сомневался.

— Джордан Уоррик когда-нибудь высказывал в вашем присутствии свое отношение к Ариане

Эмори?

— Да, господин, — отозвался Грант. Сидя у стола и сложив руки перед собой, юноша смотрел на то и дело вспыхивавший цветными бликами планшет для записей — небольшой черный ящичек, стоявший между ним и человеком, который, по его утверждению, прибыл из Комитета по внутренним делам. Вопрос следовал за вопросом…

Джастин так и не вернулся. Грант вспомнил, как его накормили, велели сходить в душ, после чего сообщили, что в полдень с ним побеседует какой-то человек. А затем вновь уложили в кровать и надели смирительные ремни. Поэтому теперь ази полагал, что наступил полдень. Или другое удобное начальству время суток. Конечно, юноша мог злиться на начальство за такое отношение, однако пользы от этого не было бы ровным счетом никакой — так им захотелось, ничего не поделаешь. Грант почувствовал испуг — но это нисколько не могло облегчить его положение. А потому юноша взял себя в руки и отвечал на вопросы, не пытаясь выстроить из них логическую структуру: в этом случае его ответы могли быть совсем иными и он, стараясь исправить положение, неминуемо стал бы противоречить себе. Чего Грант очень не хотел.

Ему просто хотелось во всем разобраться, но в какой-то момент он поймал себя на мысли, что желает слишком многого. И тогда Грант попросту «отключился», отвечая на вопросы чисто механически — этой типичной для ази тактикой он овладел еще в детстве. Возможно, тактика себя оправдывала. Возможно, это было еще одно различие между ним и Джастином, между ази и урожденным человеком. Или нечто большее. Грант не мог ответить на этот вопрос. В любом случае, тактика была полезна тогда, когда было достоверно известно, что кто-то пытается манипулировать им.

Грант в это время был как бы далеко, но продолжал выкладывать информацию. Грант знал: если он не даст сведения добровольно, то их из него вынут, введя в бессознательное состояние. Впрочем, ази подозревал, что его показания все равно проверят на психодопросе.

Ничего — позже он все восстановит в памяти, вспомнит все вопросы, сопоставит то, чего от него добивались, со своими ответами. А там можно будет все как следует обдумать. Сейчас же не время…

И не место — совсем не место…

В конце концов даже следователя из Комитета

по внутренним делам в комнате как бы не было. Виденное казалось иллюзией. Иллюзией были лица присутствовавших, иллюзорна была и отворившаяся дверь.

Затем он очутился в психолаборатории. Началось самое трудное — плыть по течению, даже под воздействием лекарств чувствуя себя как бы не здесь. Шагать по тонкой черте, отделявшей «здесь» от «там», что требовало массы усилий. А если перестараться и зайти слишком далеко да еще задержаться там, то вернуться обратно будет чрезвычайно трудно.

«Там» постоянно пыталось вкрасться в сознание Гранта, пробуждая сомнения в том, что Джастин вообще переступал порог его комнаты, навевая подозрение, что, если бы он вдруг поступил соответствующим образом, то гнев Ари обрушился бы на всех троих, а Джордана и Джастина обвинили бы в его похищении…

Однако Грант прогнал нехорошие мысли. Он не стал противостоять техникам, как противостоял людям — если, конечно, те были реальны, не привиделись. Техники были ресионцами и потому имели ключики даже к малейшей его мысли.

Первое правило звучало так: «Всегда открываться по ключу-команде».

Второе правило внушало: «Ключ-команда сомнению не подлежит».

Третье правило гласило: «Оператор, владеющий ключом к тебе, всегда прав».

Грант всей душой хотел верить, что никто из операторов-ресионцев не станет создавать иллюзии себе подобных. Ключ к нему, Гранту, был только у оператора-ресионца. Вселенная могла обратиться в поток частиц и растаять вокруг, но, несмотря ни на что, существовал он, Грант, и существовал его оператор.

Возможно, Джастин никогда не существовал. Возможно, на свете не было никакого Ресиона и никакого Сайтина. Но тот, чьи губы нашептывали ему верные числа и ключевые фразы, мог при желании легко войти в его разум и так же легко выйти обратно, не оставив следа, мог извлечь из его сознания ту или иную мысль для более внимательного изучения — но не для замены: поставленная на стол ваза находилась в этом положении всего миг, после чего вернулась на прежнее место. «Возвращаться настойчиво, но без резких движений — другой образ, — думал Грант, — принадлежит иной реальности». Оператор может повторять заходы сколько угодно, и ваза станет вращаться хоть до бесконечности,

и последует еще множество отвлекающих маневров — вроде появления в комнате еще одного стола, сдвигания кушетки в сторону, прежде чем ваза на мгновение окажется в новой позиции. Даже тогда ваза будет стремиться к прежнему положению — но наперекор времени.

Было бы легче, если бы гость сказал нечто вроде: «Мы собираемся изменить в этой комнате все». И показал бы ему ключ. Приказал встать в стороне и наблюдать. А потом пояснил бы, каким образом изменения сочетались с домашней обстановкой, после чего, в случае грамотной работы, он все меньше и меньше воспринимал бы изменения.

Однако гость повел себя не столь тонко — он, что называется, свалил все в одну кучу, загнал его, Гранта, в угол и принялся задавать вопрос за вопросом. Что обеспокоило ази, ибо он был в состоянии уловить суть подобной небрежной тактики — по возможности отвлечь его, дабы незаметно передвинуть вазу на столе. Либо пренебречь столь явным искушением и произвести куда более тонкий маневр.

Раз или два гость даже оглушил его, ударив. Когда Грант лежал ничком, дверь несомненно была закрыта, а разбитая на кусочки ваза сама собой склеилась; и мебель сама по себе пришла в

порядок, а детали интерьера стали возвращаться в исходное положение.

Гранту еще долго пришлось лежать, дабы удостовериться, что все действительно вернулось на свои места. Незнакомец мог натворить дел и похуже. Мог бы приложить побольше усилий, прогнать его через лежавшее на большей глубине, в конечном итоге загнав туда, откуда нет обратной дороги. А затем незнакомец нашел бы возможность пробраться внутрь его, и он, Грант, был бы обречен втянуться в себя — в знакомую чужаку темную зону, где ему самому, однако, пришлось бы ориентироваться наугад.

Но, конечно, вышло иначе. Грант видел всего лишь образ — детскую картинку, которую создал с помощью техника. Ваза играла роль фальшивых ворот. Ворот из «Да/нет» и «ты в безопасности». При входе все было в порядке, и любой оператор, убеждавший пациента в правдивости виденного, неизменно слегка менял картинку.

А нынешний гость просто швырнул ее на пол.

Юноша снова очнулся в комнате, куда более блеклой и неброской, чем прежде. Вокруг сновали и пытались заговорить с ним тени. Но Грант в основном все еще пребывал «там». Грант обессилел, и комнаты то и дело куда-то пропадали,

мебель беспорядочно носилась в воздухе, требуя поставить ее на место — что подразумевало необходимость сильного углубления, — а окружающие продолжали отвешивать ему пощечины, и казалось, будто после ударов плоть каменеет. Люди заговаривали с ним, однако слова рассыпались в невидимую пыль. У Гранта просто не было на них времени. Внутренне он разваливался на части и если бы его разбудили, вряд ли сумел бы вернуть все в прежнее состояние.

Кто-то подбросил ему ключевые слова, оставленные посетителем. И заставил его очнуться. Открыв глаза, юноша увидел, что на краю его койки сидит Петрос Иванов.

— Сейчас тебя попробуют усадить на стул. Ты не против?

— Не против, — отозвался пациент, готовый позволить им — кому бы то ни было — делать с собой все, что угодно. Ибо был слишком занят водворением деталей на прежние места — а те, как назло, опять выпадали.

Комната вдруг изменилась. Появились цветы. Возник водопад. Падающая вода создавала странный бессвязный ритм. Ну конечно — то был осколок. Осколки по своей сути — обыденность. Грант послушно принялся искать шаблон. Его

приковали к стулу! Юноша мог лишь гадать, что означала эта информация. Ази пришлось заняться математическими вычислениями: ему подбросили настоящую задачу. Но он не знал, отчего все произошло именно так.

Возможно, он спал. Грант знал, что с его рассудком проводили какие-то манипуляции, поскольку фальшивые ворота отличались неустойчивостью: ваза все норовила соскочить со стола на пол. Небезопасно. Небезопасно…

И вдруг он вспомнил: должен прийти Джастин. Такое уже случалось — наяву. Он нарушил основную заповедь и, осторожно обдумывая, во что это ему обойдется, вдруг набрел на новый постулат, заставлявший усомниться в правдивости оператора.

В случае ошибки обратной дороги уже не было — картой он не располагал.

В случае ошибки он не сумеет восстановиться при первой же возможности.

Грант водворил вазу обратно. И уселся ждать.

Джастин обязательно придет. Если не придет — то ничего этого просто не существовало.

Он мог осязать, обонять и передвигаться в их мире. Но не на самом деле. Его сотрут в порошок. Но иллюзорно. Ничего не было…

…В действительности.
В любом случае.

6

Лежать в подобном состоянии — дикость несусветная. Под сводами пышно убранного цветами и зеленью Государственного Зала негромко звучала траурная музыка. Глядя на цветочное убранство зала, кто-то из комментаторов напомнил о вывезенном с Земли обычае, а его коллега сравнил увиденное с прошлыми похоронами — тогда в последний путь провожали Кори Сантесси, главного архитектора Союза, чье пребывание в Совете на протяжении сорока восьми лет (сначала на посту председателя Комитета по внутренним делам, потом — в аналогичной должности в Комитете по гражданским делам) стало своего рода прецедентом инертности электората; тогда тоже возникла необходимость (принимая во внимание громадные расстояния, отделявшие их от колоний, и, соответственно, способность слухов преодолевать любые расстояния, обрастая по дороге все новыми подробностями) продемонстрировать неоспоримость смерти Сантесси, провести запоминающуюся церемонию прощания и позволить коллегам, в свое время сражавшимся с влиятельным Сантесси ради славы, пролить

приличествующее случаю количество слез и произнести напыщенные речи, однообразность которых в корне пресекла возможные слухи.

Сейчас все было иначе — как-никак, покойная ассоциировалась с ресионским комплексом и собственно воскрешением, да к тому же стала жертвой злодейского убийства.

— Между нами бывали разногласия, — говорил Кореин в прощальной речи, — но Союз действительно понес невосполнимую, трагическую утрату. — Разумеется, Кореин не мог открыто сказать, что утрата, по сути, вышла двойная, если принять во внимание кандидатуру предполагаемого убийцы. — Ариана Эмори хорошо разбиралась в основаниях поступков и умела заглянуть в будущее. Вспомните хотя бы корабли-ковчеги, вращающиеся сейчас на орбитах далеких планет и хранящие наше генетическое наследие. Вспомните восстановление дружественных связей с Землей и серию соглашений, благодаря которым стало возможно сохранение и восстановление редких видов…

То была одна из лучших речей Кореина. Но Михаилу она далась очень непросто. Уже поползли тревожные шепотки о якобы имевшем место замалчивании улик, о необычном распоряжении

самой Эмори, копия которого, по утверждению ресионцев, была сохранена их компьютерной системой, — указание уничтожить личных телохранителей Арианы, что в Ресионе проделали без колебаний. Обсуждали и пресловутое дело ази Уоррика, похищенного экстремистами Роше и подвергнутого истязаниям, а потом возвращенного в Ресион. Нельзя было забывать и о самом Роше: тот бесконечно выступал с зажигательными речами и публично ликовал по поводу смерти Арианы, причем выступления экстремиста собирали куда больше журналистов, чем пресс-конференции политического союзника изоляционистов — центриста Янни Мерино, выражавшего сожаление по поводу насильственного лишения человека жизни. Затем Янни переходил к осуждению уничтожения ази — но все это казалось журналистам слишком запутанным: Янни так и не научился как следует обыгрывать каждую тему в отдельности, да к тому же его выступления перекликались с тем, что говорил Роше. Журналисты толпились на лестницах и у дверей кабинетов, точно хищники в ожидании поживы; едва завидев кого-нибудь из центристов Совета или Сената, они кидались к жертве с включенными планшетами для запи-

сей, задавая вопросы типа «Не кажется ли вам, что налицо заговор?» и «Как вы относитесь к речи Роше?»

У некоторых центристов почти не осталось пространства для маневра.

Кореину очень хотелось надеяться, что он рассеял хотя бы часть слухов. Что выдержки из его речи станут цитировать.

Стоит ли упоминать о том, что газетчики были орудием Комитета по информации, которым заправляла Катрин Лао, верная подпевала Арианы? Стоит ли упоминать, что теперь кое-кому «светили» повышения по службе, головокружительные карьеры — репортеру оставалось только представить материал в выгодном начальству свете. Репортеров не следовало винить в чрезмерно тонком чутье — они вовремя унюхали, что начальству требуется все больший упор на предположение о заговоре: конечно, разыгрывался заранее срежиссированный спектакль.

Кореина всякий раз бросало в пот, когда он замечал человека с планшетом для записей возле кого-нибудь из своих. Он пытался поговорить с каждым отдельно, призывая к осмотрительности и соблюдению приличий. Однако камеры буквально не давали житья, а график контактов во

время похорон был уплотнен до чрезвычайности, да и не каждый Советник и просто рядовой член партии придерживался ее линии.

Перед камерами замелькали недоступные прежде лица — например, ресионского директора Жиро Ная. Журналисты то и дело пытались довести до сознания аудитории, что наперекор общепринятому представлению Ариана Эмори не была директором ресионского комплекса и фактически в последние пятьдесят с лишним лет не занимала в Ресионе никаких постов. На слуху были и новые имена — Жиро Най, Петрос Иванов, Янни Шварц.

А проклятый Най раздавал интервью особенно ловко.

В случае, если место в Совете становилось вакантным, а освободивший его по каким-либо причинам Советник не назначал преемника, то Секретарь Комитета должен был назвать кандидатуру нового Советника. В данном случае речь шла как раз о Жиро Нае.

Ему ничего не стоило оставить пост в Ресионе и баллотироваться на место Эмори.

«В этом случае, — уныло подумал Кореин, — Най выиграет. Если только на суде над Джорданом Уорриком не всплывут какие-нибудь ошелом-

ляющие подробности. Если только сам Уоррик не использует скамью подсудимых в качестве трибуны, с которой бросит веские обвинения». Однако осведомители Кореина в Комитете по внутренним делам доносили, что Уоррик все еще остается под домашним арестом; новгородец Мерильд сам находился под комитетским следствием как возможный заговорщик и потому был не в состоянии взяться защищать Уоррика в суде, а (о, ужас!) нанятый изоляционистами адвокат пытался связаться с Уорриком, но тот благоразумно отказался от его услуг. Тем не менее Джордан обратился в Комитет по внутренним делам с просьбой назначить ему адвоката-консультанта — что вызвало большой переполох в средствах массовой информации: Уоррик, человек со средствами и к тому же Особый, вынужден предстать перед Советом, пользуясь услугами назначенного Комитетом адвоката, точно какой-нибудь неимущий, ибо его ресионские счета заморожены, а юридический отдел Ресиона не имел права организовывать одновременно защиту и обвинение подсудимого!

Играла торжественная музыка. Ресионцы столпились у гроба, дабы отдать последнюю дань уважения покойной. Затем солдаты почетно-

го караула накрыли гроб крышкой. Снаружи скорбный груз уже поджидало подразделение почетного караула и сотрудники службы безопасности Ресиона.

Ариану Эмори должны были отправить в космос. Она сама просила еще при жизни: никаких памятников. Тело кремировать и прах отправить в космос. Волю покойной решено было уважить: после кремации урну с прахом планировали доставить на транспортник «Галлант», весьма кстати залетевший в Сайтинскую систему. Экипаж транспортного корабля должен был зарядить пеплом покойной одну из ракет и выпустить ее в сторону Солнца. Таков был последний каприз, исполнения которого Ариана добилась от правительства Союза.

«Стерва постаралась предотвратить возможность использовать ее генетический материал, — смекнул Кореин. — И потому в качестве склепа выбрала Солнце».

7

Убийство и последующие похороны занимают не так много времени, чтобы мог слететься весь Совет (даже на столь грандиозное событие) — но Секретари Комитетов находились частью в Новгороде, частью на станции; сенат Сайтина проводил очередную сессию; заседал и Совет Миров. Послы же Земли и Альянса прибыли с Сайтинской станции. Налицо были и три Советника: Кореин из Комитета по гражданским делам, Илья Богданович из Комитета по государственным делам и Леонид Городин из Комитета по обороне.

Фактически, рассудил Кореин, налицо большинство — две трети — центристов. Но во время похорон пользы от этого было не очень много.

Разумеется, требовалось высказать Наю ряд дежурных любезностей в связи с его назначением временно исполняющим обязанности председателя Комитета. Без положенного в таких случаях банкета — к этому обязывал скорбный момент, даже если бы Най не был двоюродным братом погибшей. Но скорбь не означала отказа от посещения кабинетов, хозяйкой которых еще недавно числилась Эмори. И отказа от проявле-

ния формального уважения. Необходимо было хотя бы на короткое время пересечься с Наем, выразить ему соболезнования по поводу утраты. И изучить этого человека, попробовать угадать, что он собой представляет, причем времени на общение отводилось крайне мало. Что только осложняло задачу: оппоненты Эмори во что бы то ни стало должны были понять, кто он — Жиро Най, вынырнувший словно ниоткуда, дабы примерить мантию Арианы…

Не более пяти минут отводилось на то, чтобы по возможности определить, сможет ли новичок (между прочим, тоже из категории Особых) уверенно взять бразды правления и продолжить политику предшественницы.

— Господин, — молвил Най, пожимая Михаилу руку, — мне кажется, будто я вас знаю. И немудрено — в свое время мы с Ари вели длинные застольные дискуссии. Она отзывалась о вас с большим уважением.

Кореину стало не по себе: во-первых, оттого, что он не знал Ная, а тот уже оказался осведомлен о нем; во-вторых, зная, что представлял собой Най, нетрудно было догадаться, как отреагировала бы на создавшееся положение сама Ариана.

Какие-то доли секунды Михаил даже испы-

тывал искреннее сожаление по поводу гибели Эмори. Конечно, она была порядочная стерва, однако Кореин истратил целых двадцать лет, дабы изучить ее. Най же казался сплошной загадкой. И оттого Михаил ощутил смесь горечи и растерянности.

— Мы постоянно с ней спорили, — пробормотал Кореин тоном, каким привык разговаривать с новоиспеченными коллегами за долгий период своего пребывания в Совете. — Однако оба мы пеклись об интересах государства. Скорблю, скорблю от души. Не думаю, что когда-либо признавался ей в чем-то подобном. Не думаю также, что кто-нибудь из нас по-настоящему представляет себе, каким станет Союз без доктора Эмори.

— Мне нужно обсудить с вами ряд серьезных проблем, — отозвался Най, не отпуская руки собеседника. — Если точнее, речь о проблемах, которые тревожили бы и ее.

— Я готов встретиться с вами в любое удобное время.

— Если бы вы смогли выкроить время прямо сейчас…

Кореину были не по душе внезапные, без предварительной договоренности, встречи. Однако новое знакомство было слишком важным, чтобы

демонстрировать характер. Больше всего Кореину не хотелось начинать знакомство с отказа в общении — под благовидным предлогом.

— Как вам угодно, — отозвался Михаил, направляясь с Жиро в еще недавно принадлежавший Ариане кабинет. Новый хозяин немедленно уселся за стол, и дотошный Михаил мигом отметил отсутствие Флориана и Кетлин. Но зато здесь был новый ази по имени Аббан, прошедший процесс омоложения и украшенный благородной сединой. В отличие от Аббана, Най не успел поседеть полностью, хотя обоим было не менее сотни лет. Аббан приготовил кофе, а Кореин, усевшись, подумал вдруг о любопытных журналистах и политиках, не спускавших глаз со всякого, кому случалось заглянуть в эти кабинеты. Любопытные мигом подмечали, кто куда вошел, с кем и как долго оставался.

Как назло, у Михаила не было возможности осторожно ускорить ход встречи.

— Думаю, вы в курсе, — тихо молвил Жиро, отхлебывая кофе, — что очень многое изменилось. Уверен также, что вам известно мое намерение баллотироваться на вакантный пост.

— Это меня не удивляет.

— Я хороший управленец. И я — не Арии. Я

просто не знаю, как стать похожим на нее. Мне хочется протолкнуть проект «Надежда» — он был чрезвычайно дорог Ариане. Да я и сам верю в его успех.

— Что до меня, то мое мнение вам известно.

— Что поделаешь: расхождений не избежать. Но чисто философских. Если меня выберут председателем Комитета по науке, — Най отпил кофе. — Хотя куда более насущный вопрос теперь — как вы, надеюсь, понимаете — дело Уоррика.

Сердце Кореина учащенно забилось. Что это, подумал он, ловушка? Или предложение?

— Ужасная трагедия, — сдержанно молвил он.

— Для нас это — ошеломляющий удар. Как глава — теперь уже бывший — ресионской службы безопасности я много общался с доктором Уорриком. И потому вправе заверить вас, что в основе случившегося лежат личные мотивы. И ничто иное…

— Вы говорите так, будто он во всем сознался?

Най смущенно кашлянул и, сделав глоток, посмотрел собеседнику в глаза. И осторожно сказал:

— Ари было невероятно трудно не приставать к помощникам-лаборантам. Именно здесь и кроется причина. Джастин Уоррик, сын Джорда-

на, — родительская производная. А отношения доктора Эмори и Джордана Уоррика уходят корнями глубоко в историю.

«Дело осложняется с каждой минутой», — с тоской отметил Михаил, чувствуя странную неловкость от откровенности едва знакомого человека. И предпочел промолчать, хотя Най нарочно умолк, чтобы позволить ему высказаться.

— Ари затеяла перевод на другое место ази экспериментального образца, который фактически является членом семьи Уорриков, — продолжил Жиро. — А все для того, чтобы держать под прицелом отца и сына. Во всяком случае, так нам теперь представляется. Парнишка, разумеется, засуетился и кинулся на защиту товарища, отослав ази к людям, которых считал друзьями отца. К сожалению — пока еще выяснены не все подробности — те оказались связаны с партией Роше. И с экстремистами.

«Проклятие! — мысленно выругался Кореин. — Столь заметный след — сущая беда. Конечно, он нарочно дает мне почувствовать опасность».

— Разумеется, ази мы вернули, — продолжал Най. — Собственно, тут и зарыта собака. Ази никак не сумел бы добраться до Ари: он постоянно находился в госпитале, под наблюдением. Но

Джордан Уоррик сумел разузнать, что Ари вытворяла с его отпрыском. Улучил момент, когда она оказалась одна в лаборатории, и закатил ей страшный скандал. Ари ударила Джордана, он ответил тем же, она упала и ударилась головой о край стола. Но это было еще не убийство. До настоящего убийства дело дошло, когда он взял какой-то лабораторный инструмент и повредил трубы, после чего захлопнул дверь хладокамеры и поднял давление в системе. Увы, инженеры определили, что это не был несчастный случай.

— Совет во всем разберется, — отозвался Кореин, с тоской думая, что убийство одного Особого другим — явление неслыханное. К тому же еще один Особый — сам по себе человек опасный — настойчиво старался выложить ему лишние подробности. Почувствовав озноб, Михаил обхватил ладонями горячую чашечку, желая хоть немного унять неприятное ощущение.

— Уоррик не хочет доводить дело до суда.

— Почему?

— Закон распространяется на него с определенными изъятиями, но репутацию можно загубить навсегда. В особенности репутацию сына.

— То есть — простите за любопытство — кто-то намекнул ему на возможность такого развития

событий?

Най скорбно покачал головой:

— На суде мотив преступления все равно всплывет. Ничего не поделаешь. Мы же должны руководствоваться другими соображениями. Мы не станем разглашать информацию, связанную с этим делом. Потому-то я и пришел к вам — важно, чтобы вы все поняли. Нам известно, что недавно вы долго беседовали с Уорриком. Мы оба понимаем, что расследование, начавшись, может зайти слишком далеко. Чего доброго, вспыхнет этакая политическая драка! Вот вам и хваленое правосудие. Мерино, возможно, сумеет сдержаться, зато Роше не останется в стороне, если дело станут рассматривать в Совете. То, что получится в результате, нам совсем не нужно — как и вам. И уж тем более это не нужно Комитету по обороне; это вообще не в интересах национальной безопасности, даже не в интересах самого Джордана Уоррика. Он уже во всем сознался. Но не желает выступать свидетелем в суде — и, как вы сами понимаете, не может свидетельствовать во время психодопроса; а аналогичное свидетельство юного Джастина просто ужасает. Мы не хотим использовать его как оружие против отца. Парень здорово намучился, и терзать его далее — бес-

смысленная жестокость. Особенно принимая во внимание неподсудность его папаши.

Казалось, стены комнаты сдвинулись к центру. Кореин вдруг подумал о спрятанных магнитофонах. И не усомнился, что один звукозаписывающий аппарат наверняка работает поблизости. А потому осторожно бросил:

— О чем же вы хотите меня попросить?

— Мы не желаем перетряхивать грязное белье Ари на публике. Ни к чему хорошему это не приведет. С одной стороны, нельзя не понять мотивов поведения доктора Уоррика, и мы от души сочувствуем ему; с другой стороны, есть опасения, что возможный допрос Уоррика породит вполне логические предположения о существовании заговора. Нам хотелось бы добраться до Роше — но подобная линия только позволит ему собрать вокруг себя такую аудиторию, о какой в обычных обстоятельствах ему даже мечтать не приходится. Более того — он как бы получит основания заниматься проблемой и дальше. Не думаю, что вам это нужно больше, чем нам.

Конечно, в комнате магнитофон, снова подумал Кореин. А вслух осторожно сказал:

— Нам нечего скрывать.

— Речь не о сокрытии, а о том, как спасти ни в

чем не повинного юношу от ненужного потрясения. Джордан Уоррик уже во всем сознался. Он не желает, чтобы к делу пристегнули еще и его личную жизнь и его сына. Закон не позволяет очистить его рассудок. Самое строгое наказание в данном случае — предельное ограничение свободы, удаление с работы — что, по моему мнению, будет не менее трагично, чем совершенное преступление.

Кореин мгновение размышлял над услышанным, отлично понимая, что где-то здесь скрыт подвох — то ли в самой ситуации, то ли в предложении собеседника. Однако Михаилу так и не удалось догадаться, на чем его пытались подловить.

— Стало быть, вы предлагаете бескровную договоренность, — осторожно бросил он. — Но ведь речь идет об убийстве…

— Об убийстве, отягченном обстоятельствами, связанными с национальной безопасностью. Налицо случай, когда убийца и семья жертвы, а также все связанные с ними люди одинаково желают спустить дело на тормозах. Если цель поднятой шумихи — действительно свершение правосудия, а не политическая трескотня, то будет куда справедливее, если это произойдет в

стенах Совета.

— Ничего подобного еще не случалось…

— Рано или поздно прецеденты возникают — в данном случае по соображениям гуманизма. Проигравших не будет. Разве что Роше не сумеет собрать достаточное количество слушателей. Выиграет даже Ари. Меньше всего ей хотелось бы, чтобы ее смерть позволила Роше разрушить то, что она созидала всю жизнь. Мы можем предоставить доктору Уоррику отдельную лабораторию и снабдить его всем необходимым для работы. Мстить мы не собираемся. Но будем настаивать на его отстранении от дел — то есть на прекращении им всякой общественной деятельности, ибо не намерены давать ему возможность пользоваться полученным преимуществом после заключения соглашения. Проще говоря, нам обоим придется воздержаться от придания делу политического характера. Что касается и доктора Уоррика. Соглашение мгновенно отодвинет судебный процесс на неопределенное время. Если Уоррик вздумает нарушить молчание, суд состоится. Мы не хотим связывать себе руки.

— Я должен все обдумать. Откровенно говоря, прежде чем дать согласие, я предпочел бы переговорить с доктором Уорриком на нейтральной

территории. Дело принципа, сами понимаете. Многие из нас, кто при случае может возразить, будут сторонниками того же мнения.

— Разумеется. Поверьте, мне крайне неприятно заниматься делами такого рода в день похорон Ари. Но жизнь продолжается, и потому должны продолжаться дела.

— Понимаю, господин Най. — Кореин допил кофе, машинально отмечая, что необходимо разузнать оптовые цены на этот тонизирующий напиток, поскольку беседа за чашкой безумно дорогого кофе все равно себя окупила — пусть даже полкило кофейных зерен с Земли стоит две сотни. В то же время другое полушарие мозга Михаила напоминало: где-то поблизости спрятана камера. На эту мысль наползала другая — что все преимущества, усмотренные им поначалу в гибели Арианы Эмори, теперь…

При условии, что удастся договориться, достичь компромисса. Най чертовски хитер. А потому придется разбирать его, что называется, по винтикам, как было в свое время с Эмори. Жиро казался настоящей загадкой — представитель замкнутого общества, куда никто из людей Кореина так и не сумел внедриться. Кроме Уоррика. Но теперь на Уоррике можно ставить крест — это совершенно

ясно. В Союзе все изменилось. С момента, когда в хладокамере взорвалась злосчастная труба, развитие событий повернуло совсем в иное русло.

Начинался период, когда партия центристов могла резко увеличить свои шансы при условии, что она не погрязнет в склоках, которые все равно не принесли бы пользы и не дали возможности пошатнуть позиции экспансионистов.

Проект «Рубин» и фаргонский проект были явно на мази. Возможно, финансирование проекта «Надежда» было обеспечено, однако дальнейшая колонизация вызывала сомнения — здесь предстояли жаркие дебаты. Можно было даже надеяться на изменения как в Ресионе, так и за его пределами, хотя отдельные личности в самом Ресионе, последние шестьдесят лет находившемся под жестким контролем властолюбивой Арианы (не составляло труда догадаться, кто именно из ресионцев руководил действиями директрисы даже после того, как она оставила свой пост), могли заявить о себе и в открытую взять власть.

Что означало другой расклад сил в том же Совете.

Людмила Де Франко — новоиспеченный Советник. Возможно, скоро Советником станет и Най. Всесильный Комитет по науке… Собирался

посадить в кресло руководителя новичка — чертовски умного, но тем не менее новичка, пока не успевшего обзавестись поддержкой. И все же. Двоим из пяти экспансионистов в этом году предстояло переизбрание, а Илье Богдановичу исполнилось сто тридцать два года, и возраст уже давал о себе знать.

Кореин пробормотал какие-то дежурные любезности, поблагодарил ресионца, выразил соболезнования семье покойной и вышел, продолжая напряженно размышлять о возможности формирования в Совете центристского большинства.

И вдруг Михаил вспомнил, что забыл поднять вопрос об уничтоженных ази. Тот самый вопрос, по которому так любил распространяться Мерино. Теперь вряд ли удобно было вернуться и начать беседу заново. Впрочем, Михаилу этого и не хотелось — решение, по всей вероятности, по каким-то известным Наю соображениям принимала ресионская служба безопасности. Конечно, такое решение противоречило принципам морали. С другой стороны, то были не обычные ази, а служившие Ариане большую часть ее жизни в сто двадцать лет длиной и потому потенциально опасные. Насколько понимал Михаил, их потеря

была чревата серьезными психологическими последствиями; никто из людей-КВ не мог угадать подлинных последствий данного действия, кроме разве что сотрудников, постоянно работавших с ази. Окажись здесь Уоррик, Кореин обязательно переговорил бы с ним по этому поводу. Полюбопытствовал, было ли уничтожение ази санкционировано. И думал ли Уоррик, насколько верны утверждения, будто Ари сама оставила в компьютерной системе соответствующий приказ.

Черт возьми, лучше не ворошить прошлое! Ази не вернуть, как и Эмори. И точка. Интуиция подсказывала многоопытному Михаилу, что дело с умерщвлением ази вряд ли удастся представить должным образом.

Старая поговорка гласила: если дьявола поддерживают избиратели, с ним стоит договориться. Но тогда нечего жаловаться на адское пекло.

8

Неловко плюхнувшись на стул, адмирал Леонид Городин принял предложенную чашечку. Военный явился засвидетельствовать положенное в таких случаях уважение, а Най возьми да брякни: «Мне нужно обсудить с вами кое-что. Касательно фаргонского проекта. И проекта «Рубин». И «Надежды». У вас не найдется для меня нескольких минут?»

Не в обычае Городина было обсуждать мало-мальски важные вопросы с противниками и журналистами — без адъютантов, без рекомендаций и к тому же в кабинете, безопасность которого не была засвидетельствована надежными специалистами. Но тот же инстинкт, что призывал к осмотрительности, подсказывал: представилась отличная возможность серьезно побеседовать с оппонентами втайне от Кореина.

К тому же речь шла о людях, имена которых адмиралу более всего хотелось слышать в разговоре.

— Мне искренне жаль, что приходится заниматься столь обыденными делами в день похорон Ари, — молвил Жиро. — Но выбора нет. Собы-

тия выходят из-под контроля с поразительной быстротой. — Он отпил кофе. — Как вы знаете, я намерен баллотироваться на место Ари.

— Я полагал, — бросил Городин, — точнее, полагаю, что вы победите на выборах.

— Теперешний момент для нас — поистине критический. Гибель Ари — и связанная с этим потенциальная потеря Уоррика — поистине двойной удар. И не только для нас, а для всего Союза. Для наших национальных интересов. Надеюсь, вы знаете, что у меня оформлен допуск к работе с информацией самой высокой степени секретности. Мой допуск аналогичен допуску Арии. Что поделаешь — положение обязывает. Не стану ничего выпытывать у вас, но я знаком с вашими проектами, поскольку во время войны работал с вашим предшественником…

— Мне ясно, что у вас есть соответствующий допуск. И что вы знакомы с известными нам обоим делами. И что вы утаиваете их от следствия.

— Совершенно верно. Я ни с кем не обсуждал эти дела и не говорил с сотрудниками по поводу проектов — за исключением тех, кто имеет допуски, аналогичные моему. А потому, адмирал, вам нечего опасаться утечек. Или суда.

У Городина упало сердце. Более всего адмиралу

хотелось сейчас удостовериться в том, что он ослышался. Имелись все основания полагать, что помещение оборудовано записывающими устройствами, но в то же время требовалась максимальная ясность. И потому Леонид Городин нарочито удивленно переспросил:

— О чем вы?

— О бескровной договоренности. Преступление совершил Уоррик — он уже во всем признался. Мотивы — шантаж, сексуальные домогательства. Точнее, речь о его сыне. Столь щекотливая ситуация, между нами говоря, могла бы изрядно повредить юноше. Договориться с Уорриком оказалось проще простого: ему предложили отдаленную лабораторию, где он сможет спокойно продолжать работу. А насчет Фаргоны мы не дали согласия. Комплекс придется размещать на Сайтине. Но я успел переговорить с Кореиным.

— Уже?

— Час назад. Я не стал упоминать о соображениях безопасности, от которых тоже никуда не деться. Беседа была о политике. Нам обоим известно, адмирал, что в дело оказались втянуты разные радикальные элементы. Есть люди, которых ради получения нужных свидетельств можно подвергнуть психодопросу. В показаниях

Джастина Уоррика имеется ссылка на фаргонский проект, и их придется засекретить.

— Неужели Уоррик обсуждал такое с сыном?

— Мотивом для перевода на другое место послужил именно парень. Джастин Уоррик знает больше, чем ему положено. Адмирал, если и произошли какие-то утечки, знайте — их допустил Джордан Уоррик. Откровенно говоря, если дело дойдет до суда, то мотивы преступления могут обнаружиться в весьма интимных областях. Но если мы станем чрезмерно темнить, то кое-кто наверняка заподозрит неладное, не так ли?

— Проклятие, чего же тогда стоит ваша хваленая служба безопасности? Кто еще успел пронюхать?

— По всей видимости, похищенный ази. Он закреплен за Джастином.

— Боже!

— Судя по всему, ребята Роше не сумели расколоть ази. Как-никак, он альфа и к тому же разрабатывает обучающие ленты — я об ази. Крепкий орешек. Но существует вероятность того, что он просто не знал о необходимости засекретить известную нам информацию. Потому-то мы и явились к Лу, когда потребовалось во что бы то ни стало вернуть ази. Он был нам

нужен обязательно живым, дабы можно было получить информацию на тот случай, если бы мы невзначай кого-нибудь упустили. К нашей общей радости, на месте преступления были застигнуты абсолютно все злоумышленники. Так мы полагаем. Но мы не кривили душой, когда сказали Лу, что ази — слабое звено в системе охраны секретных сведений. Думаю, бег событий оказался для нас слишком стремительным. Ари собиралась отправить меня в город с докладом для Лу. Увы…

— Не считаете ли вы, что, принимая во внимание ази и Роше, можно говорить о возможной причастности Уоррика…

— Вы об убийстве Ари? Он совершил преступление в состоянии аффекта, ибо все началось иначе, чем вам кажется: Джордан просто ударил ее, вот и все. Но когда выяснилось, что Ари получила серьезное увечье, Уоррик смекнул, что уничтожил возможность своего перевода на Фаргону. А потому прикончил Ари и инсценировал несчастный случай. Нельзя утверждать, будто Уоррик действовал хладнокровно, но и иных смягчающих обстоятельств не найти. Он ненавидел ее лютой ненавистью. Ари сама виновата — у нее было нездорово сильное влечение к юношам. Подумать только — такой великий ум! Соответ-

ственно, весьма эксцентричные заместители. Признаться, нам очень не хочется посвящать публику в эту сторону жизни Ари. Что до заговоров, то их не существовало. Если хотите, можете сами побеседовать с Уорриком. Или даже с его сыном. Его показания — разумеется, не самого Уоррика, а его отпрыска — мы тщательно проанализировали. И он со всей ясностью обрисовал, какие дела творились. К тому же остались весьма откровенные видеозаписи. Уничтожать их мы не собираемся. Но и к журналистам они не попадут. Боюсь, события уходят корнями глубоко в прошлое. Шантаж, разъяренный папаша, попытка все скрыть, которая вылилась в убийство.

— Черт побери, — ошеломленно пробормотал адмирал, вспоминая, как Уоррик настоятельно просил вытащить из Ресиона его сына. Конечно! Он явно пытался избавить юношу от такой жизни. — Кошмар какой-то!

— Мы намерены и далее выполнять свои обязательства. Составленный нами план предусматривает отправку Уоррика в дальнюю лабораторию, где он станет жить и работать, но под охраной. Ничто не помешает ему продолжать сотрудничество с вами. Мы будем проводить испытания. Что до неприкосновенности, можете не беспо-

коиться. В любом случае, принято поистине человечное решение, помогающее сохранить талант, потерять который мы просто не можем себе позволить.

— Вы побеседовали с Кореиным.

— Он выразил желание все обдумать. Я пытался убедить его, что наше предложение для него нисколько не опасно. Сами посудите, кому выгодно рассмотрение дела в суде? Да никому — кроме Роше и его шайки. А мы и так потеряли слишком много. Не просто блестящий ум. Видите ли… Мы по-прежнему не намерены отказываться от проектов.

— Как же, помню — комплекс на Фаргоне.

— Надеемся, что все пойдет, как задумано. Возможно, военные смогут воспользоваться плодами этой идеи в большем объеме, чем планировалось.

— То есть проект «Рубин» решено зарубить, — ухмыльнулся адмирал.

— Нет, от него мы тоже не отказываемся.

— Оставшись без доктора Эмори? — Городин глубоко вздохнул. — Вы уверены, что все пройдет гладко?

Най несколько секунд молчал. Потом, обернувшись к стоявшему поодаль молчаливому седому

ази, распорядился: «Налей еще!» Ази все так же безмолвно приблизился и снова налил собеседникам кофе.

Некоторое время Най сосредоточенно молчал, а потом бросил:

— Интересуетесь техническими деталями?

— Оставьте это специалистам. Мой интерес — практический. И стратегический. Вы сможете успешно продолжать дело, руководствуясь оставшимися от Эмори заметками?

— Которые вы наверняка не отказались бы скопировать? Нужно признать, кое у кого потенциал весьма велик. Или вы о самой Эмори?

Городин с трудом проглотил подступивший к горлу ком и выдавил:

— А вы человек серьезный.

— Позвольте углубиться хотя бы в поверхностный слой технических подробностей. Проект подразумевает наличие субъекта и огромного количества документации биологического характера по нему. Таких субъектов не слишком много, да к тому же далеко не у всех есть столь подробное их описание. Оно есть у Рубина и Ари: на Рубина его сделали вследствие проблем с его здоровьем, а на Ари потому, что она родилась в семье Эмори и Карнат тогда, когда оба уже

перешагнули столетний рубеж. И, разумеется, появилась на свет в одной из ресионских лабораторий. Мы провели соответствующую проверку и выяснили, что нужная документация находится в безупречном состоянии. Ари родилась, когда ее отец уже был мертв; мать скончалась, когда девочке исполнилось семь лет. Воспитывал ее дядя Джеффри. Когда Ариане исполнилось шестьдесят два, она сменила Джеффри Карената на посту директора ресионского комплекса. К тому же она была любимейшим проектом Ольги Карнат, объектом интенсивного изучения, и вдобавок каждый ее шаг фиксировался сначала матерью, а потом и Джеффри Карнатом. Достаточно сказать, что документации по Ари не меньше, если не больше, чем по Рубину. Более того — Ари всегда давала понять, будто станет одной из Особых, на кого распространится действие проекта. И своей преемнице оставила подробнейшие записи.

— Боже!

— А почему бы и нет? В этом и заключается ее ценность. Теперь, когда Ари больше нет с нами, мы можем — если ее теория истинна, — выбирать между не представляющим для нас особого интереса химиком и Арианой, чей ум, не побоюсь громких слов, стоит в одном ряду с умами

таких выдающихся людей, как Бок и Штелер, и чьи исследования оказали величайшее влияние на формирование всей системы национальной безопасности. И такая задача нам по силам.

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Мы не видим причин отказываться от проекта. Есть необходимые условия его осуществления, и одно из них — Уоррик. Поймите правильно — чем больше подробностей из жизни Ари мы изучим, тем выше вероятность успеха.

— А как же с Рубиным?

— Можно было бы продолжать и эту затею. Хотя бы в качестве операции-дублера. И маскируя одним другое. Но проект «Рубин» в Ресионе мне не нужен. Не хочу, чтобы он влиял на нашу деятельность. Сами понимаете: смысл игры заключается в точном воспроизведении того, что уже было. Интенсивное руководство было в обычае Ари, однако ее преемница не должна находиться в прямом контакте с тем, кто проходит аналогичную процедуру. Пришлось бы выполнять обе части проекта «Рубин» на Фаргоне.

— То есть вы хотите сказать, будто собираетесь осуществить такое… Вне зависимости, получите официальную поддержку или нет, я правильно понял?

— Именно такой поддержки я и добиваюсь. Хочу спасти Уоррика. Я заинтересован в полноценном сотрудничестве с военными. Нам не обойтись без надежного прикрытия, которое вы в состоянии нам обеспечить — по крайней мере до тех пор, пока новая Ариана Эмори не появится на публике. Тогда возобладает мнение, будто это — чисто ресионский, типично гражданский проект. Что будет весьма полезно, не так ли?

— Боже мой. — Городин выпил сразу полчашки кофе. И протянул руку, чтобы ази подлил еще ароматного напитка.

— Аббан, — позвал Най. Ази подошел и заученным жестом налил кофе, а Городин воспользовался заминкой, дабы поспешно добавить еще кое-что.

— А какое отношение, — осторожно молвил он, — все это имеет к Уоррику?

— Он нужен нам. Мы хотим, чтобы Уоррик продолжал свою работу.

— Чтобы он восстанавливал Ариану? Работал с ее обучающими лентами?

— Нет, это было бы неразумно. Я толкую о Ресионе. Сами посудите — речь о событиях двадцати-, а то и пятидесятилетней давности. Уоррик еще молод. Только теперь показал, на что способен.

Его исследования смыкаются с тем, чем занималась Ари. Буду откровенен: Ари оставила исключительно подробные записи. Она была гением. Ее записи не лишены логических пробелов — своеобразных лакун, которые она не считала нужным заполнять, ибо при необходимости без труда могла сделать это. Конечно, мы не можем гарантировать стопроцентный успех: ни одна обучающая лента такого рода не идеальна. Знаем только, что затея с Ари способна принести больший успех, чем мы до сих пор втайне подозревали, рассуждая о возможности осуществления чего-то подобного со сторонним объектом. Многое Ари просто зашифровала. Ее скачки от одного к другому, логические связи… В сфере, которую она основала едва ли не в одиночку… В общем, ее архив представляет собой настоящую загадку. Если от нас ускользнут основные принципы, по которым она жила, если мы не сможем восстановить вехи ее жизни, если нам не с кем окажется посоветоваться при случае, то придется констатировать, что шансы реализовать проект тают. В конечном итоге заметки Ари могли бы оказаться просто лишенными смысла. При утрате своего рода цементирующей среды, матрицы, когда невозможно воспроизвести социальное

окружение… Но пока все это — в нашем распоряжении. Уверен, что мы справимся. Даже знаю — нас ожидает успех.

— Но, черт побери, в чем смысл вашей затеи — если не считать целью воскрешение самой Эмори? Сколько народу удастся вернуть в строй, если под рукой не окажется достаточно подробных записей? Как использовать ваши достижения на практике? Они не помогут нам вернуть Бок.

— Самой Эмори тоже не стоит пренебрегать. Она будет в состоянии возобновить прерванную работу — но не раньше, чем ей исполнится двадцать лет. Впрочем, возможно, склонность к работе она проявит даже раньше. Не знаю — но рано или поздно мы все выясним. Поймите: успешно осуществив этот замысел, мы узнаем, какое количество информации необходимо для осуществления аналогичных проектов. Например, с той же Бок. Однако нужна чрезвычайная осмотрительность. Каждая мера предосторожности необходима, любые обстоятельства становятся незаменимыми. Возвращение Ари — лишь первая стадия. Если возникнет необходимость расширения ее проекта по формированию личности — ключом к нему станет опять же Ари. Ариана — наш шанс. Мы знаем ее. И потому в со-

стоянии восполнить пробелы, исправить то, что нуждается в исправлении. А вот Рубина мы не знаем так хорошо. В случае с Рубиным мы даже не представляем, с чего начать, понимаете? Рубин для нас — своего рода блажь. А возвращение Ари — насущная необходимость. Мы можем заняться проектом на свой страх и риск, но нам было бы куда легче работать при поддержке Комитета по обороне.

— То есть на наши деньги.

Най покачал головой:

— Речь о прикрытии. О возможности сохранить под контролем Уоррика. О том, чтобы прикрыть нашу деятельность от тех, кто не должен знать о ней. О способности защитить наши исследования — и главный объект исследований — от Комитета по внутренним делам.

— Так-так, — вздохнул Городин. — Но как же насчет денег — рано или поздно все заводят о них речь?

— Если вы профинансируете проект «Рубин», мы возьмем на себя остальные расходы. Но необходимость защитить объекты исследований играет куда более важную роль. От этого зависят как успех, так и неуспех задуманного.

Откинувшись на спинку стула, Городин за-

кусил губу. И снова подумал о записывающих устройствах. А потом вдруг бросил:

— С Лу беседовали?

— Пока нет.

— Никому не рассказывали об этом за пределами Ресиона?

— Нет, и не собираюсь. Нам хватило одного нарушения режима секретности — с упомянутым ази. Мы все исправили, и такое больше не повторится.

Городин вновь обдумал предложения: гражданские трудятся под прикрытием военных. Одно нарушение — и Бог весть что случится. Слишком все непрофессионально.

Ресион желал наладить тесное сотрудничество, да еще по проекту, который, как прикинул Городин, должен был неминуемо изменить соотношение сил в пользу Союза…

Перспектива экспериментов Арианы Эмори с юнцом на Фаргоне, казалась куда более безопасной. А попытки Ресиона поднять из гроба мертвеца выглядели…

Черт, рисковать, так рисковать — по-крупному!

Тем более, что деньги, необходимые для финансирования проекта, были каплей в море бюджета

Комитета по обороне.

— Думаю, проблем здесь возникнуть не должно, — наконец отозвался адмирал.

— В данном случае необходимо проинспектировать фаргонский комплекс. И распространить на него действие закона о военной тайне. Мы в состоянии спрятать под завесу секретности все, о чем вы попросите.

— Тогда нет проблем, — заверил Жиро. — Нет — пока все будет сохраняться в тайне.

— Это я гарантирую, — пообещал адмирал.

— В таком случае втиснем в эти рамки проект «Рубин», — решил Най. — Нам остается выстроить фаргонский комплекс, после чего в глубокой тайне начнем разработку проекта «Рубин», а в обстановке еще большей секретности будут вестись работы на Сайтине.

— Как — два по цене одного? — не выдержал военный, с опозданием сознавая, что вопрос грубоват, особенно если учесть, что только сегодня состоялись похороны Ари. С другой стороны, обсуждалось все-таки ее воскрешение. Конечно, по словам ресионца, — воспроизведение не ее личности, а ее способностей… Впрочем, от одного до другого — рукой подать…

Городин был твердо уверен, что собеседник

намерен сохранить ресионский контроль над проектом. Над проектом — то есть над зародышем в эмбриофоне, зародышем, которому суждено превратиться в живущее в Ресионе дитя. И так на протяжении двадцати лет.

Внезапно адмирал машинально приплюсовал эти два десятка лет к своему возрасту. Сейчас ему было сто двадцать шесть — а тогда стукнет сто сорок шесть. И Най тоже немолод.

Адмирал впервые понял, что имел в виду Уоррик, твердя о факторе времени в Ресионе. Сам вояка привык к растяжимости времени — в космическом смысле: сто двадцать шесть земных лет пролетали куда быстрее для того, для кого месяцы иной раз проходили со скоростью дней. Но ресионское время означало целую жизнь.

— Нам хотелось бы запустить второй проект на полную мощность, — сказал Най. — Сравнительное исследование избавило бы нас от возможного кризиса, и к тому же нам некогда заниматься проверкой истинности теорий. Нужные ответы дадут сравнения. Это необходимость, а вовсе не излишество, как может показаться.

Частичное осуществление проекта «Рубин» на Фаргоне означало частичный доступ к важнейшей информации. И гарантировало защиту

от подвохов. Городин всю жизнь верил в вероятность полной защиты от сбоев — в работе оборудования ли, в планировании ли. Такими категориями мыслят все астронавты. Максимальная безопасность никогда не кажется чрезмерной.

— Валяйте, — бросил адмирал. — Прикрытие обеспечить куда проще. — При этом Леонид Городин подумал, что предстоит еще все прояснить с Лу и начальниками отделов, однако никто из них, без сомнения, не станет чинить препятствий проекту, который к тому же даст военным возможность приобщиться к достижениям Эмори.

Военные любили брать под свое крыло многие научные проекты. Некоторые, правда, себя не оправдали и пробили довольно чувствительные бреши в бюджете. Но те, что прошли удачно, окупили все затраты.

9

За дверью постоянно слышались шаги. Что было необычно. Раздавались чьи-то голоса — некоторые казались Джастину знакомыми; в какой-то момент неподалеку от двери остановилась группка людей.

«Пожалуйста, — мысленно умолял заключенный, — прошу, остановись хоть кто-нибудь!» Надежда жила только миг; потом Джастину стало страшно. Уоррик-младший то и дело прислушивался к доносившимся снаружи звукам, усевшись на матраце — кстати, единственном предмете обстановки в камере. Скрестив ноги, юноша оперся между ними сцепленными пальцами рук.

«Свяжитесь с Ари, — просил он всякого, вступавшего с ним в контакт. — Передайте, что мне нужно срочно переговорить с нею».

Но все это были обычныеази — и потому они не имели права действовать без разрешения Старших. И сколько ни упрашивал Джастин, ни один из Старших так и не появился.

Его посадили в камеру для потенциальных самоубийц — стены и пол здесь были выложены мягкими матами. Из обстановки — только мат-

рац, если не считать унитаза и раковины. Свет горел постоянно. Еда прибывала, завернутая в растворимый в воде материал чуть толще туалетной бумаги и, конечно, без столовых приборов. Одежду у него забрали, выдав взамен белую больничную пижаму. А допросы прекратились. Никто уже не разговаривал с ним Джастин не представлял, сколько времени прошло с момента задержания; тревожный сон перемежался с депрессиями и гнетущей тишиной снаружи, когда за дверью даже не горел свет. И, разумеется, напоминала о себе проклятая обучающая лента — усмиряющая и разрушительная, она уверенно делала свое дело. Джастин боролся со вспышками, не давая им полностью завладеть собой в условиях полной изоляции от окружающего мира. Боролся даже тогда, когда вспышки казались ему утешением.

«Только не я, — думал он, пытаясь не уснуть и не увидеть очередной сон, — я не хочу. Я не принадлежу ей. И не стану думать так, как она».

Ари держит его в заложниках, рассудил Уоррик-младший. Она держит его и, возможно, Гранта, дабы лишить отца возможности обратиться в Комитет с компрометирующими материалами на нее. Возможно, она велела арестовать и отца.

Возможно, отец не в состоянии ему помочь. Но в любом случае — полиция явится. Его больше не подвергали психодопросу; а подвергнуть такой процедуре отца они и вовсе не вправе.

Уязвимым был Грант. Ари ничего не стоило использовать против Джордана Гранта — а заодно и его, Джастина. В этом у него не было ни малейших сомнений.

Ему очень хотелось надеяться, что полиция рано или поздно прибудет в Ресион. Может, вмешается Комитет по внутренним делам. Комитет по науке. Или кто-нибудь еще.

В какой-то миг Джастину почудился шум за дверью.

Эта надежда время от времени не давала ему покоя.

Грант, возможно, ожидал его возвращения, а вместо него явилась служба безопасности — первым делом они наверняка потащили Гранта на допрос.

И вдруг электронный замок загудел. Дверь отворилась.

— С вами желает побеседовать господин Най, — сообщил один из двух появившихся на пороге ази, одетых в форму службы безопасности. — Пожалуйста, пройдемте.

Юноша поднялся. Колени беспрестанно подгибались. Джастин вышел из камеры, и яркий свет ослепил его. Уоррик-младший был уверен, что его ждет очередной психодопрос; но по крайней мере, рассудил он, появилась возможность высказать Жиро хоть что-нибудь, успеть произнести хоть полдюжины слов прежде, чем его снова накачают наркотиками.

То, что охранники позволили ему идти самостоятельно, явилось для пленника огромной неожиданностью — этого он ожидал менее всего. Голова кружилась, колени дрожали, и ориентировался юноша с трудом.

Снова вспышки изображений из обучающей ленты. И Флориан…

Пленника провели по коридору к крохотной комнатке для допросов, где он уже успел побывать. Дойдя до порога, юноша остановился в удивлении, ибо за столиком сидел отнюдь не Жиро Най. Допрос собирался вести дюжий круглолицый мужчина — потрясенный Джастин некоторое время даже протирал глаза, все-таки пытаясь увидеть за столиком сухощавого Жиро.

Но это был не Жиро.

Из-за стола поднялся Деннис Най. Его обеспокоенный взгляд упал на Джастина.

— Где Грант? — бросил задержанный. — Где отец? Что происходит? — Голос выдал волнение пленника, и он, доковыляв до стола, оперся о него и взглянул Деннису в лицо: — Черт, я имею право говорить с родными. Я несовершеннолетний, забыли?

— Присаживайся, — махнул рукой Деннис. — Садись, пожалуйста. Эй, принесите чего-нибудь выпить!

— Мне ничего не нужно. Скажите только…

— Пожалуйста, — повторил Деннис своим обычным бесстрастным тоном, снова делая приглашающий жест, — пожалуйста, присядь. Эй, да принесите ему что-нибудь! Прошу, садись.

Джастин плюхнулся на стул, чувствуя, что его начинают душить слезы. Стиснув зубы, юноша затаил дыхание и наконец поборол соблазн расплакаться; Деннис тоже сел и, сложив руки на столешнице перед гостем, дождался, пока тот придет в себя и дежурный ази поставит на стол стакан прохладительного напитка.

— Это еще что?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Бедный парень. Будь оно все проклято. Тебе уже рассказали об Ари?

Джастин вздрогнул — Деннис начал необычно.

Даже странно. Чувствуя, как по спине прокатился холодок, он с замиранием сердца поинтересовался:

— А что насчет Ари? Где мой отец?

— Джастин, Ари умерла.

Джастину показалось, будто его ударили по голове чем-то тяжелым. На мгновение у него перед глазами все померкло. Потом свет вспыхнул неожиданно ярко. Выходит, вот почему они так суетились, пока он сидел взаперти…

Умерла. Возможно, не своей смертью. Возможно…

Самолет разбился?

Или какой-нибудь псих в Новгороде?..

— Джордан разузнал, что она с тобой вытворяла, — молвил Деннис так тихо, как на памяти Джастина не говорил еще никогда. — Узнал и убил ее. Запер в хладолаборатории и убил…

Джастин качнулся. «Не может быть, — первым делом подумал он, — не может быть. Джордан не мог узнать о проделках Ари — все было шито-крыто. Ари не умерла. Она просто не могла умереть».

— Джордан во всем признался, — своим обычным ровным тоном сообщил Най. — Сам знаешь, с ним ничего нельзя сделать — во всяком случае, по закону. Закон не позволяет даже допрашивать

его. Тем более проводить психодопросы. И уж конечно мы не вправе очистить ему разум. Так что с Джорди все в порядке, жив-здоров. Клянусь.

Джастина трясло. Подхватив стакан, он понес его ко рту, однако на полпути рука предательски задрожала. Вторая попытка закончилась так же. Ледяная жидкость потекла по колену арестованного, однако он ничего не почувствовал. Ибо не мог заставить свой истерзанный ум заработать. А потом вдруг вскинулся:

— А Грант? Я же пообещал ему, что вернусь. И не вернулся…

— Грант все еще в госпитале. С ним все в порядке. Джордан недавно его роведал. Сегодня днем Джордан летит в Новгород — рассматривается вопрос о его переводе из Ресиона.

— Вы лжете! — вскричал Джастин, решив, что начинается психодопрос. Ибо предвидел такую возможность с самого начала. Вскочив, он очутился лицом к лицу с двумя ази, которые явно собирались преградить ему путь. Юноша замер; замерли и охранники.

— Мальчик мой, прошу, остынь. Сядь и послушай меня.

— Ари не умерла! — вне себя завопил он. — Вы лжете! Чего вы добиваетесь? И чего добивается

она?

— Боже, да сядь, наконец! Послушай меня. У твоего отца времени будет в обрез. Прошу. Чертов Жиро — все боялся положить тебя в госпиталь. Послушай, сядь наконец!

Джастин все-таки присел — все равно выбора не было. Они могли вытворять с ним что угодно.

— Джастин, слушай внимательно. Люди из Комитета по внутренним делам допрашивали Джордана, и он умолял Жиро держать тебя в неведении. Он не заинтересован в том, чтобы эта история вдруг выплыла наружу, понимаешь? Он не хотел, чтобы тебя таскали на психодопросы. Жиро не дал следователям такого согласия. Джорди поддержал его. И мой братец отправился в столицу и сумел-таки положить дело под сукно, так что теперь все уверены, будто с тобой все в порядке. — Деннис вздохнул и накрыл ладонью локоть Джастина.

— Хотя с тобой все не столь хорошо. Пойми, что Жиро не виноват в первом психодопросе — они провели его сами в первую же неделю.

— Оставьте меня! — вспыхнул юноша, выдергивая руку из-под ладони Ная.

— Может, примешь успокоительное?

— Мне ничего не нужно. Я хочу выйти отсюда,

хочу увидеться с отцом.

— Нет, не получится — во всяком случае, пока ты говоришь в подобном тоне. Понятно? Твой отец улетает — и больше не вернется.

Джастин недоверчиво уставился на собеседника, не понимая — как отец может улететь и не вернуться…

— В Совете разработали план, — пояснил Деннис, — в соответствии с которым твоему отцу будет разрешено работать в собственной лаборатории на Планисе. Но разъезжать ему не позволят. И вызвать тебя к себе он не сможет — во всяком случае, в течение определенного периода времени. Не хочу, сынок, чтобы ты его расстраивал. Ведь завтра у Джордана встреча со следственной комиссией Совета. Ему нужно пройти ее на одном дыхании. Понимаешь? Это будет действительно важная встреча.

Выходит, все правда. Все действительно так и произошло. Джастин посмотрел в обеспокоенные глаза Денниса с чувством, что мир рухнул и возродится уже совсем другим — там не будет места никому, кто так или иначе дорог ему, Джастину.

— Так ты действительно не хочешь выпить успокоительное? Брось ломаться, Джастин! Обещаю — ты только поспишь немного и увидишься

с отцом свеженький, как огурчик.

Юноша содрогнулся, но на сей раз сумел сдержать эмоции.

— Нет, — бросил он. — Обойдусь. Похожу взволнованный. Позвольте только привести себя в порядок.

— Разумеется, — обрадовался Деннис и потрепал его по руке. — Дальше по коридору есть душ. Я уже распорядился принести тебе одежду.

Джастин одобрительно кивнул.

— Я также велел Петросу осмотреть тебя.

— Нет!

— После всего. После того, как ты убедишься, что все действительно хорошо. Никто не тронет тебя и пальцем. Ты и так настрадался. Вспышки образов из обучающей ленты досаждают по-прежнему?

Вопрос послужил толчком к последнему. К привычным уже воспоминаниям Джастин тотчас устыдился — устыдился той темной, извращенной части своего «я», которая у него ассоциировалась с Ари. Эта его часть — черт побери — уже осознала, что натворила — и чувствовала удовлетворение. Джастину не хотелось, чтобы какой-нибудь психотехник копался в этой части его души. И не хотел, чтобы о ней узнал отец, не

хотел, чтобы мрачные мысли отразились на его лице. А может, все уже узнали…

Ведь Ари сказала — у нее остались пленки. Если Ари умерла — пленки попали к следователям. И тайна раскрылась.

В его положении оставалось одно — притворяться, будто ему неизвестно, что они все узнали. Или отрицать все подчистую.

— Сынок, послушай, — его снова коснулась рука Денниса. Рука Ная была мягкая и теплая, а любое человеческое общение действовало сейчас на юношу сильнее всего. — Сынок, я не нахожу оправдания поведению Ари. Но ведь она не просто делала нечто такое, о чем…

Джастин отшатнулся.

Ибо понял: Деннис угадал его мысли. И тотчас увидел в глазах Ная подтверждение, в следующее мгновение инстинктивно пытаясь не дать краске прилить к лицу. А Най как ни в чем не бывало закончил:

— …О чем ты хотел бы слышать от окружающих. Я все знаю. Послушай, что я скажу. Давай все проясним на будущее. Договорились?

— Ладно, пусть будет по-вашему.

— Молодец, храбрый парень. А теперь слушай. Джорди обещал обеспечить прикрытие — нам

и тебе. Он наврет с три короба прессе и Совету. Станет утверждать, будто Ари всеми силами препятствовала его переводу и таким образом была единственным препятствием. Он будет болтать что угодно, кроме правды — а подвергнуть его психодопросу они не вправе. Джастин, ты должен, должен понять… Должен понять его, как сын. Конечно, все, связанное с тобой и с Ари, ложится на него тяжким грузом — это и было последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Старые счеты — между ним и Ари. А потому он отлично понимает твое положение. Да. Ты знаешь, о чем я. Он очень любит тебя. Но в какой-то степени уязвлена и его гордость. Понимаешь? Те из нас, кто трудится в этих стенах, знают, какие формы может иногда принимать родительская любовь. Вот он и сорвался. Все, что ему дорого, потеряно — кроме тебя. И ты можешь отнять все, что у него есть — если не будешь контролировать себя. Я хочу, чтобы ты собрался с духом. Пусть он отдохнет вдали от нас. А пока пусть удостоверится, что с его сыном все хорошо. Ради своего же блага.

— Почему мне нельзя улететь с ним?

— Потому что ты несовершеннолетний. Потому что это противоречит соображениям безопас-

ности. Потому что, откровенно говоря, мне не удалось убедить Жиро отпустить тебя. Они беспрестанно ссылаются на соображения безопасности.

— Вранье!

— Послушай. Я могу устроить так, что в будущем ты сможешь навещать отца. Но не сразу. Возможно, даже не в этом году. Однако время и примерное поведение добавят изрядно очков в твою пользу. Просто они трясутся при одной только мысли о заговоре — заваруха с Винфилдом и Крюгером еще не успела забыться…

«Боже, я сам виноват! Сам виноват», — испугался Уоррик-младший. А вслух произнес:

— Они не могут подозревать Джордана в участии в заговоре. Ведь все из-за меня. Жиро ничего не стоит провести психодопрос. Провести по новой. Готов поклясться — отец ни при чем…

— К сожалению, сынок, именно этого отчаянно не хочет твой отец. Ему не нужно твое участие в расследовании. Ибо, как говорится, нет дыма без огня. Боюсь, Джорди встречался с человеком по фамилии Мерильд, который обладает обширными связями — в том числе с разными темными личностями. А еще он встречался кое с кем из высокопоставленных центристов, связанных

с Янни Мерино и его изоляционистами. Роше выдал по поводу гибели Ари громкое заявление — Мерино от него даже не отмежевался. Многие в правительстве перепугались не на шутку — боятся расследования, боятся, что их обвинят в причастности к убийству. Комитет по внутренним делам требует предоставить ему Гранта. Жиро пришлось провести допрос, чтобы хоть как-то успокоить их…

— Боже мой!

— Ему пришлось пойти на такой шаг. Поверь мне, сынок. Но от тебя они смогли бы узнать слишком много. Джастин, смерть Ари породила небывалый скандал. Ты просто не представляешь, какой. Правительство в кризисе. Под угрозой не то что многие карьеры — жизни! Господствует представление, будто не обошлось без политики, будто корни случившегося уходят глубже внезапно вспыхнувшей злобы ученого, который взял да проломил зарвавшейся дамочке череп. Людям так и положено рассуждать. А свидетельство Джорди — сам факт, что его нельзя допрашивать, — факт умерщвления Кетлин и Флориана — кое-какие посмертные распоряжения Ари — наводят публику на мысль, будто… Да. Они зашли чересчур далеко — люди подозревают,

будто идет какая-то игра. Им хочется подозревать нечто подобное. Преступление на почве страсти, совершенное создателем программ развития, повергает обывателей в трепет. Нам положено проявить рационализм. Джорди предстоит сыграть перед комитетом Совета самую замысловатую психологическую роль, на какую он только способен. А ради его же блага выходит, что чем меньше будет болтовни, тем ему спокойнее. Нужно только терпение. У Джорди есть друзья. Он еще не старый; сорок шесть лет — не возраст. Он переживет все кривотолки — при условии, что ты не разрушишь все, что мы уже сделали.

В конце концов юноше удалось отдышаться. Теперь он пытался обдумать услышанное. Пытался понять, что было бы для отца выгоднее и безопаснее всего. И старался не думать о том, что столь непростая ситуация сложилась из-за его чудовищного легкомыслия и просчетов.

— Ты в состоянии держаться как положено? — напирал Деннис.

— Я уже собрался с силами. Все в порядке. Как насчет Гранта? — Боже, с ужасом думал Джастин, ведь они могут просто очистить ему разум — они уже погубили Флориана. И Кетлин…

— Жиро собирается опять приписать Гранта

к тебе.

Джастин не поверил своим ушам: хорошее с ними давно уже не случалось. И потому отнесся к сообщению с нескрываемым недоверием.

— Так и есть, — заверил Най. — Я подписал все бумаги. Сделаешь как договорились насчет Джордана — и можешь забирать парня из госпиталя. Послушай, тебе точно не нужно успокоительное?

Джастин покачал головой — отец все равно догадается, если ему дадут лекарство. Он давно изучил отца. Джордан все понял бы — так ему хотелось надеяться…

Надеяться, что он сможет подавить проклятые вспышки, когда отец заключит его в объятия. Потому-то нынешнее положение и казалось ему столь отчаянным. Вот что сотворила с ним Арии. Он терял отца. И наверняка надолго. Выходило, что даже попрощаться с отцом он не мог, не чувствуя холодной хватки Арианы.

— Ладно, — глухо уронил юноша. Если уж не удалось правдоподобно солгать Деннису, о лжи отцу и вовсе нечего было думать. А для начала следовало взять себя в руки. Иначе все грозило рассыпаться в прах…

10

Михаил Кореин метнул обеспокоенный взгляд на помощника, положившего ему на стол кодовую карточку. «Делл?» — уточнил он.

Помощник утвердительно кивнул.

Кореин махнул рукой, давая референту понять, что больше не задерживает его, вставил карточку в проем считывающего устройства и изменил угол наклона экрана.

Делл Хьюитт служила в Комитете по внутренним делам. В свое время она даже входила в партию центристов и водила дружбу с Джинни Грин, выдвинутой на прошлых выборах кандидатом на пост председателя Комитета по внутренним делам. Теперь же, в тревожное время затянувшихся расследований и комитетских «шныряний» по самым темным закоулкам новгородской политики, она не придумала ничего лучше, чем проболтаться Ивонне Ханер, которая, в свою очередь, могла сболтнуть лишнее кому-нибудь из людей Делларозы, что в конечном итоге было чревато не просто угрозой карьере Делл. Будто нельзя было придумать ничего умнее общения посредством переписки!

«Касательно ази Кетлин и Флориана: без вывода. Возможно, их умерщвление было санкционировано за пределами системы. Но не исключено, что и внутри — неизвестными лицами. Не исключено, что приказ отдала сама Ариана Эмори, дабы предотвратить их допрос. Наверное, она считала такой способ решения проблемы самым гуманным. Возможно, смерть явилась результатом соглашения, и ази выбрали ее по доброй воле: в Ресионе утверждают, будто одна только мысль то потере Арианы явилась для ази тяжелейшим потрясением. К тому же, по уверениям ресионцев, ази принадлежали к типу «охрана и безопасность», и при этом все их устремления были зафиксированы на Эмори. По этой причине оба представляли потенциальный источник опасности для Ресиона, и их дальнейшее содержание без очистки рассудка в их возрасте было бы затруднительно, если вообще возможно. Жиро Най отказывается предоставить информацию по их психошаблонам. Приказ пришел под личным кодом Эмори. Жиро Най постоянно ссылается на соображения безопасности и поэтому не допускает экспертов из Комитета по внутренним делам к компьютерной системе Ресиона».

Кореин пил кофе, подогретый на миниатюрной

кабинетной плитке. Подумать только — двести пятьдесят кредитов за полкило! И потому следовало пить кофе мелкими глотками. Впрочем, человек, всю жизнь занимавшийся тяжелым и кропотливым трудом, мог позволить себе немного роскоши…

Новостей больше не поступало. Михаил чувствовал разочарование. Он вновь пробежал глазами список мероприятий, осуществлению которых препятствовал Ресион, освежил в памяти перечисленные здесь же юридические обоснования такой позиции Ресиона. Получалось, что ресионские юристы одерживали верх по каждому пункту. А Комитет по внутренним делам в конечном итоге не мог дать достойный ответ.

И далее:

«Комитет по внутренним делам расследует циркулирующий в настоящее время по Ресиону слух, будто недавно состоялась проверка, в результате которой некоторые генотипы были удалены и более не вносились в регистры. Что означает: кто-то мог размножить генотипы, не имеющие права на существование».

Может, не обошлось без ази? Но генотип можно выделить даже из образца крови. Из всего. С какой стати понадобилась кража из Ресиона?

«…В частности, генетический материал экспериментальных людей и Особых — то, что обычным порядком достать невозможно».

Кража готовых к использованию применяемых ресионцами генотипов требует использования криогенной техники, что может быть обнаружено при транспортировке — если только признаки ее применения не ускользнут от внимания. Как бы то ни было, цифровой шифр генотипа — совершенно иная история. Ресион в лице управляющего Ная отрицает наличие такого рода деятельности и что соответствующая документация могла быть обнародована без формальной регистрации.

Кроме того, среди тамошних работников ходит слух, будто недавно произошла несанкционированная ликвидация. Официальные же ресионские круги препятствуют проведению расследования».

Кореин закусил губу и подумал: «Не желаю ничего знать. Во всяком случае не сейчас. Уж больно щекотливая сложилась ситуация. Боже — если это выплеснется на суд общественности, все договоренности рассыплются в прах!»

Сбоку виднелась сделанная рукой Делларозы приписка: «Как насчет предположения, что Ари

занималась генотипами сама? Или все было сделано по ее приказу? Кто примет в расчет ценность Особого, тем более что он располагает доступом к родильной лаборатории?»

Голоса. Место в Совете. Поддержка богатых, очень богатых людей. Отхлебнув кофе, Кореин вдруг отметил, что его прошиб пот.

«Вещественные доказательства пострадали в результате неумелых действий моривилльской полиции. На некоторых поверхностях во внешней лаборатории и хладолаборатории остались отпечатки пальцев Уоррика, Эмори, помощников-ази, прочих лиц, пользовавшихся лабораторией, а также занимавшихся там учеников. Аналогичный набор отпечатков обнаружен на входной двери. Моривилльская полиция, проводившая предварительный осмотр, не располагала приборами-следопытами. Считывание информации на входе было нецелесообразно, ибо с момента преступления в лаборатории перебывало множество народу из числа полиции и ресионцев. Но информация по входившим и выходившим из лаборатории в день преступления была снята с дверного записывающего устройства и подтверждает устные показания допрошенных. Опять же администрация Ресиона

не позволяет экспертам из Комитета по внутренним делам ознакомиться с содержащейся в компьютерах информацией.

Результаты вскрытия показывают, что смерть Эмори наступила в результате окоченения, к тому же сказалась полученная незадолго до гибели черепно-мозговая травма; на момент разрыва трубы Эмори, вероятно, находилась без сознания. К тому же Эмори страдала от мелкого недуга, давшего о себе знать после омоложения, жаловалась на артрит в правом колене и легкую форму астмы — лечащим врачам все это было известно. Единственным сюрпризом для них явилась небольшая раковая опухоль в левом легком — ведущий лечащий врач ничего о ней не знал: на сегодняшний день это чрезвычайно редкое заболевание, однако среди первых поселенцев на Сайтине оно было распространено шире. Для полного излечения требовалось немедленное хирургическое вмешательство и интенсивная лекарственная терапия. Этот тип рака поддается лечению, но повторяется довольно часто, и прогноз, данный с учетом прочих заболеваний иммунной системы, полученных после омоложения, был бы не слишком оптимистичен».

Боже!

Выходит, она все равно долго не протянула бы.

11

Джастин сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться. Рядом вышагивал Деннис Най. Юноша успел принять душ, побриться и переодеться в обычную рабочую одежду — синий свитер и коричневые брюки. Уоррик-младший больше не дрожал. Попросив три таблетки аспирина, он внимательно оглядел их, дабы убедиться, что принесли действительно аспирин, — и только после этого отправил пилюли в рот. По крайней мере, если под видом аспирина все-таки принесли транквилизаторы, их было бы достаточно, чтобы в сочетании с усталостью притупить нервное возбуждение.

Отец выглядел отлично — как и положено Он всегда выглядел бодро.

«Не мог он прикончить Ари! — ужаснулся Джастин. — Просто не мог. Его заставили оговорить себя. Кто-то явно лжет…»

— Сынок, здравствуй!

Оказывается, свидание решили устроить не в одной из холодных тесных комнатушек для бесед, а в настоящем служебном кабинете. Деннис явно вознамерился присутствовать при разго-

воре. Впрочем, он предупредил об этом заранее. Не собирались уходить и охранники-ази. Вовсю работали записывающие устройства, поскольку здесь друг другу не доверяли, а следователям потом нужно было доказать, что отец и сын Уоррики вели во время свидания самый невинный разговор.

— Здравствуй, — отозвался юноша. И подумал, что в таких случаях полагается подойти и обнять отца на глазах у всех, кто наверняка видел проклятую видеозапись, но, черт побери, отец явно не был настроен на нежности и смотрел сдержанно, спокойно, явно собираясь сказать ему что-то, дабы взять обстановку под контроль. А потому оставалось лишь поздороваться. Все прочее лучше было держать при себе, чтобы избежать возможных промахов; Джастин ни на секунду не забывал о том, что все происходящее автоматически записывается на пленку и одно неосторожно брошенное слово может испортить всем жизнь даже сильнее, чем он, Джастин, способствовал этому до сих пор.

Нечто вроде «Прости, что я сам пытался разобраться с Ари. Прости, что ничего не рассказал тебе. Прости, что тебе пришлось узнавать обо всем самому. Все из-за меня. Все, все».

Деннис предупредил: насчет Гранта держать язык за зубами. Вообще его не упоминать. Если проговоришься — кое-кто из комитетов обязательно пожелает побеседовать с ним. И потому лучше помочь им забыть обо всем.

— У тебя все в порядке? — осведомился Джордан.

— Отлично. А у тебя?

— Сынок, я… — Голос Уоррика-старшего дрогнул.

«Боже, — испугался юноша, — он не выдержит! И все они увидят…»

— Мне уже обо всем рассказали. А потому можешь ничего не говорить. Пожалуйста…

Джордан сделал глубокий вдох и снова попробовал объясниться:

— Джастин, хочу, чтобы ты знал, почему я так поступил. Ари захватила больше влияния, чем положено в этом мире. Я действовал точно так же, как если бы пытался исправить бракованную обучающую ленту. Я ни в чем не раскаиваюсь и не буду каяться. Такое решение считаю вполне логичным. Теперь Ресион обрел нового начальника, а я получил долгожданный перевод — там Ари уже не станет вмешиваться в мою работу и выпускать в свет мои труды под собственным

именем только потому, что она в них что-то подкорректировала. Я свободен. Жаль только… Жаль, что все получилось именно так. Из меня вышел хороший ученый, но неумелый слесарь. Так сказали следователи. Я поднял давление в системе, а они отследили все через систему слежения.

Начало тирады было произнесено с неподдельным гневом, от которого у Джордана дрожал голос. Но под конец Джордан взял себя в руки и отбарабанил слова, точно заученную роль, которую сыграл как заправский актер. И Джастин был очень благодарен отцу за это спокойствие — особенно, когда настал его черед говорить.

«Знаю, что это твоих рук дело», — едва не вырвалось у него. Но, решив не рисковать, он выпалил невинное: «Я люблю тебя».

И едва не потерял самообладание. Юноша закусил губу с такой силой, что почувствовал солоноватый привкус крови, а затем увидел, что и отец стиснул зубы.

— Не знаю, разрешат ли мне писать тебе, — уронил Уоррик-старший.

— Я обязательно напишу.

— Не знаю, будут ли твои письма попадать ко мне, — вымученно улыбнулся ученый. — Они полагают, будто с нас достаточно приветствий

типа «Здравствуй, как там у вас с погодой?»

— Я все равно напишу.

— Они уверены… Уверены, будто не обошлось без сговора. Но ведь это не так. Сынок, клянусь, что это не так. Никто больше не был посвящен — да и не должен был ничего знать. Но кое-кто все равно испугался. Ведь Ариана для них прежде всего — политик. Именно потому она и считалась важной фигурой. Для людей она в первую очередь политик, а не ученый. Им не понять, что чувствует исследователь, когда кто-то бесцеремонно присваивает твой труд и переделывает его до неузнаваемости. Они просто не подозревают, о каком нарушении этики идет речь…

«О нарушении этики, — мысленно повторил Джастин. — Боже, ну конечно, он работает на публику. Сначала была тирада для Комитета, затем — скрытое сообщение для меня. Но если он станет болтать и дальше, они обо всем догадаются».

— Я люблю тебя, — повторил вслух юноша. — Больше всего на свете.

И раскрыл объятия; игра завершилась, актерам полагалось обняться. И даже поплакать.

Теперь он уже не увидит Джордана. И не услышит о нем.

Возможно, уже никогда.

Юноша сделал несколько шагов, точно робот. И заключил отца в объятия. Отец тоже обнимал его — долго-долго. Джастин прокусил губу, ибо только боль помогала ему держать себя в руках. Отец плакал — юноша отчетливо ощущал его безмолвные рыдания. Но, с другой стороны, это же и поможет отцу. Возможно, они вели себя перед камерами как подобает. Эх, расплакаться бы! Но по какой-то причине юноша сохранял бесстрастность — точно онемел, — хотя чувствовал боль в губе и привкус крови.

А вот Джордан сыграл свою роль не вполне естественно — говорил слишком хладнокровно, слишком опасно. Не следовало этого делать. Ведь видеозапись могли прокрутить в выпуске новостей. Посмотрев ее, люди могут испугаться, подумать, что Уоррик-старший свихнулся, уподобился переступившему роковую черту альфа-двойнику Бок. И потому его могли не допустить к обещанной работе.

Юноша едва не закричал: «Он *лжет*, мой отец *лжет*!» Но Джордан как ни в чем не бывало продолжал держать сына в объятиях. Он сделал все так, как хотел. Ведь Джордана не держали целую неделю под замком. Он беседовал со следователями и знал, что рано или поздно вырвется из

Ресиона. Джордан ловко играл свою роль, играл, как отменный психолог, ибо на самом деле собирался отправиться в сенатский комитет и в конце концов добиться своего; возможно, это помогло бы не обнародовать только что сделанную видеозапись, ведь работа Джордана была слишком нужна военным и потому военные могли бы заставить замолчать кого угодно.

— Закругляйтесь, — раздался голос Денниса.

Джордан нехотя отпустил сына, и Най тотчас увел Джастина.

Тут-то Джастин и дал волю слезам. Едва дверь захлопнулась, юноша прислонился к стене и заплакал навзрыд. Он плакал до тех пор, пока не заболел живот.

12

Он думал, что потрясений больше не предвидится.

Но у дверей госпиталя его встретил Петрос Иванов. Приняв Джастина у охранников из службы безопасности, врач повел его в палату к Гранту.

— Как он? — выдохнул Уоррик-младший перед тем, как оба вошли в палату.

— Не очень, — признался эскулап. — Я собирался тебя предупредить. — Иванов говорил что-то еще, твердил, что Гранта опять хотели допросить; и как он впал в шоковое состояние; как его каждый день выносили в сад в кресле, как ему делали массаж и купали, как лечили, ведь Деннис все время твердил, что не сегодня-завтра зайдет Джастин — и потому они боялись снова допрашивать Гранта, поскольку он и так находился у последней черты, а они думали, будто существуют какие-то запрещенные кодированные слова, не внесенные в психорегистратор.

— Нет, — отрезал юноша прежде, чем распахнуть дверь в палату. Ему захотелось убить Иванова. Бить до тех пор, пока врач не превратится в кровавое месиво, а потом проделать то

же с его подручными и в конце концов добраться до Ная. — Нет, кодированных слов нет. Проклятие, я ведь сам пообещал ему, что приду! Вот он и ждал.

И продолжал ждать. Сейчас, ухоженный и причесанный, он выглядел отменно — если бы только не знать, что Грант не способен передвигаться самостоятельно. И потерял в весе, что называется, кожа да кости. Да и глаза выглядели мертвенно-стеклянными. Взяв брата за руку, Джастин первым делом отметил полное отсутствие привычной гибкости мышц.

— Грант, — позвал он, опускаясь на краешек кровати. — Грант, это я. Все в порядке.

Грант даже не моргнул.

— Выйдите, — бросил Уоррик-младший Иванову, бросив короткий взгляд через плечо и уже не заботясь о приличиях.

Врач вышел.

Нагнувшись, Джастин осторожно отстегнул смирительные ремни, удерживавшие больного на койке. Мимоходом юноша отметил, что брат держится спокойнее, чем он ожидал. Приподняв его руку, он уложил ее поперек груди, чтобы можно было сесть более удобно, потом поднял изголовье койки. И двумя пальцами повернул лицо

Гранта к себе. Голова повернулась без сопротивления, точно принадлежала не живому существу, а манекену. Веки больного затрепетали.

— Грант, это я, Джастин!

Снова подрагивание век.

Джастин с ужасом поймал себя на мысли, что в какой-то миг заподозрил, будто брат мертв. А еще раньше был даже уверен, что обнаружит в госпитале полутруп, которому уже не поможет никакое лечение. И в душе подготовился к худшему… Через пять минут после того, как Уоррик-младший переступил порог палаты, его надежду на выздоровление брата незаметно сменило предчувствие его гибели. Круг замкнулся.

Джастину стало страшно. Если Грант умрет, ничего более страшного случиться уже не может.

«Кошмар, что только лезет в голову?! — ужаснулся юноша. — Когда я успел научиться так думать? Откуда во мне такая расчетливость? Может, это тоже остатки обучающей ленты Ари? Что же она сделала со мной?»

Джастину показалось, будто он разрывается на части — истерика поднималась в нем девятым валом; но Гранту все это было уже ни к чему. Рука Джастина тряслась, когда он взял вялую руку больного. И даже тогда он вспомнил квар-

тиру Ари, вспомнил роковую комнату. Юноша принялся бормотать что-то непонятное, лишь бы отвлечься, лишь бы только не пускать в сознание недавнюю мысль — будто она была чужая. Уоррик-младший уже понял, что не сможет просто касаться людей, не сознавая при этом эротической подоплеки действия. Он не мог просто так коснуться друга, обнять отца. Днем и ночью он вспоминал предательское наваждение, понимая, что стало опасно любить кого бы то ни было, ибо на ум шло только постыдно-гадостное — мысли, способные привести окружающих в неподдельный ужас.

И потом, Ари оказалась права: стоит полюбить кого-нибудь, как Они доберутся до тебя — доберутся, как добрались до Джордана. Грант был всего лишь средством добраться до него, Джастина. Разумеется. Потому-то ему и позволили забрать Гранта.

Сейчас Джастин как бы не принадлежал себе. Наступит день, когда Грант положит его на лопатки перед врагами. Может, и вовсе погубит. Или сделает нечто худшее — поступит с ним так, как он сам поступил с отцом.

Но пока он, опять же, не один. До рокового мига, который наступит через несколько лет, он

спокойно может жить бок о бок с Грантом. Лишь через несколько лет Грант догадается, что в его брате завелась червоточинка. А может, после того, как Грант все узнает, станет лучше. Грант, как и любойази, в состоянии простить что угодно.

— Грант, это я. Пришел к тебе. Я рядом.

Возможно, Грант все еще переживал ту ночь. Возможно, при пробуждении он вернулся к тому переживанию.

Между тем веки больного опять задрожали.

— Грант, ну же, довольно! Ты одурачил их. Пожми мне руку — теперь можешь не осторожничать.

Пальцы чуточку согнулись. Но едва заметно. И дыхание участилось. Джастин слегка встряхнул брата, вытянул руку и осторожно похлопал его по щеке пальцем.

— Эй, ты что-нибудь чувствуешь? Ну же, я начинаю терять терпение! Это я. Черт, нам нужно поговорить! Да открой ты глаза…

Наконец губы больного дрогнули. И снова обмякли. Дыхание стало более тяжелым. Грант несколько раз пытался открыть глаза.

— Слушаешь?

Больной кивнул.

— Отлично, — пробормотал Джастин, дрожа

и пытаясь унять дрожь. — У нас проблема. Но я добился разрешения забрать тебя отсюда. Если только ты придешь в себя…

— Уже утро?

Бросив короткое «да», Уоррик-младший перевел дух, а затем вдруг подумал, что намеренно вводить в заблуждение — вещь опасная. И что Грант осторожничал. При малейшей лжи брат может уйти в себя.

— Нет, уже нет, — вскользь сообщил Джастин. — Был всполох — плохой. Позже объясню. Можешь шевельнуть рукой?

Грант слабо дернул рукой. А потом даже ухитрился приподнять ее. И пояснил:

— Я слаб, очень слаб.

— Ничего. Мы сейчас перенесем тебя в автобус. Если докажешь, что способен сидеть, уже сегодня сможешь спать в собственной кровати.

Грудь больного вздымалась и опускалась неровными толчками. Рука вяло поднялась, проплыла по воздуху, но на полпути опала плетью. Глотнув воздуха, Грант дернулся всем телом, приподнимая плечи, из-за чего подушка попыталась выскользнуть из-под них, но упасть не успела — голова больного с размаху обрушилась на нее.

«Довольно», — решил Джастин.

Еда казалась странной на вкус. Слишком острой. Зубы словно бы вязли в ней. Грант осилил только половину миски, содержимое которой Джастин заталкивал ему в рот ложечкой. Наконец больной слабо шевельнул рукой: «Хватит».

Отставив миску, Джастин обеспокоенно взглянул на брата.

— Для меня это совсем уж перебор, — отозвался Грант. Речь давалась ему тоже с трудом, однако брат выглядел слишком взволнованным и необходимо было успокоить его. Вытянув руку, Грант закрыл ею ладонь брата — жест дался ему легче слов. Но Джастин по-прежнему смотрел на него с ужасом. Больше всего ази сейчас хотелось изгнать страх из души Джастина.

Ночью тот выложил ему все. Новости стремительным потоком вылились на все еще слабого Гранта, поскольку, как признался Джастин, «именно здесь он ударил меня особенно чувствительно, и мне кажется, что тебе лучше перенести боль в состоянии отупения — она будет не столь сильной».

Грант всплакнул. Плакал и Джастин. А позже Джастин настолько устал и так не хотел покидать больного, что лег на одной кровати с братом — не застелив ее и не потрудившись раздеться, зато

сразу уснул мертвым сном.

Грант, прилагая нечеловеческие усилия, пытался хотя бы накрыть брата простыней, но слабость снова дала о себе знать, и потому он, откатившись на край кровати, еле-еле сумел набросить на брата край простыни и вернулся в исходное положение.

Так он и лежал, дрожа от холода, пока проснувшийся посреди ночи Джастин не накинул на него одеяло. После чего обнял Гранта и долго плакал, уткнувшись ему в плечо.

— Ты мне очень нужен, — заявил Джастин.

Грант не знал, почему брат внезапно начал так нуждаться в нем — возможно потому, что он был ази, или потому, что он тоже принадлежал к роду человеческому, — но больной был твердо уверен, что в жизни не слышал ничего более важного. Он тоже плакал. И не понимал причины слез — разве что Джастин стал теперь смыслом его существования.

— Ты тоже мне необходим, — отозвался Грант. — Я люблю тебя.

Это происходило в темноте, до наступления рассвета. Ночью люди способны говорить то, что при свете дня стараются держать в себе.

Джастин снова заснул у него под боком. Грант

проснулся первым и долго лежал, радуясь, что брат наконец рядом. А потом проснулся и Джастин. Поднявшись, он первым делом извинился за то, что заснул в чужой постели.

Будто Грант на протяжении всей ночи не хотел, чтобы брат был как можно ближе. Будто Джастин не стал для него теперь самым главным на свете, не навевал приятное ощущение безопасности. И не был человеком, ради которого Грант был действительно готов на все.

Он любил Джастина до безумия — никакая женщина, ничто в мире не могло быть для него так дорого.

13

— Генотип Ари дал положительную реакцию, — сообщил Жиро Наю громко прозвучавший в лаборатории голос, и Най вздохнул с облегчением.

— Прекрасно, — бросил он. — Поистине прекрасно. А что два других?

— Оба положительны. От каждого из троих взяли образец. Образцы уже отгружены.

— Замечательно.

Шварц отключился. Вздохнув, Жиро откинулся на спинку кресла.

В проекте «Рубин» задействовали девять эмбриофонов. Тройная отбраковка в каждом случае, на что громогласно жаловалась Штрассен. Ресион вообще очень редко занимался исправлением ошибок над КВ; если генотип не приживался или оказывался дефектным, программа повтора просто повторяла все несколько недель спустя, а получателю оставалось набраться терпения и ждать результата — если, конечно, он не был готов сделать доплату к и без того астрономической сумме за мгновенное возобновление работы. Если речь шла о воспроизводстве оговоренных в контракте генотипов ази либо о чьем-нибудь

проекте, то, как правило, для каждой пары генотипов резервировался один запасной, причем спустя шесть недель запасной генотип ликвидировался.

Теперь девять эмбриофонов должны были работать три недели, шесть — соответственно шесть недель, и только после этого планировалось, сделав итоговый выбор, ликвидировать ненужные экземпляры.

В Ресионе никогда не рисковали.

«Пособие по производству», аудиозапись.

Обучающая лента по генетике № 1.

«Ресионские общеобразовательные публикации», 8970-8768-1.

Одобрено для 80+

Любой, кто хоть единожды пользовался образовательной обучающей лентой и приложенными к ней лекарственными препаратами, знаком с сенсорным датчиком, укрепляемым на теле. Применяемые в быту аппараты простейших конструкций используют однопутный сердечный сенсор — датчик для измерения частоты пульса. Любая обучающая лента — развлекательная или информационная, — применяемая на фоне предписанных препаратов, в состоянии

стать катализатором серьезного эмоционального стресса в момент чувственного переживания или задействования ресурсов человеческой памяти. К примеру, при ознакомлении с классической оперой «Отелло» индивид, становясь свидетелем определенных событий и сравнивая их с собственной жизненной практикой, оказывается в состоянии сопереживать кому-нибудь из персонажей с такой естественностью, какой не в состоянии добиться ни одна из выпускаемых в обычном порядке обучающих лент.

Зритель переживает стресс, сопоставимый с разыгрывающейся на его глазах драмой. Пульс учащается. Датчик тотчас регистрирует изменение и сообщает о нем в блок управления аппаратом. Если частота пульса превысит установленный техником предел, программа автоматически переходит на другой жанр — на раздел, где представлена только легкая музыка.

Этот молодой человек явился в школу-клинику, желая научиться четко и красиво писать. Юноша напрягает руку, и ее мышцы напрягаются; в этот момент сотрудник клиники — техник — нащупывает нужные мышцы и закрепляет на соответственных участках руки пациента пронумерованные датчики. Еще некоторое количество

датчиков закрепляют на мышцах вокруг глаза. Другие сенсоры распределяются у руки, в области сердца и сонной артерии.

Крохотные серые полоски имеют по два контакта: это намного более совершенное устройство, способное фиксировать реакцию нервных узлов. Номера на полосках соответствуют номерам, заданным учебной обучающей лентой технику, которому вовсе не обязательно быть квалифицированным психотерапевтом, ибо работа с подобными образовательными обучающими лентами этого не требует. Датчики, укрепленные на коже по схеме, указанной в учебной обучающей ленте, позволяют аппарату уловить работу каждой мышцы или группы мышц и отправить сообщение (либо приостановить его послание) в систему контроля.

На теле этой женщины, владеющей искусством каллиграфии, также закреплены сенсоры по описанной выше схеме. В настоящий момент она выполняет пробное упражнение. Все движения ее мышц фиксируются. Так идет запись учебной обучающей ленты.

Ожидая, когда принятое средство начнет действовать, молодой человек проявляет легкое

беспокойство. Это его первый опыт с рекомендованной образовательной обучающей лентой. Техник заверяет студента, что беспокоиться нечего, поскольку учебная обучающая лента не слишком отличается от развлекательной. Укрепленные на теле датчики доставляют неудобство, но только в течение определенного времени. Средство начинает действовать, и техник проверяет готовность пациента к восприятию ленты. Обучающая лента начинает воспроизводиться, и юноша испытывает стресс, наблюдая за выполнением упражнения. Техник негромко успокаивает обучаемого. Через мгновение, посредством ввода-вывода информации через датчики, пациент, взяв ручку и принимаясь писать, начинает чувствовать напряжение мышц, характерное для опытного каллиграфа. Обучаемый воочию видит свои достижения, видит формы букв, чувствует короткие, уверенные движения руки и пальцев, ощущает передающийся от женщины-каллиграфа спад напряжения при работе.

Обучение может длиться несколько уроков, однако, когда молодой человек принимается за выполнение упражнения непосредственно после пробуждения, результат налицо. Юноша держит ручку легко и непринужденно, уже не стискивая

ее судорожной хваткой, да и его осанка улучшилась, ибо он нашел удобный угол, под каким держать руку. Обучаемый поражен и обрадован результатом. Ему необходимо упражняться несколько раз в день, дабы закрепить достигнутый результат. Он повторит упражнение сразу после завтрака, затем несколько раз вернется к нему на следующий день. Должное усердие выработает необходимую привычку. Молодой человек может повторять обучение до тех пор, пока результат не удовлетворит его самого и его родителей.

Этот ази класса бета откомандировывается в распоряжение специального отдела. Он терпеливо стоит, напрягая по требованию техника мышцы спины. Ази прикрывает глаза, явно утомленный процедурой, доставившей молодому ученику столько беспокойства. Бета ожидает работы с обучающей лентой, но его будущая квалификация требует задействования в процессе обучения всего тела. Значительную часть своей жизни ази проходит эту обучающую ленту дважды в месяц, и укрепляемые на нервных окончаниях датчики, по его мнению, куда действеннее необходимых для обучения лекарственных препаратов. Бета приобрел квалификацию при обучении лентой:

его сосредоточенность куда профессиональнее ученической. Он помнит названия мышц, знает, как самостоятельно укрепить на теле сенсоры, и проводит у себя в кабинете изрядное количество факультативных исследований, используя вряд ли больше лекарственных препаратов, чем используется в домашних условиях при просмотре развлекательной обучающей ленты, поскольку ази научился погружаться в благоприятствующее обучению состояние без применения обычных медикаментов.

В конце месяца ему выдают обучающую ленту иного рода, которую не просматривают граждане: предельно откровенное зрелище, которое невозможно описать словами, ибо большая часть ленты выражается нецензурно. Обучаемый именует обучающую ленту «хорошей», а в Ресионе ее обычно именуют «поощряющей».

Женщина, контролирующая восприятие обучающей ленты, техником не является. Она — Старшая, допущенная к работе с бета, и использует в работе куда более сложную аппаратуру. Данное устройство оснащено кровеносной «петлей», поскольку в состоянии анализировать характер получаемой крови и впрыскивать естественного происхождения вещества, способствующие

подъему настроения, — подобная процедура используется на людях только при необходимости скорректировать психическое состояние.

Для ази, всю жизнь пользовавшегося обучающими лентами такого рода, это всего лишь приятная процедура, которую он ценит намного больше прочих поощрений за службу. Данная процедура носит внутренний и глубокий характер.

В отличие от психологического вмешательства в рассудок пациента-гражданина, крайне зависимого от исследовательского умения психолога составить нужную обучающую ленту, данная лента обладает конкретной направленностью и подготовлена теми же разработчиками, которые в свое время подготовили психошаблон ази. Обучающая лента также обладает точностью, несопоставимой с приблизительной нацеленностью на пациента-неази, чья жизнь состоит из серии случайных мирских событий. Этот ази с заданным обучающей лентой психошаблоном, с рождения помещенный в уединение, представляет собой куда более известную величину даже после службы в армии и жизни среди урожденных граждан.

Всякий, имеющий право командовать ази, про-

шел соответствующую подготовку. Ни один из таких людей — Старших — не имеет права повышать голос, отдавая распоряжения. Поощрение либо отсутствие поощрения есть правило поведения; и доверительные отношения между таким человеком и психологом-Старшим намного глубже, чем между родителями и детьми. Нынешняя Старшая — не та, что была в прошлом месяце, но это нисколько не беспокоит ази. Он полностью доверяет Старшей с того момента, как убедится в наличии у нее допуска к работе с ним.

Люди, имеющие опыт работы с неабсорбированными в обществе ази, обычно сперва отмечают, что те предпочитают выражать свои чувства шепотом; потом вдруг ази обрушивают на них истинные потоки душевной привязанности.

«Они чересчур доверяют мне!» — жалуются все Старшие в один голос.

Но этот человек — солдат, он регулярно работает с «нелицензированными гражданами». Он сумел выработать у себя эмоциональную защищенность и свободно держится с товарищами из числа граждан. Его командир прошел специальный курс подготовки и выдержал экзамен, в ходе которого получил право на работу с ази, однако лицензии у него нет, и он ведет себя по отноше-

нию к этому человеку так же, как и к остальным подчиненным. Командир только сознает, что просьбы, поступающие от человека в консультации, должны удовлетворяться немедленно и, если ази требует вмешательства Старшего-бета, ему необходимо дать успокоительное и сразу направить в госпиталь. Ведь проблемы с ази, пусть редкие, имеют место, и хоть эмоциональная защита абсорбированного в обществе ази не менее надежна, чем у обычного гражданина, психошаблон ази все же формируется не под влиянием жизненной практики, а директивно, и эмоциональная защита не представляет собой комплекс опыта жизни в обществе, как у обычного человека. Ази, сознающий ослабление защиты, становится уязвим для любого из окружающих. Он словно бы входит в состояние, схожее с наркотическим опьянением при обучении, когда он не в силах сопротивляться искусственным стимуляторам. Результат сопоставим с тем, как если бы такое лекарство было принято в переполненной комнате, — то есть исключительно неудобен для ази и чреват опасностью.

Обучающая лента, которую человек воспринимает в данный момент, доставляет ему нечто большее, нежели простое удовольствие. Обучаю-

щая лента также способствует утверждению уже сформировавшейся у него системы ценностей и придает уверенности в себе. В данный момент его уверенность просто непоколебима. Ощущения, которые он испытывает, незнакомы живущему в обычном суетном мире гражданину: он соприкасается с абсолютной истиной и беспрекословно соглашается оставаться тем, кто он есть.

Наш боец появился на свет именно в Ресионе. Этот ази трех лет от роду куда моложе нашего студента и в настоящий момент готовится к процедуре под названием «погружение». Волнует его не сама процедура (которой ему уже случалось подвергаться), а аппарат, на который мальчик уже обратил внимание как на весьма важную деталь обстановки. Психохирург обнимает и успокаивает испытуемого, корчит забавные рожи и в конце концов заставляет мальчика рассмеяться. Испытуемый помогает хирургу закрепить на своем теле датчики.

Полученная им доза лекарственного препарата чрезвычайно велика. Теперь защитные барьеры ребенка как бы сгладились, и состояние его крови непрерывно отслеживается.

Обучающая лента закрепляет сформировавшуюся у малыша систему ценностей понятными

ему словами.

Обучающая лента подсказывает, как добиться одобрения. Помогает раскрыть свои таланты и возможности.

Возможно, обучающая лента даже напомнит, какие именно черты своего характера ребенок должен подавлять — подобным же образом родители наставляют малыша, объясняя, что хорошо и что плохо, что и как полагается делать, не выражая недовольства. Но лента постоянно заостряет внимание на положительных моментах и отмечает их похвалами — этим все всегда и заканчивается.

Под конец Старший называет испытуемому ключевое слово, которое тот всегда должен держать в памяти. В следующий раз Старший приложит к вживленным инструкциям особое ключевое слово — хранящееся в личном деле ази наряду с планами проработанных с ним обучающих лент. По мере взросления погружение будет принимать все более абстрактные формы. Ключевые слова будут объединяться во все более объемные комплексы, а психоструктуры сольются в завершенные шаблоны, и ази воспримет внушаемую ему систему ценностей вместе с полной открытостью по отношению к Старшему

— обладателю соответствующей лицензии.

Памятуя о беспокойстве малыша при виде аппарата, Старший в нужный момент — пока ребенок еще способен воспринимать инструкции — вспомнит о необходимости успокоить его насчет безопасности оборудования. Беспокойство, которое ази вне зависимости от возраста может проявить при любой из процедур такого рода, тщательно исследуется на предмет выявления причины и затем искореняется с использованием самых серьезных подходов, поскольку Старший добивается полного отсутствия у своих подопечных страха при проведении процедур.

Все обучающие ленты для подготовки и обучения ази создаются здесь, в этих обычных с виду кабинетах; составители некоторых из них — сами ази. Значительная часть работ выполняется на компьютерах, анализирующих результаты психологических исследований исключительно тонкого характера, проводимых на ази разных типов… Например, исследуются такие реакции, как координация движений рук и глаз у конкретного генотипа ази, длительность и скорость реакции, устойчивость к внешним раздражителям, зрение, слух, физическая выносливость, гормональная активность, показатели по шкале

Резнера, реакция на стрессы. Все эти данные учитываются составителями при изготовлении обучающих лент для конкретных генотипов, с идеальной точностью подгоняются под сильные и слабые стороны генотипа, связывая его с заданным психошаблоном.

Именно составитель обучающих лент обращается к ресионской библиотеке в поисках генотипа, которому можно вживить необходимые для новых технологий качества.

Именно составитель обучающих лент обследует ази, направленного Старшим в лабораторию вследствие указанных в отчетах серьезных проблем. Именно составитель обучающих лент приказывает провести проверки и опрашивает ази, дабы определить, связана ли проблема с самим ази или со Старшим. Именно составитель приготовит обучающую ленту для искоренения недостатка — либо издаст инструкцию, обязывающую воздержаться от использования всех ази данного генотипа для исполнения определенных обязанностей.

Именно составитель обучающих лент определил будущее ребенка — стать гражданским телохранителем, что несколько отличается от обычного использования носителей этого геноти-

па — военной подготовки. Обычно составители обучающих лент неохотно перепрофилируют носителей генотипов для выполнения новых функций, поскольку, как и их подопечные, ориентированы на гарантированный успех. В Ресионе, где используются подопытные ази, процедура вживления ключевых слов подразумевает выдержание определенного контрольного срока, так что психохирург может в течение определенного времени содержать подопытного отдельно и только затем интегрировать его в психошаблон. Немногие ази, проводящие так называемые кратковременные испытания, специально обучаются методикам изоляции и проведения вмешательства и сами решают, стоит ли им проводить те или иные проверки. В Ресионе принято проводить эксперименты неспешно, занимаясь в строго определенное время только одним изменением.

В ряде случаев ази, как и любой член общества, способен создать серьезные психологические проблемы.

Многих из таких ази отсылают в Ресион, где с ними работают составители обучающих лент и психохирурги, пытаясь изобрести средства устранения психологических трудностей, средства,

которые заодно внесут новый вклад в науку и в конце концов найдут применение в обычной психотерапии.

В некоторых случаях решением становится переобучение, что подразумевает очистку разума и долгий период восстановления. В случае ази с проверенными генотипом и психошаблоном проблема такого масштаба всегда связана с глубокой травмой, и, если причиной травмы оказывается дурное обращение либо небрежность, Ресион от имени ази принимает меры юридического характера.

В других случаях решение отыскивают в отделе, занимающемся генетикой; воспроизводство генотипа, с которым возникали проблемы, в Ресионе запрещено, пока работающий с ази данного генотипа составитель обучающих лент не найдет подходящее решение.

В крайне редких случаях, когда решение не отыскивается, когда психошаблон не в состоянии привести в соответствие с рабочими требованиями даже очистка разума и компетентная комиссия не может решить проблему гуманно, приходится санкционировать уничтожение. В основном в расчет принимается качество жизни ази, и в Ресионе, где стал правилом запрет

Старшему повышать голос на ази на рабочем месте, только ближайшие родственники вправе решать, как поступить с телом, в котором искра разумной жизни уже угасла…

ГЛАВА 4

1

Эмбриофон дрогнул и выплюнул содержимое в заполненную жидкостью ванночку; Ариана Эмори извивалась и сучила ручками и ножками — крошечное тельце плавало в необъятном для него море при непривычном приглушенном свете.

Наконец Джейн Штрассен, наклонившись, выудила новорожденную из воды. Санитары тотчас перерезали пуповину и положили ребенка на столик для быстрого осмотра. Госпожа Штрассен тем временем расхаживала вокруг столика.

— Она идеальна, правда? — беспокойно спрашивала женщина. Еще час назад ее беспокойство могло носить чисто клинический, профессиональный характер; Джейн беспокоилась бы только по поводу возможного провала очередного эксперимента, случись с ребенком что-нибудь опасное. Но теперь в голосе женщины прозвучало нечто личное — неожиданно для нее самой.

«Кому, как не тебе помнить о тестах Ольги Эмори!» — восклицал двоюродный брат Джейн, Жиро; а Джейн рвала и метала, отказывалась и твердила, что в ее функции заведующей лабо-

раториями первого отдела не входит опека над приемными детьми — как-никак, годы уже не те (сто тридцать два — не шутка!), да и работы выше крыши.

«А Ольга обзавелась ребенком в восемьдесят три года, — парировал Жиро. — Ты — женщина с характером, да и чертовски занятая — как и Ольга; к тому же ты, подобно ей, интересуешься искусством, рождена в космосе, обладаешь профессионализмом и смекалкой. Лучшей кандидатуры, чем ты, у нас нет. Вдобавок ты помнишь Ольгу».

«Ненавижу детей! — бушевала Джейн. — Юлию я зачала непорочно, и мне тем более неприятны всякие сравнения с вашей грязной гнидой!»

А чертов Жиро улыбнулся. И сказал: «Но ты включена в число участников проекта».

Именно потому Джейн Штрассен появилась здесь в этот час и беспрестанно терзалась, пока эксперты-медики осматривали беспокойную новорожденную; Джейн уже одолевали мысли о личной ответственности за судьбу ребенка.

Госпожа Штрассен никогда особенно не занималась генетической дочерью, обзавестись которой решила только из желания обеспечить себе бессмертие. Юлия была зачата благодаря

любезной помощи какого-то пан-парижского математика (о чем сам он не подозревал), сделавшего генетический взнос в ресионские фонды; свой выбор Джейн сделала, рассудив, что слепая случайность и новая кровь предпочтительнее. В свое время Штрассен пришла к выводу, что чрезмерная заорганизованность привела к накоплению в генетических фондах небезупречных данных, и потому Юлия стала плодом ее личного выбора — неплохим, но и не слишком хорошим. В основном Джейн препоручала Юлию заботам нянь и занималась ею все меньше, а Юлия росла миловидной сентиментальной девчонкой, помешанной на космосе, смекалистой, но не в такой тяжелой обстановке, уже сейчас озабоченной развитием собственной биологии, и вела безупречную личную жизнь, точно какая-нибудь ази.

Но это дитя — копия Ари, удочеренная Джейн под конец жизни — оказалась именно тем, на что она надеялась. Идеальной ученицей. То был ум, способный воспринять что угодно и дать необходимую отдачу. Правда, именно это Джейн не позволялось.

Вместе с ребенком она изучала обучающую ленту Ольги. Держала руку на плече Арии.

Одергивала ей свитер. Наблюдала, как гневно, отчаянно вскидывается Арии. Все это навсегда запечатлелась в памяти госпожи Штрассен. Теперь воспоминания стали еще живее.

Ибо целых восемнадцать лет она слышала этот голос. Ольга придиралась ко всем без исключения. Ольга постоянно придиралась к ребенку, так что оставалось только гадать, почему малолетняя Ари сумела вырасти нормальным человеком, хотя всецело находилась на попечении Ольги и ее ази. Ольга собственноручно делала анализы крови и проводила бесконечные психологические проверки, потому что разрабатывала теории, из которых брали начало другие теории — позже ими занималась Ари. Ольга располагала результатами ранних проверок Ари по шкале Резнера — тогда девочка сумела показать едва ли не самые высокие результаты, и с тех пор началось: носившаяся с теориями научного воспитания детей Ольга Эмори решила, будто заполучила вторую Эстель Бок, которой судьба и ресионские лаборатории уготовили многовековую жизнь. Все ресионские дети с тех пор постоянно слышали, что Ари одаренная, Ари особенная, поскольку родители ребят не могли не понимать, что на их карьере можно смело ставить жирный крест, ес-

ли дитя невзначай (хоть и заслуженно) поставит синяк под глаз «ненаглядной Арианочке».

В те ранние годы освоения Сайтина, когда интеллектуалы, обходя установленные Земным Сообществом визовые ограничения, собрались на окраине тогдашнего обитаемого космоса и выстроили Сайтинскую станцию, в ее обеденном зале сходилось куда больше беглых политических теоретиков, известных психиатров, химиков и легендарных исследователей, чем людей, способных оборудовать как положено обычный туалет; омоложение было последним достижением науки, и Ресион был основан именно для работы с этим достижением; из-за «физики Бок» переписывались учебники, а умами людей, которым полагалось знать куда больше, овладевали слухи и самые фантастические теории. А Ольга Эмори обладала поистине блестящим умом и чутьем для междисциплинарных новаций, хотя в глубине души скрывала вполне реальный взгляд на положение вещей.

Что уж говорить о Джеймсе Карнате с его многочисленными идеями, о Джеймсе Карнате, который исполнился решимости прижить от Ольги ребенка, способного превзойти Бок, едва осознал, что его смерть не за горами.

Что и подтолкнуло их к этому проекту, к этой комнате.

Стало быть, рассудила Джейн, она должна во всем уподобляться Ольге. «Выше голову, Ари! Тише, Арии. Ари, принимайся за уроки», — мысленно передразнила Ольгу Эмори госпожа Штрассен, вновь и вновь называя ее стервой.

Между появлением Ари на свет и препоручением ее заботам нянек-ази надлежало делать то, что она проделывала когда-то с Юлией. Теперь Джейн, оглядываясь в прошлое, испытывала угрызения совести…

Если изменить откровенное родительское невнимание, это сделает Ари совсем другой. Благодушная невнимательность к ребенку… Теперь Джейн было крайне неприятно сознавать сделанные когда-то ошибки. Изучать Ольгу и все, с ней связанное, было все равно, что глядеться в чересчур правдивое зеркало. Жиро все-таки прав: и в сто тридцать два года узнаешь много нового.

До сегодняшнего дня Джейн испытывала к Юлии не больше материнских чувств, чем к обычной продукции лабораторий. Не больше, чем, например, к двум ази, которые как раз появлялись на свет на другом конце лаборатории. В случае с Ари — то же подсказывали опыт вос-

питания дочери и пятидесятидвухлетний опыт обучения студентов — надлежало исключительно точно следовать заданной программе. Для блага самого же ребенка. Ведь Джейн, как-никак, уважала Ариану Эмори, и, черт побери, если бы замысел не удался, в Ресионе осталась бы о ней недобрая память. Джейн ни на минуту не забывала, что ей уже сто тридцать два. Она на дух не переносила накладки, самоотдачу и нелогичный образ мышления.

Было все еще чертовски трудно смотреть на Юлию и думать, каким кротким созданием она стала — постоянные неувязки на работе, безмерное потакание ребенку, зависимость от череды любовных историй. Причем Юлия стала такой частично по вине генов, а частично — по вине Джейн. Тот же недосмотр, те же придирки, как признавала теперь госпожа Штрассен, она допустила и в отношении Юлии; но они были частью того, что позволило Ари подняться на такую высоту. Психошаблонирование и генетика в действии…

Возможно, в надежные руки попал не тот ребенок. Или наоборот.

Так или иначе, что-то все-таки сработало.

2

— Все они в хорошей форме, — доложил Петрос Иванов.

— Прекрасно. В самом деле — прекрасно. — Деннис положил в рот кусочек рыбы, потом — еще один. То был частный обед в служебной столовой — с плотно задернутыми занавесками на герметичных окнах, предназначенных для наблюдений за происходящим на этаже. Синоптики, как и было заказано, организовали дождь, и по стеклам уныло струилась влага. Все обещало успокоиться в течение одного-двух дней. — Черт побрал бы нашего Жиро — конечно, все пройдет как надо, утверждает он. И тотчас отбывает в столицу. Не верю, что его вызвали по телефону.

— До сих пор все протекало без осложнений. Ази абсолютно нормальны. Они уже задействованы в программе.

— Как и Ари.

— Штрассен взъелась на старшую няню.

— Что еще нового?

— Утверждает, будто няня самоуверенна и третирует сотрудников.

— Подумать только: ази самоуверенна! Получа-

ется, что ази в точности выполняет инструкции, а Джейн бесится просто оттого, что у нее в квартире появились новые люди. Ничего, переживет! — Най подлил себе еще кофе. — С ази Ольги все еще непросто ладить. Он себя в обиду не дает. Олли моложе, он — парень твердый. Не то что бедняга старик, которого Ольга держала прежде. Но Джейн в чем-то права: нужно прокатать Олли обучающую ленту, дабы смягчить его нрав, а остальное сделает сама Джейн. Линию поведения по отношению к ребенку она сумеет выдержать; изменив Олли и ее отношение к нему, можно ожидать, что все зайдет дальше, чем Джейн была способна себе позволить. Если у девчонки есть обычная детская сообразительность, она едва ли не с колыбели будет чувствовать напряженность между взрослыми. Если вспомнить внимательность Ари, трудно судить, что еще она начнет схватывать с первых дней. И потому скажите: что вы намерены делать?

— Прокатаем Джейн обучающую ленту? — понимающе улыбнулся Петрос.

Фыркнув, Деннис отхлебнул кофе:

— Я и сам очень хотел бы. Но нет. Джейн — профессионалка. Она понимает, что к чему. Мы заключили сделку: мы не трогаем Олли, а Джейн

втолковывает ему, какую играть роль. Мы полагаем, что ази, способный осчастливить нашу Джейн, в состоянии справиться с чем угодно.

Собеседники рассмеялись.

Деннис был чрезвычайно зол на брата. Ведь Жиро мог запросто снять с его плеч немалую долю того, что ему приходилось теперь делать. Однако с некоторых пор Жиро завел привычку летать в Ресион, причем вне зависимости от состояния дел с проектом.

«Все — твои заботы, — втолковывал Жиро. — Ты у нас управляющий, тебе и карты в руки».

Большая часть года ушла на изучение заметок Арианы — той крохотной исходной составляющей компьютерных материалов, с которой техники могли работать без особых трудностей. Ресионская компьютерная система целых три недели обрабатывала только начальные данные по Ари. Хорошо еще, что Ольга в свое время догадалась заархивировать все со ссылками и в хронологическом порядке. Теперь предстояло отыскать нужные обучающие ленты — причем имевшие отношение не только к Ари, но и к паре единственных в своем роде ази, послуживших исходными прототипами. Под холмами располагался тоннель, а теперь спешно сооружались

еще три, ибо громадное хранилище было заполнено материалами, что называется, под завязку, а потому сотрудники даже стали сортировать обучающие ленты на активные, более активные и самые активные, поэтому теперь можно было хранить непосредственно в корпусах гораздо большее количество информации.

Когда проект заработает на полную мощность, информация хлынет настоящим потоком, грозя затопить ресионские архивы. Один из сооружаемых тоннелей намечалось использовать для хранения сведений о физическом состоянии, что подразумевало создание особых компьютерных программ, предназначенных исключительно для обработки данных, которые не успела обработать сама Ариана, а также тех, над которыми трудились другие до момента, когда ребенок научился разговаривать.

Ресион не собирался передавать в чужие руки ничего имеющего отношение к проекту. Он готов был поручить другим лабораториям некоторые циклы воспроизводства ази, дабы освободить своих сотрудников от монотонных простейших операций. В свете последних широкомасштабных трат Ресион неминуемо разорился бы, не поспей со своими деньгами военные; именно на

средства Комитета по обороне возводились филиалы Ресиона на Фаргоне и Планисе, на эти же средства закупались дополнительные эмбриофоны и компьютеры, увеличивалось производство и прокладывались новые тоннели. А в это время Джордан Уоррик оказывал всем услугу самим своим пребыванием и надзором за оборудованием комплекса на Планисе, что впервые после кончины Арианы позволяло ученому ощущать себя счастливым, ибо теперь он был при деле и при очень существенном деле — как-никак, к его разработкам проявляли интерес военные. Из оперативного отдела Ресиона пришлось перевести Роберта Карната — он получил назначение директором комплекса на Планисе: Роберт не водил дружбу с Уорриком и был опытным организатором, способным удержать ситуацию под контролем. Кроме того, из Ресиона пришлось откомандировать еще кое-кого — на строительство фаргонского комплекса, а в будущем предстояли новые переводы, в особенности когда лаборатория вступит в эксплуатацию и будет развернут проект «Рубин». Когда все только началось, в Ресионе ощущался избыток квалифицированных специалистов, но теперь начальству приходилось выкупать в заведениях типа «Лаборатории Бухе-

ра» и «Фермы жизни» работавших по контракту ази, подвергать омолаживанию всех ази старше сорока лет и терзать сотрудников бесконечными обучающими лентами для переквалификации. За пределами Ресиона — как здесь было принято выражаться, «в городе» — стояли пятнадцать пустых бараков, и администрация исследовательского комплекса только-только успела подписать с Комитетом по обороне соглашение по рациональному использованию ази предпенсионного возраста: военные экономили таким образом средства, которые в ином случае пришлось бы затратить на переподготовку и выплату пенсий, а ази, в свою очередь, были безумно рады открывшимся перспективам, поскольку вместо отправки в захолустный правительственный трудовой центр могли продолжать трудиться, да к тому же получить неплохие должности в «Ресион-эйр», при организации производства и транспортировки грузов и тому подобную работу; словом, эти ази могли с уверенностью смотреть в будущее. А Ресион в один заход получал солидный резерв дисциплинированного и осознающего секретность предстоящей работы персонала. Даже в отлаженном ресионском механизме неизбежно должен был возрасти процент

ошибок и оплошностей, однако они полностью исключались во время работы над проектом, где участвовали сплошь проверенные люди, за деятельностью которых к тому же наблюдали подлинные мастера своего дела.

Откупившие этих людей военные поистине спасли их. Деннис особенно гордился этим маневром. И неспроста; не каждому под силу сделать из водного проекта несколько — проект «Рубин» и двух ази. Не забывая к тому же координировать осуществление проекта, обеспечивать финансирование и соблюдение режима секретности. Последнее взял на себя Жиро. Остальным занимался Деннис, и занимался столь усердно, что под конец ощутил себя роженицей, разрешившейся от бремени.

— Легче не стало, — предупредил он Петроса. — Потому что с этого момента начнется схватка между ребенком и главными действующими лицами. Если кто-то допустит промах, немедленно докладывай. Если она узнает что-нибудь неположенное, тоже докладывай. Здесь нет ничего несущественного. И не будет, пока мы не получим результаты, пригодные для сравнения с исходными данными.

— Но работы еще полно, да и досье нужно непре-

рывно пополнять, пока ребенок будет взрослеть.

— Ничего не поделаешь. Различий не избежать. Мы всегда будем что-то менять. И при этом не будем знать, в каком направлении движемся. Если дитя хоть как-то сопоставимо с Ари, мы все равно ничего не узнаем, правда ведь?

На сей раз смеха не последовало.

3

Джастин наклонил бутылку, и вино, слегка пузырясь, стало наполнять опустевший в очередной раз бокал Гранта. Уоррику-младшему оставалось теперь долить вина себе и поставить пустую бутылку вниз. Грант с легким беспокойством оглядел свой бокал.

Что поделаешь: обязанность. Грант, чувствуя, что пьянеет, размышлял о своем теперешнем состоянии. А Джастин был уверен, что может безошибочно определить: Грант ничего не скажет, но уже решил, что сегодня — не самый подходящий день для рассуждения об обязанностях.

Братья говорили о работе, обсуждали конструкцию обучающей ленты, над которой как раз трудились. Конечно, целая бутылка вина не навевала рабочего настроения, а потому беседа получалась все более путанной.

Но Джастин не имел ничего против подобной встряски.

И ощущал странное недовольство собою. Родился еще один ребенок, а он весь день терзался необъяснимой гнетущей тоской. Весь Ресион шепотом интересовался: «А она хорошенькая?»,

«Как она?», и только Уоррик-младший чувствовал, как сжимается его сердце.

Более того — причина тоски явно крылась в ребенке. Техники устроили у себя в крыле импровизированную вечеринку, в первом отделе тоже гуляли вовсю, и только братья Уоррики предпочли коротать время в мрачном уединении.

Джастин и Грант расположились в глубине квартиры, где жили в детстве, — она принадлежала отцу. На блюде были разложены крекеры и усыхавшие ломтики колбасы; каменный столик был покрыт влажными кругами, оставленными рюмками и бутылками, а две уже пустые посудины (к которым только что добавилась третья) покоились чуть в стороне, среди крошек от крекеров. Словом, обстановка располагала к отрешению от мирской суеты.

«Неужели мне действительно хочется, чтобы младенец умер? — испуганно подумал Джастин. — Господи, и как такие мысли могут прийти в голову?»

Наполнив бокал, юноша приподнял его и с наигранной бодростью звякнул им о бокал брата: «За новорожденную!»

Грант нахмурился и не поддержал его — не выпил вино.

— Ну же, давай! — бросил Джастин. — Будем великодушными.

Подняв взгляд, Грант легонько шевельнул пальцами — дескать, не забудь о «жучках»!

Ази знал, что говорил; братья привыкли, что называется, «играть на публику» и, когда им требовалось переговорить без свидетелей, предпочитали выходить на улицу, дабы избежать лишних проблем.

— Черт с ними — пусть слушают. Плевал я. А ребенка жалко — она ведь не просила их обо всем этом…

— Как и ази, — бросил вдруг Грант. На его лбу прорезалась глубокая складка, когда он добавил: — Никто не просит их об этом.

— Вот именно — никто, — согласился Уоррик-младший, на которого гнетуще действовала уже вся обстановка. Юноша не знал, что ожидает их в будущем, и неизвестность давила больше всего. Ресион менялся на глазах, повсюду мелькали незнакомые лица, вводились дополнительные рабочие смены, а ази тревожились по поводу недавнего приказа, предписывавшего им пройти омоложение. Чувство было двойственное: с одной стороны, ази с удовлетворением отмечали, что сумели доказать начальству свою полез-

ность, с другой — переживали, поскольку без конца прокатывались волны новых назначений, переводов, начался приток незнакомых сотрудников. Тревога не считалась вредоносной, скорее, корректнее было говорить о присущем любой перемене волнении, какого ази еще не приходилось испытывать: очереди на прием у Старших оказались расписаны на много недель вперед, так что сами Старшие застонали от подобной перегрузки, умоляя о послаблениях, которые, однако, не предусматривались.

Все это время в жилом корпусе первого отдела находилась под замком, точно склеп, одна из квартир. Здесь не убирали, ничего не трогали — сюда вообще не заглядывали.

Дом ждал новую квартирантку.

— Не думаю, что они добьются успеха — выйдет так же, как с Бок, — рассудил в конце концов Джастин. — Я больше чем уверен. Тоже мне: нашли главное действующее лицо — Джейн Штрассен! Вся эта эндо… — Уоррик-младший умолк, ибо не относился к числу людей, способных в изрядном подпитии четко произнести слово «эндокринология». — Словом, чертова химия… С машинами все получается отменно, но природе, как говорится, не прикажешь. В теории все гладко. Но в

конце концов девчонку просто доведут до сумасшествия, хуже, чем Бок. Им повезло бы больше, начни они с самого начала практиковать с нею погружение. Фактор творчества — сущая чушь. Пусть попробуют воспитать девчонку так, чтобы она полюбила работу Ари. Останется только добавить сопереживания при погружении, и готово дело! Весь проект, доложу тебе, просто сплошное безумие. Им нужен не талант Ари, не смышленый красивый ребенок, а сама Арии. Им не терпится вернуть власть, личность. Все просто: свора омоложенных стариков, стоящих одною ногой в могиле, пытается отсрочить кончину, ради чего готова истратить все деньги Ресиона. Настоящее бедствие. Речь идет о жизни многих людей, а наверху и в ус не дуют. А ребенка мне жаль, в самом деле жаль.

Грант смотрел на Джастина тяжелым долгим взглядом, а потом вдруг произнес:

— Думаю, что с творчеством и самой программой не все так просто…

— Черт побери, — пробормотал Джастин, сообразив, что иногда бездумно наступает брату на больную мозоль. Так уж получалось, что Уоррик-младший, открывая рот, напрочь забывал о ранимости Гранта. Джастин даже возненавидел

себя за несдержанность. — Все это сплошная глупость. Не хочу верить, что именно тебе принадлежит решающее слово по проекту, над которым целый месяц трудилась дюжина старших программистов.

— Я не об этом. Я ази. Иногда я получаю преимущество перед прочими — я в состоянии видеть проблему в плоскости, недоступной для остальных. Франк тоже ази, но он не такой, как я. Я могу держаться слегка заносчиво. Я имею на это право. Но всякий раз при споре с Янни я чувствую себя не в своей тарелке.

— С Янни всякий чувствует себя не в своей тарелке.

— Слушай дальше. Не уверен, что ты способен испытывать те же эмоции. Я — могу. Но я досконально знаю, что заставляет меня вздрагивать при виде той книжки из спальни и какое влияние эта квартира оказывает на тебя. А теперь подумай, что они замыслили сделать с Арии. Дабы сохранить все, так или иначе имеющее отношение к ней, начальству пришлось отгрохать целое подземелье под холмом.

— То есть они знают все. Знают, к примеру, что в день, когда началась война, она ела на обед рыбу и что месячные у нее длятся два дня. Но,

Грант, это ведь хлам, обычная рухлядь, которую они вознамерились хранить в тоннеле. — Умолкнув, Джастин вдруг подумал, что среди хлама находятся и «те» пленки, и они будут храниться до скончания веков. Таким образом, даже далекие потомки обо всем узнают. — А с Янни ты на ножах оттого, что он заводится с пол-оборота. Такой уж у него ангельский характер, да и потеря должности на Фаргоне не сделала его добрее.

— Нет, ты меня не слушаешь. Есть разница; Джастин, пойми, что мир для меня слишком сложен. Это единственный способ все объяснить. Я различаю макроструктуры куда лучше тебя, сосредоточиваю внимание на тонких материях. Но в психошаблонах ази есть нечто еще, неспособное справляться с первыми попавшимися макроструктурами. Джастин, а их там целый тоннель. Достаточно сохранить ее психошаблон, остальное — проще простого.

— Психошаблон, черт побери! Да ведь в нем заложены все ее поступки. Он помнит всех, кому Ари причиняла боль, а ей ведь стукнуло сто двадцать годков. Хочешь отправиться в Новгород и подкупить там советников — милости просим, и тогда тоннель наполнится быстро и до отказа.

— Я не могу. Не могу смотреть назад — именно

так я себя теперь чувствую.

— Ты всю жизнь провел в этих стенах — можно было кое-чему научиться.

— Нет, тем же самым вещам научиться невозможно. Вот что я пытаюсь тебе внушить. Я мог бы изучить все, что знала Ари. Но я все еще слишком напряжен…

— Ничего подобного! Кто обнаружил конфликт среди семьдесят восьмых? Не я, заметь.

Грант пожал плечами:

— Но только потому, что вы, люди, в основном ошибаетесь, рационализируя противоречия. А я ни за что не пропущу такой ошибки.

— Ты без труда определяешь, что у меня на уме.

— Не всегда. Я не знаю, что с тобою вытворяла Ари. Знаю только, что случилось. Знаю также, что не испытал бы подобных последствий, — отозвался ази, мысленно отмечая, что выпала редкая возможность расставить все по местам. — Она могла переструктуризировать меня. На это она была мастерица. Правда, с тобой такой номер не прошел бы.

— Она успела чертовски много, — выдавил Джастин, и слова отозвались саднящей болью в груди. В особенности больно было признаваться

в этом сегодня. А потому хотелось как можно скорее замять разговор на щекотливую тему.

— Она не могла. Твой психошаблон не из простых, его в одной книжке не опишешь. Ты слишком сложен. Подвержен изменениям. А вот мне в отношении изменений нужно держать ухо востро. Я в состоянии видеть даже внутренность своего рассудка. Он очень прост — там есть полости. А твой похож на ряд бутылок Клейна.

— Во дает! — фыркнул Джастин.

— Я охмелел.

— Мы оба охмелели, — подавшись вперед, Уоррик-младший опустил руку на плечо брата. — Что до Клейна, то мы оба имеем к нему отношение. Потому-то мы вынуждены вернуться на исходную позицию, и я готов побиться об заклад, что мой психошаблон не сложнее твоего. Хочешь поработать с ним?

— Я… — растерялся Грант. — Что, привести пример? Только что у меня захолонуло сердце. Я очень смутился. Это называется настрой на Старшего. Я не хочу этим заниматься, поскольку считаю, что не слишком умно впутывать сюда еще и твой ум — мне остается просто повиноваться, как если бы я получил приказ.

— Терпеть не могу, когда ты занимаешься само-

анализом. Ты же не хочешь взяться за это оттого, что не знаешь наверняка, в какой именно момент нас подслушивает служба безопасности; к тому же у тебя есть кое-какие соображения личного характера, и ты любитель настоять на своем. Потому-то я не хочу, чтобы ты размышлял обо мне.

— Нет уж. — Грант, подавляя икоту, выразительно поднял указательный палец. Сейчас он был сама честность. — Самая главная причина нашего различия — эндо… эндо… — черт побери! Работа гормонов… В познании… Состав крови реагирует… На окружающую среду. Заданный стимул — иногда уровень адреналина повышается, иногда понижается — иногда происходит что-нибудь еще — все окутано мрачной неизвестностью. Разнообразие — во взятой наугад среде. Отдельные вещи ты запоминаешь верно, другие неверно. Что-то запоминается сразу, что-то с трудом. Мы… — Ази снова икнул. — Начинаем с колыбели. Тогда же впервые получаем стимуляторы. Они помогают сгладить естественные барьеры почище любого природного средства. Отсюда вывод: наша врожденная логика ничем не затуманена. Все в ней выстроено так, как должно быть. Мы можем полагаться на то, чем одарила нас природа. Свой психошаблон ты

потом окрашиваешь в эмоциональные оттенки. При помощи естественных стимуляторов. Получаешь новую информацию из обучающих лент, а психошаблон формирует ощущения. Но из видимого и слышимого ты выбираешь нужное наобум. Учишься выхватывать из потока усредненное, потому что знаешь: могут быть расхождения. А вот наши эксперты просто изглаживают из памяти логические не… не… несоответствия. Мы в состоянии воспринять мельчайшую деталь; нам просто приходится идти на это, так мы действуем — и действуем правильно. Потому-то мы способны осмысливать кое-какие проблемы быстрее, чем это делает ваш разум. Мы входим в состояние восприятия без стимуляторов, и наши первые воспоминания не связаны с эндокринным запоминанием; даже тень истины в нас отсутствует. Мы все усредняем и работаем с памятью, хранящей тысячу оттенков истины, а вам куда сподручнее приводить к общему знаменателю эти оттенки, чем помнить то, что происходит на самом деле. Именно так вы способны осмысливать все наваливающееся на вас с разных сторон и молниеносно. А мы в этом ничего не смыслим. Тебе на ум придут две совершенно противоположные мысли, и ты

спокойно поверишь в истинность обеих, потому что твое восприятие движется потоком. Чего не скажешь обо мне.

— Ну вот, снова за старое! А ведь мы оба выполняем одну и ту же работу. И не забудь, что у тебя более солидная магнитная карточка.

— Только потому, что мне приходится обрабатывать кое-что еще.

— Как и мне. Это вполне нормально.

— Поскольку мне, как и тебе, присуща склонность валить все в одну кучу: я выполняю отработанные до автоматизма действия. Но я абсорбирован, обучающими лентами пользуюсь нечасто, а к тому же обладаю двумя обрабатывающими системами. Высший уровень, которого я сумел достичь в реальном мире, изучая эндокринную систему. В глубине же, где таится моя реакция, все чертовски просто и до без… без… безжалостного логично. Ази — не человек, которому не хватает действия. Но внутри он действует логически, внешне — наобум. А ты снова о прежнем — сначала разберись с тем, что происходит при действиях наугад.

— Я о прежнем.

— Да хоть о чем угодно.

— Хорошо. Итак, обо всем, что связано с Эмори.

Ты проводишь испытания так, а не иначе оттого, что стимуляторы чрезвычайно основательно закрепляют намечаемые тобой способы, поскольку те ведут по пути наименьшего сопротивления и настолько заструктурированы, что заставляют эндо… кринную систему в шаблонах Павлова действовать так, как их не заставила бы действовать одна только практика. На любой тест, свидетельствующий о правоте Эмори, найдется противоположный, защищающий Хауптманна-Поли.

— Хауптманн занимался социальной теорией и пытался манипулировать результатами с целью проведения собственной политики.

— Ха, а Эмори разве не занималась тем же?

Грант, сделав глубокий вдох, подмигнул:

— Эмори ведь просила. А Хауптманн маринован подопытных до тех пор, пока те не уясняли, что именно требуется говорить. И каких результатов он добивался. А ази всегда желает угодить Старшему.

— Черт возьми, Грант, но все это можно сказать и об Эмори!

— Но Эмори оказалась права. А Хауптманн ошибался. Вот и вся разница.

— Обучающая лента влияет на работу эндо-

кринной системы. Периодически. Прокатай мне нужную обучающую ленту — и я прыгну столько раз, сколько ты прикажешь. И частота моего пульса будет равна частоте твоего.

— Но ведь я всего лишь составитель обучающих лент. Когда я стану таким же старым, как Штрассен, я добьюсь успехов. Мне придется изучить эндокринологию. Потому-то пожилые ази с годами все больше напоминают урожденных людей. А иные и вовсе такими становятся. Вот почему со старыми ази столько хлопот. Второй отдел теперь устанет омолаживать наше сборище стариков.

Джастин испытал настоящий шок. Некоторые слова в Ресионе по общему молчаливому уговору не использовали: урожденные люди, старики, двор. Никогда не произносили «КВ», «ази», «город». Грант явно хватил лишнего.

— Посмотрим, есть ли разница, — пообещал Джастин, — в том, что именно кушала Ари Эмори на завтрак в день двенадцатилетия: белорыбицу или ветчину.

— Я не сказал, что думаю, будто проект удастся. Сказал только, что Эмори оказалась права насчет ази. Они не изобретали нас — им просто нужны были люди, и как можно быстрее. А начинать обучение лентами лучше прямо с колыбели.

Мало ли что случится! Это теперь мы стали эко… экономными.

Итак, снова вспомнились досоюзные времена!

— Прекрати!

— Я ведь не сказал, что не одобряю ее практику. Мы уже превзошли вас численно. Скоро мы возведем особые питомники, где люди станут размножаться, точно сорняки. Но всем найдется применение.

— Пошел к черту!

Грант рассмеялся. Смеяться он любил. Отчасти он потешался из-за спора, который братья Уоррики вели не меньше дюжины раз в день при различных обстоятельствах, а отчасти хотел надавить на психику брата. Но уже становилось ясно, как пройдет день. То был всего лишь штришок в памяти. Рывок в прошлое. Что было — то было. Все равно изъять из архива проклятые пленки не представлялось возможным, ибо они считались собственностью Ари, а Ари считалась теперь настоящей святыней. Впрочем, Джастин уже свыкся с мыслью, что рано или поздно компрометирующие видеозаписи просочатся-таки в информационные выпуски.

Либо в один прекрасный день выяснится, что кое-кто решил более не связывать себя соблюде-

нием прежних договоренностей.

Джордан прикончил и без того обреченную женщину оттого, что проект планировалось навеки сохранить в анналах истории — при условии, конечно, что он себя оправдает. В случае удачи каждая подробность жизни Ари должна была стать объектом научного изучения.

Если бы проект хоть как-то оправдал себя и его результаты и прочие подробности стали достоянием гласности, то стоило надеяться на то, что Джордан добьется возобновления слушаний и переезда хотя бы на Фаргону — после двадцати лет работы над проектом; а это подразумевало, что все, вступившие в сговор для сокрытия содеянного Арианой, все центристы, напуганные перспективой обнаружения связи случившегося с кое-какими тайными делишками радикалов-нелегалов, должны были всеми силами противиться огласке. Под угрозой могли оказаться самые, казалось бы, незапятнанные репутации: Мерино и изоляционистов, Кореина, Жиро Ная, всего Ресиона, Комитета по обороне с его секретами. Правда могла восторжествовать в зале суда, но она не грозила властям предержащим, отправившим Джордана в изгнание в захолустье. Завеса секретности опустилась бы

еще ниже, дабы не дать заговорить человеку, управлять которым эти люди уже не могли бы. Как и его сыном — с детской непосредственностью заварившим всю эту кашу и ввязавшимся в непростую игру.

Неудача проекта означала провал, аналогичный провалу затеи с клонированием Бок, единственным результатом которой стало внесение трагической нотки в память об этой великой женщине; это могла быть очень дорогостоящая неудача, одна из тех, о которых Ресион предпочел бы умолчать, — вроде той, когда публике подбросили ложную версию о недавнем убийстве, неверную информацию об изменениях в Ресионе. И уж, конечно, общественность понятия не имела о проекте: в выпусках новостей утверждалось, будто продолжающаяся реорганизация ресионской администрации — следствие смерти Арианы Эмори.

Дальше шла совсем уж несусветная чепуха: якобы согласно завещанию Арианы ресионский комплекс получил ее немалые сбережения, которые планировалось истратить — опять же по воле покойной — на перспективные научные разработки.

Неудача проекта была чревата и политиче-

скими осложнениями, в особенности между ресионским начальством и оборонным ведомством; это предстояло скрыть завесе секретности. Трудно было предсказать, что предпримет Жиро Най в целях самозащиты: Жиро был вынужден заниматься претворением в жизнь плана, дабы упрочить свое положение, но в то же время манипуляция с проектом на глазах у военных позволила Наю сосредоточить в своих руках власть даже кое в чем большую, чем у Ари. То была власть, способная заставить людей молчать. И способная использовать в своих целях тайные организации. Окажись Жиро хоть немного умнее и не рухни с таким треском начатый проект, Най мог бы еще долго наслаждаться властью — он даже мог бы рассчитывать дожить до более преклонных лет, чем дожила Джейн Штрассен. А там — случись что — под конец признать неудачу проекта. Жиро мог даже начать осуществление проекта заново, запустить маховик повторно, причем в этом случае явно стремился бы обеспечить себе пожизненное пребывание на посту директора ресионского комплекса. А после — хоть потоп. В самом деле, что Жиро до жизни, которая будет после него?

Джастину оставалось только уповать на про-

вал проекта. А это подразумевало несчастье с ребенком, вся вина которого заключалась только в том, что его угораздило получить генотип Ари, причем несчастье могло быть связано как с расстройством психики и последующей очисткой разума, так и с чем-нибудь посерьезнее. Можно было также надеяться на то, что Жиро придется без конца воспроизводить копии Арианы. Но такой ловкач, как Жиро, да еще сосредоточивший в своих руках столько власти, вряд ли мог опростоволоситься. Конечно, это исключалось. Непременно должно было последовать изучение результатов предыдущих исследований. Если только не окажется, что существует-таки возможность убедиться при всем честном народе в провале проекта.

Иногда Джастина одолевали жутковатые мысли — они пугали не менее, чем найденная у себя в кровати какая-нибудь вещица Ари. Джастин считал, будто уже ни за что не сумеет узнать, действительно ли отдельные мысли принадлежали ему, действительно ли они были естественной реакцией на притаившийся ив глубине души гнев, на взросление и растущую жизнестойкость, когда человек уже соображает, что к чему в этом мире — или это Ари и после смерти продолжала

управлять им.

Они с Грантом всегда хохмили насчет программных вирусов.

Но приходилось продолжать притворяться, будто ничего не случилось. Ибо только такая линия поведения сохраняла хрупкое равновесие.

4

— Убирайся отсюда немедленно! — прорычала Джейн, но голос ее предательски дрогнул, когда двухлетняя малышка, тщетно пытавшаяся дотянуться до кухонного разделочного стола, беззаботно выпрямилась на стуле, ножки которого были «обуты» в металлические колпачки, скользящие на выложенном керамической плиткой полу. Ари дернулась, стул поехал в сторону; девочка, схватив-таки со стола коробку крекеров, резко обернулась — стул опрокинулся, а Джейн успела поймать приемную дочь на лету.

Ари заревела от ярости. А может, от неожиданности.

— Если захотелось крекеров, нужно спросить разрешения, — бросила госпожа Штрассен, испытывая сильное желание дать девчонке оплеуху. — Что — снова хочешь оцарапать подбородок?

Боль была единственным железным аргументом, способным пробить брешь в стене желаний Ари. А всемирно известному ученому-генетику приходилось растрачивать время на сюсюканье и борьбу с искушением хлопнуть малышку по

ручонке. Но, увы, Ольга Эмори никогда не верила в действенность телесных наказаний.

Однако, если бы Ольге не было чуждо все человеческое, Ари переняла бы от своего окружения такие качества, как раздражительность, стеснительность и нетерпение, уподобиться этому ученому-генетику, которой хотелось отвести ее к реке и утопить.

— Нелли! — крикнула Джейн, подзывая няньку. И тотчас вспомнила: кричать запрещено. Во всяком случае, дома. Госпожа Штрассен так и оставила перевернутый стул на полу, хотя педантичная Ольга себе такого не позволила бы. Сжимая в объятиях отчаянно вырывавшуюся девочку, Джейн остановилась, ожидая Нелли, которой давно пора было услышать зов и появиться. Ари отчаянно сопротивлялась. Тогда женщина опустила воспитанницу на пол, все время держа за руку. А когда Ари попыталась сесть, Джейн позволила себе сорваться. «Встать! — закричала она, стискивая крохотную ручку и дергая ее в точности, как это делала Ольга. — Встать! Что за новости?»

В дверях показалась обеспокоенная Нелли; глаза няньки были широко раскрыты.

— Поставь стул на место.

Пока взрослые выясняли отношения, Ари дернулась, пытаясь дотянуться до коробки с крекерами, валявшейся подле опрокинутого стула. Малышка готова была на что угодно, только бы не отказаться от заветной цели.

«Позволить или не позволить ей взять крекеры? — рассуждала Джейн. — Нет, нельзя давать повод. Пусть знает на будущее. К тому же Ольга всегда была злопамятной стервой».

— Стой спокойно. Нелли, убери крекеры туда, откуда она не сможет взять их. Ари, замолчи. Забери ее! Я на работу. И если, когда приду, увижу хоть царапинку, я…

Полные обиды и ужаса глаза ази уставились на Джейн.

— Черт возьми, ты должна понимать. Что еще мне делать? Не могу же я следить за каждым ее шагом. Ари, заткнись! — Девочка как раз пыталась растянуться на полу, повиснув на руке приемной матери. — Нелли, ты просто не понимаешь, насколько она активна. Она водит тебя за нос.

— Да, госпожа, — смиренно отозвалась вконец уничтоженная ази. Нелли была лишена класса, и недавнее перепрограммирование посвятило старую няньку во все, чего можно было ожидать

от двухлетней КВ. Нелли знала, на что был способен ребенок, от чего мог пострадать. Кроме того, Нелли получила массу приказов вроде «Нелли, не ограничивай ее свободы», «Нелли, не слишком возись с ней», «Не предоставляй ее себе самой». А потому ази стояла чуть ли не на пороге кризиса, ведь ази нужен Старший, способный утешать и заверять, будто она справлялась с обязанностями лучше прежней няньки. Но то не был стиль Ольги. Крики в стиле Джейн и холодность в стиле Ольги угнетали более уязвимую к внешним воздействиям ази-няньку. Половину рабочего времени Джейн тратила на то, чтобы ребенок случайно не погиб, а вторую половину — на спасение няньки от нервного срыва.

— Просто распорядись установить на кухонной двери замок, — посоветовала госпожа Штрассен. Ари ревела в три ручья, если ее запирали в игровой комнате — эту комнату девчонка ненавидела. — Ари, прекрати, мамочка не в состоянии держать тебя!

— Да, госпожа. Позвольте…

— Нелли, ты знаешь свои обязанности. Забери девочку и искупай. Смотри — она вспотела.

— Да, госпожа.

Нянька взяла воспитанницу за руку. Ариана

немедленно уселась на пол. Тогда Нелли сгребла строптивицу в охапку и унесла.

Джейн, прислонясь к разделочному столу, уставилась в потолок — по традиции, вне зависимости от планеты людям свойственно искать Бога над головой.

В кухню вошла Федра — сообщить, что в гостиной ожидает дочь Юлия.

Джейн снова взглянула на потолок. И сумела не повысить голос, а только пробормотать: «Господи, мне уже сто тридцать четыре года. Чем я провинилась перед тобой?»

— Госпожа?

— Федра, я обо всем позабочусь. Спасибо. — Госпожа Штрассен оттолкнулась от разделочного стола. — Ступай помоги Нелли купать Ариану. — Джейн вспомнила, что собиралась на работу. — Нет, разыщи лучше Олли. Скажи, пусть успокоит Нелли. Передай Нелли, что я просто люблю покричать, пусть не обижается. Иди!

Федра вышла. Федра была одной из сотрудниц Джейн, причем очень компетентной. Выйдя из кухни, госпожа Штрассен зашагала по коридору вслед за Федрой и в конце концов, свернув налево, прошла по отделанному камнем и стеклом проходу мимо столовой и библиотеки в парадную

гостиную.

Где на диване расположилась Юлия. А на ворсистом ковре забавлялась трехлетняя Глория.

— Какого черта вы здесь делаете? — закусила удила Джейн.

— Я повела Глорию к зубному врачу — как обычно. И решила заглянуть на минутку, — вскинулась дочь.

— Как будто нельзя было придумать что-нибудь поумнее.

— Радушный прием, — скривила губы Юлия.

Сделав глубокий вдох, госпожа Штрассен села, а Глория, наоборот, поднялась. Еще один ребенок, мимоходом отметила Джейн, и явно готовится что-нибудь испортить. Все в квартире было приспособлено таким образом, чтобы двухлетний ребенок не мог дотянуться до потенциально опасных или хрупких предметов. Трехлетняя же Глория была выше ростом. «Вот что, Юлия, — бросила Джейн, — ситуация тебе ясна. Нечего приводить сюда Глорию».

— Малышка вовсе не собиралась ничего брать у тебя. Я просто проходила мимо и подумала, что мы могли бы пообедать вместе.

— Не стоит, Юлия. Наш разговор автоматически записывается. И ты это знаешь. Нечего меня

уламывать — ты понимаешь, о чем я. Ты уже не маленькая. В двадцать два года пора бы понять…

— Я только сказала, что мы могли бы пообедать вместе.

«Конечно, — подумала Джейн, — вместе с Глорией Боже!» Нервы у женщины и без того были на пределе. «Мы сходим на обед… — начала госпожа Штрассен, боковым зрением подмечая, что юная гостья полезла к книжному шкафу, где на полке стояла керамическая безделушка. — Глория, прекрати немедленно!» Но реакции, разумеется, не последовало: подобно платитерам, маленькие дети неспособны внимать уговорам. Поднявшись, Джейн резко отдернула внучку от шкафа и потащила к дивану; Глория расплакалась. Госпожа Штрассен окончательно вышла из себя, ибо знала, что вой несносной крикуньи разнесся по всей квартире и наверняка слышен в ванной, где вторая девчонка испытывала терпение несчастной няньки. Вконец разозленная Джейн ослабила хватку и зажала Глории рот, после чего прошипела дочери: «Да заставь ты ее заткнуться! Юлия, черт возьми, выведи ребенка вон!»

— Как-никак, она тебе внучка.

— Мне все равно, кто она — только убери ее с моих глаз, — бесновалась Джейн, пока Глория

вырывалась и пинала ее в голень. — Черт бы тебя побрал!

В конце концов Юлия поняла, что дело принимает дурной оборот; встревожившись, она подошла и с раздражением схватила дочурку. Глория орала, как резаная.

— Вон отсюда! — бушевала Джейн. — Да заткни ты ей рот!

— Я смотрю, тебе нет дела до родной внучки.

— Завтра пообедаем вместе. Можешь привести и ее. Но для начала пусть замолчит.

— Она тебе не какая-нибудь ази.

— Следи за тем, что болтаешь. Выбирай выражения.

— У тебя есть внучка. И я, между прочим. Но ты о нас совсем забыла.

Глория продолжала сотрясаться от рыданий.

— Сейчас мне не до душеспасительных бесед. Уходите.

— Будь ты проклята! — зарыдала Юлия, и ее плач слился с подвываниями дочери. Подхватив Глорию, Штрассен-младшая опрометью выскочила за дверь.

Сразу наступила тишина; Джейн стояла, испытывая сильную неловкость. В конце концов Юлия сумела настоять на своем. И едва не сорва-

ла проект. Джейн вдруг подумала, что проект не предусматривал наличие второй маленькой девочки. Все необходимо выдержать в соответствии со сценарием. Даже незначительные изменения, вкравшиеся при осуществлении очередного этапа, грозили обернуться в будущем существенными огрехами. Но если начало было безошибочным, Ари сумеет в будущем остаться неподверженной влиянию разных отклонений.

Ведь Ари, рассудила Джейн, необязательно интересоваться, кто только что кричал?

Ведь Ари знала, что она единственный ребенок.

Теперь проклятый проект взбесил Юлию. Потому что Юлию всегда раздражала мать. Юлия всегда видела в матери причину всех своих проблем, всегда старалась стать более успешной — и теперь пыталась вмешаться в проект, ибо, сообразив, что мать взялась за великое дело, решила не остаться в тени. В детстве Юлия чувствовала себя обделенной и потому теперь ударилась в другую крайность, неоправданно балуя дочь: юная чертовка отлично умела добиваться своего, и не хватало твердой руки, дабы поставить ее на место, пока не стало слишком поздно.

Госпожа Штрассен усмехнулась, отметив, ка-

ким зорким может оказаться взгляд в прошлое.

5

И снова датчики. Флориану стало немного не по себе, как при легком головокружении. Огромное помещение и место на краю стола всегда действовали на ази подобным образом, однако Флориан сохранил способность отвечать на вопросы Инструктора. И потому на вопрос, где находится датчик номер один, тотчас дал бойкий ответ — над сердцем. Это Флориан знал назубок. У ази была особая кукла для экспериментов такого рода — правда, датчиков там было поменьше.

— Правильно, — похвалил Инструктор, одобрительно похлопав мальчика по плечу. — Флориан, ты отличный парень. Смекалистый и ловкий. Можешь сказать, сколько тебе лет?

«Сколько лет» означало «какой ты большой», и по мере того, как Флориан рос и умнел, правильный ответ подразумевал демонстрацию все большего количества пальцев на руках. Сейчас требовалось показать большой и два соседних с ним пальца. А сделать это было довольно трудно, поскольку остальные пальцы никак не хотели подгибаться. Но в конце концов маневр удался, и Флориану стало чертовски приятно. Инструктор

снова обнял его.

После успешного выполнения задания мальчику всегда давали что-нибудь вкусное. А он знал ответы на все вопросы Инструктора. Маленький ази чувствовал себя неловко, но то была приятная неловкость.

Малышу хотелось только, чтобы ему немедленно отдали очередной гостинец, но забыли прикрепить датчики.

6

Ари разволновалась не на шутку. Ей подарили новый костюмчик — красный, с рисунком из блесток на груди и правом рукаве. Нелли тщательно расчесала подопечной темные блестящие волосы, и теперь они даже потрескивали и струились, точно водопад. Наконец с нарядами было покончено, и Ари с нетерпением расхаживала по гостиной, поджидая мать и Олли. Мама выглядела потрясающе — высокая, в серебристом платье; серебро поблескивало и у нее в волосах. С ними отправился и Олли — элегантный даже в черной униформе ази. Олли был непростой ази: он всегда и везде сопровождал Джейн, и Ари должна была его слушаться. И девочка слушалась — по крайней мере, сегодня, потому что мама и Олли собирались пойти с ней на настоящую вечеринку.

На вечеринке должно было собраться множество взрослых. Ари планировала побывать там, после чего Олли должен был отвести ее на детский праздник к Валери.

Валери звали одного мальчика — ребенка госпожи Шварц. Под присмотром ази они могли

поиграть в разные игры, а потом им было обещано небольшое пиршество за столиком — между прочим, с мороженым. Ожидалось появление и других детей. Но больше всех Ари все равно нравился Валери. У Валери был игрушечный космический корабль с красным огнями. И еще стеклянная штуковина, через которую было забавно смотреть на мир.

Однако больше всего Ариану волновали предстоящие подарки. Иногда ей дарили подарки. А поскольку сегодня все красиво наряжались, наверняка стоило ожидать подарков.

Хотя и поход куда-то, где соберутся взрослые, волновал девочку. Идти, держась за мамину руку, щеголяя красивым платьицем, вести себя как положено и не делать глупостей. Памятуя о подарках, Ари собиралась быть послушной.

Лифт доставил их вниз. Там толпилось множество взрослых ази: чаще всего ази одевались в черное, а если черного на них не оказывалось, можно было приказать им переодеться. Они всегда отличались от мамы или дяди Денниса — они выглядели, как ази. Иногда Ари нарочно подражала им: ходила неслышно, держалась ровно, смотрела прямо перед собой наподобие Олли, говорила маме (но только не Нелли, кото-

рой достаточно было сказать просто «да») «да, госпожа». Иногда шалунья пыталась подражать матери и говорила: «Нелли, пожалуйста, заправь мою постель!» Обращаясь к Олли, девочка говорила: «Олли, черт побери, принеси же что-нибудь выпить!» Но эта идея не приносила желаемых плодов: как-то Олли все-таки принес ей напиток, но нажаловался матери. И мамочка недовольно сказала, что Олли не станет ничего делать для Ари, если та и дальше станет грубить. И потому заветное «черт побери!» она при первом удобном случае сказала Нелли.

Между тем мать провела ее сквозь толпу ази; теперь путь лежал к двери, у которой собралась другая толпа. Какая-то женщина воскликнула: «Ари, с Новым годом!», после чего наклонилась к ее лицу. Ари понравилось ожерелье незнакомки и глубокий вырез на груди, в котором виднелось что-то необычное. Но рассмотреть девочка толком ничего не успела — Олли взял ее на руки. Впрочем, так было лучше — теперь можно было спокойно разглядывать лица собравшихся.

А женщина заговорила с мамой, и остальные тоже затеяли оживленные беседы. В воздухе пахло духами, пудрой и едой.

Все еще сидя на руках у Олли, Ари ощутила,

как кто-то потрепал ее по плечу. Обернувшись, она увидела дядю Денниса. Дядя Деннис был толстый-претолстый, и вокруг него почему-то сразу стало пусто. Ари вдруг стало любопытно: дядя Деннис твердый — или специально задерживает дыхание, чтобы надуться, как шар?

— Как дела, Ари? — громко рявкнул дядя Деннис, и окружающие тотчас прервали беседы и устремили взоры на них. — Поздравляю с Новым годом.

Восклицание озадачило девочку, но в то же время и заинтересовало. Если это Новый год, то это одновременно и день ее рождения, но если сегодня действительно день еще рождения, то люди должны были прийти к ней в гости и принести подарки. Однако подарков что-то не было видно.

— С Новым годом! — слышалось со всех сторон. Ари с надеждой смотрела на окружающих — подарков по-прежнему не было. Девочка тяжело вздохнула. В этот момент она заметила пунш и пирожные.

Первым догадался Олли.

— Хочешь пунша? — спросил он.

Девочка кивнула, отмечая, что шум поднялся невообразимый. Ари сомневалась, что ей понравится присутствовать посреди такой толпы. И

повод вечеринки был ей непонятен. Но пунш и пирожные — это уже кое-что. Припав к могучему плечу Олли, Эмори-младшая испытала прилив радости, ибо Олли ничего не стоило пронести ее прямо к столу, на котором покоилась чаша с пуншем, а Олли отлично понимал, что в жизни важнее всего. Пунш, да еще из такой красивой чаши и с большим пирожным, был ничуть не хуже подарка.

— Я ссажу тебя, — прошептал Олли. — Договорились? Стой здесь — принесу тебе пунш.

Такой поворот событий девочку не устраивал. Кругом виднелся целый лес ног, музыка играла ужасно громко, а стоя на полу, нельзя было разглядеть ничего, кроме ног остальных гостей. Чего доброго, боязливо подумала Ари, кто-нибудь наступит на нее. Но Олли все равно опустил ее на пол — и тут как раз показались мама и дядя Деннис. А толпа и не собиралась топтать Ари. Наоборот, все вокруг смотрели на нее; кое-кто даже улыбался. Ари сразу почувствовала себя увереннее.

— Держи! — ази протянул ей чашку. — Смотри, не пролей!

Пунш оказался зеленого цвета. Поначалу девочка отнеслась к напитку с недоверием, но он

источал приятный запах, а на вкус оказался еще приятнее.

— Таскать тебя на руках становится все тяжелее, — пожаловался дядя Деннис.

Подняв голову, Ари наморщила носик, ибо дядино замечание ей не слишком понравилось. Между прочим, мама сказала то же самое. Зато Олли не сказал ничего такого. Олли большой и сильный, размышляла девочка, Олли не такой, как другие. Ари нравилось, когда Олли носил ее на руках; девочка любила обнимать его за шею и приникать к его плечу, ибо ази был похож на стул, на который можно было забраться, и кости его совершенно не прощупывались, но зато он был очень твердый на ощупь. И теплый. И пахло от него хорошо. Между тем Олли наливал маме и дяде Деннису пунша из другой чаши, Ари, прижимаясь к любимцу, потягивала свой пунш, музыка продолжала греметь, а мама и дядя Деннис — разговаривать.

Олли снова удостоил ее вниманием, когда отдал маме и дяде Деннису пунш.

— Пирожное хочешь? — громко спросил он. — Вообще-то на детском празднике будет торт…

Ари оживилась.

— Хочу еще пунша, — решила она, протягивая

Олли пустую чашку. — И пирожное, пожалуйста.

Эмори-младшая выжидательно застыла на образовавшемся вокруг нее открытом пятачке. И заложила руки за спину, вспомнив мамино наставление: не болтать руками, дабы не выглядеть несуразно. Продолжали подходить незнакомые люди — они наперебой хвалили ее и желали счастливого Нового года, но Ари уже надоело здесь — в этой комнате ее удерживали только уже взятые Олли со стула пирожные и пунш. Ради этого стоило остаться еще ненадолго.

Детская вечеринка привлекала Ари куда больше.

Возможно, решила она, подарки будут там.

— Отойди в сторону и присядь, — посоветовал Олли, не спеша вручать принесенные лакомства. Оглянувшись, Ари испытала облегчение, ибо завидела стулья, выстроившиеся в ряд у стены. Радость приносило и осознание того, что, стоя, можно было пролить пунш на платье — и тогда вид у нее был бы не слишком приятный, а мама наверняка рассердилась бы. Ни слова не говоря, девочка поспешно вскарабкалась на стул, и Олли поставил ей на колени тарелку с пирожным, а стакан опустил на соседний стул. Весь ряд стульев был в ее распоряжении.

— Пойду принесу себе, — решил ази. — Сиди здесь, я скоро вернусь.

Эмори-младшая утвердительно кивнула, откусывая от пирожного. Пирожное оказалось с белой начинкой и вкусное. Облитое бесподобной глазурью. Ари окончательно повеселела. Она болтала ногами, жевала пирожное и облизывала липкие пальцы, пока Олли возился у чаши с пуншем, а мама беседовала с дядями Деннисом и Жиро.

Возможно, предположила Ариана, они тоже ожидали подарков. Все были явно в ударе. Кое-кого из окружающих девочка видела дома. Но большая часть присутствовавших была ей незнакома. Доев пирожное, Ари облизала пальцы и соскользнула со стула на пол — ходить теперь можно было всюду, ибо гости собрались у столов.

Потом Ари решила посмотреть, какое место досталось Олли. И увидела, что с ним кто-то беседует. Юная проказница сразу поняла: вот хорошая возможность хоть ненадолго избавиться от опеки.

И Ари не упустила эту возможность. Хоть и отошла недалеко, поскольку боялась, что мама и Олли уйдут и оставят ее здесь. Время от времени Эмори-младшая озиралась, желая удостоверить-

ся, что мама не затерялась в толпе. Все было в порядке, хотя мама по-прежнему оживленно беседовала. Девочка несказанно обрадовалась: если даже мама станет сердиться, можно сказать что-нибудь вроде «Как же, я была рядом». И потому мама просто не могла сильно рассердиться…

Потом девочка залюбовалась нарядами гостей. Особенно ей понравилась зеленая полупрозрачная блузка одной тети. И черный, с блестящей искрой костюм какого-то дяди. Но мамины украшения все равно были вне конкуренции.

А еще в толпе мелькал дядя с ярко-рыжими волосами.

В черном — значит, ази, определила девочка. Кто-то поздоровался с Арианой, и она ответила, соблюдая приличия, хотя и не проявила к здоровавшемуся интереса. Всю жизнь Ари была уверена, что у нее самые красивые на свете волосы. Но и рыжие волосы были умопомрачительно красивы, да и сам незнакомец тоже приглянулся ей. Ари обиженно надула губки: несправедливо, подумала девочка, что у нее нет таких волос. Собственные волосы уже не казались ей красивыми.

А незнакомец посмотрел на нее. Он оказался не ази. Нет. То есть да. Лицо у него вдруг вытянулось, и он поспешно отвернулся, делая вид, будто не

смотрел на нее вовсе. Удивленная Ари подметила, что незнакомец держался рядом с каким-то темноволосым человеком. Темноволосый разглядывал ее, что явно не нравилось ази.

Но тот все равно разглядывал. Он был симпатичный, как Олли. Даже смотрел он и то иначе, чем другие взрослые — Ари показалось, что незнакомцу не следовало смотреть на нее так. Но и сама она не желала отводить взгляд, ибо темноволосый отличался от всех. С ним был рыжий ази, но внимание Эмори-младшей все равно было сосредоточено на незнакомце с черными волосами. Он все смотрел на Ари, хотя она понятия не имела, что он за человек. Темноволосый никогда не бывал у них в гостях. И никогда не приносил подарков.

Девочка позволила себе подойти чуточку ближе. Ази откровенно не хотел, чтобы она приближалась к его спутнику. Рука его лежала на плече дяди с темными волосами — как будто она, Ариана, собиралась похитить его! Но человек смотрел на нее таким взглядом, как если бы она была его мамой. Как нашкодивший и ждущий наказания ребенок.

Девочка подумала: темноволосый — в том же положении, что и она. А она сейчас — вроде своей

мамы. А ази вел себя, точно Олли в моменты, когда мама начинала кричать.

Между тем ази разглядел что-то опасное у нее за спиной. Ариана мгновенно оглянулась.

Оказывается, к ней направлялась мама. Перехватив ее взгляд, она остановилась.

Замерли все. И уставились на нее. Разговоры стихли. Только музыка продолжала играть. Все явно чего-то испугались.

Ари направилась к матери.

Все беспокойно следили за происходящим.

Девочка остановилась. Все продолжали нервно мяться. Даже мама.

Она сделала это!

Ари снова посмотрела на мать. И снова та забеспокоилась.

Тогда девочка взглянула на незнакомца.

Теперь забеспокоились все.

Кто бы мог подумать, что она способна на такое!

Мама наверняка будет потом сердиться. И Олли тоже.

Но если мама раскричится, можно сделать что-нибудь первой.

Черноволосый незнакомец и его рыжий ази, не отрываясь, глядели, как Ари идет в их сторону.

Дядя с темными волосами смотрел так, будто она собиралась ударить его. Кажется, того же боялся и ази.

У незнакомца были красивые, как у Олли, руки. Он вообще был очень похож на Олли. А все почему-то считали его опасным. Но ведь это не так, удивлялась девочка. И даже знала наверняка, что бояться незнакомца не стоило. Зато она сама могла их здорово испугать.

Подойдя, она взяла дядю за руку. Никто не осмеливался перечить ей — даже темноволосый незнакомец. Ариана вновь сравнила себя с матерью, свое поведение — с ее поведением по отношению к Нелли.

Все это очень понравилось девочке.

— Меня зовут Ари, — представилась она.

— А меня Джастин, — последовал тихий ответ. Вообще, диалог происходил в напряженной тишине.

— Я приглашена на вечеринку, — похвасталась Эмори-младшая. — К Валери.

Опомнясь, Джейн Штрассен подошла, чтобы взять приемную дочь на руки. Тут вперед выступил Грант: положив руку на плечо брату, он заставил того отвернуться.

Наконец Джейн унесла воспитанницу — что от

нее и требовалось.

— Проклятие, — бросил Грант, едва братья вошли к себе домой. — Не застынь они все столбами, ничего не случилось бы. Ровным счетом ничего. А девчонка все мигом смекнула. И подумала, будто началось какое-то представление.

— Мне пришлось взглянуть на нее, — выдавил Джастин.

Но не смог сказать почему. Разве потому, что именно она и была Ари. Но Уоррик-младший не мог поверить в это до самого последнего момента.

7

— Спокойной ночи, деточка! — пожелала мать, целуя ее. Вытянув руки, Ари обняла маму и тоже расцеловала.

Мама вышла, и стало совсем темно. Ари повернулась, устраиваясь поудобнее вместе с любимой куклой. Сегодня она до отвала наелась пирожных, которые обильно запивала пуншем. Закрывая глаза, она неизменно видела перед собою разряженных в блестящие одежды людей. Вспоминала, как Олли принес ей пирожное. И как люди разглядывали ее. Вечеринка у Валери удалась. Там играли на электронном клавесине, там веселились от души, разыгрывая подарки. Ей досталась осыпанная блестками звезда. Валери выиграл мяч. Только жаль было разбитой по оплошности лампы госпожи Шварц.

В самом деле, Новый год — это здорово!

— С ней все в порядке? — уже в спальне поинтересовался Олли, расстегивая хозяйке платье. Джейн кивнула. — Госпожа, прошу прощения…

— Хватит об этом! Больше не тревожься на сей счет. Все так и должно быть, — бросила госпожа

Штрассен, и с серебристым платьем было покончено — оно стремительно соскользнуло с плеч хозяйки и приземлилось на спинку стула. Но Олли все еще было не по себе.

Впрочем, как и самой Джейн — ведь идея, если на то пошло, принадлежала братьям Наям.

Ольга не слишком щадила дочь даже на публике, повсюду таскала ее за собой, точно бездушный маленький манекен, подвергая наравне с собою всем жизненным тяготам; при таком воспитании чувствительная девочка наверняка сильно страдала.

А завесу секретности не приподымешь. И потому из всех напряженных моральных климатов подходящим был только ресионский.

Само Семейство. С его разнообразно-гнусной славой.

Побольше сахара в девчонкину систему обмена веществ, подвергавшуюся частым перегрузкам, побольше запретов и наставлений, обещаний награды — и, как следствие, укрепление надежды на то, что четырехлетний ребенок получит нужные задатки в нужном объеме.

Но в глубине души Джейн испытывала отвратительную тоску.

8

Запахнув поплотнее пальто — они с Грантом пересекали открытое пространство между жилым и служебным корпусами — Джастин глубже засунул руки в карманы. Несмотря на утреннюю прохладу, шли братья не спеша — в первый день нового года никто никуда не торопился.

Уоррик-младший остановился у пруда и, наклонившись, принялся кормить рыбок. Рыбы знали его и потому уже ждали, собравшись под приметным лотосом с побуревшими краями. Рыбки прекрасно прижились в расположенном между корпусами пруду, став любимцами ресионской детворы, производили на свет потомство и с явным безразличием относились к тому, что прибыли на Сайтин с другой планеты.

Здесь — значит здесь. Пожилая белая рыба с оранжевыми пятнами стала брать корм из рук Джастина, когда тот был еще мальчишкой-сорванцом; теперь братья Уоррики приходили к пруду каждый день, поскольку после отъезда отца старались бывать на улице почаще. А уж по утрам они и вовсе обретались здесь постоянно.

Установленные на крышах и фасадах слуховые

тарелки были в состоянии уловить разговоры братьев откуда угодно. Но служба безопасности наверняка предпочитала не утруждать себя лишний раз и потому проверяла положение дел периодическим прослушиванием квартиры двух молодых программистов-дизайнеров, которые уже много лет не причиняли ей никакого беспокойства. Служба безопасности могла устроить им психодопрос в любое время. То, что допросов не было, означало отсутствие интереса к персонам братьев Уорриков. Но тем не менее…

Тем не менее оба предпочитали вести себя осторожно.

— Она проголодалась, — пробормотал Джастин, кивая на рыбку. — Зима, а детям не до рыб.

— Вот тебе еще отличие, — отозвался Грант, усевшись на валун рядом с братом, — дети-ази всегда помнили бы…

Несмотря на неважное настроение, Джастин рассмеялся:

— Ты чертовски мнителен.

— Урожденные люди просто не замечают все прочие стандарты поведения. Чего не скажешь о нас, — обрадованно подхватил Грант. В этот момент еще одна вафельная крошка упала в пруд, и рыбка проворно подхватила ее, пустив

по водной глади крохотные волны, раскачавшие лотос. — Уверяю, все трудности при контактах с иными мирами — обычные предрассудки. Лучше посылать на такие дела нас.

— И это заявляет парень, утверждающий, будто в Новгороде все чужое.

— Для нас с тобой. Я бы вообще не беспокоился…

Наступило долгое молчание. Джастин, все еще держа салфетку, в которой принес корм, пробормотал:

— Хоть бы какое местечко подыскать!

— Не беспокойся об этом, — посоветовал ази, явно имея в виду не Новгород. Тотчас тень снова напомнила о себе, и налетевший ветер опять принес холод. — Не надо. Все и так хорошо.

Джастин уныло кивнул. Братья понимали друг друга без слов. Приходили письма от Джордана — чрезмерно сдержанные, даже лаконичные. Но сколько глубокого смысла содержалось в коротком приветствии вроде «Здравствуй, сынок! Слышал, у вас с Грантом все хорошо. Читаю и перечитываю твои письма. Зачитываю до дыр, а потому высылай еще».

Отец сумел сохранить чувство юмора, отметил Джастин, обращаясь к брату. Оба читали и

перечитывали это письмо, ибо оно содержало скрытые подсказки, указывавшие на теперешнее состояние его ума. До дыр зачитывались и другие отцовские письма. Страница за страницей сообщала о погоде. То и дело встречались упоминания — «Мы с Паулем». И это успокаивало Джастина.

Дело сдвигается с мертвой точки, любил повторять Деннис, когда Джастин добивался права то на посылку голосовых писем, то на телефонные звонки — пусть даже прослушиваемые «кем следует».

Теперь братья были как никогда близки к получению долгожданного разрешения.

— Не могу не беспокоиться, — сказал Джастин. — Грант, мы должны вести себя идеально еще некоторое время — осталось совсем недолго. Да и на том все не закончится. Мы просто не можем позволить себе что-нибудь натворить.

— Они привели туда девчонку. И не запретили нам явиться туда. Возможно, они не ожидали такого поворота, но мы здесь ни при чем. Подумать только: полон зал психологов — и стоят, точно столбы! Сами дали девчонке повод. Она расколола их, а не нас. Вот тебе снова мыслительный поток. Урожденные люди: они не желали случившегося и в то же время желали его; специально

все подстроили, дабы дать Ариане возможность заявить о себе в полный голос, и она сыграла на все сто — доказала то, к чему ее подталкивали. И в то же время не доказала ничего. Возможно, спровоцировали ее мы — мы ведь смотрели на нее. Я все время размышляю над этим. Возможно, потому она и заинтересовалась нами. Джастин, ей всего четыре годика, но как засуетилась вся публика! Чего можно ожидать от четырехлетней крохи?

— Конечно, что она побежит к мамочке, черт побери! Она было и направилась к ней. Тут все вздохнули с облегчением, а Джейн подхватила ее на руки. И так еще посмотрела… — Юношу передернуло, когда он ощутил пробежавший по спине холодок, вспомнив недавние — вчерашние — события.

— А ты ни разу не думал, — спросил вдруг Грант, — над подверженностью памяти КВ, о потоковом мышлении? Вспомни, иногда снятся вещие сны. К примеру, однажды ты видишь во сне человека, пьющего из стакана молоко. А неделю спустя глядь — Янни попивает за обедом чай, и, видя его за этим занятием, ты испытываешь ценностное потрясение: вспомнив сон, ты подгоняешь его под явь, и тебе кажется, будто снился

именно пьющий чай Янни, да еще за этим самым столиком, и даже психодопрос ничего не изменит. Такое случалось со мной дважды. Но стоит приключиться такой напасти, как я извлекаю из хранилища обучающую ленту, ложусь на диван и устраиваю себе сеанс — до тех пор, пока не появится улучшение. А теперь слушай: я признаю, что поведение ребенка могло иметь большое значение. В будущем специально прослежу, в какой степени оно увязывается с общим поведением. Но если хочешь услышать мой анализ ситуации, то с уверенностью заявляю: все КВ в зале просто погрузились в сон. В том числе и ты. Налицо была массовая галлюцинация. Здравый рассудок сумели сохранить только ази да ребенок, хотя большинство из нас было сосредоточено на наших КВ и пребывало в крайнем изумлении.

— Кроме тебя?

— Я наблюдал за тобой и за нею.

Джастин тяжело вздохнул, ощущая, как его напряжение чуточку спало. Видит Бог, думал Джастин, ему ничего не известно. Случилось именно так, как подметил Грант: в зале собрались сплошь психологи, но все растерялись, точно по команде. Вот тебе и потоковое мышление! Затемнение ценностных систем. «К черту Хауп-

тманна! — пробормотал Уоррик-младший. — Я становлюсь приверженцем взглядов Эмори». Еще два легких вздоха. Теперь Джастин мог позволить себе вспомнить случившееся с меньшим эмоциональным напряжением, а заодно и увидеть ребенка — а не женщину. «Я приглашена на вечеринку к Валери». — Так, кажется, она сказала?

В девчонкиных словах не было ни тени коварства. В тот раз она точно не вела игру. Она просто смотрела с детской невинностью, по-детски же предлагая дружбу. «Им» и «нам». Возможно, имелось в виду примирение — Джастин не слишком хорошо помнил, как в точности все произошло четыре года назад. Якобс, работавший с этим уровнем в области гражданской психики, мог бы подсказать, что представлял собою четырехлетний КВ. Но и самому можно было кое-что выудить: так в тридцать лет выглядел Джордан.

А они с Грантом кормят рыбок. Четыре-пять-шесть — трудно было сказать определенно, ибо это воспоминание, одно из самых старых, восстанавливалось в памяти с трудом.

Внезапно Уоррик-младший вспотел — ему стало не по себе.

«Почему, — подумал он, — зачем я это делаю?

Что со мной?

Стены».

Дети никогда его не интересовали. Решительно не интересовали. В душе юноша гнал малейшую мысль, могущую подсказать… И бежал от детства, как из местности, в которую уже никогда не вернулся бы; а нынешнее помешательство ресионцев на проекте просто внушало ему отвращение.

Дожить до двадцати трех лет и быть таким глупым, выполнять рутинную работу, тратить силы, не думая о жизни. Глядеть только вперед, не замечая, что творится по сторонам. Не особенно утруждая себя обучающими лентами, ибо лента означала бессилие, открывала просторы, которые Джастин предпочел бы не открывать.

Сокрушение стен, отделявших настоящее от прошлого, от Джордана, от всего, что было, подогревало гнев, заставляло ладони потеть. Он впутывается в…

Но они уже впутались.

— Ведь это ловушка, да? — спросил он Гранта. — Твой психошаблон не позволил тебе разглядеть то, что заметил я. Но это относится и к ней — вот закавыка! У нее, как и у всех КВ, наличествует потоковое измерение.

— Стало быть, ты признаешь мою правоту, —

невесело улыбнулся Грант.

— Полон зал КВ, и все дружно сваляли дурака. Возможно, мы видели нечто, ускользнувшее от твоего внимания.

— Поток. Поток. Бутылки Клейна. Истинно и ложно. Поневоле радуешься, что знаешь, на какой планете находишься. Я видел то, что видел, не обращая излишнего внимания ни на прошлое, ни на будущее.

— Проклятие! Иногда хочется воспользоваться твоей обучающей лентой.

— Но и ты тоже прав, — покачал головой ази. — Ты действительно видел то, чего не заметил я. Знаю — так и есть. И я обеспокоен. Обеспокоен, ибо знаю, что неспособен видеть ситуацию под тем углом, под каким видят ее КВ. Я способен продумать все логически на основе твоего рассказа, но понять суть потока мне не дано.

— То есть ты хочешь сказать, будто мыслишь по старинке в стиле ази, а потому неспособен воспринять иное, — заключил Джастин, чувствуя, что не в состоянии оставить спор между Хауптманном и Эмори без внимания; Грант постоянно досаждал ему этой темой, и теперешний разговор не стал исключением. В иных обстоятельствах достаточно было легкого клинического внуше-

ния типа «Джастин, оставь, не отвечай — лучше подумай».

— Я хочу сказать, — продолжал Грант, — что будь мы все поголовно ази, проблема просто не возникла бы. И с девчонкой все было бы иначе: достаточно было бы просто установить этот проклятый психошаблон, и Ари вышла бы точно такой, какой ее хотели бы видеть. Но она не такая. И они не ази. Рациональность им не нужна, они никогда ею не руководствовались. С моей точки зрения, ты как бы стоишь на голове, подобно им; сейчас мне больше всего хочется заставить тебя прислушаться к моим словам, отрешиться от галлюцинаций и не реагировать сгоряча. Все мыслимые и немыслимые проблемы начнутся только через несколько лет, и у нас масса времени, дабы подготовиться.

— Ты абсолютно прав: мы имеем дело не с менталитетом ази. Они не слишком осмотрительны. Если на следующей неделе что-нибудь случится с их драгоценным проектом, они поймут, что виноват во всем я. Стоит ребенку оказаться на моем пути, как мне уже некуда деться. И факты здесь ни при чем. Она просто подавила в зародыше любую возможность Джордана заручиться фактом; чего доброго, письма от отца и вовсе перестанут

к нам пропускать…

Джастин умолк, и тотчас раздался голос из прошлого, голос Ари:

«Милый, возьми себя в руки.

Мальчик, понимаю твое беспокойство, но прими все, как есть.

Милый, боишься женщин? Прямо как твой папочка.

Семья — это такая ответственность!»

Обхватив голову руками, Джастин понял, что сей жест чреват потерей уверенности, потерей всего, ибо вновь рассыпались (его же собственными стараниями) вся идеально отточенная логика, самоконтроль, защитные механизмы. Уоррик-младший шагал по ресионским коридорам, точно призрак, открытый перед всеми, не заботясь о самозащите «Смотрите, я беззащитен!» — будто говорил он встречным.

Но никто при этом не брал на себя заботу о юноше. Джастин стал сгустком нервов и разнообразных реакций. Он безошибочно угадывал по отношению к себе смутную неприязнь и настороженность окружающих. Содеянное отцом и осознание, что он сам тоже виноват в этом, лишили Джастина способности сопротивляться и, возможно, довели его до полубезумия — так

должно было казаться всем.

Кроме тех немногих, кто видел злосчастные записи. Кто просматривал чертовы пленки и знал, что вытворяла Ари, знал, почему Джастин столько раз просыпался в холодном поту, почему избегал людей. В особенности хорошо осведомлен был Петрос Иванов, копавшийся у него в сознании после Жиро и остальных. «Я проведу небольшое вмешательство», — пообещал Петрос, похлопывая по плечу Джастина, впадающего в процедурное состояние; три дюжих парня из службы безопасности тащили его в госпиталь, и там пришлось заметно повозиться, чтобы вколоть ему наркотик. Так приказал Жиро.

«Я только хочу заверить тебя, что все в порядке. Тебе ничего не грозит. Ты перенес травму. На сей раз я намерен все это прекратить. Договорились? Успокойся Джастин, ты меня знаешь. И понимаешь, что я — на твоей стороне», — таковы были его слова.

«Боже, что они вытворяют со мной? — ужасался Уоррик-младший. — Ари, Жиро, Петрос…»

Юноша плакал. Грант положил руку ему на плечо. Он единственный оказался достоин доверия. Ребенок касался его руки. А тут еще неприятные воспоминания. Ощущение, точно касаешься

трупа…

Джастин сидел так еще долго, пока не услышал голоса — и не понял, что, намереваясь пересечь гигантский квадрат, кто-то идет. Правда, сбоку виднелась колючая изгородь, которая должна была скрыть их от чужих глаз. Тем не менее Уоррик-младший попытался взять себя в руки.

— Джастин? — позвал Грант.

— Со мной все в порядке, черт побери! — и юноша впервые признался брату: — Петрос что-то сделал со мной. Или Жиро. Или Ари. Ты разве не заметил? Неужели не заметил перемену?

— Нет.

— Черт, да скажи правду!

Грант заерзал — причем довольно странным манером. Заявила о себе боль, глубокая боль.

— Грант, как ты думаешь — они действительно что-то изменили во мне?

— Не разбираюсь в урожденных людях, — уклончиво отозвался ази.

— Не увиливай!

— Я только собирался сказать… — Грант побледнел, тщетно пытаясь стиснуть дрожавшие губы. — Джастин, я не понимаю… Не понимаю вас, людей.

— Не ври. Что ты хотел сказать?

— Не знаю, как ответить. Ты просто пережил сильное потрясение; будь ты ази, с тобой случилось бы то же, что со мной. Наверное, так было бы даже лучше. Не знаю, что творится у тебя внутри. Я вижу… Вижу, как ты…

— Ну же, Грант!

— … Ты не… Не такой, каким должен быть, случись что-нибудь подобное. Кто мог это сделать? Узнай. Придумай что-нибудь.

— Меня интересует другое. Они что-нибудь сделали со мной?

— Не знаю, — отозвался Грант без колебаний. — Не знаю. Я не разбираюсь в психошаблонах КВ.

— Уж в моем мог бы разбираться.

— Джастин, не нужно загонять меня в угол. Я просто не знаю. Не знаю и не хочу знать, как все выведать.

— Мне надавили на психику, так ведь? Ну же, давай! Грант, помоги хоть чем-нибудь.

— Думаю, у тебя образовались рубцы. Не знаю только, нанес ли их Петрос или, наоборот, пытался залечить.

— Либо просто лишил меня сознания и сделал со мной то же, что и Ари. А ребенок… — Джастин вздрогнул, ощутив сильный эмоциональный толчок. И снова началось путешествие во времени.

«Я боюсь вспышек образов из обучающей ленты, — думал он. — Я отгородился от них. Спасся от того времени. То есть решение нужно искать именно в этом, не так ли?»

Петрос сказал:

— Я намерен положить всему конец.

Изолировать.

Боже — это ведь психоблок! Очень может быть.

«Они мне не друзья. И Джордану тоже. Это ясно».

Уоррик-младший порывисто набрал в легкие побольше воздуха.

«Изолируют все, что я узнал от нее, — решил юноша. — Мне чертовски страшно».

— Джастин?

«Добивалась ли она того, чтобы именно это творилось в Ресионе? Хотела ли, чтобы ребенок оказался в лапах Жиро? Черт, но ведь при жизни Ари держала Жиро на коротком поводке. Стоило ей умереть…»

— Джастин!

Только теперь до Уоррика-младшего дошло, что брат отчаянно встряхивает его. И что ему по-настоящему страшно.

— Все хорошо, — пробормотал он. — Все заме-

чательно…

Джастин ощутил прикосновение руки Гранта. Рука оказалась теплой. Юноше показалось, будто его насквозь пронизал ветер. Он сам не знал, на что смотрел: на сад или на пруд.

— Грант, — медленно молвил он, — не знаю, является ли девочка воплощением Ари, ясно одно — она очень умна. Она догадалась, как одурачить их всех, надавить им на психику. Разве это не самое главное? Она доискалась, чего они добиваются — разве не это ты имеешь в виду, вспоминая подопытных Хауптманна? Заставила всех поверить в это. Всех — в том числе Денниса, Жиро и Джейн. Не хочу даже думать о том, что станется с нами, реши Жиро, будто мы представляем для нее угрозу.

— Джастин, будет тебе! Идем, здесь холодно.

— Тебе не кажется, что мне поставили психоблок? — Джастин снова вернулся из мысленного «оттуда»; взглянул в бледное от холода лицо брата. — Грант, скажи правду!

Ответом было долгое молчание. Грант тяжело дышал. И до боли сжал Джастину руку. Голос ази дрожал:

— Я сделал все, что мог. Пытался, и не раз… С самого начала. Не заставляй меня срываться, не

позволяй им снова терзать тебя. Им это ничего не стоит — дай только повод. Ты знаешь, на что они способны.

— Я не погибну. Ни в коем случае. Но знаю: они что-то сотворили со мной. — Джастин снова вздохнул и, обессиленный, обнял брата и прижался к нему. — Со мной все в порядке. Возможно даже, так хорошо мне не бывало в последние шесть лет.

Побледневший Грант в ужасе посмотрел на него.

— Клянусь, — отчеканил Уоррик-младший, уже не чувствуя холода, хотя промерз едва ли не до костей. — Черт побери, но ведь у нас полно времени, верно?

Джастин поднялся. Швырнув рыбам остатки корма, затолкал озябшими пальцами скомканную салфетку в карман и сделал шаг, другой. Юноша не знал, куда идет — ноги сами несли его. Грант молчал всю дорогу до кабинета во втором отделе.

Уже у двери в кабинет ази замешкался. Джастин вопросительно посмотрел на него, точно желая убедиться, что все в порядке.

— Мне пора бежать в библиотеку, — пробормотал Грант.

Джастин приподнял голову, давая понять, что чувствует себя великолепно:

— Ну так беги!

— Увидимся за обедом, — закусил губу брат.

— Верно.

Грант удалился. А Джастин, войдя в крохотный захламленный кабинетик, однако подключенный ко всем системам, тотчас начал настраиваться на активный труд. Однако поработать всласть не удалось: в уголке монитора пульсировала крохотная точка, свидетельствуя о получении какого-то сообщения. Джастин тотчас уселся за компьютер и открыл окно для сообщений.

«Как явишься — зайди ко мне в кабинет. Жиро Най», — выдал компьютер.

Джастин застыл, безучастно глядя прямо перед собой. Протянув руку, дабы закрыть окно с сообщением, Уоррик-младший обнаружил, что она дрожит.

К такому повороту событий он не был готов. Снова напомнили о себе вспышки, снова дали знать о себе застарелые кошмары. Джастин ощутил острую необходимость вернуть утраченное самообладание.

Как назло, все старые рефлексы пропали. Исчезло все. Джастин снова ощутил себя уязвимым.

Уязвим был и Грант.

Необходимо было взять себя в руки по пути к Жиро. Уоррик-младший не знал, как лучше поступить; не знал, стоит ли пойти мимо библиотеки и предупредить брата — ибо в этом случае окружающим могло показаться, что он в чем-то виноват. Сейчас любой неосторожный шаг был чреват самыми серьезными последствиями.

«Нет», — подумал он, до крови закусив губу. Но в мозгу сверкнуло воспоминание — очередная встреча. Джастин ощутил солоноватый привкус крови. Челюсти стало сводить от копившейся исподволь истерики.

«Началось, — отметил Уоррик-младший. — Все-таки не пронесло…»

Включив компьютер, он послал Гранту в кабинет сообщение: «Жиро желает видеть меня. Возможно, с обедом ничего не получится. Дж.». Сообщение понравилось юноше — в нем имелось достаточно скрытого смысла. Правда, оставалось лишь гадать, как Грант мог вмешаться в события.

Брат мог только беспокоиться. И все.

Выключив компьютер, Джастин поднялся, запер кабинет и пошел по коридору, все еще ощущая во рту солоноватый привкус. Всю дорогу он

смотрел по сторонам и на встречных так, как если бы не надеялся вернуться. Впрочем, не исключалось, что в недалеком будущем их с Грантом ожидала комната для допросов в госпитале.

9

Кабинет Жиро в административном блоке нисколько не изменился: те же обшитые панелями стены, тот же неприметный вход с наружным замком; между прочим, Ари охраняла себя не столь основательно. Жиро уже не числился официальным начальником отдела службы безопасности. Теперь — к сведению посторонних — его следовало именовать «Советник Най». Но в Ресионе все отлично знали, кто до сих пор руководит местной службой безопасности.

Джастин вставил в прорезь замка магнитную карточку и ввел личный КВ-номер. После чего прошел в узкий, облицованный знакомыми панелями коридорчик, отворил внутреннюю дверь и вошел в комнатку, где за прежним столом восседал ази Жиро по имени Аббан.

Именно это сразу и увидел Джастин. В следующее мгновение на глаза юноше попались два сотрудника службы безопасности; Аббан непринужденно поднялся.

Джастин замер, похолодев от ужаса. Посмотрел на ази из службы безопасности, стоявшего чуть ближе, чем другой, взглянул прямо в глаза,

мысленно предлагая: «Будем вести себя цивилизованно». После чего сделал еще шаг вперед и, не оглядываясь, захлопнул за собой дверь.

У охранников оказался сканер для личного досмотра задержанных.

— Господин, сдайте оружие, — спокойно распорядился ази слева. Юноша и не думал сопротивляться — он спокойно позволил просканировать себя. Оказавшись возле кармана пальто, похожий на жезл сканер запищал, и офицер извлек из кармана Джастина скомканную салфетку. Несмотря на бешеное сердцебиение и возникшую вдруг нехватку воздуха, Джастин не удержался от уничижительного взгляда в сторону чрезмерно ретивого служаки.

Охранники явно обрадовались — цпосетитель оказался безоружным. Аббан отворил дверь, и гостя провели в соседнее помещение. Жиро оказался в кабинете не один, а с братом. И с Петросом Ивановым.

Джастину казалось, будто его сердце готово выпрыгнуть из груди. Один из офицеров, все еще придерживая юношу за руку, подвел его к свободному стулу, стоявшему у стола Жиро. Деннис расположился слева за тем же столом, а Петросу досталось место справа.

Чем не трибунал!

Сотрудники службы безопасности тоже не спешили уходить: один замер, положив руку на спинку стула гостя — в конце концов Жиро взмахом руки дал охранникам понять, что больше не нуждается в их услугах. Но Джастин, не смея обернуться, все же догадался, что кто-то все-таки остался у него за спиной.

«Наверное, — подумал он, — это Аббан».

— Сам понимаешь, почему ты здесь, — начал Жиро. — Нет необходимости лишний раз напоминать.

И умолк, ожидая ответа.

— Да, господин, — глухо отозвался Уоррик-младший.

«Они могут сделать со мной что угодно. Но с какой стати здесь Петрос? Может, решили устроить допрос?»

— Что скажешь? — полюбопытствовал Жиро.

— Не считаю, что обязан говорить, — отозвался юноша, и голос его чуточку окреп. В этот миг он отчаянно пытался взять себя в руки.

Из глубин памяти ураганом метнулось: «Спокойно, милый. Ничего не рассказывай».

— Я здесь ни при чем. Видит Бог, я не хотел!

— Мог бы запросто уйти.

— Я и ушел.

— Но после, — лицо Жиро побагровело от гнева. Взяв со стола ручку, Най принялся вертеть ее в пальцах. — Чего ты добиваешься? Может, решил сорвать проект?

— Нет. Я держался, как все. Ничем не отличался от других. Был занят собой. А что затеяли вы — специально вывели девчонку напоказ? Да? Решили устроить небольшой спектакль? Удивить Семейство? Шокировать прессу? Уверен, что вы все предварительно записали на пленку.

Жиро явно не ожидал такого отпора. И потому несколько растерялся. Деннис и Петрос и вовсе приуныли.

— Девочку никто не понукал, — тихо молвил Деннис. — Поверь мне, Джастин, никто ее не подначивал.

— Как же, поверю! Просто подвернулась отличная возможность устроить шоу для прессы, вот и все — ведь газетчики на такое падки, это их хлеб. Все пошло по задуманному сценарию: ребенок сразу вычисляет двойника убийцы. Боже, какое грандиозное научное достижение!

— Ты бы не кривлялся, — посоветовал Жиро. — Камеры все равно выключены.

— И не думал, — буркнул юноша; его трясло.

Уоррик-младший нарочно переместил ступню в другое положение, чтобы унять дрожь в ноге. Но мозг, разумеется, не прекратил работу. Юноша решил, что начальство определенно вознамерилось устроить продолжение первого допроса — но, как ни странно, эта ужасная мысль окончательно прояснила ему сознание.

— Думаю, вы так меня обработаете, что до представления перед камерами я просто не дотяну, — бросил Джастин. — Но зря вы записали меня на пленку на проклятой вечеринке. И напрасно решили пошерстить снова. Даже моя смерть не принесет вам желаемых плодов. Наоборот, у вас возникнут проблемы, верно?

— Джастин, — молвил Петрос, и в его голосе зазвучали умоляющие нотки, — никто не собирается терзать тебя. Мы собрались здесь вовсе не для этого.

— Разумеется.

— То, чего мы добиваемся, — отрывисто бросил Жиро, — предельно ясно. Скажи откровенно: ты каким-то образом привлек ее внимание?

— Вы даже подсказываете удобные вам ответы. Можете написать что угодно. Кстати, не забудьте просмотреть обучающую ленту!

— Видеозапись-то у нас есть, — с легкой ехид-

цей сказал Жиро. — И там отчетливо видно, что Грант установил с нею зрительный контакт. И ты тоже — уже потом. Ари приблизилась к вам.

Это была атака на новую цель. Конечно, им ничего не стоило добраться до Гранта!

— На что еще оставалось людям смотреть? — уронил Уоррик-младший. — В самом деле — на что? Я и смотрел на нее. Или вы думали, что меня не будет на вечере? Вы же сразу заметили меня. Могли бы попросить уйти. Но, разумеется, вы этого не сделали. И впутали меня. Все подстроили с самого начала. Сколько людей участвовало в вашей игре? Только вы трое?

— Стало быть, ты по-прежнему утверждаешь, будто не давал ей повода.

— Нет же, черт побери! Ни я, ни он. Я спрашивал Гранта. Меня он не стал бы обманывать. Да, зрительный контакт между ними возник. Он действительно смотрел на Ари. «На меня просто нашло», — так он выразился. Он не виноват. И я не виноват.

Петрос шевельнулся. И наклонился к Жиро: «Джерри, советую все-таки принять во внимание мои слова».

Жиро нажал одну из кнопок на рабочем пульте. Тотчас из поверхности поднялся утопленный

монитор; одной рукой Жиро что-то напечатал — возможно, имя файла для поиска. По вороту, отливавшему металлом, бегали зеленоватые блики — компьютер вовсю перетряхивал свою память.

Джастин прикинул: манипуляции подразумевали нечто большее, чем поиск данных. Все у них отрепетировано, решил Уоррик-младший. Целый спектакль. Сейчас по сценарию наступил напряженный момент — речь идет якобы о тайнах.

И тем не менее трудно было подавить естественную реакцию.

Жиро что-то считывал с монитора — либо делал вид, будто считывает. Он задышал чаще. Когда Най поднял наконец голову, его лицо не стало дружелюбнее.

— Смотрю, ты не слишком жалуешь изучение программирования, — проворчал он. — Для составителя-дизайнера это необычно.

— Я просто в него не верю. Вы вменяете мне это в вину?

— Не увлекаешься даже развлекательными обучающими лентами.

— У меня без них полно работы.

— Давай не станем ограничиваться таким ответом. Ты увильнул от работы с Петросом. И пользуешься только одной обучающей лентой в

месяц, а то и реже. Для дизайнера, повторяю, это чрезвычайно странно.

Уоррик-младший промолчал. Ибо исчерпал запас бойких ответов.

— Даже Грант, — продолжал Жиро, — не ходит в лабораторию ради просмотра своих обучающих лент, а пользуется домашним устройством воспроизведения. Без всякого ограничения.

— На сей счет нет никаких правил. Если нравится — пусть пользуется. Грант — умница, схватывает все на лету…

— Но не ты дал ему такую команду.

— Нет, не я.

— Знаешь, — вмешался Иванов, — а ведь Грант — существо самодостаточное, способен жить в обществе. А потому подкрепления такого рода ему нужны не столь часто, как другим. Но, принимая во внимание его злоключения, Гранту было бы лучше заняться глубоким погружением. Так, проверки ради.

— Имеете в виду мучения, которым вы его подвергли? Нет уж!

— Стало быть, команду дал все-таки ты, — заключил Жиро.

— Он, он сам так решил. Таков его выбор, и Грант имеет право выбора, как и я — так, во вся-

ком случае, я слышал в последний раз.

— Сомневаюсь, что нам нужна группа дизайнеров, питающая патологическую нелюбовь к обучающим лентам.

— Идите к черту!

— Спокойнее, — посоветовал Деннис. — Не нервничай Жиро, по его работе нет никаких нареканий. И по работе Гранта тоже. Речь о другом.

— Жертвой убийства Ари пала не только она одна, — заметил Петрос. — В частности, Грант и Джастин тоже. Не думаю, что вам так легко проигнорировать столь очевидный факт. Приходится иметь дело с человеком, который в момент несчастья был всего лишь мальчишкой, всего лишь жертвой Ари — одной из многих. Мне не хотелось затрагивать этот вопрос. Я все время наблюдал за ним. И посылал ему требования зайти для разговора. Верно, Джастин?

— Верно.

— Ты до сих пор не ответил, не так ли?

— Не ответил, — согласился Уоррик-младший, чувствуя, как его вновь охватывает паника. Внутри у него все оборвалось.

— Ситуация с проектом, — напирал Петрос, — внушала тебе некоторое беспокойство, не правда ли?

— Я разделяю принцип «живи и не мешай жить другим». Ребенка мне жаль. Уверен, мою квартиру вы нашпиговали по последнему слову шпионской техники. Надеюсь, кое-какие моменты из моей личной жизни доставляют вам ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Джастин!

— Петрос, можете тоже отправляться к черту!

— Джастин, скажи правду. Вспышки изображений из обучающей ленты по-прежнему мучают тебя?

— Нет.

— Ты уверен?

— Уверен.

— В начале праздничного вечера ты сильно волновался, верно я говорю?

— Да нет же, черт побери! С какой стати мне волноваться?

— Думаю, ответ ясен, — повернулся Иванов к Жиро. — Он пришел на вечер уже взволнованный. Волновались они оба. И Ари все быстро поняла. Вот и вся подоплека. Думаю, все вышло непреднамеренно. Гораздо сильнее меня беспокоит состояние рассудка Джастина. Думаю, ему лучше вернуться к себе и заняться повседневной работой, дабы восстановить нарушенное равно-

весие. Сомневаюсь, что допрос даст желаемые результаты. Джастин все еще не успокоился. Настоятельно рекомендую ему сеанс успокоительной терапии.

— Жиро, — вмешался Деннис, — если тебя так беспокоит восприятие маленькой Ари, запомни, что Джастина она нисколько не испугалась. Он пребывал в состоянии стресса, но не испугал девочку. Все произошло как раз наоборот.

— Все равно мне это не нравится, — упорствовал Жиро и с глубоким вдохом откинулся на спинку стула, одарив Джастина испытующим взглядом из-под кустистых бровей. — Тебе придется прислушаться к совету Петроса. Если он доложит, что ты по-прежнему своевольничаешь, нам придется еще до вечера распорядиться о принудительном приводе. Понял?

— Да, господин.

— Работу продолжай. Если опять окажешься рядом с Ари — заговоришь с нею или сделаешь что-нибудь в этом роде, но так, чтобы привлечь к себе как можно меньше внимания. Загляни к врачу. Если девочка заговорит с тобой, будь полюбезнее. Но не более того. Станешь своевольничать, снова окажешься здесь и я уже не буду благодушествовать. То же относится и к Гранту.

Так что просвети его. Все понял?

— Да, господин, — кротко и с почтением, точно ази, отозвался Уоррик-младший. И подумал: «Ловушка. И по-прежнему захлопывается. Здесь что-то не так…»

— Все, свободен. Аббан, открой дверь!

Дверь все-таки распахнулась. Джастин поднялся. Деннис последовал его примеру. Уоррик-младший успел дойти только до двери — Най нагнал его, схватил за руку, провел мимо охраны в закуток, пышно именуемый передней. Через секунду оба очутились в коридоре.

Деннис вдруг остановился, как вкопанный, заставив замереть и паренька.

— Джастин! — бросил он.

Все еще дрожа, юноша остановился, сознавая, что упрямством делу не поможешь.

— Джастин, ты ощущаешь сильное давление. Но мы оба знаем — память не передается от человека к человеку. Маленькая Ари — не прежняя Ари. Откровенно говоря, нам не нужна новая вспышка вражды с Уорриками. Мы не хотим, чтобы ты занял место Джордана. Сам знаешь, сколь высоки ставки.

Юноша кивнул.

— Джастин, послушай. Жиро допрашивал те-

бя. И потому знает, что ты говорил правду. Он только…

— Он ублюдок.

— Джастин, не нужно перегибать палку. Делай, как велит Жиро. Не ошибайся. Ты же не собираешься причинять маленькой девчушке зло. Знаю, что не собираешься. То, что вытворяла с тобой Ари, здесь ни при чем. И ты не захочешь обижать ребенка.

— Нет, я ведь никогда Ари пальцем не трогал. Неужели вы думаете, что я способен обидеть ребенка?

— Знаю, знаю, что нет. Просто подумай над моими словами. Вспомни их, когда судьба вновь сведет тебя с Ари. Ариана Эмори стала причиной твоего потрясения. Может статься, что ты невольно отыграешься на ребенке. Ты в состоянии причинить ей боль. А потому прошу тебя серьезно задуматься над нашим разговором.

— Ничего я с ней не делал!

— Не делал, не делал. Успокойся. Успокойся и отдышись. Послушай меня. В твоих интересах вести себя как надо.

— Естественно.

Деннис взял собеседника за руку и подтолкнул к стене, чтобы дать пройти охранникам, уходив-

шим из кабинета. Но руки юноши Най все равно не отпустил. Помолчав, он сказал:

— Джастин, я собирался сказать… В общем, насчет заявления, что лежит у меня на столе — по поводу телефонной связи. Думаю, что для порядка подержу его еще несколько недель, а потом подпишу. Тебе придется немного потерпеть. Джордан умен, да и служба безопасности должна все обмозговать. Я делаю все, что в моих силах. Я хоть чуть-чуть тебя порадовал?

— Чем мне придется расплачиваться за такую любезность?

— Ничем. Ровным счетом ничем. Только веди себя осмотрительно. Не нужно влезать в разные передряги. Договорились?

Уоррик-младший тупо смотрел на стену, разглядывая облицовочную плитку из декоративного камня — незамысловатый узор плыл перед глазами. Вдруг юноша ощутил прикосновение к своему плечу.

— Мне жаль. Мне очень жаль, — забормотал Деннис, — я все знаю. У тебя ни один день не проходит спокойно. Но я хочу, чтобы и ты поучаствовал в проекте. Поэтому я сумел добиться у Жиро права оставить тебя в Ресионе. Ари была к тебе неравнодушна — но не в том дело… В общем,

так: ты ей нравился. Я уж не говорю, что между вами было даже нечто большее. Я помню ее — и после смерти — и знаю, как себя самого. Между Ари и Джорданом существовала застарелая и острая вражда. Но она, оценив твои успехи в учебе, поняла, для чего ты ей сгодишься.

— Дутые успехи!

— Нет, не дутые. Но и не слишком выдающиеся, как ты понимаешь. Зато охватывавшие аж с полдюжины отраслей. Ты обладаешь теми же качествами, что и она. Конечно, назвать тебя ее двойником — значит погрешить против истины, ибо у тебя над душой никогда не стояла Ольга Эмори. В одном разговоре она обмолвилась — и я не лгу — будто собиралась перевести тебя в свой отдел и что на самом деле она видела в тебе куда больше возможностей, чем свидетельствовали результаты тестов, — возможностей даже более значительных, чем возможности Джордана. Так она сказала, не я.

— Но на уме у нее была отнюдь не наука, и вам это хорошо известно.

— Ошибаешься. Конечно, ты хочешь услышать нечто иное. Но если у тебя действительно есть желание разобраться в том, почему она поступала с тобой так, то ты должен узнать все. Во

всем этом меня интересует лишь одно — сама Ари. Пойми — она умирала от рака. Омоложение не удалось. Сейчас врачи спорят, был ли срыв следствием развития раковой опухоли, или омоложение не удалось по естественным причинам и позволило болезни прогрессировать. Но что бы ни происходило, не подлежит сомнению факт, что Ари знала, в какой опасности оказалась, и что более неподходящий для омоложения момент было просто невозможно выбрать. Однако хирургическое вмешательство означало перенос проекта на неопределенный срок, а потому она приказала Петросу помалкивать и сумела не допустить утечки информации. Ведь проект — плод ее усилий, и если бы ей пришлось лечь на операцию — уверен, она не исключала и такой возможности: дурой она совсем не была — так вот, если бы Ари так поступила, проект хоть и не остался бы без поддержки, но все равно в течение нескольких месяцев им руководил бы кто-нибудь другой. Пойми, Джастин, моя уверенность продиктована хорошим знанием Ари, ибо мы дружили. Именно мне она позволяла пользоваться своими заметками. Жиро чертовски здорово соображает, когда речь заходит то деньгах, вот он и взял на себя финансовую сторону дела. Но мое

беспокойство — ее беспокойство, то есть сам проект. Думаю, что ты питаешь искренние сомнения на его счет. Как же — нет контрольных замеров, не фиксируются дублирующие результаты. Но в этом нет необходимости — у нас есть результаты, накопившиеся за двести лет работы с ази. И потом, такие вещи не поддаются количественному измерению: мы имеем дело с человеческой жизнью, с эмоциональным измерением, измерением субъективным. Можешь сколько угодно не соглашаться, я только сильнее зауважаю твою профессиональную честность. Но если попытаешься ставить нам палки в колеса, наживешь непримиримого врага в моем лице, понял?

— Да, господин.

— Скажу кое-что еще: Ари время от времени поступала очень некрасиво. Но она была великой женщиной. Она олицетворяла весь Ресион. И была моей подругой. Я защищал тебя; но одновременно я защищал и ее репутацию; и горе тому, кто покусится на доброе имя Арианы Эмори. Не видать такой возможности и тебе. Ясно?

— Но в ваших архивах осели пленки. Если несчастный ребенок хотя бы отчасти пойдет по стопам Ари, то специалисты захотят знать каждую подробность жизни прототипа — а эта

подробность совсем немаловажная.

— Нет, она не имеет значения. Ибо относится уже к конечному периоду ее жизни и к тому же лежит за пределами допустимого законом интереса. Даже если ты угадал — не тревожься: теперь ясно, для чего мы работаем с «Рубиным»? Просто военные в состоянии наложить на «Рубин» лапу в любой момент. А Ари — исключительно наш проект. И потому формальности вроде бы соблюдены. Разве Ресион хоть единожды обнародовал что-либо, затрагивающее его финансовые интересы?

— Боже, но вы можете сливать военным эту туфту годами! К чему притворство? Ведь деньги добывает Жиро. Поистине неисчерпаемый источник средств — военные проекты.

Улыбнувшись, Най покачал головой:

— Нет, Джастин, все сработает, как надо. А мы не подначивали Ари.

— Тогда скажите: вы уверены, что этого не сделал Жиро?

Реакция была заметна в глазах Денниса — а лицо по-прежнему расплывалось в улыбке.

— Время докажет мою правоту, — пробормотал Най. — На твоем месте, Джастин Уоррик, я бы помалкивал и не срамился на людях. Я уже

помог тебе. Замолвил слово за тебя, за Джордана и за Гранта, когда другие предпочли молчать. Я покровительствовал тебе. Но не забывай: я водил дружбу с Ари. И не потерплю попыток сорвать проект.

В словах Денниса звучала неприкрытая угроза. Звучала отчетливо. В этом Уоррик-младший не сомневался.

— Да, господин, — вполголоса молвил он.

Деннис снова потрепал его по плечу:

— Скажу в первый и единственный раз: хочу, чтобы ты оценил мое содействие и всегда помнил, о чем я просил. Договорились?

— Да, господин.

— Все в порядке?

Юноша перевел дух:

— Это зависит от дальнейших действий Петроса, не так ли?

— Он просто намерен побеседовать с тобой. Вот и все. — Най позволил себе чуточку встряхнуть собеседника. — Джастин, вспышки изображений из обучающей ленты все еще беспокоят?

— Нет, — отрезал юноша. — Нет. — Губы у Джастина дрожали, но он не счел нужным скрывать волнение, ибо решил воспользоваться им в противоборстве с Деннисом. — Я и так натерпелся.

Как вы не понимаете, что один вид больничной палаты приводит меня в ужас?! Неужели вы еще и обвиняете меня? Я не доверяю Петросу. И никому из его подчиненных. На его вопросы отвечу. Если хотите, чтобы я вел себя как подобает, не подпускайте его к нам с Грантом.

— Это шантаж?

— Боже, на сей счет я мог бы придумать что-нибудь более удачное, не находите? Нет, я только прошу. Я сделаю все, что прикажете. И действительно не собираюсь трогать ребенка. Мне это просто не нужно. Мне нужна только моя работа, возможность побеседовать по телефону…

Не в силах более говорить, Уоррик-младший отвернулся к стене и стоял, прислонившись к холодному камню, пока не отдышался.

«Милый, отдай им все ключи. Вот так.

Чертовски глупо».

— Я все сказал, — молвил Деннис. — Теперь смотри. Ответишь на вопросы Петроса. Попытайся разобраться в ситуации. Ты сам вел себя, точно напуганный ребенок. Ты все еще напуган, и я боюсь, что страх повредил тебе сильнее, чем ты предполагаешь…

— Я могу заниматься своей работой — вы сами сказали.

— Дело не в работе. Уверяю, работа здесь ни при чем. Ты просто не знаешь, кому можешь довериться. Думаешь, будто вокруг одни враги. Но это не так. Петрос искренне переживает за тебя. И я тоже. Если почувствуешь, что нуждаешься в помощи, — приходи без стеснения. Мои условия тебе известны. Мне нужно твое содействие. Я не потерплю никаких нападок на Ари, на проект и на сотрудников.

— Тогда прикажите Петросу оставить нас в покое. Распорядитесь, чтобы служба безопасности отключила установленные в нашей квартире «жучки». Дайте мне возможность просто жить и работать спокойно, вот и все.

— Я хочу помочь тебе.

— Ну так помогите! Выполните мои просьбы. И можете смело рассчитывать на мое сотрудничество. Я не собираюсь враждовать с вами. Деннис, поймите, я просто жажду спокойствия. Немного спокойствия после всех этих лет. Разве я причинял кому-нибудь зло?

— Нет, — отозвался Най, похлопывая юношу по плечу, а затем и по спине. — Нет, не причинял. Никогда и никому. Несчастья выпадали только на твою долю.

Уоррик-младший снова прислонился к стене

и отвернулся.

— Тогда оставьте меня в покое, Бога ради. Дайте возможность разговаривать с отцом, работать — и все будет в порядке. Просто оставьте в покое и уберите службу безопасности из моей спальни.

Деннис смерил юношу долгим взглядом.

— Ладно, — бросил он, — действительно, сделаем пока так. Попробуем — по крайней мере на домашнем фронте. Но не обещаю, что мы перестанем замечать ваших гостей. Если служба безопасности заподозрит неладное, то возьмет вас в оборот. И никак иначе. Я распоряжусь, но смотри, не давай мне повода сожалеть об этом решении.

— Ни за что, господин, — заверил Джастин. На более пространную фразу он оказался неспособен.

Деннис наконец ушел.

Уоррик-младший поплелся к себе в кабинет. Грант встретил его еще на пороге, притихший и напуганный, всем своим видом напоминая вопросительный знак.

— Все в порядке, — пролепетал Джастин. — Допытывались, вышло это специально или случайно. Я сказал — непроизвольно. И кое-что еще тоже сказал. Деннис пообещал убрать от нас

службу безопасности.

Грант одарил брата таким взглядом, словно спрашивал, кто выслушивал ответы и для кого разыгрывалось представление.

— Нет, так заявил он, — подтвердил Уоррик-младший, захлопывая дверь, чтобы обеспечить хоть видимость уединения. И тотчас вспомнилось нечто другое — чрезвычайно важное и связанное с чередой обещаний и угроз, градом обрушившихся на них за последнее время. Пытаясь отдышаться, Джастин оперся на спинку стула и выпалил: — Нам обещали позволить поговорить по телефону с Джорданом.

— Неужели правда? — не поверил Грант.

Именно это и не давало юноше покоя: отчего-то, без всяких оснований ему посулили множество всяческих благ. Причем, как они сами продемонстрировали, им ничего не стоило отправить его в госпиталь.

Что-то определенно затевалось.

10

— Музыку, — приказал Джастин Памяти той ночью, едва дверь за братьями закрылась. Мелодия зазвучала не с начала, а с того момента, где остановилась в прошлый раз. Одновременно Памяти полагалось сообщить о звонках — оказалось, что никто не звонил.

— Мы не пользуемся особой популярностью, — сказал Джастин брату; обычно в их отсутствие был хоть один звонок — кто-то звонил из лаборатории, кто-то интересовался делами, не сумев застать братьев на работе.

— Вот оно, людское непостоянство, — Грант привычным жестом опустил кейс на стол, скинул и убрал в шкаф пальто, прошел к стене, где размещался бар. Джастин тем временем снимал и развешивал свою одежду. Ази быстро приготовил два коктейля и сообщил: — Тебе двойной. Разувайся, чувствуй себя свободнее. Вперед!

Уоррик-младший опустился на диван, поспешно сбросил башмаки и, утопая в мягких подушках, пригубил из поданного стакана. Ноздри защекотал знакомый запах виски с водой; вкус сулил истерзанным нервам долгожданное успокоение.

Подошел Грант с пластиковой грифельной табличкой в руках — на ней братья обменивались репликами, не предназначенными для чужих ушей.

«Стоит ли верить, будто подслушивание прекратится?» — написал Грант.

Джастин покачал головой он поставил стакан на край широкого каменного подлокотника-столика и потянулся к доске. А затем набросал на ней:

«Подбросим им немного дезинформации и проверим, проглотили они наживку или нет». Теперь оставалось передать доску Гранту. Тот коротко кивнул — дескать, какие будут соображения?

«Пока никаких. Думаю», — просигналил Джастин.

Грант написал: «Полагаю, чтобы узнать, что произошло, мне стоит дождаться, пока мы отправимся кормить рыб».

«Сложно. Опасно, — сообщил Джастин. — Петрос собирается меня опрашивать».

Грант окинул его тревожным взглядом, который сам по себе можно было считать вопросом.

Уоррик-младший быстро набросал: «Они заподозрят насчет вспышек».

Грант подчеркнул слово «опрашивать» и поста-

вил рядом вопросительный знак.

«Так и есть, — заверил Джастин. — Сам Деннис посулил. Именно опросы, а не допросы». А затем добавил: «Они смекнули, что у меня проблема с обучающими лентами. Мне страшно. Боюсь, они решились на голосовое воздействие. Если так, я погиб. Завалю Петросу проверку, что еще хуже. Очень долго я старался думать, будто вспышки всего лишь травма. Теперь подозреваю, что налицо плохо поставленный блок, но поставленный намеренно. Возможно, я нужен им именно таким».

Нахмурясь, Грант пробежал глазами написанное. После чего решительно застрочил по доске. Затем стер все и начал писать заново. И снова стер и застрочил. Наконец Джастин прочел короткое: «Думаю, блок не преднамеренный. Думаю, ты перенес слишком много допросов».

Джастин ответил: «В таком случае какого черта мы занимаемся конспирацией в собственной квартире?» И трижды все подчеркнул.

Грант отреагировал легким поднятием бровей. И сообщил: «Потому что возможно все. Но я сомневаюсь, что блок поставили специально. Это повреждение. Явился Жиро и принялся задавать вопросы, увенчав тем самым вмешательство Ари-

аны, но не закончил. Разве этого недостаточно? Все, что ни сделала бы Ари, должно быть основательным и в то же время тонким. Вмешательство можно осуществлять одной-единственной фразой. Мы это знаем. А Жиро влез и все спутал».

Прочтя написанное, Джастин ощутил, что ему еще больше не по себе. Пожевав стилос, юноша начертал: «Жиро просматривал пленки. И знал, что она творила. Возможно, Жиро работает с военными психошаблонами куда интенсивнее, чем мы знаем. И это тоже не добавляет мне уверенности. Они же присудили ему статус Особого. Скорее, по политическим соображениям, чем за талант. Остается только гадать, что он со мной сделал. Или что сделал Петрос».

Грант нахмурился и просигналил: «Не верю, что виноват Петрос. Жиро — еще куда ни шло. Но Петрос слишком независим».

Джастин заметил: «Ему тоже не верю. И появиться на его «опросах» мне придется. Чего доброго, отстранят от работы! Объявят неустойчивым, лишат альфа-лицензии. Переведут тебя. Словом, вся чертовщина начнется сначала».

Схватив доску, Грант, хмурясь еще сильнее, возразил: «Ты — производная Джордана. Если одновременно с осуществлением ими проекта

«Рубин» ты без психогенной обучающей ленты обнаружишь талант, соизмеримый с талантом Джордана, ты вправе поставить результаты под сомнение. Не забудь и обо мне; вспомни, что Ари воссоздала меня от Особого. Мы вместе — возможные рычаги для давления на проект. Не потому ли мы понадобились Ари? И не потому ли мы так неугодны Жиро?»

Догадка оказалась для Джастина подобна сокрушительному удару. «Понятия не имею», — признался он.

Грант напирал: «Деннис и Жиро ведут проект без всякого контроля — исключая разве что самого Рубина, и кто знает, насколько честными будут результаты. Мы им — бельмо на глазу. Ари никогда не работала бы так, как они. Она всегда делала контрольные пробы, насколько это возможно при работе с человеческой психикой. Думаю, для этого ей были нужны мы оба».

Джастин в долгу не остался: «Деннис клянется и божится, что проект реален. Но каждый этап для него — истинная опасность».

Грант ответил: «Проект реален, если оправдает ожидания. Как ты всегда говорил: они не планируют обнародовать данные, если те окажутся ложными. Ресион никогда ничего не обнаро-

дует. Ресион превращает свои достижения в деньги. Если Ресион снова получит Ари, — Ари, способную руководить исследованиями, — разве согласятся они предать огласке связанную с нею информацию? Нет. Ресиону достанутся солидные контракты с военными. И большая власть, власть секретности, много денег — но Ресион станет управлять действом и захватывать все больше и больше власти. Ресион никогда не опубликует свои открытия. Ресион будет выполнять заключенные с военными контракты и получать все, что угодно, пока будет обещать Комитету по обороне воскрешать отдельных людей — что без соответствующей документации (типа той, что хранится под горой) не под силу даже Ресиону. На это уйдут годы. Жизни поколений. А пока Ресион станет выполнять прочие поручения военных, но в основном работать на себя. Я правильно улавливаю ход мыслей урожденных людей?»

Джастин прочел и кивнул, чувствуя себя все отвратительнее.

Грант добавил: «Вы, КВ, очень странные. Возможно, все из-за моделирования ваших психошаблонов — их венчает логика. Мы же знаем, что наши базовые социальные прослойки совершенно здоровы. Пристало ли мне судить о своих

творцах?»

11

Опустившись на край кровати, Джейн отбросила волосы в сторону, когда Олли коснулся губами ее затылка.

Дитя, слава Богу, уснуло; в битве умов наградой Нелли стала спокойная ночь.

Ари неистовствовала весь день, желая вернуться к Валери и играм.

Пора было внести коррективы. Как и предсказывала Джейн, Валери превратился в серьезную проблему. Настала пора подобрать девочке другого товарища. У нее никогда не было только одного друга.

Что за наказание эти дети!

Олли обнял ее и прижал к себе. А потом спросил:

— Что-то не так?

— Олли, голубчик, отвлеки меня хоть чем-нибудь! Сегодня мне совсем не хочется размышлять.

«Проклятие! — мысленно выругала себя госпожа Штрассен. — Я даже начинаю думать, как Ольга».

Рука Олли скользнула ниже; ази поцеловал

женщину в плечо.

— Давай, Олли, не стесняйся! У меня самое кровожадное настроение.

Наконец до Олли дошло. Повалив женщину на кровать, ази принялся действовать так, как представлял себе «отвлечение» — заломил подруге руки, не желая испытать на себе остроту ее ногтей.

Олли повел себя чертовски правильно. Как и большинство учащихся ази, он был просто великолепен, а Джейн нарочно подыгрывала, не собираясь отдаваться без боя. Именно этот бой и загорелся выиграть Олли; все было заранее рассчитано и спланировано, дабы вовремя дать нужный эффект.

Именно эффект. Джейн охнула и после небольшого сопротивления сдалась на милость победителя. И подумала, что Олли всегда больше думал о ней, нежели о себе. У Джейн было не меньше дюжины любовников из числа КВ, но, как ни странно, больше всех ей нравился Олли. Скажи она Олли об этом, он ни за что не поверил бы.

— Я тебя люблю, — прошептала Джейн на ухо ази, когда он, положив голову ей на плечо, задремал. После чего взъерошила пятерней его влажную от пота шевелюру, и Олли взглянул

на подругу озадаченно и польщенно. — Олли, я серьезно.

— Госпожа, — бросил он. И тотчас умолк, будто она спустя столько лет потеряла рассудок. Олли устал. А Джейн не спалось. И она знала: даже если глаза у ази слипались, он должен был бодрствовать, поддерживая разговор. Поэтому женщина не боялась лишиться внимания любовника.

— Вот и все, — молвила она. — Я просто хотела сказать тебе об этом.

— Спасибо, — откликнулся Олли, не шевелясь. Хотя вид у ази был озадаченный — он наверняка усматривал за этими словами скрытый смысл.

— Больше ничего, — заверила госпожа Штрассен, массируя любовнику плечо. — Признайся, тебе когда-нибудь хотелось стать КВ? Пройти последнюю обучающую ленту? Выбраться отсюда?

— Нет, — отозвался ази — ему явно расхотелось спать. Дыхание Олли участилось. — Правда, нет. Я не хочу. Я не могу покинуть вас.

— Мог бы. Обучающая лента в два счета все устроила бы.

— Мне это не нужно. Честное слово. Лента не сумела бы внушить мне желание уйти отсюда. И не просите меня пройти ее.

— Не стану. И никто не станет. Я просто полю-

бопытствовала, вот и все. Стало быть, тебе не хочется уходить отсюда. Но если уйти придется мне?

— Я уйду с вами.

— Неужели?

— Куда мы отправимся?

— Улетим на Фаргону. Возможно, даже надолго. Но мне действительно необходимо удостовериться, что с тобой все в порядке. Ибо я в самом деле влюблена в тебя. Я люблю тебя больше всех. Я даже готова оставить тебя здесь, если ты этого хочешь, или забрать с собой, или выполнить любое твое желание. За столько лет ты заслужил это. Хочу, чтобы ты чувствовал себя счастливым.

Олли даже приподнялся на локте, мучительно подыскивая подходящий ответ — мгновенный и поверхностный, какие и подобает давать ази. Но Джейн нетерпеливым взмахом руки дала понять, что не нуждается в ответе. И закрыла ему рот ладонью.

— Нет, лучше послушай меня. Я старею, и я не бессмертна. А они до смерти боятся, что я не выпущу Ари из-под контроля, когда придет срок… А он подходит, Олли, подходит. Остается всего два года. Господи, как летит время! Иногда мне хочется задушить ее собственными руками, а

иногда мне жалко ее до слез. Именно это им и не нужно. Они боятся, что я нарушу правила, на которых все зиждется. Они — Жиро с Деннисом, чтоб им провалиться! — решили, что девочка слишком привязалась к тебе. И хотят положить конец этой привязанности. Добиваются, чтобы ты прекратил общаться с нею. От тебя требуется только холодное и критическое отношение к Ари. Таково предписание. Иногда мне кажется, что они искренне желают, чтобы хлопнулась замертво — как уже когда-то случилось и как предусматривает сценарий. Сегодня у меня был разговор с Жиро… — Женщина тяжело вздохнула, и под глазом у нее задергалась жилка; сердце сжалось. — Мне предложили пост директора «Ресион-спейса» на Фаргоне. Проект «Рубин» и все такое прочее.

— И ты согласилась? — наконец спросил Олли, когда молчание чрезмерно затянулось, а женщина по-прежнему не могла отдышаться.

Госпожа Штрассен кивнула, закусила губу, но сумела взять себя в руки:

— Согласилась. Жиро все щебетал: «Ах, тебе только придется перебраться в первый корпус, когда ей исполнится семь». Он болтал, а я развесила уши! Теперь они забеспокоились и хотят

сплавить меня подальше. Жиро еще говорит: «Этого мало. Когда Ари было семь лет, Ольга умерла. Твое пребывание в первом корпусе будет означать просто уход из ее жизни — а нам нужно максимально приблизить обстоятельства к естественным». Черт бы их побрал! В общем, так мне и предложили пост директора. Сняли Морли, посадили меня на его место, вот и все».

— Но ты всегда говорила, что хочешь вернуться в космос.

Женщина снова принялась вздыхать. И тихо сказала:

— Да, хотела. Многие годы мечтала. А потом вдруг обнаружила, что состарилась. А когда мне предложили новое назначение, поняла, что уже никуда не хочу. Для прожженной космической путешественницы вроде меня это ужасное открытие. Я состарилась на земле, и все, что я познала, что мне близко, — здесь, и я не хочу это терять. Вот так… — Снова тяжелый вздох. — Но не так, как придется поступить мне. Мне могут дать повышение. Или отправить на пенсию. Черта с два я уйду на пенсию! Вот чем чревата упорная работа вкупе с отсутствием интереса к власти. Выскочка Жиро может запросто вышвырнуть меня. Все к тому и идет. Чтоб ему сдохнуть! Потому

я и отправляюсь на Фаргону. И начну все с начала — уже с другой Особой; займусь медицинскими проблемами. Черт возьми, Олли — прежде чем оказать кому-нибудь услугу, подумай, что они мегут сотворить с тобой.

Олли погладил ее по волосам. И провел ладонью по плечу. Джейн знала: сердце Оалли обливается кровью от жалости к ней, ибо она, как-никак, его Старшая. А когда объект поклонения в опасности…

— Ни за что не допущу, чтобы ты угодил в передрягу. Подумай, что может случиться, если ты выберешься отсюда. Я умру в постели с тобой, учти и это; и вот, пожалуйста, ты остаешься один, до ближайшего островка цивилизации — двадцать световых лет. Разве тому, чей выбор еще более ограничен, чем мой, пристало привередничать? А? Загонять тебя в угол я не собираюсь. Если есть желание остаться в Ресионе, оставайся — я добьюсь, чтобы тебя перепрограммировали в КВ, и живи спокойно, наслаждайся достижениями цивилизации, не опасаясь учебных тренировок, кейса, пирогов с рыбой и коридоров, где люди разгуливают по потолку…

— Джейн, а если я скажу, что хочу улететь, что ты ответишь? Скажешь «глупый ази не знает,

чего хочет»? Знаю наперед. Неужели я позволю тебе улететь с каким-нибудь ази-чужаком?

— Мне уже сто с лишним лет…

— Плевать! Мне все равно. Не делай нас обоих несчастными. И не играй мною. Ты хочешь услышать от меня, что я хочу быть с тобой. Да, это так. Но излагать мне все таким вот образом — некрасиво. Я все прекрасно понимаю: «Черт возьми, Олли, я оставляю тебя, я…» Не желаю выслушивать это целых два года. Не желаю даже думать об этом.

Олли невозможно было огорчить. Таков уж он был, Олли. Наконец Джейн окончательно это поняла; вытянув руку, она погладила любовника по щеке.

— Не буду, — заверила она. — Не буду. Господи, как все непросто! Будь проклят Жиро с его проектом! Олли, они ведь хотят, чтобы ты после этого вообще не подходил к Ари…

Лицо ази исказилось:

— Стало быть, обвиняют меня.

— Речь не о виновности. Они видят, что девочка привязалась к тебе. Все проклятая обучающая лента. Они хотели вывести тебя из игры сразу, а я послала их к черту. Пригрозила, что сорву программу, что расскажу все Ари. А они ведь шагают

по узкой дорожке — по очень узкой дорожке. Они это понимают, а потому загодя приготовили контрпредложение. Вообразили, будто я тут же на него клюну. И присовокупили угрозу — дескать, если не соглашусь, отправят на пенсию. Что мне оставалось? Пришлось согласиться на пост директора. Спасусь и заодно спасу тебя. Мне не следует огорчаться.

— Прости, если все из-за меня.

— Черт, при чем здесь ты? Я тоже ни при чем. Никто не виноват. Ольга и пальцем не трогала девочку. И слава Богу. Но мое терпение не безгранично, Олли. Я уже начинаю терять его.

— Не плачь, не могу смотреть.

— Я и не собираюсь. Заткнись. И отвернись. Теперь моя очередь. Ты не против?..

12

— Разумеется, нет, — бросил он сидевшему по другую сторону стола Петросу; планшет для записей все строчил, и Джастин знал, что включена также система анализа голосового тембра — возможно, именно этот анализ и отражался на небольшом мониторе, куда то и дело посматривал Петрос. Время от времени врач отрывал взгляд от монитора и плутовато улыбался собеседнику.

— Ты оказался вовлечен в близкие отношения с коллегой, — произнес Иванов. — Неужели до сих пор не ощущаешь неприятных предчувствий из-за этого? А ведь ты прекрасно осведомлен, что в подобных обстоятельствах ази не может постоять за себя.

— Действительно, я думал над этим. И говорил с Грантом. Но ведь мы воспитаны в этой среде, не так ли? Принимая по разным причинам, — думаю, вы понимаете, о чем я — у нас обоих есть проблемы, выделяющие нас из коллектива. Оба мы, скажем так, нуждаемся в поддержке…

— Опиши эти проблемы.

— Ах, Петрос, полно! Мы оба знаем, что не стоим

на вершине социальной пирамиды. Я о поветрии под названием «политика» — думаю, нет необходимости описывать вам его симптомы.

— Тебе одиноко.

Джастин рассмеялся:

— Боже, вы были на вечеринке? Мне показалось, что были.

— Да, разумеется, — бросил Иванов, снова глядя на монитор. — Был. Славная девчушка. А что скажешь ты?

Уоррик-младший вскинул взгляд и, сполна оценив суровый юмор доктора, хохотнул:

— Думаю, она — маленькая непоседа. Что еще можно сказать о ребенке? — И снова улыбнулся, перехватив взгляд собеседника: — Хорошо хоть, что я не в состоянии забеременеть! Забрали бы потом у меня ребенка для своих экспериментов. Крутили бы ему день и ночь обучающие ленты. Ну, что говорит анализ моего голоса?

— Волнение наблюдается, но приемлемое.

— Так я и думал. Конечно, вы пытаетесь заставить меня как-то отреагировать, но нужно ли вести себя совсем неестественно?

— Неестественным ты считаешь ребенка.

— Я нахожу ее очаровательной. Но считаю неестественным ее положение. Хотя вашей этике

оно, конечно же, не противоречит. Я не собираюсь делать резких движений — из-за меня на мушке держат отца. Такова моя этика. По-вашему, я лгу?

Петрос не улыбался — он уставился в экран. А потом отрывисто бросил:

— Прекрасно. Прекрасная реакция.

— Наверняка.

— Раздражен до черта, не так ли? А что ты думаешь насчет Жиро?

— Люблю его, как отца родного. Как сравнение — истинно или ложно?

— Не советую шутить с нами — ты можешь только навредить себе.

— Отметьте, что я угрожал объекту.

— Считаю, это не то, что имелось в виду. Но намерен настоять, чтобы тебе провели курс терапии. Ага, сердечко забилось!

— Конечно, вы этого давно добиваетесь. Ну и ладно — пройду ваш курс, в вашем же отделе. Но только при условии, что меня будет сопровождать мой ази.

— Необычная просьба.

— Послушайте, Петрос, я и так прошел здесь все круги ада. Вы хотите свести меня с ума или обеспечить приемлемую защиту? Даже непрофессионал вправе проверить психопроцедуру

по требованию пациента. А мне нужно мнение другого специалиста. Вот и все. Исполните мою просьбу — и необходимость приводить меня под конвоем просто не возникнет. Я вам больше не запуганный ребенок. Знаю, когда имею право официально жаловаться — если только вы не вздумаете посадить меня под замок или вообще сделать так, чтобы я исчез. Кстати, это, наверное, не самая подходящая тирада для записи на пленку, да?

— Я сделаю нечто более уместное в данном случае. — Иванов щелкнул парой переключателей; монитор погас и отъехал в сторону. — Дам тебе обучающую ленту, и ты прокрутишь ее дома. Мне только нужно твое обещание, что ты действительно ее прокрутишь.

— Сейчас вы здорово удивитесь. Жаль, что отключили монитор.

— Ты напуган и потому утратил здравый смысл, — заметил Петрос. — Но я тебя не виню. Хороший контроль над голосом, но чрезмерно учащенный пульс. Наверное, сам довел себя до такого состояния? Могу распорядиться провести анализ крови. Или ограничимся словесным вмешательством? Грант в состоянии подготовить тебя?

— Я еще должен подписать официальное согласие.

Положив локти на стол, Петрос протяжно вздохнул:

— Джастин, не стоит впутываться в неприятности. Это не для протокола. И получение права на телефонную связь с Джорданом будет отложено на неопределенное время.

— Естественно, — отозвался Джастин, но разочарование превратилось в застрявший в горле ком. — Я догадывался. Все равно ведь это игра. Так я и поверил Деннису! Я-то знал, как все будет.

— Деннис здесь ни при чем. Такое решение вынесла армейская служба безопасности. Деннис же собирается представить им документы, свидетельствующие как раз в твою пользу. От тебя требуется только кратковременное сотрудничество. Кривлянием же делу не поможешь. В общем, ты понял, о чем я — не навлекай на себя неприятностей. И будешь по-прежнему получать письма. — Петрос снова вздохнул, и лицо у него вдруг сделалось скорбным. — Мне выпал случай увидеться с Джорданом. Что ему передать?

— Что с ним собираются сделать?

— Ничего, честное слово, ничего. Успокойся. Я отправляюсь проверить кое-какое оборудование.

И проконтролировать работу своих техников. Просто решил оказать тебе мелкую услугу. Дай, думаю, порадую парня! Собираюсь передать твою фотографию — Джордан наверняка это оценит. И привезу тебе другое фото — во всяком случае, попытаюсь.

— Конечно!

— Нет, правда. Ради его — да и ради твоего блага. Я ведь дружил с ним.

— Просто диву даешься, сколько у отца друзей!

— Не смею спорить. Черкнешь ему письмецо?

— Просто скажите, что я люблю его. Что еще останется вне внимания цензоров?

— Я скажу ему все, что смогу. Это опять же не для протокола. Все-таки я работаю здесь. Кто-нибудь может наломать дров. Сам подумай над моими словами. Отправляйся домой. Или займись работой. Но не забудь взять со столика обучающую ленту.

Покинув кабинет доктора, Джастин направился восвояси, снова выбрав маршрут по улице. По дороге он помахивал полученными от Петроса обучающей лентой и рецептом. Юноша не был уверен, выиграл или проиграл эту схватку, обеспечил себе хоть какие-нибудь позиции или, наоборот, утратил часть своих.

Но узнать об этом ему довелось только многие годы спустя.

«Пособие по производству», аудиозапись.

Обучающая лента по генетике № 1.

«Интервью с Арианой Эмори, часть первая»

«Ресионские общеобразовательные публикации», 8970-8768-1.

Одобрено для 80+

К: Доктор Эмори, позвольте поблагодарить вас за любезность, с какой вы согласились ответить на несколько откровенных вопросов по поводу вашей работы.

А: Это мне следует благодарить вас за такую возможность. Пожалуйста, продолжайте!

К: Ваши родители основали Ресион. Это общеизвестно. Вы в курсе, что кое-кто из биографов величает вас архитектором Союза?

А: Слышала, что такое вменяют мне в вину (легкий смех). Думаю, для начала им лучше дождаться моей смерти.

К: Стало быть, вы отрицаете свое личное влияние — как политическое, так и научное?

А: Меня можно величать таким титулом не более, чем Бок. Наука — не политика Наука в состоянии опосредовать политику. Времени так

мало! Позволите мне высказать собственное замечание — которое, кстати, даст ответы на некоторые из подготовленных вами вопросов?

К: Разумеется, сделайте одолжение!

А: Человечество, расселившееся с Земли, на начальном этапе представляло собою избранный генофонд. Мы проходили сквозь сита экономики, политики, даже через сито просто пригодности или непригодности для жизни в космосе. Первую волну, достигшую Дальних Звезд, составляли преимущественно колонисты и экипажи кораблей, тщательно отобранные на станции Сол, причем признанные негодными отбраковывались; к звездам посылали самых одаренных, отборных людей — так, кажется, принято было выражаться в то время. К тому времени, как волна докатилась до Пеллы, генофонд несколько расширился, но не все его носители представляли станцию Сол, тем более Землю — один из больших притоков переселенцев пришелся на момент, когда власти на Земле начали активно заниматься политикой, а основавшая Союз волна положила конец Восточному блоку, как тогда было принято выражаться. На том конечном этапе генофонд получил солидные шансы на расширение — это уже потом эмбарго землян надолго приостановило экспорт

генетического материала.

Сайтин представлял собою сито из сит — в том смысле, что если и существовало искусственно отобранное «идеальное население», то именно на Сайтине, где оказались представлены в основном выходцы из Восточного блока: по большей части ученые, и — в крайне малой тогда пропорции — представители торгового сословия и, скажем так, «опылители» из числа коммерсантов. Сложилась опасная ситуация. Оттуда и берет свое начало Ресион. Вот для чего создавался комплекс. Люди думают о Ресионе и ази. Ази служили лишь средством достижения конечной цели, и в один прекрасный день, когда численность населения, говоря техническим языком, достигла бы уровня позитивного технического воспроизводства — то есть когда потребление сумело бы обеспечить существование массового производства — необходимость разводить в данных районах ази отпала бы сама собой.

Но пока ази выполняют иную функцию. Они служат хранилищем всех известных нам врожденных свойств. Разумеется, мы взяли за правило отбраковывать откровенно вредные гены. Но небольшие генофонды имеют и негативную сторону — вне зависимости от тщательности отбора

наблюдается отсутствие способности быстро восстанавливать физические и душевные силы, отсутствие адекватной реакции на окружающий мир. Расширение ареала обитания абсолютно необходимо для предотвращения концентрации изначально ограниченного генофонда в центре Союза. Я говорю вовсе не о евгенике, а о диаспоре, рассеянии. Речь идет о необходимости рассредоточения генетической информации в том же смысле, как наблюдалось в древности на Земле. А времени у нас в обрез.

К: Почему же — в обрез?

А: Потому что рост населения происходит экспоненциально, население заполняет свою экосистему — будь то планета или станция — в относительно короткий промежуток времени. Если население несет в себе недостаточную генетическую информацию, то оно, в особенности при более высокой, чем на периферии системы, плотности — мы, конечно, говорим о Сайтине — даже находясь в культурном центре Союза, что является дополнительным измерением, недоступным низшим жизненным формам, но чрезвычайно важным, когда речь заходит о способности живых существ формировать собственные системы, во всех смыслах, — так

вот, если такая община, являя собою грозную силу, несет в себе недостаточную генетическую информацию, то она навлечет на себя беду и столкнется с необходимостью делать радикальный выбор как культурного, так и генетического характера. Рассредоточившись по космосу после предварительно проведенного отбора, человечество, значительно снизив плотность населения, рискует через относительно небольшое число поколений оказаться лицом к лицу с эволюционной катастрофой; будут наблюдаться либо чрезмерные отклонения, при которых люди утратят способность переносить жизненные тяготы, либо отклонения, грозящие перерасти в генетический кризис с иным, непредсказуемым исходом — определенно, могут появиться новые особи типа «genus homo», которые, с большой долей вероятности, будут тупиком генетики и трагедией политики. Никогда не следует забывать, что мы — не просто стадные животные, мы еще и политически мыслящие животные и способны бросать вызов самим себе.

К: То есть воевать.

А: Или хищничество. Да, хищничество. Нельзя забывать и о нем. Рассеяние совершенно необходимо, однако так же необходимы разнообразные

генофонды, расположенные в изолированных друг от друга очагах, образующихся в конечном итоге. Именно по этой причине создавались и продолжают создаваться ази. Они — переносчики упомянутого разнообразия, и факт, что ази стали объектом конкретных экономических интересов, вполне объясним, хотя и кажется противоестественным лично мне и всему, с чем ассоциируется Ресион. История может обвинить меня во многих неблаговидных поступках, но мне глубоко небезразлична дальнейшая судьба ази, и я приложила немалые усилия для того, чтобы обеспечить им юридическую защиту. Мы производим ази тета не потому, что нуждаемся в дешевом труде. Мы производим тета, так как они — важная и необходимая часть альтернативы человека. К примеру, исключительная координация зрения и движений наблюдается у ThR-23. Их психошаблон позволяет действовать в условиях, в каких обычный КВ гарантированно не выдержит. Они выносливы до того, что вызывают у меня неподдельный восторг, и я рекомендую на случай, если судьба вдруг забросит вас куда-нибудь в сайтинскую глушь, обзавестись спутником-ази из числа ThR, который выживет, дабы обессмертить свой тип, даже если вам пове-

зет меньше. Вот вам генетическая альтернатива в действии.

Когда-нибудь ази исчезнет. Цель, с которой они создаются, будет достигнута — а заключается она в росте и размножении, а также в восполнении пробелов в развитии человека, в ходе достижения максимальной теоретически плотности населения — носителя исходного генофонда, поскольку генофонд должен расширяться для собственного же дальнейшего благополучия, собственной здравости.

Повторяю: ази — генетическая альтернатива. Они — вектор изменения и адаптации к величайшему испытанию, какому когда-либо подвергалось человечество. Они такие, какие есть, ибо время, в течение которого достигается поставленная цель, предельно ограничено. Ресион не препятствовал возведению дополнительных лабораторий просто потому, что его интересы носят в основном научный характер, и потому, что задача поддержания стимула к распространению требует обширных производственных и образовательных ресурсов. Но Ресион никогда не отказывался от своей роли в создании и селекции новых генотипов: никакая другая лаборатория не обладает правом вырабатывать

генетический материал.

Пока вы терпеливо слушаете, позвольте выделить два основных обстоятельства: первое — Ресион настаивает на полной интеграции всех генотипов ази, достигших статуса первого класса, в человеческое общество на всех территориях Союза. Говоря практическим языком, ази идеальны в качестве первооткрывателей одного поколения: основная их задача будет заключаться не в обычном труде, а в освоении новых территорий, их колонизации, налаживании нормальных условий существования и производстве потомства, способного войти в гражданский генофонд в количествах, гарантирующих генетическое разнообразие. Единственные виды ази, разведение которых целесообразно, это те, что в случае военной и иной острой необходимости используются в качестве замены обычным людям для обеспечения национальных интересов, а также те, которые входят в классификацию работников «критических» отраслей хозяйства, и те, кого производят для исследовательских целей в имеющих лицензии лабораториях.

Во-вторых, Ресион станет препятствовать любым попыткам узаконить положение ази как необходимости экономического характера. Ро-

дильные палаты, где появляются ази, ни в коем случае не должны функционировать как прибыльные инкубаторы на постоянной основе. Такая цель никогда не ставилась.

К: То есть вы хотите сказать, что имеете общие с изоляционистами интересы?

А: Совершенно верно. Общие интересы у нас всегда были.

ГЛАВА 5

1

Флориан бежал по тротуару, перпендикулярному линии бараков третьего сектора; при виде шедшей навстречу группы взрослых мальчик вспомнил правила вежливости и, остановившись, отошел в сторону, тяжело переводя дух, после чего приветствовал встречных легким поклоном, на что те ответили едва заметными кивками. Поскольку были старше. И поскольку Флориану было шесть лет, а еще потому, что для малыша в таком возрасте вполне естественно передвигаться бегом, как для взрослых — думать о серьезных делах.

Но на сей раз дело было и у Флориана. Он только-только завершил курс обучения по обучающей ленте. И получил Назначение — настоящее, постоянное. Такое случилось в его жизни впервые, и одна мысль о Назначении приводила ребенка в трепет; он настолько разволновался, что дважды упрашивал Наставницу отпустить его заняться «делом», а не посылать в фонозал, куда Флориану полагалось отправляться после программирования.

— Как, — молвила Наставница с улыбкой, при-

чем один глаз ее подергивался (верный признак готовности удовлетворить просьбу), — не хочешь в фонозал? Но ведь и работа, и фонотека важны одинаково.

— Но я уже был в фонотеке, — взмолился Флориан. — Пожалуйста, отпустите!

И тогда Наставница сунула ему записку, а потом еще одну — фонотабель — как она выразилась, «на потом», но пока ее требовалось предъявить Наставнику по работе. И еще Наставница вытянула руки. Дальнейшие действия подсказал Флориану вымуштрованный мозг: обнять Наставницу, ибо она превосходная Наставница; не бежать по коридору, а идти шагом — идти, идти, идти до самой двери, затем — по тротуару до дороги и вниз по склону холма, а потом бегом, очертя голову.

Бегал Флориан быстро не только оттого, что был альфа, умным, но и потому, что умел хорошо бегать.

Дальше путь юного ази лежал через проход между 4 и 5 секторами бараков, через дорогу, и перетек в короткий бросок (дабы кратчайшим путем добраться до тропинки, ведущей к зданию сельхозсектора). Наконец Флориан, почувствовав колотье в боку, сбавил скорость; малыш надеялся,

что все сложится привычным образом и Старшины, занимавшиеся маленькими мальчиками, в следующем месяце припишут его к спальному месту где-нибудь поближе к сельхозсектору: до барачного сектора 104 было далековато.

Работающие Старшины всегда имели преимущественное право на ближние спальные места. Так сказал Флориану Старшина-каппа: он будто бы всегда сохранял за собою место в одном и том же барачном секторе.

Отдышавшись, мальчик зашагал к СХ-100. Ему уже приходилось бывать в этих местах. И потому он уже видел вольеры. Здешний запах нравился Флориану. То был настоящий запах сельхозсектора, и этим все сказано.

Судя по фасаду, цель похода Флориана размещалась именно здесь. Все было выкрашено в белый цвет, и, разумеется, имелась герметичная дверь. Все это Флориан уже знал из пройденного курса. Подойдя к двери, юный ази надавил на ручку и переступил порог, тотчас оказавшись в приемной; сбоку виднелась стойка, к которой требовалось подойти.

В последнее время мальчик мог даже прислоняться к стойке — но только слегка, ибо не дорос до других ази. Правда, Флориан не был самым

низкорослым. Паренек терпеливо ждал, пока Сотрудница завершит свои дела и уделит ему внимание.

— Я — Флориан AF-9979, — отрапортовал он, протягивая красную записку. — Я получил Назначение сюда.

Учтиво кивнув, девушка взяла записку. Мальчик напряженно застыл, облизывая пересохшие губы и не смея шелохнуться, пока Сотрудница вставляла записку в считывающее устройство.

— Все верно, — наконец сообщила девушка. — Вы разбираетесь в здешних цветах?

— Да, — без колебаний выпалил Флориан.

И не стал задавать вопросы — она, как-никак, была Сотрудницей, занятой собственной Работой, да и сама наверняка так ответила бы. Даже если что-то оставалось непонятным, следовало дождаться, пока Сотрудница освободится, и лишь тогда спрашивать. Только так можно было помочь людям избежать ошибок. И избежать Промахов со своей стороны. Кто-кто, а Флориан знал это назубок.

Пальцы девушки проворно забегали по клавиатуре; она что-то напечатала, после чего машина выплюнула карточку, к которой присовокупила крохотный кусочек пластика. Флориан внима-

тельно наблюдал за всем, млея от волнения, ибо знал: кусочек пластика — не что иное, как магнитная карточка, и она наверняка предназначалась для него, поскольку Сотрудница занималась его Делом.

Наконец девушка положила документы перед юным ази и наклонилась, дабы прояснить оставшиеся детали; Флориан приподнялся на цыпочки и беспрестанно вертел головой, когда ему указывали в ту или иную сторону, сопровождая все подробными пояснениями.

— Здесь указано ваше имя. А это — ваш цвет. Вот магнитная карточка, пристегнете ее к карману. Во что бы вы ни переодевались, карточка всегда должна быть пристегнута к карману. Это очень важно. Если потеряете — немедленно обращайтесь к нам.

— Ясно, — молвил Флориан. Объяснения Сотрудницы совпадали с тем, что внушала обучающая лента.

— Вопросы есть?

— Нет, спасибо.

— Спасибо вам, Флориан.

Легкий поклон. Поворот, шаг к двери, выход на дорожку, теперь все внимание — на угол здания, где висит цветовая карта; впрочем, Флориан смог

прочесть слова на карточке и здании самостоятельно.

Теперь дальше, но только шагом. Ведь он теперь занят Делом. Его цвет — синий; внутри синего контура — белый, а в нем, в свою очередь, — зеленый. А потому Флориан направился в сторону синей зоны и шел до расположенной внутри нее белой подзоны. Обозначения безошибочно подсказывали дорогу. Флориан волновался все сильнее, смекнув, что начались ряды вольеров. Наконец на перекрестке посыпанных гравием дорожек показался зеленый щит; сообразуясь с обозначенной на щите схемой, мальчик добрался до выкрашенного в зеленый цвет здания, на котором имелось обозначение — «СХ-899». Флориан окончательно убедился в том, что не ошибся.

Сбоку здание походило на склад. Флориан обратился к работавшему здесь ази с вопросом, где найти Наставника, и ази указал на дюжего лысого мужчину, оживленно беседовавшего с кем-то за дверью. Флориан прошел в указанном направлении и скромно остановился в сторонке, дожидаясь, пока Наставник освободится.

— Флориан, — молвил Наставник, мельком глянув на карточку, — так-так. — После чего осмотрел его с головы до ног и позвал ази по име-

ни Энди, который должен был ввести Флориана в курс дела.

Но Флориан и так все знал, ибо прокрутил соответствующую обучающую ленту. От него требовалось кормить цыплят, менять им воду и замерять температуру в инкубаторе и в боксе для маленьких поросят. Мальчик сознавал, насколько ответственную работу ему поручили.

— Ты очень молод, — заметил Энди, — но вроде все понимаешь.

— Да, — подтвердил Флориан, ибо придерживался того же мнения. А потому Энди позволил новому коллеге продемонстрировать свою подготовленность к работе: юный ази рассказывал, сколько корма должен задавать птице, какие отметки делать в журнале наблюдения, с какой периодичностью менять воду и как вести себя, дабы не испугать цыплят, чтобы те, чего доброго, не передавили друг друга. Мальчику нравилось наблюдать за цыплятами, напоминавшими желтую пушистую волну, перекатывавшуюся туда-сюда; нравилось возиться с задорно визжавшими поросятами. Но поросятам нельзя было давать волю: улучив момент, они могли собраться вокруг человека и сбить его с ног. Потому-то к ним всегда нужно было входить с палкой.

Флориан старался изо всех сил, и Энди не мог нахвалиться на нового работника, отчего мальчик чувствовал себя счастливым, как никогда.

Юный ази носил ведра, выливал из поилок несвежую воду, и как-то Энди позволил ему взять на руки поросенка, поскольку за остальными мог присмотреть и сам. Свинка отчаянно барахталась, вырывалась и визжала, то и дело ударяя мальчика крошечными копытцами, и в конце концов сумела освободиться. Флориан веселился от души, все это время пытаясь защититься от ударов перепуганного поросенка; хохотал и Энди — он даже обмолвился, что позже научит помощника обращаться с поросятами правильно.

И тем не менее все было прекрасно. В руках Флориана билось живое, теплое существо, хотя он знал, что свиней разводят для еды и для производства других свиней и потому никогда не следовало забывать об этом и думать о свиньях, как о людях.

Отряхнувшись, Флориан, чтобы отдышаться, прислонился к несущему брусу забора, начинавшегося у стены сарая.

Случайно заглянув в какой-то вольер, Флориан увидел странное животное. Ничего подобного он еще не встречал; зверь был настолько грациозен,

что юный ази застыл, разинув рот и широко раскрыв глаза. Невиданное существо было гнедой масти, точно корова, но шкура лоснилась; особенно бросались в глаза длинные крепкие ноги, двигавшиеся не так, как у известных Флориану животных. Мальчик даже подумал, что животное не просто ходило, а шагало. Походка у зверя была такой, как если бы он не просто передвигался, а играл сам с собою в какую-то игру.

— Кто это? — пробормотал Флориан, заслышав шаги Энди. — Что это за существо?

— СХОЗ-894Х, — пояснил Энди. — Называется лошадь. У нас на планете никогда еще не жили лошади. Эта — первая.

2

Ари очень нравилось ходить в игровую школу Каждый день детей там выводили на улицу, так что можно было всласть повозиться в песочнице. Особенно по душе ей была возможность расхаживать по песку босиком и строить в песочнице дороги. По этим дорогам Томми, Эми, Сэм или Рене пускали потом грузовички. Иногда ребята представляли, будто автомобили в пути застигла буря, и тогда игрушечные рабочие-спасатели пробивались на выручку автоколоннам. Иногда вместо бурь на дороги обрушивались воображаемые платитеры, разрушавшие покрытие, — и дети самозабвенно восстанавливали уничтоженное платитерами. Такие игры затевал обычно Сэм; его мама работала инженером, и потому Сэм знал о платитерах едва ли не все. Ариана тоже обращалась к своей матери, изредка проверяя достоверность слов Сэма, и мама все подтверждала. Еще бы: мамочка своими глазами видела платитер — громадных, точно диван из гостиной. А на западе, добавляла мама, водились и более крупные платитеры, размером с грузовик. Та же, которую изображали дети, была среднего разме-

ра, зато отвратительная. Ари очень нравилось исполнять в играх роль платитеры — ведь тогда можно было крушить дороги и стены, подкапываться под песочные замки, которые потрясающе красиво обрушивались.

Хватая игрушечную платитеру, юная Эмори самозабвенно подводила ее под очередное сооружение, поднимая тучи песку, летевшего во все стороны.

«Осторожно, — предупреждала она Сэма и Эми, — платитера подкрадывается!»

Правда, Эми оказалась невыразимо скучной — она только тем и занималась, что возводила из песка дом. Надо сказать, усердие Эми в какой-то степени принесло плоды — она выстроила внушительное сооружение, проделала в нем массу окон и дверей, но продолжала мудрить над новыми излишествами. Однако веселье иссякло; когда Сэм возвел на крыше домика Эми башню, девочка просто сшибла ее рукой и велела проложить дорогу прямо к двери, объясняя, что дом строит ОНА и ЕЕ дому не нужны башни. Эми взяла совок и принялась прокапывать в выстроенном доме комнаты, куда затем поместила разные игрушки из пластика, так что вскоре можно было видеть внутреннее убранство дома. Перед домом Эми

соорудила высокую стену, в которой проделала арку для дороги. Все это время Сэм и Ариана вынуждены были скучать в сторонке, дожидаясь, пока Эми завершит строительство. В конце концов молодой Эмори наскучило безделье. Оценив труды подруги, она оглядела стену и решила, что именно в этом месте разрушение будет выглядеть особенно грандиозно. «Берегись!» — крикнула девочка, хватая игрушечную платитеру.

— Не надо! — во весь голос завопила Эми.

Но рука Арианы с зажатой в ней игрушечной платитерой неудержимо приближалась к стене. Бух! Стены как не бывало. Влажный песок приятно защекотал кожу, но рука двигалась дальше: юная Эмори хорошо знала, что платитеры никогда не останавливаются на полпути. Пусть даже Эми схватила ее за руку, мешая довершить начатое.

На помощь Ариане подоспел Сэм. Так что покончено было не только со злополучной стеной, но и со всем домом.

Эми громко зарыдала и толкнула Ариану. Ари ответила тем же. Тотчас к месту событий подоспела Федра. Она велела прекратить потасовку и немедленно зайти в класс.

Но ведь было еще так рано!

В общем, во всем оказалась виновата Эми Карнат.

На следующий день Эми не появилась в песочнице. Такая судьба постигала всех, с кем ссорилась Ари. Юная Эмори переживала по поводу случившегося: стоило ей поссориться с кем-то, как человека тотчас отсылали неизвестно куда, так что видеть недавних врагов Ари могла только по праздникам. Такая судьба постигла Томми, Ангела, Джерри и Кейт — все они исчезли и уже не могли играть с Ари. А потому на следующий день, убедившись в отсутствии Эми, юная Эмори впала в хандру и, надувшись, сказала Федре, что вновь хочет видеть Эми рядом.

— Если не будете больше драться, — отозвалась нянька, — я попрошу госпожу.

Так Эми вернулась. Но после памятного дня держалась она очень странно. Даже Сэм стал другим. Стоило Ари начать делать что-то по-своему, как еще недавно своевольные ребятишки послушно соглашались с ее решениями.

Но это совсем не радовало Ариану. И она стала дразнить товарищей. Воровала у Сэма игрушечные грузовики, то и дело опрокидывала их — увы, Сэм не протестовал. Он просто отстранялся и хмурился, а вид у него был очень несчастный Тогда

юная Эмори разносила возводимые Эми домики — но, как ни странно, та тоже, хоть и надувала губы, предпочитала не спорить.

Ари испытывала разочарование.

Сэм вновь расставлял автомобильчики по местам, приговаривая, что приводит все в порядок после аварии. Вот это было совсем другое дело! Ари тоже принималась за игру, помогая расставлять машинки. Но Эми продолжала дуться, и Ариана направила на злюку один из грузовичков. «Не надо! — прошипела та. — Не надо!»

Вконец раздосадованная Эмори ударила подружку игрушкой. Та отпрянула назад, после чего обе поднялись. Эми толкнула обидчицу.

В ответ Ариана тоже толкнула ее, да еще ударила ногой. Эми не осталась в долгу. Разумеется, молодая Эмори не могла сдержаться. Недавние подруги осыпали друг друга ударами, пока в схватку не вмешалась Федра. Нянька сграбастала Ари в охапку. Эми ревела в три ручья, а распаленная юная Эмори лягнула противницу еще несколько раз, прежде чем Федра оттащила ее и драка завершилась.

Ошалевший Сэм все это время стоял рядом.

— Эми была дочкой, — пояснила Ариана, когда вечером мама поинтересовалась, за что она уда-

рила подружку.

— Эми не вернется к тебе, — заявила мама. — Не вернется, если ты и дальше будешь размахивать кулаками.

Девочка тотчас пообещала, что драк больше не будет Хотя вовсе не была уверена на сей счет.

Через несколько дней Эми все-таки появилась. Однако ни разу не улыбнулась и держалась на отшибе, а потому играть с ней было неинтересно. Она не желала разговаривать даже когда Сэм всячески старался ее задобрить.

Потому-то Ари в конце концов потеряла терпение и вновь ударила молодую Карнат несколько раз подряд. На сей раз Сэм попытался вступиться за Эми. Тотчас подоспела Федра — схватив Ариану за руку, она объяснила драчунье, что та неправа, и велела играть в одиночестве.

Юная Эмори послушалась. Завладев грейдером, она сердито принялась прокладывать дороги. В конце концов Сэм подошел и принялся возить по этим дорогам свои автомобильчики, но Ариана все еще дулась. Эми же просто хныкала, усевшись в противоположном углу песочницы. Именно хныкала — это словечко Ари узнала от матери. Эми вообще не хотела больше играть. Ком подступил и к горлу Ари, но она чувствовала себя

достаточно взрослой, чтобы не расплакаться. Все это время она отчаянно ненавидела хныканье подруги — оно только раздражало и совсем не располагало к играм. Да и Сэм был мрачен.

После этого случая Эми появлялась в песочнице не слишком часто. А когда появлялась, то играла отдельно. Как-то Ари даже сильно стукнула ее по спине…

Федра тотчас взяла Эми за руку и отвела в класс.

Ари подошла к Сэму и села рядом. Валери тоже редко бывал в песочнице. Пит и вовсе не заглядывал. Именно к этим ребятами юная Эмори была привязана более всего. Из всей компании остался только Сэм; но Сэм — это всего лишь Сэм, мальчишка с широким невыразительным лицом. Сэм был ничего, но он почти не разговаривал — разве что о платитерах и грузовиках. Но Ариана все равно привязалась к нему. Хотя и лишилась всего остального. Однако хорошо известно: любимое больше остального рано или поздно теряется.

Скучала она не по Эми, а по Валери. Госпожу Шварц перевели к новому месту работы, так что Валери отправился с нею. Перед отъездом Ари навестила друга и полюбопытствовала, сможет ли он навещать ее. Тот ответил утвердительно. А

мамочка заявила, будто Валери «слишком долго лететь». Поэтому девочка поняла: Валери потерян навсегда. И очень рассердилась на Валери из-за отъезда, хотя он и не был ни в чем виноват. Перед отлетом Валери подарил Ари игрушечный космический корабль с красными огнями — до того жаль ему было расставаться с подружкой. Однако мама велела вернуть игрушку, и Ари оставалось только подчиниться, а потом они попрощались со Шварцами и ушли.

Юная Эмори не знала, в чем дело, хотя они с Валери плакали. А госпожа Шварц разозлилась на нее; Ари безошибочно это поняла, хотя внешне мама Валери была к ней очень добра и все повторяла, будто станет скучать по «Арианочке».

Затем мама отвела Ари домой — девочка плакала, пока не уснула. Между прочим, даже мама была чем-то разгневана и приказала прекратить плакать. Ослушаться Ари не могла, хотя спокойствие оказалось недолгим; она продолжала хныкать еще много дней. Мама неизменно приказывала замолчать, и юная Эмори подчинялась, ибо Джейн сердилась да и обстановка складывалась напряженная — именно напряженная, как отмечала сама виновница происшедшего. Все было просто ужасно. Так Ари окончательно

убедилась в том, что действует матери на нервы.

Иногда девочку начинали мучить приступы необъяснимого страха.

Ей было искренне жаль, что с Эми все получилось так некрасиво, а потому она старалась вести себя хорошо по отношению к Сэму и Томми, когда тот приходил, хотя юная Эмори была уверена, что снова поколотит Эми, как только та объявится в песочнице.

Она могла подраться с Сэмом и Томми, но тогда и вовсе стало бы не с кем играть. Вот и Федра предупредила, что нужно держаться с другими детьми хорошо, ибо в противном случае Ари может остаться без друзей.

3

— Вот это и есть та самая Комната, — сообщил Инструктор.

— Да, господин, — отозвалась Кетлин, испытывая одновременно волнение и беспокойство. О Комнате ей приходилось слышать от Старших. Юная ази слышала также о разных странных явлениях, происходивших в Комнате, — внезапных включениях и отключениях света, о воде на полу и тому подобном. Но Инструктору всегда принадлежало Истинное Слово. Именно Инструктор только что распорядился быстро преодолеть тоннель.

— Готова?

— Да, господин.

Отворилась дверь, и взору Кетлин предстал узкий закуток, в конце которого виднелась еще дверь. Входная дверь тотчас захлопнулась за спиной девочки. Свет погас.

Распахнулась дверь в глубине — оттуда повеяло сырым холодным воздухом. И еще здесь была отличная акустика.

Кетлин шевельнулась, пытаясь понять, где начинался тоннель и не вошла ли она уже в него.

— Стоять! — приказал резкий голос. Тотчас на темной стене вспыхнула и расплылась алая точка.

Это был выстрел — все давно знакомое и изученное. Тело само знало, как действовать; отскочив в сторону, ази вознамерилась откатиться и подыскать укрытие, однако пол вдруг провалился, и Кетлин продолжала катиться по наклонной, пока не плюхнулась в холодную воду.

Побарахтавшись, юная ази сумела справиться с растерянностью и тотчас поднялась — оказалось, воды было по колено. Тем не менее успокаиваться было рано; одно из золотых правил гласило: «не верь тому, что безопасно». Ведь кто-то стрелял; а потому следовало отбежать подальше и найти укрытие.

Но Инструктор отдал команду: «Преодолеть тоннель, как можно быстрее!»

Вскочив, курсантка метнулась дальше и, добежав до стены, стала пробираться на ощупь, пытаясь выбраться на сушу. Настил под ее башмаками ходил ходуном. Шум стоял страшный. По-прежнему было темно, и Кетлин смекнула, что таинственный враг без труда разглядит во мраке ее светлые кожу и волосы. Девочка не знала, что лучше: пробираться крадучись или

бежать, но вдруг вспомнила, что Инструктор велел проделать все быстро.

Кетлин тотчас сорвалась на бег, вытянув правую руку в сторону, дабы кончиками пальцев чувствовать, здесь ли еще стена, и не терять ориентацию в пространстве. Вторую руку она вытянула вперед, чтобы не удариться обо что-нибудь в темноте.

Тоннель свернул. В какой-то момент испытуемой пришлось преодолеть бетонный барьер, после чего она понеслась дальше — по-прежнему во мраке.

«Что-то…» — только и успела подумать Кетлин, но было поздно — она угодила в Засаду.

Она отчаянно извивалась, отбивалась локтями, зная, что рядом Враг. В конце концов девочке удалось вывернуться, оставив в руках нападавшего лоскут одежды. С бьющимся сердцем Кетлин бросилась дальше, собрав все силы.

На повороте юнаяази, не сумев сохранить равновесие, с размаху налетела на стену; удар едва не оглушил испытуемую, но она, поднявшись, упрямо бросилась дальше…

Отворилась дверь — снаружи брызнул белый ослепительный свет.

Что-то заставило девочку пригнуться и кубарем

перекатиться через порог, после чего она оказалась на полу крошечной комнатки, чувствуя во рту солоноватый привкус крови: нижняя губа была прокушена, нос кровоточил.

Дверь захлопнулась, зато отворилась другая; оттуда показался человек — это не был ее Инструктор. Зато он был облачен в коричневую форму Врага и вооружен пистолетом.

Кетлин вскинулась, норовя лягнуть противника в живот, но было поздно — жужжание подсказало девочке, что она вышла из игры.

Дверь снова захлопнулась, но почти сразу отворилась; взбешенная и пристыженная Кетлин поднялась с пола.

На сей раз своим вниманием ее удостоил Инструктор. «Враг никогда не играет по правилам, — успокоил он. — Теперь идем посмотрим, что ты делала правильно, а что — неправильно».

Кетлин вытерла нос, все еще ощущая боль. Ей по-прежнему было стыдно, по-прежнему в ее душе клокотала злость. Еще бы: пройти весь тоннель и напоследок так осрамиться! Как она могла упустить из виду человека в конце тоннеля? Конечно, он был из числа Старших. И все равно несправедливо. Кровь же продолжала течь из носу…

Между тем инструктор, подав воспитаннице намоченный в холодной жидкости платок, велел приложить его к шее. И заметил, что о шее и губах позаботятся доктора. Пока предстояло заняться более насущными заботами: по указанию наставника девочка продиктовала планшету для записей все свои действия; планшет «порадовал», выдав, что большинство Шестилеток не в состоянии преодолеть тоннель.

— Вы проделали все исключительно успешно, — заключила система.

Кетлин чуточку повеселела. Но уже знала, что никогда не забудет затаившегося в конце тоннеля Врага. Враг способен был Поразить тебя даже в тот миг, когда упражнение кажется выполненным. Таково Правило. Кетлин было ужасно неприятно чувствовать себя Пораженной. Она просто ненавидела себя за оплошность. Девчушка знала, что, повзрослев, войдет в мир, где Пораженный неизбежно гибнет. И знала, что такое гибель. Не так давно Инструкторы водили Шестилеток на бойню, где им продемонстрировали забой свиньи. Все произошло неожиданно, но животное вмиг перестало быть свиньей в привычном понимании. Свинью подтянули вверх и прикончили, так что оставалось лишь наблюдать за результатами:

тело перестало шевелиться и превращалось в тушу. Быть мертвым — значит не быть вовсе, а потому необходимо Поразить врага первым и сделать мертвым именно его.

Кетлин была на хорошем счету. Но Враг не играл по правилам. Узнать это — и то было страшно. Испытуемая задрожала, и в конце концов Инструктор, заметив ее состояние, пообещал, что врач обязательно осмотрит ее.

— Да, господин, — отозвалась она. Из носа еще шли пузыри, платок напитался кровью. Капли крови из носу то и дело падали на поалевшую ткань, а колени предательски дрожали; тем не менее, Кетлин держалась молодцом.

Врач успокоил: нос не сломан. Правда, расшатался зуб, но беспокоиться за него нечего — заживет.

Инструктор сообщил, что ей пора заняться снайперской стрельбой. И добавил, что Кетлин обязательно добьется успехов, поскольку ее генотип способствовал развитию умения метко стрелять. И еще от нее ожидали успехов в Комнате. Ожидали полного проявления всего ее генотипа. Инспектор обмолвился, что иной раз реализованные генотипы могли бы демонстрировать и более успешные результаты. И

разъяснил, кого ей требовалось победить. Кого должен победить всякий ази. Даже если ей никогда не доводилось видеть кого-нибудь из АС-7892.

Дневные труды увенчала хорошая оценка. Но Кетлин не могла поделиться своей радостью ни с кем — не положено. Она была не вправе говорить и о тоннеле. Так сказал Инструктор, и, следовательно, таково было правило.

Беспокоил девочку только последний Враг. Инструктор заметил, что пистолет помог бы делу — как и крепкое телосложение, — но в противном случае Кетлин оказалась бы не в силах что-то сделать. Так что она правильно поступила, перекатываясь по полу. Даже несмотря на то, что оказалась на полу в тот миг, когда открылась дверь.

— Я могла бы проскочить мимо него, — сказала испытуемая.

— Тогда он выстрелил бы тебе в спину, — возразил Инструктор. — Даже в коридоре.

Кетлин еще долго думала над этим.

4

— Отключить видео, — приказал Джастин, и Память тотчас исполнила требование. Юноша сидел на диване, закутавшись в банный халат. В комнату, тоже облаченный в халат, вытирая волосы полотенцем, вошел Грант.

— Что сегодня нового? — поинтересовался ази.

— Что-то случилось в Новгороде. Суета связана со звездой под названием Геена, — с некоторой неловкостью отозвался Джастин.

— Где такая? — удивился Грант. В самом деле, планету под таким названием никто не помнил. Во всяком случае до сегодняшнего вечера о ее существовании никто не подозревал. Грант внезапно присмирел и опустился на другой конец кушетки.

— Дальше в сторону Альянса. За Викингом, — пояснил Уоррик-младший; диктор не стал слишком распространяться по поводу открытия. — Кажется, там целая планета. Да еще с людьми. Вроде бы Союз втихомолку колонизовал планету еще шестьдесят лет назад.

— Бог мой! — только и сумел сказать Грант.

— Посол Альянса явился на станцию с офици-

альным протестом. Совет собрался на чрезвычайное заседание. Кажется, мы нарушили почти дюжину пунктов договора.

— И что — велика колония? — уточнил Грант, не желая упускать столь животрепещущую тему.

— Неизвестно. Они ничего не сообщают.

— Никто о ней не знал! Может, какая-нибудь военная база?

— Вполне возможно. Очень даже вероятно. Но теперь это уже точно не база. Там все явно деградировали.

— Планета, где жизнь основана на банальном выживании, — сказал Грант мягко.

— А куда деваться? Речь-то идет не об обычном каменном ядре. Служба новостей толкует о каком-то секретном персонале еще военной поры.

Положив руки на колени, Грант некоторое время хранил молчание.

Война отгремела еще при жизни прошлого поколения. Война считалась ужасом, и его повторения никто не желал; но угроза войны, тем не менее, сохранялась. Торговцы с Альянса прилетали и улетали. Астронавты с Сола обследовали вторую половину космоса — и сильно обожглись на этом, ибо там сложилась собственная развитая

культура, причем желание контактировать с пришельцами отсутствовало напрочь. Теперь Сол проводил крайне рискованную политику балансирования между Альянсом и Союзом, пытаясь не подпасть под власть Альянса и в то же время не зависеть от полетов кораблей Альянса таким образом, чтобы не спровоцировать Альянс на вооруженную защиту полученных по договору привилегий и не столкнуть Альянс и Союз друг с другом. Все делалось чертовски тонко. Но положение постепенно улучшалось.

Выросло целое поколение, уверенное, будто успешно решает давнюю проблему.

Однако ракеты, выпущенные с боевых кораблей сотни лет назад, по-прежнему бороздили космические просторы, оставаясь проблемой для навигации. Время от времени прошлое напоминало о себе в выпусках новостей сообщениями о катастрофах такого рода.

Да и застарелая вражда нет-нет да выплескивалась на всеобщее обозрение, нарушая спокойное настоящее — которое, знали люди, принадлежало не только им одним.

— Вроде бы речь не о единичном случае с паройтройкой выживших, — пояснил Джастин. — То и дело говорят «незаконная колония» да вдобавок

признают, что она наша.

— Неужели она просуществовала до сего дня? И организация общества тоже налицо?

— Не совсем ясно…

И снова недолгая тишина. Приподнявшись, Грант вдруг спохватился, что не высушил волосы — потом ведь их ни за что не уложишь. И бросил:

— Ну и дела! И что же: обитателей колонии уже вывезли или только собираются? И как вообще наши думают поступить?

— Пока не знаю.

— Ну что же — теперь можно не гадать, где Жиро проведет всю следующую неделю, а то и больше, верно?

5

Кабинеты и конторы до смерти наскучили Ариане. Девочка разглядывала входивших и выходивших из дверей. Юная Эмори развлекалась тем, что складывала под разными углами листы бумаги, из которых затем вырезала фигурки и узоры, добиваясь наиболее замысловатых форм. Затем девочка занялась рисованием, изобразив длиннохвостую рыбину.

Наконец, улучив момент, когда у Кайл стало особенно много работы, а мама занялась в кабинете каким-то долгим и утомительным делом, Ари встала из-за стола, решив, что мать, по всей видимости, будет беседовать еще очень долго.

Что означало: мама вряд ли станет возражать, если она, Ари, погуляет по холлу. Здесь были исключительно кабинеты. То бишь отсутствовали магазины, игрушки — посмотреть было совсем мне на что, даже видеоэкраны и те куда-то запропастились. А Ариане было по душе буйство красок. Тем не менее, она находила кабинет матери лучшим среди прочих, ибо в нем имелось окно, из которого можно было сколько угодно смотреть на улицу.

Всюду, насколько хватал глаз, виднелись двери. В пол были вмурованы металлические полосы — Ари нарочно пошла по одной из них, время от времени заглядывая в открытые двери. Причем большинство их было распахнуто настежь.

За одной из дверей она и увидела Джастина.

Уоррик-младший с серьезным видом восседал за столом, сосредоточив все внимание на клавиатуре.

Увидев его, Ари остановилась. И замерла, разглядывая Джастина — в конце концов тот повернулся и посмотрел на гостью.

Он всегда выделялся среди окружающих. Джастин был памятен юной Эмори по переливавшемуся огнями и блестками залу — девочка помнила, что с ним был еще Грант. Время от времени Ари встречала Уоррика-младшего. А когда принималась выпытывать у матери, отчего люди сердятся на Джастина, мама неизменно просила «не нести вздор».

И тем не менее Ари знала, что это никакой не вздор и что она ничего не выдумывает. Интуитивно она ощущала опасность, тревогу. И знала, что не следует беспокоить Джастина. Однако здесь, в зале, где мимо то и дело сновали люди, ей нечего было бояться. К тому же девочка не собиралась

входить в кабинет — ей хотелось лишь краем глаза взглянуть на Джастина.

Юная Эмори нерешительно переступила с ноги на ногу. В этот миг Джастин и увидел ее.

— Привет, — пролепетала она.

И снова ощутила приступ слепого страха. Страха, который прежде всего испытывал Джастин, — он мелькнул в глазах юноши, когда тот поднял голову. Испугалась и сама виновница происшедшего, смекнув, что теперь ей наверняка попадет от матери.

— Привет, — снова бросила она нервно.

Подобную неловкость Ари испытывала каждый раз, оказываясь рядом с Джастином. Стоило Уоррику-младшему появиться, как ей становилось не по себе, а уж если он приближался, беспокойство усиливалось. Причем беспокоились и окружающие. Это была настоящая загадка, непонятная юной Эмори — и, судя по раздражению матери, с каким она неизменно реагировала на вопросы о Джастине, загадка, очень неприятная маме. Не по себе становилось и Олли. Когда Джастин появлялся на вечеринках, Ари видела его с противоположного конца комнаты, но стоило ей сделать хоть шаг, чтобы поздороваться с этим таинственным человеком, как вихрем налетала

мама, не позволяя приблизиться к брату Гранта. В конце концов девочка решила, что тревога окружающих в отношении Джастина родилась не на пустом месте и будто бы с ним даже что-то «не так» — отсюда общее сомнение в том, что Джастин поведет себя как положено. Нечто подобное случалось иногда с ази. Да и с людьми тоже. Так говорила мамочка. И исправить КВ оказывалось куда сложнее, хотя расстроить ази было легче легкого. А потому не следовало дразнить их. Лишь Олли умел понимать шутки.

Во многом Джастин вел себя, точно ази, хотя Ариана и знала, что он — никакой не ази. Он был просто Джастином, ходячей загадкой, к которой почему-то не хотели подпускать маленьких детей.

— Мама беседует внизу с господином Петерсоном, — сообщила юная Эмори, желая завязать разговор, а также дать понять, что она не торопится и пришла не по делу. И осмотрелась: дескать, вот он какой, кабинет Джастина! Уж больно тесноват. Повсюду бумаги. Ари так озиралась по сторонам, что едва не потеряла равновесие, и удержалась на ногах только потому, что схватилась за дверь. Конечно, мама назвала бы ее дурочкой. И велела бы выпрямиться и стоять

смирно. И не кривляться. А вот Джастин был неразговорчив. И потому Ари не оставалось ничего иного, как продолжить беседу: — А где Грант?

— Внизу, в библиотеке.

— А мне уже шесть лет…

— Знаю.

— Откуда же?

— Послушай, — нервно заерзал Джастин, — а вдруг мамочка хватится тебя? Наверное, хватится очень скоро…

— У мамы встреча. А мне там уже надоело, — отозвалась Ари, отмечая, что хозяин кабинета не намерен общаться с нею, предпочитая продолжать работу. Однако сдаваться юная Эмори не хотела: сделав несколько шагов, она оказалась у стула, придвинутого к столу Джастина. А затем, оперевшись на руку, сообщила: — Вот и Олли всегда работает…

— Как и я Ари, я занят. Уходи.

— А что ты делаешь?

— Работаю.

Девочка знала, что, когда просят, следует уйти. Однако сейчас перед нею был не кто-нибудь, а таинственный Джастин. И потому она, опершись на стол уже обеими руками и нахмурясь, попыталась применить новую тактику.

— Я хожу на программирование, — похвасталась юная Эмори. — И умею использовать обучающие ленты. Здесь написано «Под…» — Видневшееся на экране слово оказалось чересчур длинным, и потому Ариане пришлось изогнуться, чтобы увидеть его целиком: «Под-со-зна-тель-ная мат-ри-ца…»

Отключив экран, Джастин насупился и повернулся к незваной гостье.

Девочка забеспокоилась, решив, что зашла слишком далеко — не следовало опираться о стол, да еще так близко к Джастину. Но и отступать ей было совсем не по нраву. Упрямо выпятив нижнюю губу, юная Эмори уставилась на хозяина кабинета.

— Ари, отправляйся к мамочке. Она наверняка разыскивает тебя.

— Не хочу. Что такое «подсознательная матрица»?

— Набор разных штуковин. Особая система построения. — Резко отодвинув стул, Уоррик-младший вскочил, а потому Ариане тоже пришлось выпрямиться и попятиться. — Послушай, у меня встреча. И мне придется закрыть кабинет. Тебе все-таки лучше уйти к мамочке.

— Не хочу, — упрямо процедила Ари, запро-

кидывая голову: Джастин казался ей просто высоченным. Как Олли. Но не таким благодушным. Было ясно: Джастин просто выставлял ее вон. И юная Эмори заупрямилась.

— Вон, — мрачно бросил он, указывая рукой на дверь.

На сей раз Ариана подчинилась. Выйдя, Джастин запер за собой дверь. Назойливая девчонка терпеливо дожидалась его тут же. Конечно, она все поняла. Стоило Джастину пойти по коридору, как Ари тотчас увязалась следом.

— Тебе туда, — бросил он, на мгновение останавливаясь и указывая в ту сторону, где работала Джейн.

— С какой стати? — Ари ехидно ухмыльнулась.

Уоррик-младший окончательно расстроился. И сразу сник, глядя на нее сверху вниз.

— Ари, так нельзя, верно? — бросил он.

— Почему нельзя? Вовсе нет.

— Думаю, все равно нельзя.

Ответ неприятно поразил девочку. Она уставилась на Джастина, гадая, нарочно ли он пытался задеть ее. Впрочем, вид у него был совсем не злорадный. Напротив, обиженным выглядел как раз он.

Ари так и не поняла, в чем дело. Джастин

оказался единственным, кого она не сумела раскусить. Она все смотрела и смотрела на него, вытаращив глаза.

— Можно пойти с тобой? — наконец осведомилась она.

— Твоей мамочке это вряд ли понравится, — отозвался юноша, и маленькая собеседница отметила, что лицо у него вновь стало доброжелательным. — Ступай к ней.

— Не хочу. Они болтают и болтают. Их болтовня мне надоела.

— Ладно, мне пора — я должен кое с кем встретиться. Извини — дела…

— Те люди — не кое-кто! — важно объявила Ари, решив подыграть обманщику. Она сразу сообразила, что Джастин никуда не пойдет, пока она докучает ему.

— Послушай, мне некогда. Ступай к себе.

Но Ари не пошла к матери. Тогда Джастин, повернувшись, зашагал по коридору, как будто и в самом деле торопился на встречу.

Девочке очень хотелось пойти следом. И еще — чтобы Джастин сменил гнев на милость. Ари до смерти надоела скука и вдобавок стало грустно; увидев Уоррика-младшего, она сразу вспомнила блистающий зал и веселье — хотя и не помнила,

давно ли происходило это самое веселье.

В памяти осталось только, что там были Олли и мамочка (такая красавица!), что она играла с Валери и получила звезду, которую затем повесила у себя в комнате.

Повернувшись, девочка медленно поплелась обратно — к кабинету господина Петерсона. Оказалось, Кайл и не заметила ее отсутствия. Усевшись за стол, юная Эмори нарисовала звезду. И принялась размышлять о Валери. И о рыжеволосом мужчине — которого звали Грантом. Он был с Джастином…

Эх, если бы мама и Олли уделяли ей больше времени!

Если бы мамочка могла выйти из кабинета прямо сейчас! Можно было бы отправиться на обед. Возможно, Олли тоже пошел бы…

Но мама освободилась нескоро, так что Ари в ожидании заштриховала нарисованную звезду, отчего та стала совсем противной.

Как и все остальное.

6

«Судя по документам, — говорилось в докладе, который лег на стол Михаилу Кореину, — указанная операция подразумевала проведение скрытой военной акции и высадку 40-тысячного контингента Союза, большинство которого составляли ази. Мероприятие было начато в 2355 году как операция под эгидой Комитета по обороне.

С тех пор колония не получала никакой помощи извне. Дальнейшего продолжения этой операции не воспоследовало.

По наиболее достоверным сообщениям разведки Альянса складывается впечатление, будто тысячи колонистов сумели приспособиться к тяжелым условиям планеты, хотя и оказались вынуждены вести примитивную жизнь. Вне всякого сомнения, они — потомки ази и граждан. Предположительно, омоложения в данном случае не было, а потому шестьдесят лет спустя после высадки налицо уже второе и третье поколения колонистов. На территории колонии обнаружены остатки сооружения в форме пузыря и руины электростанции, использовавшей

солнечную энергию. Условия жизни на планете исключительно благоприятны для человеческого организма, и уцелевшие колонисты обладают отменным здоровьем, если принять во внимание особые условия существования, основанные на примитивном земледелии и охоте. Из отчетов специалистов Альянса следует, что те сомневаются в возможности переселения колонистов с данной планеты. Экологический ущерб пока не подсчитан, хотя глубокое проникновение колонии в экосистему планеты очевидно, а некоторые из обитателей планеты предпочли отступить в труднодоступные места. В Альянсе полагают, будто аборигены не одобрят идею переселения с планеты, и независимо от причин Альянс не намерен проводить подобное переселение.

В Комитете по обороне господствует мнение, будто специалисты из Альянса склонны проводить беседы с выжившими колонистами. Тем не менее, Комитет по обороне намерен противостоять любому предложению касательно вывоза колонистов в качестве граждан Союза, да и сам Альянс наверняка отвергнет такие предложения, ибо в любом случае они будут контрпродуктивны.

Указанные ази в основном (но не исключитель-

но) являются выходцами из партий, поставленных Ресионом по контрактам с военными.

Смотрите также приложенные отчеты.

Граждане в большинстве своем принадлежали к военнослужащим.

Най вынесет проект резолюции, выражающей сожаление и содержащей предложение Альянсу сотрудничать в деле определения дальнейшей судьбы колонии.

Коалиция экспансионистов проголосует за проект единогласно».

Кореин бегло просмотрел отчеты. В каждом было по несколько страниц. Здесь же оказалась аналитическая записка, касающаяся Геены — так называли свое солнце колонисты. На некоторых документах имелся гриф Комитета по обороне, на других значилось многообещающее «дополнительная информация доступна».

Ясно, что ни Альянс, ни Союз не собирались переселять колонистов с Геены уже хотя бы потому, что те широко рассредоточились по покрытым густым кустарником территориям, а также в основном потому, что (согласно сформировавшейся в Альянсе точке зрения) аборигены вели исключительно примитивный образ жизни, не имели письменности. И Альянс исполнился решимости

противостоять любой попытке переселения колонистов — понять это можно было хотя бы из позиции, которую занял посол Альянса.

Касательно ситуации на Геене, Альянс проявил исключительную твердость, поскольку столкнулся с редкостно трудной и дорого решаемой проблемой: как-никак планета у Геена — одного с Землей типа, со своей сферой влияния, да еще высока вероятность экологической катастрофы, причем на планете имеется фактически загнанная в угол, потенциально враждебная колония людей.

Так что Кореин имел все основания (как этического, так и политического толка) гневаться: Комитет по обороне превзошел себя, скрыв это безобразие во время войны, когда (как и теперь) шел рука об руку с Ресионом и получил кредит доверия — которого не оправдал.

Кореин решил, что, если это окажется в его силах, на безумные затеи экспансионистов обязательно прольется свет.

7

Городина у себя не оказалось. Впрочем, Жиро Най решил, что отсутствие адмирала — не вселенская катастрофа. Председатель Комитета по обороне, Лу, в последние три десятка лет так часто подменял Городина на заседаниях, что снискал в Совете куда больше уважения и права выражать при голосовании собственное мнение, чем дозволялось доверенному лицу; подобным же образом заместитель председателя Комитета по обороне в конце концов объединил свой штат со штатом Лу и местным представительством Городина: в итоге получилась этакая триада, заправляющая всеми делами Комитета по обороне — фактически, так повелось еще с военной поры.

В душе Жиро считал, что куда лучше, если в Совете заседает доверенное лицо, а Городин недоступен, ибо занят делами где-нибудь на другом конце Союза: морщинистое лицо Лу (омоложение не пошло ему на пользу), его темные глаза (непроницаемые даже для матерого ресионского волка) ничего не выражали; весь вид Лу как бы говорил: «Не уполномочен давать ответ» и «Сомневаюсь, что способен как-то прокомментировать это»,

хотя репортеры отчаянно добивались новой информации, а Кореин ратовал за полное раскрытие всех связанных с ситуацией данных.

Но полное раскрытие все равно должно было состояться — по крайней мере среди политических союзников.

Да и Жиро наслушался достаточно, чтобы переживать по дороге из Ресиона к своему кабинету, оснащенному звукоизоляцией. Впрочем, та же звукоизоляция сыграла с Наем неприятную шутку: работа этой системы до того действовала Жиро на нервы, что время от времени его нижняя челюсть начинала подрагивать.

— Не подлежит сомнению, — молвил Лу, даже не заглядывая в лежавший у него под рукой фолиант, — что операция была начата в 2355 году; тогда же экспедиция достигла нужной планеты, высадила колонистов и выгрузила соответствующее оборудование. О возвращении речи не было. В то время мы знали, что в указанном месте располагалась именно эта планета. Знали и то, что Альянс оказался в курсе и что планета была в зоне их и землян досягаемости. И расположение, и потенциал Геены только случайно… Словом, дело чрезвычайной важности. — Лу откашлялся и продолжал: — Мы знали, что по сути не в

состоянии сохранить планету за собой, не в состоянии оборонять ее, не в состоянии наладить снабжение. Мы с самого начала намеревались отказаться от практики обеспечения доходности планеты.

«Отказаться от практики обеспечения доходности планеты». Альянс отрядил тщательно подготовленную экспедицию, дабы та обследовала самую ценную из когда-либо сделанных в ближнем космосе находок, и, к своему ужасу, участники экспедиции обнаружили, что планета заселена и освоена людьми, не имеющими отношения ни к ним самим, ни к землянам, — отказавшись от абсолютно неоспоримой посылки, даже принимая во внимание остатки сооружений и тот факт, что уцелевшие были потомками ази…

Союз создал безвыходную ситуацию на обитаемой планете.

— Сорок тысяч человек, — пробормотал Жиро, ощущая неприятную пустоту в желудке. — Выброшены на свой страх и риск на неизведанную планету. Ничего себе!

Лу моргнул — если бы не это, чиновника можно было бы принять за изваяние.

— Они ведь были из военных, — бросил Лу, — а

военные гибнут сплошь и рядом. Поймите, все это произошло до меня. Да и — как его — экологические соображения тогда не принимались во внимание. В то время во внимание принималось лишь одно обстоятельство: военная обстановка сложилась для нас неблагоприятно, мы просто обязаны предполагать возможность удара Мазианни по Сайтину. Данный маневр мог преследовать двоякую цель: во-первых, колония могла уцелеть и сохранить принципы Союза в случае, если бы нас постигла какая-то катастрофа — например, если земляне вдруг запустили бы к Сайтину астронавтов-самоубийц. В таком случае секретность, с какой основали колонию, вполне объяснима.

— Колонию основали в 2355 году, — напомнил Жиро. — То есть через год после окончания войны.

— Просто операция была спланирована в последние военные годы, — заверил Лу, сложив руки на животе. — Тогда обстановка была еще неясна. Осуществление акции началось после того, как нас постигло истинное бедствие — мы подписали известный тяжелый договор. Если хотите, акция носила вынужденный характер; мы не могли допустить, чтобы Земля или Альянс об-

завелись планетой, обладающей куда большим, чем Сайтин, потенциалом — для нас это была бы сущая катастрофа. Такова была вторая часть плана — погибни колония, ее микроорганизмы все равно стали бы составной частью тамошней экосистемы. И менее чем через столетие нынешний Альянс либо любой другой хозяин Геены столкнулся бы с проблемой, пустячной для наших ученых, но неразрешимой для них. Я готов выразиться даже так: некоторые из тамошних микроорганизмов были видоизменены таким образом, чтобы затем можно было применить наши достижения в соответствующей области. Да еще на вашем же комплексе. Уверен, что вы найдете в своих архивах нужные упоминания. Я уже не говорю про ази и составление программ.

— Вы правы: в архивах действительно имеются материалы по этой проблеме. — Жиро тяжело задышал. — Боже, мы и понятия не имели, что задумка все-таки осуществилась! Разве вы не знаете, какие проблемы со службой безопасности на нас свалились? Сейчас не 2350-е годы, и войны уже нет. Ваша проклятая бомба замедленного действия рванула спустя целое столетие, да еще тогда, когда на дальней стороне Сола зашевелились чужаки, когда мы подписали ряд

экологических договоров — когда у нас есть собственная позиция, да еще не забывайте об экологической ответственности, генобанках, ковчегах, а также…

— Конечно, Ресионом в то время управлял тот, кому в заслугу ставят создание генобанков, ковчегов, подписание упомянутых вами договоров. Как раз тогда и создавалась колония на Геене. Советник Эмори лично подписывала все контракты с военными.

— Боже мой! Мы подкинули изоляционистам такой козырь, о котором они и мечтать не могли! То был учебный проект. А ведь отец Джордана Уоррика как раз работал над обучающими лентами для Геены.

— Мы уверены, что по соображениям секретности ресионцы не сообщили остальным участникам проекта, над чем конкретно они работали.

— Уверены, как же! Генерал, журналисты уже вовсю трубят о Геене. В конце концов новость докатится и до Планиса. Откуда столь непоколебимая уверенность, будто Джордан Уоррик понятия не имеет, кто именно и из каких подразделений работал над теми обучающими лентами? Ему ничего не стоит выложить необхо-

димые подробности и имена следователям, если те до него доберутся.

— А захочет ли он подмочить репутацию родного папаши?

— Он захочет сохранить отцовскую репутацию, черт побери, и одновременно не оставить камня на камне от репутации Ресиона! Вы не пожалели сорок тысячази, чтобы не отдать врагам планету, вы пристегнули исследование к Комитету по науке — но невозможно было выбрать более неподходящее время, чтобы все узнали о проекте.

— Ага, — тихо пробормотал Лу. — Хотя я в состоянии представить более трудные, нежели теперешняя, ситуации. Сейчас все тихо, поскольку человечество — в особенности Альянс — занято другими проблемами. На деле задумка с Гееной себя оправдала: экологическое бедствие налицо, а развитие Альянса застопорилось. Скажу больше — направление развития Альянса претерпевает значительные изменения: если они попытаются абсорбировать население системы Геены, то им придется переваривать единственную в своем роде общину, разделяющую ценности Союза — при условии, что вы гарантируете действенность ваших инструктирующих обучающих лент. В

любом случае, мы помешали Земле или Альянсу обзавестись весьма ценным источником ресурсов и плацдармом для освоения других звездных систем. Теперь Альянсу придется либо вылавливать разбежавшихся по всей планете возле Геены дикарей и силой выдворять их с планеты — что может присниться любому организатору лишь в кошмарном сне, — либо при дальнейшей колонизации этой планеты принимать в расчет сей сложный фактор. Если те, конечно, согласятся на расселение. По сообщениям разведки, они колеблются. Альянс предвидит возможные трудности, если ему вдруг придется всерьез заняться такой примитивной культурой. А их колонизационные устремления постоянно сталкивались с заметным противостоянием. Жители космоса, составляющие в Альянсе большинство, скептически относятся к любому шагу, дающему власть тем, кто постоянно живет на одном месте и в космос не летает. Астронавты зовут оседлых людей «облаками». Они ни за что не позволят избирателям доиндустриального толка добиться своего — Совет Капитанов просто костьми ляжет… Я уж не говорю про их Комитет по науке, который потребует изучать все как следует — то бишь до скончания веков, в то время как ответ-

ственные за сооружение станций строительные компании забеспокоятся: сроки оговариваются в контрактах, а кредиторы — народ нервный. Посол Альянса требует официального извинения и информации для своих специалистов из Комитета по науке; это — слишком малая цена. Поначалу отношения будут омрачены некоторой прохладцей, но затем все наладится. Уверяю: они куда больше нас напуганы поведением Сола — и потому вполне естественно предположить, что проблема существует больше для них. Так или иначе, все всплыло как раз вовремя: мы следили за их приготовлениями, и врасплох нас не застали — потому-то адмирала Городина и невозможно разыскать. Мы предвидели все заранее.

— Но скрывали от нас!

Лу выдержал исполненную отчуждения паузу, а потом вкрадчиво спросил:

— От нас — вы имеете в виду Комитет по науке или Ресион?

— Нас, то бишь Ресион, черт возьми! Ведь если кто и заинтересован во всем, то только Ресион!

— Запоздалый интерес, — прокомментировал Лу. — Дитя выросло и покинуло мать, оно само в состоянии переносить непогоду. Эмори уже не возьмешь никаким законом — если только вы

не исповедуете какую-нибудь религию. Пусть вытребуют от нас через суд несколько бумажек. Уоррик изолирован и основательно скомпрометирован, если вдруг Совету понадобятся его показания. Если его папаша действительно занимался проектом, то пострадает репутация семейства Уорриков. С чего вдруг беспокоиться Ресиону?

Жиро закрыл рот. Новоиспеченный глава Ресиона даже вспотел. Богданович умер четыре года назад, а Харад с Фаргоны пересел в кресло рангом выше и спелся с Городиным из Комитета по обороне, Де Франко из Комитета по торговле и Лао из Комитета по информации. Будь они прокляты! Коалиция экспансионистов казалась недосягаемой и неуязвимой, фракция изоляционистов трещала по всем швам, Кореин и центристы теряли позиции, так что и Городин в открытую перешел в лагерь экспансионистов, которых всегда поддерживал, и Насир Харад, черт бы его побрал, пристроился к Городину, ибо от военных можно добиться выгодных контрактов для своей станции; Комитеты же по государственным делам, обороне и информации представляли собой настоящую коалицию внутри коалиции экспансионистов и были крепко повязаны.

Ресион уже не обладал прежним влиянием. Жиро оставалось лишь смириться с горькой правдой. От этой неприятной мысли Наю становилось тошно и не до сна. Но Ари была — как все понимали до сих пор — единственной и неповторимой в своем роде.

— Вот что я вам скажу, — начал Жиро. — В наших архивах хранятся и другие интересные факты, причем очень пикантные. Мы не собираемся обнародовать их. Более того, мы не желаем, чтобы Уоррика вызывали с Планиса в качестве свидетеля. Вы не представляете, насколько все хрупко. Уоррику просто придется держать язык за зубами. Стоит ему вспомнить мельчайшую деталь, что-нибудь, что он когда-то услышал или обсуждал с отцом много лет назад, — и все может обернуться куда лучше, чем мы оба желаем. Память у него отменная. Если не хотите, чтобы Альянс докопался до сути ваших делишек, заставьте Уоррика молчать. Надеюсь, я выражаюсь предельно ясно?

— То есть вы хотите сказать, что нынешнее правительство может быть скомпрометировано?

Опасный вопрос. Опасный интерес. Жиро снова сделал глубокий вдох и сказал:

— Я всего лишь прошу выслушать меня. До

того, как вы обнаружите, что эти нити ведут под закрытые двери. Вы хотите разнести к черту проект «Рубин» — то есть дать свободу Уоррику, дабы от проекта «Рубин» не осталось камня на камне.

— Иногда нам кажется, будто никакого проекта «Рубин» вовсе нет, — ядовито вставил Лу. — Поскольку компании «Ресион-спейс» еще предстоит проделать нечто большее, чем просто некоторая дополнительная работенка. Вы все твердите об испытаниях, о сопоставлении данных. Директор-то хоть у вас имеется?

— Директор имеется. Мы как раз собираемся осуществить перевод банка — а это очень непростое мероприятие. И проклятое расследование вовсе не пойдет нам на пользу. Мы и так в подвешенном состоянии. Приходится обрабатывать огромное количество информации! Что поделаешь — такова наша работа. Мы трудимся, не покладая рук уже шесть лет. И не намерены легкомысленно разбрасываться ресурсами, генерал. — Жиро умолк, соображая, что к чему. Наю показалось, будто собеседник придерживается определенной тактики, дабы отвлечь его внимание. — Все упирается в Уоррика. Вопрос в том, что Планис находится в зоне вашей ответственности и нам остается только надеяться на вас. Полагаем,

вам можно доверять.

— Абсолютно. Как мы в свою очередь полагаем, что вправе рассчитывать на сотрудничество с вами в вопросе Геены, советник Най.

Шантажирует, смекнул Жиро. Обычный и неприкрытый шантаж. Конечно, не обошлось без Харада. И он осторожно спросил:

— Сотрудничество — но в каких пределах?

— Требуется согласие на совместную работу со специалистами из Альянса. Мы станем клясться и божиться, будто то была всего лишь неудачная операция или что скрытность объяснялась военными соображениями. И что о происходящем никто не подозревал. То есть никто из стоящих ныне у руля. Что операцией руководила особая инстанция.

— Имя Арианы Эмори не должно упоминаться в этой связи.

— Вряд ли это возможно. Пусть бремя ответственности возьмут на себя усопшие. Ведь живущим есть что терять. Заверяю вас — есть. Мы намерены держать руку на пульсе событий, связанных с Гееной. Потомки граждан Союза формально являются нашими гражданами. Если, конечно, мы займем соответствующую позицию. Ведь можем и не занять. В любом случае — Ко-

митет по науке проявит интерес к воздействию колонии на экологию планеты, да и социальная организация колонистов заслуживает внимания. Мы ничего не добьемся, отказываясь от формального сотрудничества. Разумеется, о подлинном содержании обучающих лент речи нет. Но по меньшей мере придется поделиться сведениями о структуре колонии, соотношении военных и ази. Представить досье кое на кого из военных — например на Конна. Ведь он, кажется, служил безупречно? Пусть через столько лет, но они должны получить положенное признание.

«Боже, — уныло подумал Жиро, — вот расчувствовался!»

— Ресион, — молвил Най вслух, — в такой же мере ценит заслуги доктора Эмори.

— Боюсь, этим придется пожертвовать. Насчет ази — сами понимаете. Как только публика пронюхает, будет уже невозможно ничего скрыть. Но особого ущерба не бойтесь — все предусмотрено. Ведь речь идет о государственных интересах.

— Харад знал об операции?

— Тем не менее, за все полностью ответственно государство. Комитет по науке не вправе заниматься внешней политикой. Наши обязательства в данном случае совсем иные. Призываю вас

серьезно задуматься, чего стоят ваши контракты. Мы почти не ведем дел с лабораториями Бухера. В основном работаем с вами. Продолжаем поддерживать «Ресион-спейс» — даже в случае убытков. И ожидаем, что отношения должны носить взаимовыгодный характер. Надеюсь, все так и будет.

— Ясно. Понятно, — с горечью бросил Жиро. И, выдержав коротенькую паузу, сказал: — Господин секретарь, нам необходима защита этих данных — и не только потому, что мы печемся о репутации покойной Эмори. Мы не хотим, чтобы Совет раздул скандал и тем самым уничтожил все шансы на успех.

— Теперь вам понадобилась наша помощь. Хотите, чтобы я и мои подчиненные грудью встали на вашу защиту? Так получается? Позвольте заметить, уважаемый, что у нас полно других забот, в том числе и расцветший пышным цветом пацифизм, находящий благодатную почву в скандалах подобного рода. А это — страшная опасность для обороны государства, да еще тогда, когда ассигнования нам постоянно урезают, когда мы не в состоянии закупать нужные корабли, не в состоянии вдолбить в головы публике и противников из Комитета по финансам в Совете проблему расширенных периметров. У нас нераз-

решимая проблема, а ваш проект превратился в бездонную бочку, куда проваливаются деньги, но отдачи не видно. Однако у вас хватает наглости просить нас о защите, одновременно отказывая нам в нужной информации. Думаю, вам лучше защищаться самостоятельно — при помощи ресионских источников, о которых всем хорошо известно. Возможно, вам пора похвастаться результатами этого проекта. Выбирайте. Дайте мне причину обосновать секретность проекта. Или предоставьте требуемую информацию.

— Боже, но ведь девочка еще не готова… Во всяком случае не сейчас, не в разгар скандала, когда вовсю смакуется имя ее предшественницы. Ребенку всего шесть лет, она не выдержит такого натиска…

— Это ваши трудности, — холодно отрезал Лу, снова складывая руки на животе и равнодушно глядя прямо перед собой. — Откровенно говоря, господин, мы не знаем, что вообще должны защищать. Судя по вашим объяснениям, речь идет о новой попытке клонирования Бок.

— Я покажу вам документацию.

— Первая репродукция Бок тоже была прекрасным ребенком. Проблемы возникли позже. Не так ли? И пока вы будете отказываться появиться

с девочкой на публике и дать мне конкретные обоснования засекречивания данных, я не смогу обеспечивать вам большую защиту, чем в настоящее время.

— Проклятие, но ведь вы оставляете нас без прикрытия, и они со временем найдут лазейку на вашу собственную территорию!

— Думаю, вы будете перовой жертвой. Кстати, в те годы вы уже вовсю трудились в Ресионе. Может, данные, которые вам так не хочется открывать, бросают тень лично на вас, уважаемый?

— Это всего лишь ваша догадка. Действительно, свет может вспыхнуть в таком месте, где его почти никто не увидит.

— Выходит, в наших силах направить удар, верно? Всегда полезно знать, что именно вы подставили под удар. Простите, что он придется по вашей вотчине. Но я не допущу, чтобы удар нанесли по мне и всему, что со мной связано.

— Если у вас найдется еще чуточка терпения…

— Я предпочитаю сделать выбор, поставив на слово «прогресс» — чего, между прочим, в последнее время нет в Ресионе. Это можно обсудить. Как бы то ни было, к обсуждению я готов. Но заранее предупреждаю — в некоторых случаях моя

позиция будет предельно жесткой. В настоящий момент сотрудничество особенно важно. Если мы не найдем причин придержать известную вам информацию, нам придется ее обнародовать. Поймите — придется дать следователям хоть что-то. И в скором времени.

Жиро ничего не оставалось, кроме как сидеть и слушать заместителя председателя Комитета по обороне. А тот преспокойно (черт бы его побрал, думал Жиро) выложил придуманный Городиным план, который назвал «способом предотвращения ущерба».

План представлял собой обоснованное предложение научного и культурного сотрудничества с Альянсом. Причем исходило оно от Комитета по обороне через министерство науки.

Кроме того, к предложению прилагался проект официального выражения сожалений в совместной с Советом резолюции — принять ее предполагалось после обнародования документов, согласно которым операцию на Геене разрабатывали сообща Богданович, Эмори и Азов из Комитета по обороне (все в разное время отошедшие в мир иной).

Жиро снова и снова проклинал собеседника.

— Уоррика мы берем на себя, — пообещал

Лу. — На самом деле их с сыном встреча могла бы сейчас принести определенную пользу. Разумеется, за ними нужен глаз да глаз.

8

— Джастин? — через восемь лет после разлуки послышался на другом конце голос отца; и Джастин, до того постоянно приказывавший себе держаться спокойно и ни в коем случае не падать духом в присутствии Денниса, на чей номер пришел звонок с Планиса, до крови закусил губу и впился глазами в экран, на котором возник отец — постаревший, исхудавший. И поседевший. Потрясенный Джастин смотрел и смотрел, лишь теперь ощутив груз прожитых без отца лет. Наконец он промямлил:

— Джордан… Как я рад! У нас все в порядке, все в порядке. Гранта пока нет рядом, но его пообещали допустить в следующий раз…

— Отлично выглядишь, — перебил отец, и глаза его наполнились болью. — Слушай, а ты возмужал, верно? Рад видеть тебя. Где же Грант?

Наступило молчание — реплики приходили с пятнадцатисекундным опозданием, дабы служба безопасности успела проверить каждую.

— Ты и сам хорошо выглядишь, — отозвался Джастин, мысленно проклиная банальности, которыми приходилось обмениваться, хотя вре-

мени на разговор было в обрез. А ведь требовалось обсудить столько, что говорить бы и говорить до бесконечности, хотя служба безопасности готова была прервать разговор при одном лишь намеке на нарушение правил. — А как Пауль? Мы с Грантом теперь живем в твоей квартире, у нас все хорошо. Я по-прежнему занимаюсь моделированием…

Джастин осекся — Деннис предостерегающе поднял руку, напоминая, что говорить о работе запрещено.

— …слегка поседел. Сам знаю. У меня все ничего себе. Здоровье в порядке и все такое прочее. У Пауля тоже все хорошо. Чертовски приятно видеть твое лицо…

— Ты ведь можешь углядеть нечто подобное в зеркале, верно? — Джастин заставил себя засмеяться. — Надеюсь, в твоем возрасте я буду выглядеть не хуже. Ведь у меня солидные шансы, верно? Правда, много рассказать не могу… — Джастин мысленно завершил фразу: «не то в случае чего служба безопасности мигом заткнет мне рот». — Работы полно. Получаю твои письма. — Уоррик-младший снова отметил, что при таких ограничениях полноценный разговор не получится. — Жду новых писем. Как и…

Тут отец улыбнулся — шутка наконец дошла до него. И сказал:

— Ты — моя машина времени. У тебя действительно солидные шансы… Я тоже получаю твои письма. И храню их все до единого.

— Как и Грант. Он тоже возмужал. Стал такой высокий! Ты можешь представить, какой он теперь. Мы с ним — как левая и правая руки. Держимся вместе. У нас все в порядке.

— Похоже, ты не собираешься догонять его. Во всяком случае, в карьерном росте. Пауль тоже поседел. Конечно, провели омоложение. Прости — я был уверен, будто писал тебе об этом. Все как-то забывается. Почему-то ленюсь покрасить волосы.

Джастин тотчас смекнул — отец намекает, что цензоры, черт бы их побрал, удалили из письма соответствующий фрагмент.

— Думаю, смотрелось бы неплохо. Нет, правда. Сам знаешь — дома все кажется однообразным (как нигде больше). Только вот скучаю без вас. Без вас обоих.

— Сынок, мне тоже вас не хватает. Очень не хватает. Мне уже говорят, будто я исчерпал лимит. Черт, а ведь столько можно сказать! Будь умницей, не лезь в разные переделки.

— Тебе тоже всех благ. С нами все будет в порядке. Пока!

И тотчас лицо отца стало таять, по экрану побежали помехи. Видеоэкран отключился. Закусив губы, Уоррик-младший попытался взглянуть на Денниса с достоинством. Так, как посмотрел бы на Ная Джордан.

— Спасибо, — скупо поблагодарил он.

— Все в порядке. — Деннис пожевал губами. — Прошло как по маслу. Хочешь кассету? Я записал разговор.

— Да, господин, я хотел бы взять кассету для Гранта.

Нажатием кнопки Деннис извлек кассету из записывающего блока и подал ее Джастину. После чего с чувством кивнул и бросил:

— Вот что я тебе скажу — за вами пристально наблюдают. В связи с событиями на Геене.

— Выходит, им хочется еще сильнее прищучить Джордана, верно?

— Ты понятлив. Да. Именно этого они и хотят. Потому-то военные так внезапно сменили приоритеты. Есть даже возможность — пойми, всего лишь возможность — что тебе устроят поездку под охраной на Планис. Но предупреждаю: всю дорогу за тобой будут следить в оба.

Джастин испытал настоящее потрясение — возможно, начальство этого и хотело.

— А что, — выдавил он, — такая возможность уже прорабатывается?

— Я пока лишь веду переговоры. Вообще-то мне не следовало ставить тебя в известность. Но, сынок, умоляю: не делай глупостей! Вообще ничего не делай. На тебя просто не нахвалишься с тех пор, как ты… Словом, с тех пор, как ты решил свою личную проблему. Работаешь результативно. Скоро тебе начнут поручать более ответственные задания — ты понимаешь, о чем я. Работы прибавится. Хочу, чтобы вы с Грантом взяли на себя еще кое-какие модели. Откровенно говоря, я намерен включить тебя в штат. Вас обоих.

— С какой стати? Выходит, вы решили кого-то убрать отсюда?

— Сынок, сынок, — глубоко вздохнул Деннис, напустив на себя обеспокоенный вид. — Нет, как раз наоборот. Хочу, чтобы вы приносили пользу здесь. А вы действительно в состоянии принести пользу. На Фаргоне возводится комплекс. А ведь от Фаргоны до Планиса очень-очень далеко…

И Джастина тотчас сковал давно знакомый противный страх.

— Бога ради, — продолжал Най, — не нужно

их провоцировать. Больше мне нечего сказать. Мы не в состоянии управлять всеми событиями. Комитет по обороне наложил лапу на твоего отца. И вряд ли скоро откажется от Джордана. Пойми, в такую ситуацию вас поставили события на Геене, и только: Геена и все, что случилось следом, — вот почему они решили намекнуть твоему отцу, будто ему есть что терять. Но тебя мы отстояли. Держали в укромном месте. То, что вы с Грантом были несовершеннолетними, спасло вас от многих неприятностей. Но теперь вы уже достаточно взрослые, чтобы столкнуться с проблемами. А в филиале «Ресион-спейс» на Фаргоне есть военный отдел, куда тебя можно отправить и держать как заложника.

— Это угроза?

— Джастин — дай мне хоть небольшую передышку. Доверяй мне так, как я доверяю тебе. И твоему отцу. Я всего лишь пытаюсь предупредить вас о ловушке. Подумай хотя бы об этом, если не хочешь думать об остальном. Признаться, я что-то не верю во внезапную благосклонность военных. И ты правильно не доверяешь им. Я стараюсь предупредить вас о грядущих сложностях. Если вы станете здесь незаменимыми, то нам будет намного легче удержать вас в Ресионе. Вот

теперь думай. Сам посуди, что за преимущество они получат, если сумеют вытащить тебя к себе на Фаргону, пока Джордан по-прежнему будет находиться в их же распоряжении на Планисе. Вот о чем я тебе толкую. Можешь использовать эту информацию по своему усмотрению. Я только помогаю тебе по мере возможностей.

Уоррик-младший взял кассету. И задумался. А потом промолвил:

— Да, господин.

Потому что Деннис был прав. Джастину совсем не хотелось на Фаргону — ни сейчас, ни потом. Вне зависимости от желаний Джордана.

9

«Я полагал, что это могло бы быть ответом на некоторые ваши возражения по MR-159, — напечатал Джастин в углу объяснительной, которую собирался приложить к проекту ЕО-6823, — Дж У.». После чего собрал все материалы по проекту и отослал их Янни Шварцу в кабинет.

Испытывая при этом нехорошие предчувствия.

Юноша снова углубился в работу. Работал он помногу и очень упорно, поскольку теперь знал, ради чего он это делает. Джастин знакомился с обучающими лентами, повышал свой профессиональный уровень. Снова засел за шаблоны, над которыми работал в свободное время еще восемь лет назад, поясняя Янни, что они — всего лишь экспериментальная альтернатива обычным заданиям.

Но Янни отчего-то взбеленился.

Господин Шварц вообще легко терял самообладание.

— Послушайте, — сказал Джастин, когда Янни в пух и прах разнес набросок MR-1959, — я ведь занимаюсь этим в свободное от работы время.

Остальное я тоже сделал. Я просто подумал, что вы немного поможете…

— Так все равно не пойдет, — отрезал Янни. — Нужно все переделывать.

— Что именно? Объясните.

— Нельзя замкнуть квалификационную обучающую ленту на глубокое погружение. Выйдет сущая глупость — вроде той, которую ты мне притащил.

— А нельзя ли обсудить это поподробнее? Например, за обедом? Янни, мне действительно хотелось бы переговорить с вами по этому поводу. Думаю, что мне удастся избежать ошибки. Кажется, она кроется вот где…

— Не вижу оснований тратить время на всякую ерунду. Сынок, я занят, занят! Обратись к Штрассен — если разыщешь ее. Если ее вообще возможно разыскать. Пусть она возьмет на себя роль инструктора. А по этому поводу обратись к Петерсону. Он — человек терпеливый, не чета мне. Просто занимайся своими делами, регулярно приходи на работу и не создавай мне проблем. У меня их и так достаточно.

Джастин вспомнил — Петерсон занимался с начинающими.

Именно это и хотел сказать ему Янни.

Джастин не упрямился, когда Деннис Най порекомендовал ему работать поактивнее. И не отрицал факта, что у Арианы Эмори нашлось когда-то время взглянуть на его модели прототипов. Уоррик-младший проглотил все горькие пилюли и теперь утешал себя тем, что Янни всегда бывал резок, когда ему досаждали. Ведь Янни был модельером психошаблонов, Янни работал с тончайшей материей, а когда господину Шварцу случалось трудиться с ази, он являл собою образец терпения; однако пререкания Янни с КВ представляли собой нечто иное, что очень обескураживало Джастина. Разумеется, юноша обижался. А все оттого, что Янни считался прекрасным специалистом и вымещал недовольство на психологе-неудачнике, совершавшем сплошные ошибки…

Поэтому Джастин покинул кабинет Шварца, кротко вымолвив: «Да, господин, я понял». И переживал всю ночь — спокойствие вернулось лишь наутро. Кое-как собравшись с духом, он решил: «Ладно, таков, значит, Янни? Но никого лучше мне просто не найти. Я могу и потерпеть. В конце концов, чем он может мне навредить? Пусть болтает, что хочет».

У самого Джастина было дел невпроворот: ему

предстояло учиться у виртуоза-психолога, живя при этом в Ресионе и пытаясь стать таким, как Янни. Что означало — стиснуть зубы, набраться терпения и двигаться вперед.

— Не обращай на него внимания, — посоветовал Грант, с головой ушедший в работу, — работа помогала успешно защищаться от Янни: тот, оказавшись неподалеку, был способен нагнать на молодого ази панику.

— А я и не обращаю, — отозвался Джастин. — И не буду обращать. Но ведь он единственный, у кого я могу научиться хоть чему-нибудь, не считая Штрассен, Жиро и Денниса. Черта с два он пойдет к Наям! И давай выбросим из головы даже саму мысль со работе со Штрассен.

— Нет уж, — энергично возразил Грант. — Сомневаюсь, что тебе следует так поступать.

А все потому, что нельзя было забывать, какой человек слонялся около кабинета Джейн Штрассен.

Он не нарочно затеял войну с Янни. Джастин просто очень обиделся, испытывал неуверенность в себе, отчаянно старался работать как можно лучше, а Янни требовал так называемого петельного моделирования — то есть чтобы в случае неудачи хирург смог «распустить» ткань.

А все потому, что, как пояснил пребывавший в благодушном настроении Янни, когда от него вторично потребовали более подробных объяснений в связи с проектом MR-1959, «ты, черт побери, не такой уж пока профессионал, а квалификационная обучающая лента — это тебе не программа управления. Нечего ставить телегу впереди лошади. Держись подальше от глубокого погружения, или тебе не хватает сообразительности понять, куда тянется ниточка? Мне недосуг заниматься дурацкой суетой. Ты впустую тратишь свое время и отнимаешь время у меня. Из тебя вышел бы отменный программист, умей ты решать собственные проблемы и не возиться с разной дрянью, которой занимались лет этак восемьдесят назад. Сынок, колеса ты не изобрел, ты всего лишь забрался в непролазные дебри».

— А вот Ари никогда так не говорила, — в конце концов не выдержал Уоррик-младший, точно пытаясь приободриться. Однако реплика вышла излишне эмоциональной и сбивчивой.

— А что же она говорила по этому поводу?

— Она только раскритиковала модель и заметила, что я не учел некоторых социологических разветвлений…

— Чертовски верно подмечено.

— И еще посулила все обдумать. Ари собиралась все обмозговать. Она не говорила, что готова дать мгновенный ответ. И не сказала, что я сам должен обо всем думать. А потому я считаю, что вы не вправе отделываться от меня подобным образом. Могу показать вам модель, над которой мне пришлось работать, — если, конечно, разница в этом…

— Сынок, я бы посоветовал тебе смотреть на вещи трезво. Ари нужно было от тебя лишь одно, и тебе доподлинно известно, что именно. Не стоит срываться и спустя шесть-восемь лет воображать, будто в семнадцать ты трудился куда успешнее, чем теперь. Твой проект — сущий хлам, и тебе лучше признать это самому. Тебе не повезло сразу в нескольких сферах, и твое желание наверстать упущенное вполне естественно, но ты больше поможешь себе, если начнешь оттуда, где находишься. И поймешь, что Ари приглашала тебя в кабинет и тратила на тебя время вовсе не ради обсуждения искрометных идей. Понял?

На миг у Джастина потемнело в глазах. Кроме них с Янни, в кабинете никого не было. И потому услышать их разговор никто не мог. Но никто, никто ни разу за все эти годы не говорил ему горькой правды столь открыто — ни Деннис,

ни Петрос. Перед глазами у юноши замелькали искры, что безошибочно свидетельствовало о повышении уровня адреналина в крови, и Джастин осознал, что инстинктивно реагирует на слова Шварца: сейчас ему хотелось оказаться где угодно, но только не в злополучном кабинете, да еще один на один с человеком, которого он не мог ударить. В противном случае его через какой-нибудь час уложили бы на стол в кабинете психохирурга, а затем…

— Янни, мерзавец, что вы хотите этим сказать?

— Я только пытаюсь помочь тебе.

— И это — помощь? Неужели вы и с пациентами обращаетесь подобным образом? Тогда помоги им Всевышний!

Джастин был на грани срыва. Он изо всех сил стиснул зубы. И мысленно говорил обидчику: «Ты знаешь, что я проходил терапию. Оставь меня в покое, беспринципный ублюдок!»

На сей раз перед тем, как дать ответ, Янни выдержал продолжительную паузу. А потом негромко молвил:

— Сынок, я ведь только хочу сказать тебе правду. Один я. Петрос просит не загонять тебя в угол. Чего ты хочешь? Чтобы Петрос наложил на рану свежий пластырь? Вряд ли он отважится

подступиться к тебе. Деннис не позволит ему осуществить вмешательство. А вмешательство — именно то, что тебе больше всего сейчас необходимо, сынок. Нужно, чтобы кто-нибудь вскрыл нарыв и вырезал то, что постоянно гложет тебя. Вырезал и показал тебе — пусть мои слова тебе неприятны. Я тебе не враг. Все они и думать не смеют о том, чтобы провести тебе комплексное психиатрическое освидетельствование. Боятся, что новость об этом все-таки просочится за пределы Ресиона и Джордан закусит удила. Но я забочусь прежде всего о тебе — ты мне настолько небезразличен, что я готов вытянуть из тебя кишки и показать их тебе разложенными на тарелке, лишь бы ты понял, как неправа старая поговорка, и мог спокойно зажить полноценной жизнью. Об Ари трубят в выпусках новостей, и это совсем плохо; журналисты вообще проявляют нездоровый интерес к нашей секретности. Мы не в состоянии арестовать тебя и насильно провести курс лечения, в котором ты нуждаешься. Послушай, послушай меня. Остальные просто пытаются спасти свои шкуры. Ты истекаешь кровью, пока Петрос делает легкомысленные успокоительные заявления по ситуации, суть которой ясна всем: Деннис попытался разговорить

тебя. Ты отказался от сотрудничества. Хорошо еще, что ты пытаешься опомниться и заняться работой. Будь моя воля, сынок, перед этим разговором я бы опоил тебя как следует — возможно, и потонули бы все твои горести. Но я хочу, чтобы ты трезво оценил свое положение. Ты пытаешься вернуться на прежние позиции. И теряешь время. Я хочу, чтобы ты принял все происшедшее как есть. Прошлое осталось в прошлом. Хочу, чтобы ты трудился в полную силу. Работать нужно споро. А ты медлишь и медлишь. Копаешься с проверками и перепроверками, точно боишься замараться в дерьме — пора с этим кончать. Все равно после тебя все будут перепроверять; незачем работать так, как ты работаешь сейчас. Будь уверен — надолго тебя не хватит. А потому не напрягайся, а делай так, как удобно для работы на твоем уровне. И чтобы без, — Шварц выразительно зашелестел страницами отчета, — без подобного дерьма!

Некоторое время Джастин сидел в полной тишине. Душа точно кровоточила — почти как подметил Янни. Но из упрямства и желания добиться одного-единственного результата Уоррик-младший бросил:

— В таком случае докажите мою неправоту. Рас-

критикуйте меня. Пропустите мой отчет сквозь призму социологии. Подскажите, чем должны заниматься второе и третье поколения. Покажите, где произойдет слияние. Или где слияния не будет.

— А ты оглядывался по сторонам? Видел хотя бы подобие планов, по которым мы работаем? Откуда, по-твоему, у меня время на подобную возню? Ты что же — предлагаешь мне профинансировать социологическое исследование, чтобы эксперты снова решали проблему, с которой покончили еще восемьдесят лет назад?

— Да говорю вам, я решил ее. И утверждаю, что нашел отличное решение. А вы покритикуйте мою модель. Покажите, в чем я не прав, а не доказывайте, будто я свихнулся.

— Черт, я не собираюсь потворствовать тебе — ты только валяешь дурака.

— Я — сын Джордана. У меня были неплохие результаты…

— Были — вот именно, что были. Хватит смотреть в прошлое. То, что было шесть лет назад, нас теперь не интересует, сынок.

— Так докажите, Янни, докажите! Иначе я окончательно решу, что вы не в состоянии опровергнуть мою точку зрения.

— Отправляйся к Петерсону!

— Петерсон мне ничего не докажет. Я смыслю больше его. Я начинал с того, что известно ему.

— Ты просто заносчивый недоросль! Ишь, возомнил, будто знает больше Петерсона! Если хочешь знать, Петерсон полностью оправдывает свое жалованье. Не будь ты сыном Джордана, тебя давно отселили бы в однокомнатную конуру с минимумом удобств — на большее твоя работа не тянет. И тогда ты понял бы, как задирать нос, сынок. Вы с Грантом не заслуживаете квартиры, в которой живете.

— В таком случае как насчет работы моего отца? Он работает, а что получает взамен? Отошлите мои наброски ему — уж у отца найдется время просмотреть их.

От неожиданности Шварц на мгновение утратил дар речи. А опомнясь, тяжело вздохнул и сказал:

— Черт, что же с тобой делать?

— Что хотите — последуйте примеру остальных. Можете выгнать меня. Но предупреждаю: я стану посылать вам свои наброски раз в неделю. Если ответ не поступит, буду приходить к вам лично. Еженедельно. Янни, я намерен учиться дальше. И это — не моя прихоть. Вы — тот самый

инструктор, который мне требуется. Поступайте как угодно. И говорите что хотите, но я не отступлюсь.

— Черт возьми…

Джастин уставился на Шварца тяжелым взглядом и, не давая тому опомниться, поднялся, обошел стол и отрывисто бросил:

— Я обращусь к Штрассен, хотя уверен, что меня к ней не подпустят. К тому же вряд ли у нее найдется для меня время. Так что остаетесь вы, Янни. Можете выгнать меня — либо доказать мою неправоту и учить. Но поступайте логично. Промывание мозгов делу не поможет.

— У меня нет времени!

— Времени нет ни у кого. Так что постарайтесь. В конце концов, если я неправ, вам не придется возиться со мною слишком долго. С меня достаточно пары фраз. Подскажите, на какой стадии начнется влияние на следующее поколение…

— Убирайся вон!

— Стало быть, вы меня выгоняете?

— Нет, — прорычал господин Шварц. Короткое «нет» было самым дружелюбным ответом из всех, какие приходилось выслушивать Джастину за эти годы.

Так Уоррик-младший записал две обучающие

ленты, одна из которых предназначалась Янни. Другую он сделал для себя; Джастину очень хотелось надеяться, что в дальнейшем ему разрешат пользоваться этой обучающей лентой, ибо она могла кое-чему его обучить. И заодно позволила бы составить целостное представление об отдельных аспектах работы.

Поэтому что, как любил говорить Грант, квалификация для ази исключительно важна.

Правда, Джастину все еще не удавалось выделить суть подхода — насколько правомерно вознаграждать представителя тета настоящим удовлетворением от работы вместо обычной похвалы. Разумеется, здесь имелся некий моральный аспект. И принципиальные структурные проблемы в связи этого аспекта с психошаблоном ази — Янни был прав, именно здесь крылась основная загвоздка. Для искусственного психошаблона требовались простейшие основы — а никак не сложные, ибо в противном случае складывались очень опасные конструкции. Связки глубокого погружения могли впоследствии привести к неврозам и навязчивым идеям, которые просто погубили бы ази и были куда более опасны, нежели склонность к унынию.

Тем не менее Джастин продолжал составлять

набросок за наброском и направлять их Янни, стараясь угадать момент, когда тот был настроен относительно миролюбиво. Впрочем, господин Шварц отличался вечно угрюмым нравом.

— Ну ты и бестолочь! — фыркал Янни, и это были самые лестные его отзывы о работе Джастина. Иногда Шварц просто подкалывал к наброску листок с перечнем замечаний. И предлагал заняться программированием, не затрагивавшим социологических аспектов.

Джастин тщательно хранил замечания инструктора. И просматривал рекомендованные обучающие ленты. Находил ошибки. Бился над их устранением.

— И все равно ты бестолочь, — втолковывал Янни. — Такая работа, сынок, наносит тебе медленный и, вероятно, глубокий урон. Но все равно работай. Если ты посвятишь работе все свободное время, я, возможно, подкину тебе несколько полезных тем. С шаблоном бета у тебя вышла промашка: здесь мы собрали все возможное. Шаблону уже с десяток лет, и он взят из учебной обучающей ленты — всего их по данной теме три. Мы размышляем. Инструктор размышляет. Вот здесь собраны все данные по ситуации. Используй все свои знания и дарования. Вместе с

Грантом подумайте, возможны ли какие-нибудь решения.

Джастин покинул кабинет наставника, унося досье и папку с материалами по недостаткам, которые надлежало исправить: это была куда более ответственная работа, чем та, которую Янни до сих пор решался ему доверить.

Вернувшись к себе, Джастин ввел обучающую ленту в свой компьютер и окончательно убедился, что дело швах. Трем ази на протяжении ряда лет крутили обучающую ленту объемом со страницу, причем каждому обучающая лента подавалась как бы под разным углом. Но имелся один недостаток, и очень существенный. Ази параллельно с этим прокручивали обучающую ленту, которая внушила беднягам, что они ни в чем не виноваты. А это подразумевало, что ази до сих пор ждали, пока какая-нибудь светлая голова докопается до сути изъяна и поможет им встать на путь нормального развития.

Джастин невероятно удивился, заметив, что ситуацию не могли разрешить на протяжении многих месяцев. А ази находились даже не на Сайтине. Тамошние Старшие работали кто во что горазд: забирались в анализ, прокручивали по две установки на каждого ази. Результаты

не замедлили сказаться — все запуталось еще сильнее.

А значит, речь шла не об обычном стрессе. И проблема вышла за теоретические рамки.

Джастин сделал два звонка по телефону. Один из них — Гранту. И пояснил: «Мне нужна твоя точка зрения».

Второй звонок был Янни.

— Скажите, — спросил Уоррик-младший, — кто-нибудь еще работает над этой проблемой? Я считаю, что речь идет о возможной очистке интеллекта. Умоляю — передайте дело надежному специалисту.

— Но ведь ты утверждаешь, будто разбираешься во всем, — ехидно отрезал Шварц и бросил трубку.

— Будь ты проклят! — закричал Джастин, явившись вслед за тем к Янни.

А потом в кабинет к Джастину пришел Грант, и братья, отложив все дела, засели за чертову обучающую ленту.

Целых три бессонных недели Уоррики корпели над неподатливой квалификационной обучающей лентой, проверяя каждое звено, каждое сплетение. А потом стали проверять и все три обучающие ленты.

— Проклятие, — возмущался Джастин, в очередной раз заглянув к Янни, — это какой-то кошмар! А ведь вы могли обнаружить сбой в течение недели. Ведь они — живые люди, и страшно думать, что одному из них воспроизвели бракованную обучающую ленту.

— Что, справляетесь? Я думал, вы растеряетесь. Ладно, займись подгонкой.

— Что значит — «займись подгонкой»? Вы обязаны проверить мою работу.

— Это и есть одна из проверок. Так что все-таки займись подгонкой. Обойдемся без проверки.

Уоррик-младший протяжно вздохнул. И уставился на Янни тяжелым взглядом:

— Неужели это и в самом деле животрепещущая проблема? Или здесь какой-то подвох? Может, всего лишь обычное упражнение, наскоро состряпанное вами?

— Ты не ошибся — проблема действительно важная. И пока ты пререкаешься со мной, они еще ждут. Так что поторапливайся. Ты справился довольно быстро. Давай посмотрим, на что еще ты способен.

— Черт, я вижу вас насквозь! Не нужно испытывать это на ази.

— «Не нужно» — это я должен был сказать

тебе, — отчеканил Янни и, развернувшись, удалился во внутренний кабинет, где и заперся.

Джастин остолбенел. Едва опомнясь, он отчаянно посмотрел на Мардж, помощницу Янни.

Мардж бросила на юношу сочувственный взгляд и покачала головой.

Вернувшись к себе, Джастин сообщил новость Гранту.

И сделал требуемую подгонку за три дня.

— Отлично, — одобрил Шварц, просмотрев работу, — наверняка сработает. А пока займись вот чем…

10

— Это — часть моей работы, — сказала мама, и Ари, взяв ее за руку (не потому, что была ребенком, а потому, что механизмы выглядели устрашающе, все двигалось и казалось опасным), принялась рассматривать сияющие стальные штуковины под названием «эмбриофоны», каждая из которых была размером с автобус. А потом громко спросила:

— А где же младенцы?

— Внутри емкости, — пояснила мама. Тут же подошелази, и мама сказала: — Это моя дочь Ари. Ей хочется взглянуть на пару экранов.

— Ясно, доктор Штрассен, — отозвалсяази. Собравшиеся вокруг громко галдели. Ази сказал:

— Здравствуй, Ари!

— Здравствуйте! — отозвалась она, с удивлением подмечая, что ази — женщина. И, продолжая сжимать руку матери, вместе с ней направилась за ази по длинному проходу.

В конце концов они подошли к другому письменному столу, на котором стоял монитор. А мама поинтересовалась:

— Который самый ранний?

— Десятому номеру уже неделя.

— Ари, сможешь отсчитать десятый эмбриофон? Посмотри, вон он — почти у самой стены.

Посмотрев в указанном направлении, девочка проделала требуемый подсчет и утвердительно кивнула.

— Все в порядке, — обрадовалась мама. — Мэри, давай посмотрим… Ари, Мэри проводит тебя и покажет младенца внутри эмбриофона — он высветится на экране.

— А разве нельзя заглянуть внутрь?

— Свет потревожит малыша, — пояснила Джейн. — Они — как подарки ко дню рождения: открывать их можно только в тот самый день. Договорились?

Ари удивилась. И, успокоенная, прыгнула в кресло. На экране перед нею тотчас возникло небольшое красное нечто.

— А вот и младенец, — сказала мама, ткнув пальцем в экран: — Вот, смотри!

— Фу! — выдохнула девочка, пытаясь припомнить, где видела нечто подобное. В конце концов она пришла к выводу, что помнит расплывчатые очертания красноватого ребенка по одной из обучающих лент. Но ребенком его можно было назвать с определенной долей условности.

— Ах, да. Все дети выглядят так, если им всего неделя от роду. А через сколько недель они рождаются?

— Через сорок с чем-то, — бойко отозвалась Ариана, вспомнив другую обучающую ленту глубокого погружения. — Они что — все такие?

— Мэри, а около восьми недель кто-нибудь есть?

— Четыре и пять — девять, — отозвалась Мэри.

— Ясно. Ари, аппараты четвертый и пятый. Сориентируйся, где ты, и мы покажем тебе кое-что. Мэри, который?

— Номер четыре, госпожа. Вот здесь…

— Он все еще уродливый, — пожаловалась Ариана. — А можно посмотреть хорошенького?

— Ну, давай посмотрим.

Следующий младенец понравился девочке больше. Следующий — еще больше. В конце концов малыши становились все крупнее, так что уже нельзя было разглядеть на мониторе всех целиком. И еще они двигались. Ари совсем разволновалась, когда Джейн пообещала показать появление на свет одного из малышей.

Когда они подошли к нужному эмбриофону, вокруг уже собралось множество техников. Джейн взяла девочку за плечи и поставила перед собой,

дабы та могла пронаблюдать весь процесс. После чего посоветовала, куда смотреть — прямо в эмбриофон.

— А разве он не утонет? — удивилась Ари.

— Нет, что ты — ведь такие малыши живут в жидкости, разве ты забыла? А теперь смотри — эмбриофон делает то же, что и живой организм, когда дитя появляется на свет. Сейчас ребенка вытолкнет наружу. В точности как мышцы, только там работают насосы. И тоже пойдет кровь, потому что крови там много, она входит в насосы и выходит из них, да к тому же рвутся кое-какие сосуды в биоплазме, когда малыша выталкивает.

— А у ребенка есть пуповина или нечто в этом роде?

— О да, новорожденным без нее не обойтись. Причем пуповина настоящая. Все настоящее — вплоть до биоплазмы, причем она — самая сложная штуковина и в состоянии породить кровеносную систему. Смотри внимательнее — вон мелькает огонек! Это означает сигнал техникам — они должны подготовиться. Ну вот, началось. Вот голова — дети всегда должны появляться головой вперед.

— Плюх! — в восторге крикнула Ари, хлопая в ладоши, когда новорожденный выкатился из

эмбриофона. И тотчас заскользил в воде, а вокруг него заколыхалась разная дрянь. — Фу!

Но техники-ази знали свое дело — ребенка тотчас выловили, пуповину перерезали, и малыш задвигался еще энергичнее. Ари поднялась на цыпочки, чтобы лучше разглядеть, как ребенка понесли на столик. Но ази Мэри на мгновение задержала техников, чтобы Ари могла рассмотреть младенца, который почему-то отчаянно гримасничал. Оказалось, на свет появился мальчик.

Ребенка обмыли, посыпали каким-то порошком и запеленали, после чего Мэри взяла его на руки и стала укачивать.

— Это GY-7688, — пояснила мама. — Его зовут Август. Когда вырастет, станет одним из наших охранников. Но пока он еще долго будет маленьким. Когда тебе исполнится двенадцать, он будет таким, как ты теперь.

Ари была просто очарована. Потом ей велели вымыть руки и позволили потрогать младенца. В ответ малыш бестолково махнул кулачком и дернул ножками, и Ари вконец развеселилась.

— Ну все, нам пора. Попрощайся со всеми, — распорядилась Джейн. — И не забудь поблагодарить Мэри.

— Спасибо, — искренне сказала девочка. Здесь

ей очень понравилось. Ари решила, что обязательно еще заглянет в родильное отделение.

— Понравилась лаборатория? — поинтересовалась мама.

— Понравилось, когда рождался ребенок.

— Олли появился на свет в точности так. И как раз в этой самой лаборатории.

Ари удивилась — невозможно было представить Олли таким крохотным и забавным. Ей не хотелось думать, что Олли был младенцем. Наморщив носик, Ариана вновь представила Олли таким, каким знала его всегда. Теперь все было в порядке.

Олли опять стал большим, симпатичным и одетым в неизменную черную униформу.

— Иногда КВ рождаются из эмбриофонов, — сказала Джейн. — Если матери по каким-то причинам не могут их выносить. А эмбриофоны справляются с работой. Ты знаешь, в чем разница между КВ и ази, появившимися на свет одинаковым образом?

Вопрос оказался трудным, ибо различий Ари знала множество. Причем некоторые были неоспоримыми правилами, а другие — просто признаками ази.

— И в чем же? — уточнила девочка.

— В каком возрасте ты впервые просмотрела обучающую ленту?

— Мне шесть лет.

— Правильно. Первую обучающую ленту тебе прокрутили на следующий день после появления на свет. Но тебе это не интересно, так ведь?

— Нет, — отозвалась девочка и тряхнула копной волос. Она любила встряхивать головой. Что поделаешь — иногда мама сильно докучала своими вопросами.

— А ты знаешь, когда прокрутят первую обучающую ленту Августу?

— Когда же?

— Сегодня. Прямо сейчас. Его положили в колыбельку, и обучающая лента сразу включилась, так что Август может слушать ее.

Ари поразилась и даже позавидовала. Еще бы: если Август вырастет таким умным, он может стать серьезным конкурентом!

— А почему со мной было иначе?

— Потому что ты должна была стать КВ. Потому что тебе предстояло очень многое изучить по-старинке. Потому что обучающие ленты хороши, но если у ребенка есть заботливые папа или мама, то он сможет узнать множество разных вещей куда раньше Августа. Таким образом КВ задается

мыслительное развитие. Ази же в основном учат быть хорошими и выполнять свою работу, но соображают они все равно туговато — к примеру, они просто не знают, как поступать с вещами, которых не видели прежде. А КВ способны позаботиться о себе сами. КВ в состоянии догадаться, как лучше поступить. Все это они узнают от мам. Учебное программирование — штука хорошая, но ее недостаточно. Потому-то я всегда прошу тебя запоминать все, что творится вокруг. И потому от тебя требуется учиться прежде всего на практике. Так что знай — глаза и уши важнее всех обучающих лент. Если бы у Августа была мама, готовая сразу же забрать его домой, он стал бы КВ.

— А почему бы Мэри не стать его мамой?

— Потому что ей приходится заботиться о множестве других детей. Каждый год их бывает у нее по пять сотен. Иногда и больше. Она же не может выполнять абсолютно всю работу. Вот и приходится доверять дело обучающей ленте. Потому у ази не бывает мам. Где же найти на всех родителей?

— Я могла бы взять Августа.

— Нет, тебе нельзя. Мама обязательно должна быть взрослой. Если бы я забрала Августа домой, то его пришлось бы укладывать в твою кроватку,

позволять ему играть твоими игрушками, менять пеленки и слушать неумолкающий плач. К тому же тебе пришлось бы делить с ним маму — причем постоянно. Нельзя отправить ребенка обратно только потому, что он надоел. Согласилась бы ты взять Августа при условии, что ему отдали бы половину твоей комнаты, а я, Нелли и Олли возились бы с ним все время? Ведь матерям приходится посвящать младенцам почти все время.

— Нет уж, — не выдержала Ари, тотчас забраковывая мысль взять Августа. Схватив мать за руку, она дала себе слово, что не допустит появления в доме ребенка, который сразу завладеет всеобщим вниманием. Достаточно было и общения кое с кем из противных знакомых.

— Идем! — позвала Джейн, увлекая ее на улицу, в царство солнечного света. Они оказались в саду подле прудика с рыбками. Ари тотчас прошлась по карманам шорт — но крошек, чтобы угостить рыб, там не оказалось. А все благодаря стараниям чистюли Нелли — нянька всегда требовала от Ари опрятности.

— У тебя есть чем покормить рыбок?

— Нет, — отозвалась Джейн, похлопывая ладонью по каменной глыбе, на которую при-

села. — Ари, подсаживайся! Расскажи, что ты думаешь о маленьких детях.

Снова учеба, уныло вздохнула Ари, с неохотой оставляя прятавшихся под водяными лилиями рыбок; девочка уселась на камень помельче, с которого могла видеть лицо матери, и тотчас положила руки на колени.

— Ну, что ты о них думаешь?

— Они хорошие.

— Как ты знаешь, Олли тоже там родился.

— А что — тот малыш станет чем-то вроде Олли?

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Кстати, почему не станет?

Ари потерла лицо и, поразмыслив, ответила:

— Потому что он GY какой-то, а Олли — АО. Он — даже не альфа.

— Верно. Совершенно верно. Ты умница.

Польщенная девчушка заерзала.

— Знаешь, Ари, а ведь и ты родилась в той палате.

Это Ари слышала не впервые, хотя не была уверена, шутит мама или говорит всерьез. И потому пристально посмотрела на Джейн, пытаясь доискаться правды. Судя по выражению лица мамы, это была никакая не шутка.

— Я не смогла выносить тебя — годы уже были не те. Мамочка не единожды проходила омоложение — в таком состоянии не до деторождения. Но зато эмбриофону все нипочем. И потому я велела Мэри зачать особого ребенка. В момент зачатия она присутствовала у эмбриофона, а потом выловила младенца из воды. Этим младенцем была ты, Арианочка.

Ари ошеломленно уставилась на госпожу Штрассен. И попыталась представить себя в той палате: вот она выскальзывает из виденного эмбриофона и ловкие руки Мэри подхватывают ее… Все ощущения стали какими-то другими. Себя Ари тоже чувствовала совсем не так, как еще минуту назад. И потому решительно не знала, как вести себя.

А Джейн раскрыла объятия:

— Хочешь к мамочке? Иди ко мне, деточка моя!

Конечно, Ари хотела к мамочке. Хотела быть деточкой и усесться матери на колени, что и попыталась сделать, однако не совсем удачно, ибо причинила ей боль. А потому просто присела рядом, чувствуя страшную неловкость, когда мама обняла ее и покачала, точно ребенка. Тем не менее объятия матери подействовали на юную

Эмори успокаивающе.

— Мамочка так тебя любит! Сильно-сильно. Нет ничего зазорного в том, что кому-то пришлось родиться в той палате. Ты — самая лучшая дочь, какая только могла у меня появиться. Я ни на кого тебя не променяю.

— Но ведь я все равно твоя.

Поначалу мама явно не собиралась отвечать, но потом вдруг, точно чего-то испугавшись, поспешно бросила:

— Пока моя, деточка.

Ариана не поняла, отчего так сильно забилось ее сердце. И не знала, почему поначалу мама пыталась смолчать. Неизвестность очень перепугала девочку, и она порадовалась мягким, уютным материнским объятиям. И еще поняла, что продрогла.

— Я уже говорила, что не у всех есть папы. Но у тебя папа был. Его звали Джеймс Карнат. Потому-то Эми приходится тебе двоюродной сестрой.

— Эми — моя двоюродная сестра? — с отвращением бросила юная Эмори. Что поделаешь — у многих были двоюродные братья и сестры, что подразумевало родство. Но противная старуха Эмелия Карнат никак не входила в число людей, которых Ари желала видеть своими родными.

— А где мой папа?

— Умер, доченька. Умер еще до твоего рождения.

— А Олли не мог бы стать моим папой?

— Олли не может, милая. Потому что он сам проходит омоложение.

— Но ведь у него нет седых волос.

— Он просто красит волосы, как и я.

Ответ шокировал девочку. Она и помыслить не могла, что Олли стар, как мама, — ведь Олли всегда казался молодым и красивым.

— Хочу, чтобы моим папой был Олли.

И снова мама отреагировала так, что Ари встревожилась. Полулежа в объятиях матери, Ариана инстинктивно угадала ее тревогу. Понять состояние Джейн можно было хотя бы по неровному дыханию.

— В общем, — выдавила госпожа Штрассен, — твоим отцом был Джеймс Карнат. Тоже, как и мамочка, ученый. Он был очень одарен. От него ты унаследовала половину своего таланта. Когда сама станешь омолаживаться, то узнаешь все. И если позже захочешь вдруг завести ребенка, то тебе придется внести свой генотип в банк, так что потом ребенка уже не сделаешь. Именно таким образом ты унаследовала отцовский талант уже

после его смерти. Все эти годы ты ожидала своего часа в генобанке, и когда мамочка поняла, что сможет вырастить малыша, твой час пробил.

— Жаль, что ты не сделала это раньше, — посетовала Ари. — Тогда ты была бы моложе.

Джейн расплакалась.

Заплакала и Ари — ей жаль было видеть мать несчастной. Но та принялась целовать ее, называть «деточкой», говорить, что любит ее, и потому юная Эмори поняла, что теперь все будет в порядке — как и должно быть всегда.

Потом она много размышляла над случившимся. Ведь раньше она не сомневалась, что появилась на свет из чрева мамы. Но в том, что та предпочла произвести ее на свет при помощи эмбриофона, ничего плохого не было. Ведь она все равно не стала ази — мама позаботилась об этом.

Было приятно родиться на свет там, где родился Олли. Сама мысль привела Ари в восторг. И ей совершенно не было дела до какого-то Джеймса Карната. Ведь он носил фамилию Карнат — как Эми, что за гадость!

А еще Ариана решила, что в младенчестве у Олли наверняка были темные волосы и что он был куда красивее Августа.

Потом рассуждения пошли дальше; Ари реши-

ла, что когда вырастет, обзаведется своим Олли. И еще у нее появится какая-нибудь Нелли.

Но без Федры вполне можно обойтись — уж больно та любила командовать.

Обзаводиться ази было совсем необязательно — по желанию. Оставалось только заказать их. Или не заказывать. И тогда ази не рождались.

Ари знала, что ни за что не станет заказывать Федру, у которой был слишком длинный язык. Но зато она вознамерилась заполучить в охранники Августа — когда тот подрастет, разумеется. Ари уже представляла, как Август станет дежурить в их коридоре, говорить по утрам «Здравствуйте, госпожа» — в точности так, как охрана приветствовала мать.

Будет у нее и какой-нибудь Грант. С рыжими волосами. Подобно ази, он станет одеваться в черное и будет симпатичным. Правда, Ари не знала, какую работу станет выполнять будущий Грант, но ей все равно хотелось иметь рядом рыжего ази.

Она станет богатой, как мама.

И красивой.

Она будет летать на самолете, путешествовать в город, покупать много красивых нарядов и драгоценностей, как у мамы, и когда будут отмечать

Новый год, все обязательно подметят, как умопомрачительно они выглядят.

Она разыщет Валери и попросит его вернуться. И госпожу Шварц тоже.

И все будут счастливы.

«Пособие по производству», аудиозапись.

Обучающая лента по генетике № 1.

«Интервью с Арианой Эмори, часть вторая»

«Ресионские общеобразовательные публикации», 8970-8768-1.

Одобрено для 80+

К: Доктор Эмори, у нас осталось еще немного времени. Не возражаете, если я задам еще несколько вопросов?

А: Валяйте!

К: Вы — одна из Особых. Поговаривают, будто вы — один из величайших умов, будто стоите в одном ряду с Да Винчи, Эйнштейном и Бок. Как вам такое сравнение?

А: Я хотела бы лично познакомиться с одним из упомянутых вами гениев. Было бы здорово. Между прочим, я уверена, что уже знаю ваш следующий вопрос.

К: В самом деле?

А: Задавайте!

К: Как вы сравниваете себя с другими людьми?

А: Хм-м-м-м-м… Не угадала… С другими, говорите? Не уверена, что смогу ответить. Я веду уединенную жизнь. И одинаково уважаю того, кто водит грузовики по пустыням, и того, кто пилотирует корабли. И тех, кто ездит в новгородском метро (посмеивается). Наверное, и я смогла бы — просто никогда не пробовала. Но жизнь — штука сложная. Не уверена, что смоделировать генотип мне сложнее, чем кому-нибудь, обладающему соответствующими способностями, — совершить нечто, кажущееся мне до ужаса непонятным.

К: Интересное замечание. Но находите ли вы профессию водителя грузовика столь же полезной? Может, из числа водителей тоже следует выбрать Особого? Что именно делает вас столь важной персоной?

А: Прежде всего мое уникальное сочетание способностей. Никто другой не в состоянии делать то, чем занимаюсь я. В этом и заключаются таланты Особого.

К: Что значит — быть Особой?

А: Ваш вопрос весьма близок к тому, которого я ждала от вас сначала. С уверенностью могу сказать, что быть Особой — почти то же, что состоять

Советником либо занимать какой-нибудь пост. Это подразумевает минимум личной жизни, постоянное нахождение под охраной и большее, чем диктует логика, внимание со стороны окружающих.

К: Нельзя ли поподробнее? Что значит — большее, чем диктует логика?

А: (Смеется) Представитель одного из изданий попросил меня подробно рассказать о любимых блюдах. Другой репортер выпытывал, верю ли я в переселение душ. Ну разве здесь есть какая-то логика? Я — всего лишь психохирург, генетик и немного философ. Принимая это во внимание, можно сказать, что второй вопрос кажется мне более уместным, нежели первый, но что за дело широкой общественности до обоих аспектов? Скажете, народ интересуется не только моими научными достижениями? Отнюдь нет. Просто репортеры ищут некий коэффициент, с помощью которого можно было бы уравнять мой психический склад и их идеального в демографическом плане зрителя, который одновременно мифичен и реален; то, что они выпытывают, может запросто надоесть кому угодно и в то же время никого не волновать. Впрочем, это я к слову — мы медленно, но верно приближаемся к вопросу,

которого я по-прежнему жду от вас.

К: Вообще-то я рискую здорово смутить вас этим вопросом.

А: Ничего, спрашивайте. А я подскажу, угадали вы или нет.

К: Хорошо. Думаю, мы все-таки действительно подошли к нему. Я прав? Что вы знаете такого, чего не знает никто другой?

А: Ого, теплее! Что я знаю? Интересно… Никто еще не формулировал вопрос подобным образом. Хотите, скажу, о чем меня обычно расспрашивают? Народ все время отчего-то интересуется, как чувствует себя человек, обладающий способностями Особого. Знаю я только одно — ваш вопрос куда более содержателен. На вопрос, что я чувствую, можно ответить предельно кратко: то же, что и остальные, кто отдален от публики, отличается от нее и способен понимать причину своей отдаленности и отличия.

Что я знаю? Знаю, что сама по себе я — не столь уж важная персона, но моя работа чрезвычайно важна. Именно это ускользнуло от внимания корреспондента, настойчиво интересовавшегося моими любимыми блюдами. Моя склонность к тому или иному сорту вина — пустяки, если только вас не интересует моя биохимия, которая

весьма интересует меня и имеет определенное значение, но явно не имеет ничего общего со статьей о знаменитых людях и их гастрономических предпочтениях. Если тот писака вдруг обнаружил связь между уровнем гениальности и склонностью к употреблению того или иного сорта сыра, я обязательно заинтересуюсь этим и стану добиваться интервью с ним.

К счастью, сотрудники оберегают меня от любопытных. Государство изыскало возможность помочь мне изолироваться в благоприятной среде, ибо в государственном аппарате есть люди, знающие, что если человеку создать свободу творчества, то он станет трудиться ради необходимости трудиться. Мой случай — как раз тот самый. Ведь я действительно достигаю того эмоционального состояния, которого так стараются достичь ваши коллеги-репортеры, у меня есть эстетическое ощущение творчества, и это укладывается в рамки состояния, которое один из Особых прошлого назвал погоней за Прекрасным — думаю, пояснять здесь ничего не надо, каждый понимает смысл по-своему. На доступном ему уровне. Упомянутый мною Особый уравнивал Прекрасное с Истиной. Я предпочитаю понятие Гармонии. Симметрии. Такова

уж природа Особого, именно это вам и нужно: Особый мыслит абстракциями, которые выходят далеко за рамки любого из существующих языков. Особый обладает как Дальновидностью с большой буквы, так и Широтой Видения — опять же с большой буквы, и это подразумевает куда больше, чем может подразумевать какое бы то ни было слово нашей речи, хотя бы потому, что разговорный язык — достояние широких масс. А Слово — Слово с большой буквы, как видит его Особый, как понимает и воспринимает в первоначальном смысле, — есть Слово вне пределов опыта кого-либо из живших ранее. И потому Особый называет его Прекрасным Или Гармонией, или Симметрией. Довольно часто он выражается исключительно гибким языком математики; если же его научная дисциплина не допускает адекватного выражения в этом диапазоне, Особому приходится изобретать для некоторых слов, соотносящихся с направлением его деятельности, специальные понятия и пытаться общаться с помощью семантической нагрузки, усвоенной словом за века существования. Мой язык — частично математический, частично биохимический, частично семантический: я изучаю биохимические системы — людей, — которые на

биохимическом уровне предсказуемо реагируют на раздражения, воспринимаемые системой рецепторов — материальной основы биохимически предопределенной чувствительности; через биохимический процессор заданной биохимически действенности — снова материальная основа — в зависимости от самопрограммирующейся системы тоже биохимического свойства, которая дает только полностью сформированные результаты, способность воспринимать информацию от другого человека с точностью, в основном ограниченной собственной материальной основой, собственной программной основой и семантикой. И мы еще не начали говорить о материальной и программной основах второго человека. Мы также не обращались к сложному культурному измерению и возможности использования математического аппарата для просчета социальных систем, тех игр, в которые статистики и демографы играют на своем уровне, а я — на своем. Признаться, я оставляю большую часть работы с микроструктурами своим исследователям и истратила куда больше времени на размышления о том, что все-таки есть у меня в лаборатории. Я стою на пороге открытия упорядоченности мышления, которое могу обозначить только как

состояние упрощенности. Упрощенности в очень широком смысле. Вещи, на первый взгляд ничем не связанные друг с другом, оказываются взаимосвязанными. И налаживание этой взаимосвязи доставляет ни с чем не сравнимое наслаждение, которое и заманивает мыслителя в измерения, не имеющие ничего общего с чувственной областью. Приспосабливаться к повседневной жизни мне все труднее и труднее, и иногда я чувствую, что нуждаюсь в новых ощущениях, встрясках, ибо в противном случае просто не ощущаю, что живу. Но я живу везде.

В заключение позвольте сказать Слово с большой буквы, напрямую относящееся ко всему человечеству. Не уверена, что его поймут все. Но очень хочу надеяться, что кто-то поймет. Речь идет об эмоциональном измерении. Если я преуспею в своей деятельности, продолжатель моего дела сделает то, что видится мне лишь в далеком будущем: в какой-то степени и я уже это делаю, ибо дотянуться так далеко — значит уже делать. Но плоть нуждается в отдыхе от дальновидности. Жизнь коротка — даже продленная омоложением. Я вручила вам Истину. Кто-нибудь когда-нибудь разберется в моих заметках.

Такова я, говорящая языком, понятным далеко

не каждому Особому, ибо его Прекрасное отлично от моего и развивается совсем в другом направлении. Если вы — человек религиозный, то можете подумать, что мы видели одно и то же. Либо что должны прийти к одному и тому же итогу. Но сама я не слишком уверена на сей счет. Бог забавляется с нами, как с игральными костями. Ответ — уже для другого Особого.

Выходит, я поведала вам больше, чем любому другому журналисту до сих пор, поскольку вы задали самый разумный вопрос. Простите, что не сумела ответить простым языком. Сейчас среднестатистический обыватель в состоянии воспринимать Платона, а кое-кто понимает и Эйнштейна. Большинству же ученых только предстоит разобраться в наработках Бок. В моей правоте вы сможете убедиться через несколько веков, а я знаю все уже сейчас. Но населяющее макрокосмос человечество ведет себя довольно мудро: поскольку в массе вы столь же предсказуемы, как и любой из Особых, дайте мне свободу, и я докажу правоту ваших суждений.

К: Выходит, вы не в состоянии истолковать то, что видите.

А: Если бы могла, давно бы истолковала. Если бы существовали слова, позволяющие описать

видимое, я уже не была бы такой, какой вы меня видите сейчас.

К: На протяжении десятилетий вы были частью законодательной власти. Не считаете ли вы парламентскую деятельность пустой тратой времени? Может, этим мог бы заняться кто-нибудь еще?

А: Хороший вопрос. Нет. Не сейчас. И не здесь. Принимаемые нами решения исключительно важны. И события последних пятидесяти лет неопровержимо свидетельствуют об этом. К тому же мне нельзя отрываться от реальности. Я выигрываю — в духовном плане, если хотите. В плане воздействия на мои биохимические системы и поддержания в них здорового баланса. Для организма не слишком хорош абстрактный рост без проверки разного рода восприятий. Проще говоря, для меня это — своего рода лекарство от интеллектуальной изоляции и заодно услуга, которую я оказываю своим соседям. Абстрактно мыслящий математик вряд ли добьется существенных результатов, если станет разделять точку зрения на развитие межзвездных рынков самого молодого из наших Советников либо взвешивать «за» и «против» нового варианта медицинского обслуживания экипажей торго-

вых кораблей на станциях Союза. Природа моей деятельности подсказывает, я все-таки обладаю подобным восприятием; судьба человеческого общества мне небезразлична. Знаю, что систему Совета резко критикуют, поскольку считают ее разбазариванием времени экспертов. Но если предоставление мнения квалифицированного эксперта обществу, в котором живем и мы, именуется разбазариванием времени, то на что мы вообще годны? Разумеется, некоторые теоретики неспособны общаться вне привычных условий. Но зато другие в состоянии и должны. Вам приходилось быть свидетелем разногласий экспертов. Иногда их причина в том, что одному из нас затруднительно понять что-нибудь из области другой науки. Очень часто разногласия возникают оттого, что получение наилучшего результата при мышлении категориями двух отраслей сразу не дает возможности признать практические доводы, и именно в этом суть посылки, согласно которой людям все-таки предпочтительнее быть специалистами в своих областях: иной раз исключительно полезное междисциплинарное взаимопонимание куется именно в стенах Совета и во время личных встреч; налицо своеобразное слияние отдельных знаний, что помогает сохра-

нять уникальнейший социальный эксперимент, который мы именуем Союзом.

Таков один аспект упрощенности, который я могу так же упрощенно объяснить: интересы всех людей, включая и меня, взаимосвязаны, а политика — не больше, чем одна из переменных в уравнениях социальной математики.

ГЛАВА 6

1

— Звонок прозвенит один раз, когда ты нажмешь левую кнопку, и дважды — при нажатии правой, — пояснил Инструктор, и Флориан, внимательно слушая, отметил, что объяснения в точности соответствуют полученным ранее знаниям. — Но смотри, чтобы не вышло так, что когда ты нажмешь левую кнопку, сигнал не сработает, и при двойном нажатии правой кнопки сигнал снова не сработает, пока не нажмешь левую. Важны прежде всего сноровка и быстрота. Ну все, за дело!

Весь стол был завален деталями и инструментами. Флориан выбрал необходимые для работы. Задание оказалось не слишком сложным.

Следующее задание было чьим-то проектом. Требовалось только посматривать на приборную панель и докладывать инструктору, какие операции происходят.

Сноровки Флориану было не занимать. Работал он как заводной — легко и непринужденно. Затем работа усложнилась. Третье задание, знал Флориан, всегда подразумевало нечто еще. На сей раз ему отводилось пятнадцать минут.

Наконец паренек доложил Инструктору, в чем было дело.

— Покажи, как ты действовал, — потребовал Инструктор. Флориан мгновенно подчинился.

Инструктор, слушая с серьезным видом, время от времени кивал, а потом сказал:

— Флориан, придется увеличить объем занятий по программированию вдвое.

У Флориана упало сердце.

— Простите, — удрученно отозвался он, — что-то не так?

— Конечно, все так. — Инструктор улыбнулся. — Но я не вправе поручать тебе подобные задания. Изучишь основы по расширенной обучающей ленте, а там посмотрим. Договорились?

— Да, — отозвался мальчик. Конечно, он не мог не ответить утвердительно. Но молодого ази мучило беспокойство. Ведь он подолгу работал бок о бок с Взрослыми. Работа была тяжелая и занимала много времени, а Взрослые твердили, что он часто неверно тратит предусмотренное расписанием время и что ему лучше бы заняться своей основной работой.

На свою основную работу Флориан и без того здорово опоздал, и Энди хмурился, хотя и помогал больше, чем Флориану хотелось.

Молодой ази решил в конце концов поговорить с Инструктором. Но все так радовались, когда он помногу работал! Даже очень устав, Флориан готов был выполнять дополнительную работу, после которой падал на койку и тотчас засыпал.

Инструктор отпустил его, а он снова припоздниился. Энди проворчал, что свиньи не воспринимают его график и потому ему, Энди, пришлось самому их кормить.

— О воде я сам позабочусь, — отозвался Флориан и сделал не только свою часть работы, но и часть работы Энди. Так было честно, и Энди оттаял.

Энди настолько повеселел, что позволил юному помощнику почистить вместе с ним Лошадь, после чего они пошли в сарай, где жила маленькая лошадка — между прочим, девочка. В сарае она была в полной безопасности, и ази покормили жеребенка, вдвоем поддерживая ведро на весу. Правда, пока Флориан был маловат для того, чтобы поддерживать ведро. С жеребенком следовало быть особенно осторожным: перед тем как войти в конюшню, требовалось принять душ, переодеться и вести себя осмотрительно — как-никак, обращаться с малышкой необходимо было так, как обращалась бы с нею мать. Но вовсе не пото-

му, что она была больна, напротив. Жеребенок забавлялся, уворачивался и обнюхивал гостям руки, после чего снова принимался скакать и подпрыгивать.

Флориан очень удивился, когда Энди сообщил, что лошадей разводят не для еды. «А для чего же?» — с замиранием сердца спросил мальчик, боясь услышать какой-нибудь другой ужасный ответ.

— Они — Экспериментальные, — пояснил Энди. — Вообще-то точно не знаю, но говорят, будто лошади — рабочие животные.

Иногда рабочими животными бывали и свиньи. Свиньи, как никто другой, унюхивали проникавшие на территорию комплекса сорняки и их корни, причем хрюшкам хватало ума не пожирать эту дрянь. Свиньи так хорошо справлялись с задачей, что в штате числились особые ази, в обязанность которых входило выгуливать свиней на территории комплекса и прилегавших к нему полей. Этим свиньям не угрожала участь пойти на колбасу — они тоже работали, выискивая малейшие ростки сорняков, так и норовившие проползти под заборами. Конечно, в Ресионе имелись автоматические детекторы ядовитых трав, но Энди был убежден, что свиньи все равно справлялись с этой задачей успешнее.

«Так вот что имели в виду обучающей ленты», — думал Флориан, которому постоянно внушали, что первым правилом является умение становиться полезным.

2

Уяснив суть проблемы, Ари попыталась разобраться в накопленных знаниях, после чего обратилась к матери:

— Мамочка, разве так важно, сколько рождается мальчиков и сколько — девочек?

— Вообще-то важно, — отозвалась Джейн, подумав секунду. — Но если нет, можно переработать.

— Для чего?

— Потому что — и это нужно знать — некоторые вещи в определенных ситуациях не слишком важны; и пока ты только учишься решать проблемы, обходя вопросы, не имеющие существенного значения, это поможет тебе запомнить, что именно в преодолении той или иной трудности важнее всего. Все в мире важно для решения проблемы — погода, мальчики и девочки, получают ли они достаточное питание, есть ли угроза, что их сожрут хищники — но в данный момент главное — только гены. Как только ты научишься справляться со всеми этими проблемами, тебе объяснят, как решать проблемы помельче. В том числе и эту. И ни за что не скажут, что ты всему

научилась. Возможно, они — то самое, о чем никто еще не задумывался. Но если ты решишь, будто все знаешь, можешь попасться на крючок. А потому все начинается с простейшего и усложняется лишь по мере развития — начиная с самого того факта, появилась девочка и мальчик. Понятно?

— Выходит, это все-таки важно, — упрямо настаивала Ари. — Потому что рыбки-мальчики дерутся. Если никого не сожрут, вырастет двадцать четыре синих. Так и будет, потому что синие хорошо заметны, а спрятаться им нельзя. Зато если подсадить к ним рыбину покрупнее, не останется ни одной синей.

— Как по-твоему: рыбы различают цвета?

— Действительно — различают ли?

— Давай пока не будем об этом. Что произойдет, если самки станут предпочитать синих самцов?

— С какой стати?

— Просто представь такую ситуацию. Допустим, речь зашла о следующем поколении.

— Насколько оно лучше?

— На 25 %.

— В таком случае крупная рыба благодаря синим растолстеет, и у них будет множество детишек. Все усложнится.

Мама сделала уморительное лицо — точно собиралась чихнуть, засмеяться или обозлиться. А потом вид у нее сделался еще более странный — но уже не смешной. Мама обняла Ари и прижала к себе.

В последнее время мама часто вела себя так, что Ари думала: теперь бы ей следовало чувствовать себя гораздо счастливее — раньше мать уделяла ей меньше времени. И Олли тоже.

Но интуитивно девочка предчувствовала недоброе. Мама отчего-то ходила грустная. И Олли тоже. Олли вообще превратился в заправского ази, и они с Юлией больше не ссорились Мама уже ни на кого не кричала. Нелли тоже постоянно смущалась, а Федра следовала примеру Олли — вела себя, как подобает бесчувственной ази.

Ари тревожилась и порывалась спросить маму о причине столь зловещей перемены, но всякий раз не решалась, боясь, что мать расплачется. В последнее время глаза у Джейн постоянно были на мокром месте. А стоило ей заплакать, как Ари становилось совсем невмоготу.

И потому девочка просто предпочла безмолвно прильнуть к Джейн.

Наутро она отправилась в игровую школу. Ари уже подросла настолько, что ее отпускали в шко-

лу одну. Уже в дверях мама обняла ее, обнял и подошедший Олли — чего не делал давно.

Когда у нее за спиной захлопнулась дверь, Ариана оглянулась. «Странно», — подумала она. И пошла в школу.

3

«Ресион-1» оторвался от взлетно-посадочной полосы, и пальцы Джейн яростно впились в подлокотники обитого кожей кресла. Женщина даже не выглянула в иллюминатор, не желая наблюдать, как тает внизу Ресион. Закусив губу, госпожа Штрассен закрыла глаза, чувствуя, как по щеке катится предательская влага, а самолет все набирал высоту, отчего тело вжималось в пухлое кресло.

Когда самолет набрал нужную высоту, Джейн повернулась к Олли:

— Принеси чего-нибудь выпить — двойную порцию!

— Да, госпожа, — ази отстегнул привязной ремень и пошел вдоль прохода.

Федра, сидевшая в следующем ряду, повернулась на винтовом кресле и взглянула на Джейн через столик:

— Госпожа, я могу что-нибудь сделать для вас?

«Боже, — сообразила Джейн, — да она просто напрашивается на работу — ей хочется заняться, отвлечься хоть чем-то! Она в ужасе». И распорядилась:

— Да, будь любезна, составь список необходимых на борту вещей — когда доберемся до станции, закажем и купим. Посмотри — в наружном кармане должен быть каталог. Он поможет тебе сориентироваться.

— Хорошо, госпожа.

Джейн решила, что наложила пластырь на душевную рану Федры. А вот Олли ходил обиженный: он попросил обучающую ленту, попросил у нее, как ази — у Старшей, а она взяла да отказала.

— Олли, — возразила Джейн, — в тебе слишком много от КВ, и я хочу, чтобы так и было. Понимаешь, о чем я?

— Да, — отозвался он, после чего держался уже куда достойнее, чем Джейн.

— Один возьми себе! — крикнула госпожа Штрассен, чтобы ази услышал ее сквозь гул моторов, и тот, оглянувшись, утвердительно кивнул. — И Федре захвати!

Пегги подошла к бару со стороны Олли, качнулась, когда самолет провалился в воздушную яму, после чего, нагнувшись, извлекла на свет божий два стакана.

Для Юлии — та сидела сзади. Для Юлии и Глории.

— Ты погубила всю мою жизнь! — истерично кричала Юлия в аэропорту, не стесняясь ни Денниса, ни ази, ни Семейства, явившегося на проводы в полном составе. Глория — подбородок у нее дрожал, а глаза беспрестанно моргали — стояла в сторонке. Джейн считала, что у нее выросла неплохая внучка. Девочка, попробовавшая слишком многое (хотя существенного мало), смотрела теперь на бабушку, с которой виделась крайне редко, и наверняка пыталась отыскать в ее чертах каинову печать. Глория понятия не имела о цели путешествия. И не знала, что означает дисциплина на борту, не знала, что представляет собою замкнутый стальной мир действующей станции.

— Привет, Глория! — приветствовала внучку Джейн, всеми силами призывая себя к спокойствию и отчаянно стараясь не сравнивать девочку с Ари. Тотчас подумалось, что Ариана наверняка слышала рев взлетавшего судна, могла выглянуть в окно и убедиться, что стартовал «Ресион-1». Впрочем, о большем она не догадалась бы.

Глория тотчас бросилась к матери. Та уже была на грани истерики. И сумела, помимо всего прочего, превратить отлет в форменный спектакль. Хорошо еще, подумала Джейн, что им дали

сопровождающих из ресионской службы безопасности: имелись сильные подозрения, что Юлия попытается улизнуть с судна во время посадки в Новгороде.

Безосновательно боявшаяся полетов на кораблях, пустоты космоса, резких толчков во время полета и всего, где не обойтись без психовоздействия, Юлия так и не овладела соответствующими навыками, на которые теперь и не надеялась.

«Жаль, что так получилось, дочка, — думала Джейн. — Плохо, что я не могу выстроить купол и сделать там все по твоему вкусу. И невыносимо сознавать, что все свалилось на тебя в одночасье.

Так повелось с момента твоего появления на свет. Прости, доченька! Мне действительно очень жаль.

Жаль, что вы летите со мной».

Наконец Олли принес напитки. Ази был бледен, но держался молодцом, принимая во внимание нынешние страдания, Джейн ухитрилась улыбнуться, принимая стакан с напитком, и Олли, усевшись на место, снова посмотрел на нее.

Джейн залпом осушила полстакана.

— Скоро я приду в себя, — выдавила она, поднимая стакан. — Ну, ваше здоровье, Олли!

Возвращаюсь туда, откуда я прибыла на Сайтин. Наконец возвращаюсь домой.

А опорожняя второй стакан (тоже двойную порцию), госпожа Штрассен добавила:

— Такое чувство, будто мне снова двадцать. Знаешь, Олли, как будто Ресиона в моей жизни вообще не было.

А может, ей всего лишь удалось заглушить алкоголем кровоточившую память…

4

Федры в игровой школе не оказалось. Но вместо Федры была Нелли, с которой Ариане было куда легче ладить. В такие моменты Сэм запросто мог раскачать качели с Ари повыше — Нелли тревожилась, но не собиралась прекращать забаву, поскольку не хотела сердить питомицу.

А потому Ари и Сэм вовсю раскачивали друг друга. А затем самозабвенно лазали по фигурным лестницам, каких на детской площадке было великое множество.

Потом пожаловал Ян — уже после Сэма, и Нелли повела Ари домой. В холле их встретил дядя Деннис.

— Нелли, — важно сообщил он, — охрана хочет переговорить с тобой.

— Для чего? — удивилась Ари, и ей снова стало не по себе. Ведь охрана и Нелли если и имели какое-то отношение друг к другу, то очень далекое. В последнее время одна странность следовала за другой. Ничего подобного прежде не было.

— Нелли, — с нажимом повторил Деннис, — делай, как говорят.

— Слушаюсь, господин, — ответила нянька.

А Деннис — рослый и полный — пока Нелли выходила из холла, опустился на колено и взял Ари за руки. А потом сказал:

— Ари, случилось нечто серьезное. Пришел черед твоей маме позаботиться о себе, и потому ей пришлось уехать.

— Куда — уехать?!

— Очень далеко. Не уверен, что она вернется. Поэтому тебе придется пойти ко мне. Тебе и Нелли. Нелли останется с тобой, но ей придется прокрутить кое-какую обучающую ленту, чтобы она не слишком переживала.

— Но ведь мама может вернуться!

— Сомневаюсь, Ари. Твоя мама — человек занятой, у нее полно работы. Она уезжает… В общем, далеко, туда, куда едва долетают корабли. Она предвидела, что ты расстроишься. И не захотела тебя беспокоить. А потому попросила меня попрощаться с тобой от ее имени. И передала, чтобы ты шла ко мне домой и жила там.

— Нет! — выкрикнула девочка, цепляясь за слово «попрощаться». Чего-чего, а это мама вряд ли сказала бы! Все было не так. Вырвавшись из рук Денниса, юная Эмори бросилась бежать. Она бежала по коридорам, по залам и в конце концов добралась до своей комнаты. Деннис не смог

бы поймать ее. Да и никто не смог бы. Ариана бежала, пока не очутилась у своей двери. Пальцы привычным жестом отстегнули от блузки магнитную карточку и отправили ее в прорезь считывающего устройства.

Дверь распахнулась.

— Мама! Олли!

Ари вихрем пронеслась по комнатам. Искала повсюду, хотя знала, что ни мать, ни Олли никогда не прятались от нее.

Мама и Олли никогда не бросили бы ее. С ними наверняка случилось что-то ужасное. Конечно, их постигло что-то ужасное, а дядя Деннис просто врал!

Шкафы и ящики, где хранились вещи мамы и Олли, опустели.

Исчезли и игрушки — даже Бука и подаренная Валери звезда.

Девочка тяжело задышала. Ей вдруг перестало хватать воздуха. Издали донесся стук открываемой двери, и Ари бросилась в гостиную.

— Мама! Олли!

Но в квартиру пожаловала женщина из службы охраны — высокая, в черной униформе. Она вошла в гостиную, чего не должна была делать.

Ари, точно окаменев, уставилась на незваную

гостью. Женщина ответила ей таким же тяжелым взглядом. Ари ужаснулась: чужая женщина — в ее гостиной, да еще явно не намерена убираться!

— Память, — бросила Ари, отчаянно пытаясь взять себя в руки, — немедленно свяжись с маминым кабинетом!

Память молчала…

— Память, это Ари! Позвони маме на работу!

— Память отключена, — пояснила женщина в черном. И не солгала. Память молчала, еще когда Ари вошла в квартиру. Все было не так, как всегда.

— Где моя мама? — в отчаянии спросила девочка.

— Доктор Штрассен отбыла из Ресиона. Ваш опекун — доктор Най. Пожалуйста, ведите себя спокойно, юная госпожа. Доктор Най уже идет сюда.

— Не нужен он мне!

Но дверь распахнулась, и в гостиную, тяжело отдуваясь, влетел бледный дядя Деннис. Вломился в мамину квартиру…

— Все в порядке, — выдохнул он. — Ари, умоляю…

— Убирайся! — вне себя завопила юная Эмори, с ненавистью глядя на Денниса. — Вон, вон, вон!

— Ари, прости. Мне очень жаль. Но послушай меня…

— Нет, тебе не жаль! Мне нужна мама. И Олли. Где они?

Деннис подошел и попытался схватить девочку. Однако та, увернувшись, стремглав бросилась к кухне. Где, между прочим, хранились ножи. Однако женщина из службы охраны не дремала: метнувшись кошкой, она перепрыгнула через кушетку и подхватила маленькую бунтарку, которая отчаянно брыкалась и визжала.

— Поосторожней! — распоряжался Деннис. — Осторожнее! А теперь поставьте ее на пол.

Охранница мгновенно выполнила распоряжение. Подойдя, Най обнял девочку и прижал ее к своему плечу.

— Плачь, Ари, плачь. Все пройдет. Отдышись и поплачь как следует.

Молодая Эмори ловила ртом воздух, точно рыба, но в конце концов задышала ровнее.

— Сейчас отведу тебя домой, — мягко сообщил дядя Деннис, поглаживая ее по лицу и плечам. — Ари, как ты себя чувствуешь? Унести тебя я не смогу. Может, попросим сотрудницу? Не бойся — она тебя не обидит. Вообще никого не бойся. Хочешь — позову врачей? Если что не так, говори,

не стесняйся!

Слово «домой» неприятно резануло девочке слух. Выходит, здесь теперь не ее дом? Нет, действительно стряслось что-то ужасное…

Новоявленный опекун взял воспитанницу за руку и повел. Ари не сопротивлялась — она слишком устала, чтобы проявлять строптивость. Она вообще ничего не могла…

Дядя Деннис вел ее за руку до самой квартиры. А там усадил на диван и велел своему ази Сили принести ей лимонаду.

Взяв протянутый стакан, она жадно выпила прохладную жидкость. Но ослабевшие пальцы дрожали, и она пролила часть напитка. Даже на то, чтобы держать стакан, сил не осталось…

— Нелли теперь тоже будет жить здесь, — сообщил дядя Деннис, устраиваясь на диване напротив. — Она всегда будет рядом с тобой.

— А где Олли? — спросила девочка, судорожно стискивая стакан побелевшими пальцами.

— С мамой. Олли понадобился ей.

Молодая Эмори судорожно глотнула. И внезапно подумала, что хотя бы что-то сложилось хорошо: если маме пришлось улететь куда-то, то они с Олли будут вместе.

— Федра тоже улетела с ними.

— Мне нет дела до Федры!

— Стало быть, тебе нужна Нелли? Вот мама и оставила тебе Нелли. Она пожелала, чтобы Нелли и дальше заботилась о тебе.

Ари кивнула. В горле стоял тяжелый ком. Сердце так и трепыхалось в груди, а в глазах давно уже ощущалась неприятная резь.

— Ари, должен признаться, что не слишком смыслю в уходе за маленькими девочками. Сили тоже не разбирается в этом. Но мама прислала сюда все твои вещи. Тебе выделили отдельные апартаменты — тебе и Нелли. Хочешь взглянуть на свою комнату?

Девочка покачала головой, отчаянно пытаясь не разреветься. Она хотела гневаться благородно — как мама.

— Пока не станем обсуждать это. Нелли придет вечером. Предупреждаю: она будет немного расстроена. Ты же знаешь, нельзя расстраивать ее слишком сильно. Обещай мне, что пощадишь ее покой. Она — твоя ази, и ты обязана обращаться с ней достойно. Вообще-то Нелли лучше полежать в госпитале, но она ужасно переживает за тебя, да к тому же я знаю, как тебе ее не хватает. Нелли станет возвращаться домой каждый вечер между сеансами — я говорил, что ей крутят обучающую

ленту. Ничего не поделаешь — бедняжка сильно расстроена, но она любит тебя и очень хочет продолжать заботиться о тебе. Боюсь, правда, что все будет наоборот — тебе придется заботиться о ней. Понимаешь, о чем я? Ты можешь нанести ей непоправимый вред…

— Знаю, — выдавила девочка. И действительно знала.

— Стало быть, договорились. Ты у нас такая храбрая! Но уже не маленькая. Что поделаешь: жизнь — штука тяжелая. Спасибо, Сили!

Сили принес стакан воды и таблетку и выжидательно застыл — таблетку явно требовалось выпить немедленно. Но Сили в глазах Арианы был пустым местом. Он был не такой, как Олли. Его нельзя было назвать красавцем, впрочем, как и уродом — он был всего лишь ази в полном смысле слова. Приняв опустевший стакан, Сили поставил его на поднос, после чего предложил воду.

— Не нужно мне никаких обучающих лент! — предупредила девочка.

— Это не та таблетка, — успокоил Деннис. — Она поможет тебе избавиться от боли. Сразу почувствуешь себя лучше.

Ари настороженно посмотрела на доброхота,

ибо не помнила, чтобы жаловалась на боль. К тому же мама всегда внушала: не пить предлагаемых чужими таблеток. И уж тем более не пробовать таблеток, предназначенных для ази. Но сейчас мамы рядом не было, и потому Ари пришлось самой выбирать, как вести себя.

Тотчас вспомнился Валери. И госпожа Шварц. И другие, которых Ариана с некоторых пор объединяла в группу «Пропавших». Теперь к ним присоединились мама и Олли.

«Может, — пронеслось у нее в голове, — в следующий раз и мне удастся Пропасть? И отыскать их всех».

— Госпожа, — раздался голос Сили, — будьте любезны!

Ари взяла с подноса таблетку. И, положив в рот, запила водой.

— Спасибо, — поблагодарил Сили, вышколенный настолько, что его присутствие практически не ощущалось в комнате. Ази ловко убрал стакан, да так, что Ари не успела заметить, когда он сделал это. За Сили невозможно было уследить.

Дядя Деннис напоминал гору. Он уселся на стул, и тот прогнулся под тяжестью его тела. Деннис положил руки на колени; лицо у него по-прежнему было тревожным. Помолчав, он

сообщил: «Отдохни несколько дней — не ходи в игровую школу. Можешь пойти, когда пожелаешь. Знаю, ты сомневаешься, что тебе станет лучше. Но станет, поверь. Уже завтра. Конечно, ты будешь тосковать по мамочке. Но тоска не будет глодать тебя постоянно — с каждым днем она будет убывать».

Однако Ари не хотелось подобного улучшения. И еще она не знала, по чьей воле Пропадали люди. Ясно было одно — не по маминой. Конечно, теперь ей могли сулить все что угодно. Но Ари твердо решила не верить тому, что ей внушали.

Мама и Олли предчувствовали недоброе. Они переживали, но скрывали от нее свои переживания. Возможно, рассчитывали все уладить, но не сумели. А она, ощущая тревогу, просто не понимала ее сути.

Возможно, Пропавшие собирались где-то в одном месте. Возможно, их исчезновение было сродни смерти. Стоило навлечь на себя неприятность, и человек куда-то Пропадал, и даже мама была не в силах предотвратить этот кошмар.

И потому Ари поняла — она тоже бессильна. Ей оставалось только упрямо влезать в неприятности — пока вокруг вообще никого не останется. Возможно, она сама во всем виновата. Мысль о

собственной вине всегда точила душу Ари. Но, когда Пропадать будет уже некому, все равно что-нибудь да выяснится.

А потом, может, наступит и ее черед.

Внезапно Ари почувствовала себя «не так». Руки и ноги точно отнялись, а в животе будто вспыхнуло пламя.

Да, она попала в беду. Но, когда Сили поднял ее на руки, комната вдруг поплыла куда-то в сторону, а затем превратилась в коридор, который в свою очередь стал спальней. Сили осторожно положил ее на кровать, снял туфельки и накрыл девочку одеялом.

Здесь обнаружилась и Бука — она лежала рядом. Вытянув руку, Ари тотчас стиснула любимую игрушку. Как ни странно, Ари не смогла вспомнить, откуда у нее взялась Бука. Бука всегда была с нею. Как и сейчас. Вот и все. Бука внезапно стала для нее всем.

5

— Несчастный ребенок, — уронил Джастин, подливая себе вина. — Бедная девочка. Неужели им трудно было позволить ей прийти в аэропорт?

Грант покачал головой. И допил свой стакан. После чего сделал характерный жест, напоминая о подслушивающих устройствах.

Джастин протер глаза: уж о чем, о чем, а о «жучках» он помнил всегда. Забыть об их существовании ему удавалось очень редко и с трудом.

— Нас это не касается, — сказал Грант. — И тебя особенно.

— Знаю.

Последние две фразы специально предназначались для тех, кто прослушивал комнату. Братья никогда не знали, в какой момент прослушиваются их разговоры. И потому размышляли даже над изобретением собственного языка, недоступного пониманию службы безопасности. Уоррики предполагали выдумать множество совершенно бессмысленных на первый взгляд слов, связанных грамматическими правилами особого рода,

причем для запоминания всех этих тонкостей планировалось написать особую обучающую ленту. Однако столь изощренная тактика могла усилить подозрения, и потому, взвесив все «за» и «против», Джастин и Грант остановились на самом простом: использовании обычной грифельной дощечки. Вот и теперь Джастин, взяв ее, нацарапал: «Иногда хочется удрать в Новгород и наняться на фабрику. Мы составляем обучающие ленты, помогающие воспитать нормальных людей. Мы закладываем в людей веру, уверенность в своих силах и помогаем им любить друг друга. Но сами создатели обучающих лент — просто ненормальные».

Грант написал: «Я глубоко доверяю своим создателям и своему Старшему. Это мое утешение».

— Ты рехнулся, — объявил вслух Джастин.

Грант расхохотался. И снова посерьезнел, после чего, подавшись вперед, хлопнул брата по колену — оба сидели на диване, скрестив ноги. И сообщил: «Не понимаю ни добра, ни зла. Я давно уже осознал это. Ази не положено бросаться такими словами — бросаться в широком смысле. Но для меня ты олицетворяешь все хорошее».

Признание брата невероятно тронуло Джастина. Проклятые вспышки продолжали докучать

ему. Даже спустя столько лет — точно застарелая боль. Но стоило Гранту оказаться рядом, и Уоррик-младший уже не чувствовал ее. И это наряду с прочим внушало ему ощущение покоя. Джастин накрыл ладонью руку брата и сжал, поскольку сказать ничего не мог.

— Я имел в виду как раз это, — молвил Грант. — У тебя ответственная должность. Ты стараешься, как можешь. Иногда даже слишком стараешься. Даже я могу отдыхать. А ты — должен.

— Как отдохнешь, если Янни постоянно загружает…

— Нет! — Грант снова похлопал брата по колену. — Ты можешь отказаться. Можешь не работать в те часы. Можешь работать над тем, что тебе больше по нраву. Сам говорил, будто знаешь, чего он добивается. Не позволяй им скрутить себя — откажись. Зачем тебе это?

На Фаргоне как раз проводили эксперимент с ребенком — точной копией Бенджамина Рубина, жившего, между прочим, по другую сторону непреодолимой стены и работавшего в предоставленной Ресионом лаборатории.

Ресион подбрасывал военным что-нибудь особенно ощутимое, дабы удовлетворить их аппетиты. Джейн Штрассен по прибытии тоже

должна была получить новую работу — усыновить второго ребенка, зачатого и воспитываемого в соответствии с проектом.

Джастин все знал — ему давали интервью Рубина. И позволяли моделировать программные структуры. Но Уоррик-младший не питал иллюзий, будто его обучающие ленты не станут подвергаться проверкам.

По крайней мере, такие ленты. И возможность обходиться без них почти год приносила молодому человеку большое облегчение.

— Ведь это — показатель доверия, разве нет? — вопрос был задан чересчур хриплым голосом, обнаружив напряжение, которое Джастину очень хотелось скрыть. — А это взваливает на тебя новое бремя — которое тебе вовсе ни к чему.

— Возможно, судьба послала мне возможность сделать что-нибудь полезное. Ведь речь идет о грандиозном проекте. Разве я неправ? Ничего подобного давно уже не наблюдалось. Возможно, мне удастся изменить жизнь Рубина — улучшить ее… — Уоррик-младший наклонился подлить себе еще вина. Но Грант опередил брата и сам наполнил его стакан. — По крайней мере, Рубин не одинок. Его мать живет на станции, они видятся, и ему есть на кого опереться.

Действительно — возле него регулярно сменяется охрана, положенная Особым. Джастин знал все эти штуковины. Рубин был вечно смущенным, погруженным в себя интеллектуалом, чьи проблемы со здоровьем дали о себе знать еще в его детские годы. Его привязанность к матери была безгранична, хрупкое тело заставляло больше всего задумываться о собственном здоровье, а его бесчисленные предубеждения еще в юности вытеснили все страсти, оставив место только работе. Но ничто, ничто подобное не формировало характер Арианы Эмори.

И слава Богу.

— Я тоже кое-что могу, — сказал Джастин. — Вот задумал кой-какую работенку по гражданской психологии. И ты поможешь мне. Речь идет о совершенно другой методологии.

Грант нахмурился. А Джастин рассуждал: поговорить о работе можно было и дома — не боясь сболтнуть что-нибудь лишнее. Но разговор все равно сворачивал в опасное русло; возможно, уже свернул. А от недавней уверенности не осталось и следа. Только усталость. И подумалось: учеба поможет оторваться от повседневной работы. Учеба — как раз то, что нужно. Грант прав: он не рожден для решения жгучих проблем. Потому

что слишком много беспокоится.

Янни кричал: «Сочувствие хорошо, когда берешь интервью. Но в решении проблем ему не место. И запомни наконец, с кем имеешь дело».

Джастин сообразил — он не создан для работы в области клинической психологии. Потому что не умеет внести исправления, когда сам ощущает боль.

Но Янни, подозревал Уоррик-младший, играл с подачи Денниса — потому что без Денниса вместе с Жиро здесь никак не могло обойтись; более щедрого подарка они не сумели бы сделать: снова поручить отдельный участок работы, дать допуск к работе с секретными документами, восстановить карьеру Джастина (с поправкой на новый вид деятельности, конечно, причем весьма близкой к деятельности отца), позволить ему трудиться над проектом и добиться определенных результатов — работа над КВ не могла остаться незамеченной военными, хотя им не удалось бы перетащить Джастина к себе. Все это могло помочь не только ему, но и отцу. По крайней мере, такая возможность существовала.

Это своего рода ультиматум, решил Уоррик-младший: доброта, способная переродиться в нечто прямо противоположное, откажись он от

почетного поручения. И об этом всегда следовало помнить. Даже когда ему делали добро.

6

Проснувшись, Ари обнаружила, что рядом лежит кто-то еще, и вспомнила, что среди ночи сквозь сон ощутила, как кто-то забрался в ее постель, обнял и голосом Нелли произнес: «Я здесь, молодая госпожа. Я с вами».

Итак, наутро Нелли оказалась с нею, а мама — нет, и спальня была чужая, и квартира принадлежала дяде Деннису; Ари хотелось плакать или снова попытаться удрать, бежать до тех пор, пока она не спрячется в недоступное для других место.

Но юная Эмори осталась в кровати, ибо знала — мама действительно улетела. И дядя Деннис оказался прав: сегодня ей действительно полегчало, воспоминания о перенесенной боли и желание обменять Нелли на маму перемежались с мыслями о завтраке.

Впрочем, сохранить Нелли — это тоже кое-что. Девочка похлопалаази по щекам, и та проснулась, мгновенно заключила ее в объятия, погладила по голове и сказала:

— Нелли здесь. Нелли с тобой. — И разрыдалась.

Ари тоже обняла няньку. Юной Эмори показалось, что ее обокрали, — ей и самой хотелось дать волю слезам, но позволить себе такую роскошь она не могла: ведь Нелли была ази, и плач мог навредить ей. А потому, вспомнив наставления матери «вести себя благоразумно», девочка велела той взять себя в руки.

Нянька подчинилась. Перестала хныкать, всхлипывать, поднялась и оделась, помогла Ариане принять ванну, вымыла ей голову, одела в синие брючки и свитер. После чего принялась расчесывать волосы и расчесывала до тех пор, пока они не стали потрескивать.

— Сейчас нам нужно завтракать с господином Наем, — доложила Нелли.

Ари не возражала. Завтрак удался на славу — стол дяди Денниса ломился от разных вкусностей. Ари уписывала лакомства за обе щеки. Дядя Деннис торопился и сообщил, что Ари и Нелли могут оставаться в квартире все время, а когда Нелли придет пора отправляться в госпиталь, то присмотреть за Арианой вменяется в обязанность Сили.

— Ясно, господин, — учтиво сказала Ари. Все было и одновременно ничего не было в полном порядке. После вчерашних событий девочке бы-

ло решительно все равно, кто с нею рядом. Она собиралась спросить Денниса, куда подевалась мама, куда она собиралась отправиться. Но не спросила, поскольку все пока было в порядке, а она все еще испытывала усталость.

Да и если бы Деннис даже назвал место, куда улетела мама, название все равно ничего бы ей не сказало — из всего мира юная Эмори знала пока что только Ресион.

И потому она, усевшись, позволила Нелли почитать ей какие-то рассказики. Иногда Ариана принималась плакать без видимых причин. Время от времени ложилась поспать. Проснувшись в очередной раз, она услышала голос Нелли — ази предупреждала, что теперь за нею присмотрит Сили.

Сили без конца приносил ей напитки — стоило только попросить. И еще поставил видеофильм. Он вообще старался выполнить любое ее желание.

Потом молодая Эмори спросила у Сили, нельзя ли отправиться на прогулку и покормить рыбок. Прогулка была организована немедленно. А по возвращении Ари вновь принялась за напитки и выпила столько, что в какой-то момент даже пожалела, что не слышит слов матери, предупре-

ждающих о вреде прохладительных напитков. А потому вскоре прекратила пить и попросила Сили принести бумагу. Усевшись, девочка занялась рисованием.

Рисовала она долго — до самого возвращения дяди Денниса. Затем был ужин, за которым дядя Деннис обстоятельно рассказывал, чем Ари предстоит заняться завтра, и обещал купить ей все, что она пожелает.

Юная Эмори как раз знала, о чем попросит щедрого опекуна. Во-первых, она мечтала об игрушечном космическом корабле с огнями. И о новом пальто. А если дядя Деннис действительно готов был не поскупиться, Ари могла попросить что-нибудь еще — например, что-то дорогое, что мама не купила бы ни за что на свете.

Но все равно никто не смог бы заставить ее чувствовать себя по-настоящему счастливой. Даже Нелли. Ари рассудила, что окружающие дарят ей подарки, а ей остается только просить нужное и немедленно получать его, а потом просить еще больше и делать вид, будто для нее это очень важно, и изображать великую радость. Но недавние переживания не желали забываться. И вряд ли вообще могли забыться.

7

Грант вспотел, томясь ожиданием в приемной Янни Шварца — он не записывался на прием, и только благосклонность Мардж позволила ему прорваться к кабинету. Через дверь слышалась ругань, которую Янни не замедлил обрушить на Мардж. Правда, ази не смог различить отдельных слов. Тем не менее ему показалось, будто Янни твердил о помехах в работе и Джастине Уоррике.

В какой-то момент Гранта стало одолевать сильное желание подняться и поскорее уйти, ибо он вдруг сообразил, что своим появлением здесь мог навлечь на Джастина неприятности. Ази также не был уверен, что способен противостоять бешеному темпераменту Янни и не сболтнуть лишнего. Ведь Янни относился к числу урожденных людей, с которыми Грант предпочитал не иметь дел, — такие люди вели себя чересчур эмоционально, шумно и на каждом шагу излучали неприкрытую угрозу. Именно таковы были похитители, пытавшие его в хижине в горах. И Жиро во время допросов вел себя таким же образом. Грант сумел усидеть в приемной лишь потому, что «выключил» страх и не думал о худшем — и

так до тех пор, пока Мардж не вышла из кабинета начальника и не объявила:

— Он готов принять тебя.

Поднявшись, ази вежливо наклонил голову:

— Спасибо, Мардж.

И, оказавшись в кабинете, направился к массивному столу и начал:

— Господин, я пришел поговорить о моем КВ.

То была речь истинного ази. Джастин упомянул как-то, что Янни достаточно обходителен в общении со своими подопечными, и поэтому теперь Грант старался держаться как можно скромнее.

— Я не консультирую, — сухо ответил Шварц.

Стало быть, благосклонности не дождешься, понял гость. И потому отбросил за ненадобностью позерство, пододвинул свободный стул и сел:

— И все-таки, господин, мне нужно переговорить с вами. Джастин воспользовался вашей любезностью, но я считаю, что это большая ошибка.

— Ошибка.

— Ведь вы собираетесь поручать ему только черновую работу, не так ли? Где же он будет через двадцать лет? Да нигде. Он просто будет топтаться на месте, как сейчас.

— Учеба — именно это ему нужно больше всего.

Уж тебе пора бы это знать. Так ли необходимо обсуждать твоего напарника? Его проблемы тебе известны. Я не собираюсь растолковывать их тебе.

— Скажите, в чем они, по-вашему, заключаются.

До этой фразы Янни был относительно спокоен. А тут вдруг стиснул челюсти, выпятил подбородок, откинулся на спинку стула — весь его вид не сулил ничего хорошего. Помолчав, Шварц бросил:

— Тебе бы лучше отправить своего КВ ко мне для разговора. Это он послал тебя? Или ты пришел по собственной инициативе?

— По собственной инициативе, господин, — отозвался юноша, с неудовольствием отмечая свою скверную реакцию — потливость ладоней. Загвоздка заключалась как раз в том, как снова вернуть КВ в спокойное состояние. И Грант осторожно заметил: — Я боюсь вас. Против собственного желания. Но Джастин не захочет говорить с вами — во всяком случае, правды не скажет точно.

— Почему не скажет?

«Янни просто не свойственно спокойствие», — подумал ази.

— Потому что, господин… — Грант сделал глубокий вдох, стараясь не вспоминать о неприятном сосании под ложечкой. — Вы — его единственный наставник. Если вы откажетесь от него, Джастину просто не у кого будет учиться. Вы для него — как Старший. Ему приходится полагаться на вас, а вы его унижаете. Мне тяжко смотреть на все это.

— Грант, мы не обсуждаем психоработу с ази. Ты не понимаешь, что происходит — во всяком случае на операционном уровне — и очутился в весьма опасном положении. Я имею в виду твой умственный шаблон. Не стоит проводить параллелей. Ты должен догадаться, о чем я. Если не…

— Верно, господин, вы вправе порекомендовать мне обучающую ленту. Я знаю, насколько велики ваши возможности. Но все-таки прошу выслушать меня. Послушайте! Я не знаю, что вы за человек на самом деле. Но я видел вашу работу. Уверен, что вы, возможно, пытаетесь помочь Джастину. Кое в чем вам это удалось. Но он все равно не должен работать так, как сейчас.

Янни взревел, точно заглушаемый двигатель, и откинулся на спинку кресла, поглядывая на гостя из-под кустистых бровей. И заявил:

— А все потому, что он не приспособлен для актуальной работы. Я прекрасно это знаю. И ты

знаешь. И Джастин. Я надеялся, что он остепенится, но он не из таких — он не в состоянии схватить перспективу. Для стандартной конструкторской работы ему не хватает терпения, а повторение доводит его до безумия. И поскольку он — парень изобретательный, мы подключили его к проекту «Рубин». Идею выдвинул Деннис, а я его поддержал. Это лучшее, что мы способны сделать для твоего брата — позволить ему заниматься теоретическими разработками, а не собственными дурацкими фантазиями, иначе он просто не в состоянии сосредоточиться на чем-то конкретном. Уж кому, как не мне, знать это! Он даже упрямее Джордана — если втемяшит себе что-нибудь в голову, так потом будет биться за свою идею до последнего. Может, у тебя есть готовое решение проблемы? Все предельно ясно: Джастин должен заниматься либо проектом «Рубин», либо обычной конструкторской работой. Я не могу позволить себе роскошь разрешать одному из сотрудников целых три недели заниматься проектом, которому место в мусорной корзине, понятно?

До сих пор Грант считал Янни врагом. Но неожиданно отношение ази к господину Шварцу смягчилось — теперь Грант счел, что перед ним

обычный честный трудяга, не привыкший обстоятельно выслушивать собеседников. Впрочем, в данный момент Янни все-таки набрался терпения выслушать его.

— Сударь, прошу, поймите, что Джастин — не Джордан. Он работает не так, как Джордан. Но если вы дадите Джастину возможность — он заработает, да еще как! Умоляю, прислушайтесь ко мне! Вы вправе не соглашаться с ним, но он все равно учится у вас. Сами знаете — конструктору ази просто положено быть помешанным на Применимости. Я — альфа. Я в состоянии выбрать модель, интернализовать ее и рассказывать о ней сколько угодно. Я работал с Джастином над его собственными задумками и могу сказать — я верю, что он трудится не впустую.

— Видит Бог: большего я от него не требую.

— Сударь, ни один КВ не может видеть того аспекта его моделей, который отлично виден мне. Построение логических взаимосвязей — это моя стихия.

— Я не обсуждаю способности Джастина. Свои безумные проблемы он уладил. Теперь ему больше не перемывают косточки. Меня тревожит то, что случится, когда его наборы станут составной частью психики КВ. Во втором, третьем и четвер-

том поколении. Нам совсем не нужно население, сплошь состоящее из трудоголиков. И не нужны серенькие людишки, сходящие с ума при отсутствии работы на конвейере. Нам ни к чему круто рвущаяся вверх кривая самоубийств, если людей станут преследовать неудачи на работе либо начнется экономический спад. Речь о психологии КВ, а именно здесь Джастин особенно слаб, и именно это ему требуется изучать особенно настойчиво, иначе лет через 10–12 заявит о себе очень существенный вред. Уж я-то знаю, что может случиться. А потому вправе утверждать с уверенностью, что знаю, какова психика КВ изнутри, к тому же я шестьдесят лет работаю в данной сфере — молодой конструктор мог бы принять сей факт во внимание.

— Сударь, я преклоняюсь перед вами. Честное слово. Джастин тоже исключительно глубоко уважает вас. Но его модели… Они приятно разнообразят психошаблоны. Дело не только в организованности. Конструкции, которые, по вашему мнению, способны довести до беды, всего лишь их наградные обучающие ленты. Разве не истинно утверждение, господин, что если у ази появляется ребенок-КВ, родитель обучает его интерпретационно — так, как воспринимает

окружающий мир сообразно своему психошаблону. А ази, в чей психошаблон Джастин вживил незначительное изменение, даже если ему в отличие от меня судьба не послала счастье быть абсорбированным в обществе, получить статус альфа и обзавестись пожизненным компаньоном, все равно будет обеспечено ощущение цели в жизни, причем такое сильное, что он станет задумываться о своей работе. Стремиться к лучшим результатам. Гордиться своей работой. Возможно, не все проблемы решены. Но Джастин добрался до уровня эмоций. Это — ключ непосредственно к логическим системам. Это — самопрограммируемое взаимодействие. Именно это никто не принимает в расчет.

— А еще это создает целый комплекс базовых структурных проблем в синтетических психошаблонах. Давай прежде всего говорить о теории. Ты — знающий конструктор. А потому будем предельно откровенны. То, что делает сейчас Джастин, уже пробовали восемьдесят лет назад.

— Слышал.

— Психошаблоны усложнили несколькими добавлениями; в результате все кончилось неврозами. И навязчивыми идеями.

— Вы сами сказали, будто ему удалось избежать

всего этого.

— Послушай, только что ты упомянул важный термин — самопрограммирование.

— Вирус, — согласился Грант. — Но не злокачественный.

— Именно в этом и кроется теоретическая суть. Вирус, понимаешь? Если он обладает способностью к самопрограммированию, то ты создал особый вирус и играешь человеческими жизнями. Если вирус не получился, то ты закладываешь на будущее сложную проблему, которая проявится во втором-третьем поколении. Если развивать данную посылку, речь пойдет уже о другом типе вируса. Я не собираюсь тратить на такие затеи рабочее время. В конце концов, у нас бюджет! Вы оба включены в смету моего отдела и тратите помногу средств, хотя результатов не видно и по сей день.

— Результаты есть уже в этом году.

— Но ведь это просто убивает Уоррика — разве не ты только что жаловался? Он не в состоянии работать производительно на таком уровне, не в состоянии даже приступить к работе. Психологически не в состоянии взяться за нее. Что же тебе остается? Тянуть лямку в одиночку, пока Джастин витает в облаках, придумывая нежиз-

неспособные модели. Я ни за что не позволю ему опробовать разные глупости на каком-нибудь несчастном подопытном. Ни за что!

— Я сам все сделаю. Только развяжите ему руки! Снизьте нагрузку. Самую малость. Сударь, дайте ему шанс! Он вынужден полагаться на вас. Никто другой не в состоянии помочь ему. Он ведь хороший — вы сами знаете.

— Он слишком бездумно разбазаривает свои возможности.

— А что вы делали в самом начале? Обучали его, но при этом разбирали его модели по частям. Вот и продолжайте. Немного уменьшите нагрузку. Работа будет выполняться. Только не давите на него так — ведь он все равно все сделает, поскольку будет помнить, что кто-то страдает. Он станет работать безостановочно — таков уж он. Дайте нам работу по силам, и мы спокойно все сделаем. У Джастина просто талант к интегрированию, он способен извлечь из генотипа куда больше, чем кто-либо другой, ибо моему компаньону удается проникать на эмоциональный уровень. Возможно, его идеи не сработают, но ведь он пока учится. Откуда вы знаете, каких результатов он добьется в будущем? Дайте ему шанс.

Янни долго испытующе смотрел на собеседни-

ка — взгляд у господина Шварца был обиженный, недовольный, лицо красное, а зубы то и дело прикусывали губы. Наконец Янни сказал:

— Сынок, ты настойчив, точно торгаш. Выходит, ты смекнул, в чем суть проблемы Джастина? Ари взяла в оборот уязвимого мальца, носившегося с действительно передовой для семнадцати лет идеей. Ари постоянно льстила и поддакивала ему и в конце концов сумела затащить к себе в кровать. Неужели непонятно?

— Конечно, господин, мне все ясно.

— Она проделала с ним громадную работу. Джастин уверен, будто его соображения были гениальны. И полагает, что задуманное им было куда грандиознее, чем на самом деле. А ты оказываешь своему компаньону медвежью услугу тем, что постоянно поддакиваешь. Он умен, но не гениален. Он мог бы отлично поработать в проекте «Рубин». Я в курсе его возможностей — он действительно способный парень. И за это я его уважаю. Но я не люблю подтверждать то, чего нет в реальности. Я всю жизнь поднимаю на ноги нормальных людей, а ты просишь помочь ему еще глубже погрузиться в самую большую выдумку в его убогой жизни. Грант, твоя затея мне совсем не по душе. Нет слов, насколько не

по душе.

— Я говорю с человеком, который для Джастина почти как Старший. С человеком, за право работать под началом которого Джастин сражался. С человеком, который намерен погубить талант, сбившийся с праведного пути. И только потому, что в свое время попался наставник с изъяном. Как назвать такого человека?

— Черт побери!

— Вот именно, господин, черт побери меня — если вам так нравится. А я толкую о Джастине. Он доверяет вам, хотя доверяет мало кому. Вы хотите втоптать его в грязь лишь потому, что он занимается вещами, по вашему мнению заведомо нереальными?

Пожевав губами, Шварц бросил:

— Ты, кажется, один из питомцев Ари?

— Вы знаете, что так и есть, господин.

— Черт, она поработала на совесть. При одном взгляде на тебя понимаешь, что за штучка она была. Да еще после всего случившегося.

— Да, господин, — с болью отозвался юноша. И подумалось: Янни специально хотел уязвить его.

Но Янни, глубоко вздохнув, покачал головой:

— Я займусь этим. Привлеку его к работе над проектом. И облегчу его задачу. Но это, дорогуша,

означает, что снятую с Джастина долю работы придется выполнить тебе.

— Понимаю, господин.

— А если он и дальше будет таскать мне свои безумные планы, я буду рвать их в лапшу. И передавать ему свои знания. По мере сил. Он решил проблему с обучающей лентой?

— У него нет проблем с обучающей лентой, господин.

— Пока рядом ты. Именно так говорит Петрос.

— Верно, но можно ли ставить это в упрек Джастину?

— Нет, нет, не стоит. Знаешь, Грант, ты молодец, что взялся за это. Побольше бы таких, как ты! Увы — воспроизводству ты не подлежишь.

— Нет, господин. Джастин — как и Ари с Джорданом — приложил руку к моим психошаблонам. Но я буду только рад, если вы решите проанализировать их.

— Спокоен, как скала. Молодец, просто молодец, — к величайшему смущению Гранта, Шварц поднялся и, обойдя стол, подошел к нему, опустил ладонь на его плечо и взял за руку: «Грант, если решишь, что он не справляется, — заходи!»

Слова хозяина кабинета тронули ази — как в самом начале, когда он ни за что не хотел верить

в добрые намерения Янни. «Обязательно, господин», — заверил он, решив, что если Шварц не кривит душой и что если он, Грант, действительно способен оказать ему существенную услугу (вдруг Янни не сможет достать необходимые материалы в лаборатории или библиотеке), то он сделает это во что бы то ни стало. И без всяких колебаний.

— Ну все, — нетерпеливо бросил Шварц. — Ступай.

Вот это было уже просто в стиле общения с ази. Грант знал, что Янни переживает по поводу Штрассен и всего происходящего, и самым страшным испытанием было просто пойти к нему.

И ази ушел, наговорив хозяину кабинета минимум любезностей — поскольку молодость позволяла ему вести себя непосредственно, а в отношениях между ним, Джастином и Джорданом всякий формализм, разумеется, отсутствовал.

По дороге Грант забеспокоился: как-никак, он совершил очень серьезный поступок, усложнив и без того сложную атмосферу, которая окружала Джастина в Ресионе, да еще в такое время и при таком неустойчивом состоянии его духа. Решившись переговорить с Янни, ази не знал, простит ли его Джастин. И заслуживает ли такой

поступок оправдания.

Именно это и требовалось теперь выяснить.

— Что ты сделал? — завопил Джастин, и воздействие этого оказалось похожим на сильный удар: Грант отреагировал так, словно его стукнули — дернулся, отвернулся и снова повернул голову, после чего беспомощно уставился на брата. На сей раз Грант не применил ни один из своих привычных способов защиты.

Джастин мигом остыл. В самом деле, не стоило кричать на Гранта. Он сделал то, что сделал, потому что сам Джастин своим поведением навязал ему роль няньки; такой шаг был вполне логичен с точки зрения ази. А он, Джастин Уоррик, неверно истолковал намерения брата — для Старшего альфа нет более страшной ошибки. К тому же на протяжении многих лет он полагался на помощь Гранта в самых разных делах.

То, что брат повел себя с ним, как с ази, — его собственная вина. И ничья другая.

Уоррик-младший протянул руку и потрепал Гранта по плечу, пытаясь хоть как-то его успокоить. Спокойствие далось Джастину непросто — адреналин клокотал в нем, дыхание сделалось прерывистым не только от ужаса перед поведением по отношению к брату, но и из опасений

перед катастрофой, в которую тот его вверг.

Вот так. Нет, Гранта винить не следует. Все шло бы нормально, не привлеки Грант к себе снова внимание Жиро. Стоит просто сходить к Янни и уладить проблему без лишних эмоций, которые могут лишь подвигнуть Шварца поставить на работе жирный крест.

Уоррику-младшему хотелось присесть, всего на минутку. Однако юноша не мог позволить себе даже подобную мелочь — в противном случае Грант догадался бы о глубине его потрясения.

— Янни совсем не злился, — виновато тараторилази. — Джастин, он правда не сердился. Ничего подобного. Он только пообещал пересмотреть характер заданий.

Джастин снова хлопнул брата по плечу:

— Слушай, да я вовсе не расстроен. Даже если что-то будет не так, я все улажу. Не тревожься.

— Джастин!

В голосе Гранта звучала боль. И Джастин понял: все по его вине — как и нынешний кризис.

— Янни теперь вынет из меня душу за то, что я впутал тебя, — сообщил Уоррик-младший. — И будет прав. Грант, не стоит так печься обо мне. Со мной все в порядке. Не беспокойся.

— Черт, да прекрати же! — Схватив брата за

плечи, Грант резко повернул его лицом к себе. — Нечего напоминать мне, кто Старший. Я знал, что делал.

Шокированный Джастин вытаращил глаза.

— Джастин, я ведь не чурбан бездушный. Если хочешь, можешь меня ударить. Но только не нужно постоянно призывать меня к спокойствию, — бросил Грант, и пораженный до глубины души Джастин понял, что ази просто пылает гневом. Гнев брата еще сильнее ошеломил Уоррика-младшего. Спасение пришло, откуда он его не ждал. Джастина всего трясло, когда Грант наконец отпустил его руку и коснулся щеки: — Джастин, скажи — что у тебя на душе?

— Я слишком глубоко втянул тебя во все это.

— Нет, это они взвалили на себя слишком много. Я так и заявил Янни. Повторяю: я — не кусок пластика и отдаю себе отчет в своих действиях. Чем ты занимался все эти годы? Я был твоим напарником. А кем еще, по-твоему, я мог быть? Может, одним из психообразцов, с которыми ты работаешь? Или кто я вообще, по-твоему?

«Ази» — сам собой напрашивался ответ. Грант упрямо подталкивал Джастина к такому ответу. Однако Уоррик-младший не собирался поддаваться.

— Я что — чурбан какой-нибудь?

— Грант, остынь.

— Нет, ты скажи!

— Возможно… — отдышавшись, Джастин отвернулся. — Может, все дело в гордыне. Возможно, всю жизнь меня приучали думать, будто я сильнее. Знаю — меня немилосердно ломали все эти годы. Мне приходилось прибегать к твоей помощи. Мне и самому чертовски неловко.

— Пошло давление иного рода, — прокомментировал Грант. — Что до меня, то давить на меня мог лишь ты. Разве это так трудно понять, урожденный ты человек?

— Ну да — кто, как не я, запихнул тебя в кабинет к Янни!

— Дружище, дай мне хоть один шанс! Я ведь не робот. Возможно, мои чувства будто из пластика, но они все равно естественны. Хочешь накричать на меня — кричи. Но нечего напоминать о своем старшинстве.

— Тогда не веди себя, точно глупый ази.

Джастин поначалу не поверил, что неосторожное слово все-таки сорвалось с его губ. Потрясенный, Уоррик-младший оцепенел. Как и Грант. В воздухе повисло напряжение…

— Ну, ази, и что же? — пожал плечами Грант. —

Разве я виноват в этом? А вот как насчет тебя?

— Прости.

— Нет, говори дальше! Глупый ази — надо же! Уж лучше быть таким, чем наблюдать, как ты заводишься. Ты работаешь на износ, убиваешь себя, и скоро отклонение в очередном психошаблоне ази окончательно тебя прикончит. Это ты ведешь себя, точно глупый ази. Я рад, что ты наконец начинаешь защищаться. Давно пора.

— Только оставь психоанализ…

— Прости, не удержался. Хорошо хоть, что приходится заботиться только об одном урожденном человеке. Было бы двое — пришлось бы ложиться в больницу. Таковы уж урожденные человеки! Только и делают, что создают проблемы. Насчет Янни ты оказался прав — с ази он держится терпимо. Но зато обрушивается на урожденных людей — выплескивает на них все запасы энергии. Вопрос лишь в том, не обманул ли он меня. Но если ты успокоишься и выслушаешь меня, то узнаешь, что Янни в курсе твоей неспособности заниматься текущей работой. Я только сказал, что в работе над проектом «Рубин» ты прозябаешь и если он желает целенаправленной работы, ему придется закрыть глаза на то, что в свободное время ты занимаешься моделированием. Ты просто обязан

заниматься моделированием и дальше. Вряд ли я вел себя неразумно.

«Жучки!» — Джастин вздрогнул от ужаса и кинулся припоминать все, о чем шла речь. После чего просигналил брату — дескать, будь осторожен. Тот кивнул в ответ.

— Прости, — молвил Джастин, успокоившись. Ему отчаянно хотелось найти подходящее место, где можно было бы надежно спрятать Гранта. Впрочем, тот держался молодцом — с достоинством, которого так не хватало его Старшему.

— Грант, я всего лишь… Всего лишь так реагирую. Гибкое мышление и все такое прочее — ты должен понять.

— Вот что, — бросил Грант, — я не просто понимаю, я — удивляюсь. Количество уровней, на которых ты способен реагировать, просто поражает воображение. И количество ерунды, в которую ты в состоянии сразу поверить, невероятно. Не понимаю. Чтобы докопаться до сути подобной реакции, мне нужно потратить не один день, хотя я уверен, что все равно пропущу какие-нибудь детали.

— Все очень просто. Я напуган до смерти. Я считал, будто смыслю, что к чему, а тут вдруг даже ты ударил с фланга. А потому все сместилось к прямо

противоположной ценностной системе. Урожденным людям свойственна реальная логика.

— Господи, как была бы скучна жизнь без урожденных людей! Теперь поневоле задумаешься, на каком из полюсов находился Янни во время нашей беседы. Этого вполне достаточно, чтобы встревожить тебя не на шутку.

— Он был спокоен?

— Еще как.

— Стало быть, тебе удалось добраться до основного шаблона, да?

— Нам просто приходится учиться не волновать вас, людей. Думаю, вообще нужно заложить данную черту в начальные программные структуры. — Грант улыбнулся и тотчас процитировал: «Волнуясь, урожденные люди отходят к запасным программным структурам. Каждый урожденный человек — поистине взбалмошная натура. И терпеть не может своего второго «я». Вот ключик к поведению КВ».

— Ты недалек от истины.

— Еще бы: я ведь многие годы изучал эндокринологию! Но я действительно ошарашен. И потому перешел сразу к делу. Двойные и тройные мнения — все такое прочее. Должен сказать, что предпочитаю свой естественный психошаблон.

Свой естественный психошаблон, понимаешь? Звучит куда приятнее. Ну, пойдем обедать?

Уоррик-младший снова взглянул на брата, прикрывшего легкой насмешливой улыбкой, точно щитом, — этой улыбкой Грант бросал вызов ударам судьбы, происка Вселенной и нападкам ресионской администрации. На мгновение Джастин ощутил себя счастливым и несчастным одновременно.

— Конечно, конечно, — спохватился юноша. И, схватив брата за руку, потащил его к двери. — Если тебе удалось поладить с самим Янни Шварцем, мог бы сполна использовать особые отношения с ним — весь отдел общался бы с Янни только через тебя.

— Уф-ф! Вот так сказанул! Нет уж, не хватало только постоянной работы!

На них смотрели со всех сторон. Джастин тотчас отпустил руку брата. И сообразил, что наверняка пол-отдела слышало, как он орал на Гранта. А потому теперь Уоррик-младший воровато оглядывался, дабы оценить причиненный по собственной неосторожности ущерб.

По целому ряду причин они и так уже стали притчей во языцех — теперь к этим причинам добавится еще одна.

Ею со временем воспользуется и Янни.

8

В жизнь Ари вошло множество новых вещей. Нелли водила ее в магазин в Северное Крыло, и обе возвращались, нагруженные покупками. Это было так здорово! Ари покупала кое-что и для няньки, и та радовалась, отчего приятно становилось и самой юной Эмори — Нелли выглядела в новых костюмах такой милой и гордой!

Но Нелли — все равно не мама. Поначалу девочке нравилось, когда Нелли обнимала ее, но нянька тем не менее оставалась нянькой, и этим все сказано, и однажды ночью, когда Нелли в очередной раз обняла Ариану, та почувствовала себя ужасно одиноко. Нелли она ничего не сказала, ибо в тот момент нянька как раз рассказывала сказку. Но потом объятия Нелли становились все невыносимее — отъезд матери не желал забываться. И потому Ари то и дело сползала с кровати на пол, продолжая с зачарованным видом внимать Нелли, изображая, будто слушает сказку. Тактика оправдала себя — нянька не почувствовала ничего подозрительного.

А Сили оставался для девочки пустым местом. Иногда она принималась поддразнивать ази, но

тот никогда не смеялся. Его серьезность поражала юную Эмори. В конце концов она оставила Сили в покое и вспоминала лишь тогда, когда ей хотелось пирожного или лимонада. Их она получала в куда больших количествах, чем позволяла мама. Потому-то Ари и пыталась вести себя «как положено» и боролась с искушениями, мысленно приказывая себе налегать на овощи и не злоупотреблять сладким. Мама сказала бы — нужно питаться правильно. Теперь Ари постоянно вспоминала наставления матери и старалась следовать им, ибо в ее глазах забвение наказов Джейн было сродни забвению самой памяти о ней. И Ари ела овощи, хотя время от времени ей просто кусок в горло не лез — некоторые овощи были отвратительны на вкус да еще смешаны с какой-то белой дрянью вроде сливок. Фу! От такой пищи Ари даже тошнило. Однако она упрямо поглощала столь неаппетитные кушанья исключительно из уважения к памяти о матери, и от наплывавших время от времени воспоминаний становилось совсем уж невмоготу — настолько, что хотелось плакать.

Однако, если слезы все-таки начинали сочиться из глаз, молодая Эмори уходила в свою комнату и запиралась там. А перед тем, как выйти,

умывалась и тщательно вытирала лицо, чтобы избежать сочувствующих взглядов.

Девочке хотелось завести друга, с которым можно было бы поиграть — но только не Сэма. Уж больно много знал о ней Сэм. О ней и о мамочке. Ари часто хотелось ударить его, поскольку она терпеть не могла, когда Сэм смотрел на нее — лицо у него всегда было равнодушное и невыразительное.

А потому, когда Нелли однажды спросила, не желает ли она сходить в игровую школу, воспитанница ответила, что пойдет при условии, если там не будет Сэма.

— Но я ведь не знаю, кто там сейчас! — удивилась нянька.

— В таком случае я схожу сама, — решила девочка. — Давай лучше пойдем в гимнастический зал, ладно?

И Нелли повела ее в гимнастический зал. А потом Ари отправилась кормить рыбок и поиграла в песочнице, хотя песочница сама по себе не была большим удовольствием, а Нелли не владела искусством возведения песчаных замков. Так что большую часть времени юная Эмори истратила на кормление рыб, прогулку, игры на площадке и занятия в спортивном зале.

А еще было программирование. Многие взрослые проводили с нею уроки. Ари узнавала немало занятных вещей. По вечерам, укладываясь спать, она с удивлением обнаруживала, что набрала за день столько новых знаний, что от них пухла голова и было трудно размышлять о маме и Олли.

Дядя Деннис оказался прав — день ото дня тоска становилась все менее мучительной. Это очень пугало девочку. Ведь если тоска не напоминала о себе, было трудно поддерживать в себе гнев. В такие минуты Ари до крови закусывала губу, и боль появлялась — а юная Эмори снова погружалась в привычное состояние.

Однажды для детей устроили утренник. Там она повстречала Эмми. Та тотчас удрала и спряталась за госпожу Петерсон — и вообще вела себя, точно несмышленое дитя. Ариана вспомнила: вот отчего она когда-то хотела ударить Эми как следует. Остальные дети просто уставились на нее во все глаза, и госпожа Петерсон велела зевакам играть с Ари.

Распоряжение им явно не понравилось. Ари отчетливо это поняла. Здесь же были Кейт, Томми, малыш по имени Пэт и Эми, которая ревела и шмыгала носом в углу. На утренник явился и Сэм. Он вышел из толпы и поздоровался с Ари

— Сэм оказался единственным настроенным к ней дружелюбно. Юной Эмори захотелось домой, однако Нелли ушла на кухню пить чай с ази госпожи Петерсон, и Ари не решилась помешать няньке отдыхать.

А потому ей оставалось только присоединиться к группе игроков, которые по очереди бросали кубики и передвигали фишки по полю, изображавшему космос Союза. Игра шла на деньги — разве плохо? Ари увлеклась игрой, и вскоре ледок отчуждения растаял — все спорили, подначивали друг друга и хохотали. Все, кроме Эми. Да и Ариану никто не дразнил. Но юная Эмори не имела ничего против — она уже усвоила правила игры. Выигрыши стали притекать к ней со всех сторон. При бросании кубиков больше всех везло Сэму, однако тот опасался делать крупные ставки, а Томми, наоборот, оказался чрезмерно неосторожным. «Я направлю тебе станцию», — пообещала Ариана. Эми купила станцию, причем на приобретение ушла большая часть денег-жетонов. Так что она рисковала многим, а Ариана — почти ничем. В конце концов Эми все равно потеряла свою покупку. В результате капитал молодой Эмори увеличился, а Эми пришла в ярость. Никто не пожелал покушаться на станцию Ари,

и та предложила выкупить ее обратно — но не за назначенную Эми цену.

В конце концов Эми сдалась и купила корабли. А Ари тотчас чуточку подняла цены.

Эми захныкала. И вскоре снова оказалась в опасном положении, поскольку Ариана угрожала ей, скупая на выигранные капиталы транспортные корабли и товары, которых той не хватало. А бестолковая Эми продолжала усугублять свое незавидное положение, предпочитая пользоваться своими, за не принадлежавшими Томми станциями. Эми явно напрашивалась на драку — и в конце концов получила ее. Однако хитрая Ариана не захотела сразу победить Эми и тем самым положить конец увлекательной игре, а потому подсказала ей, как правильнее вести себя.

Тут уж Эми и вовсе обозлилась — хныканье ее стало еще отвратительнее.

Разумным советом она также не воспользовалась.

Поэтому Ариана с легкостью добилась победы, лишив соперницу всех кораблей, кроме одного. Затем наступил черед и последнего. К тому времени Ари уже поняла, что выиграет. Однако лица у товарищей по игре были кислые, и никто никого не поддразнивал. Эми поднялась из-за

стола вся в слезах.

Все молча смотрели на Эмми. Вид у всех был такой, точно им очень не хотелось оставаться здесь.

Конечно, победа должна была достаться Ари. Только Сэм не догадывался об этом. А потому юная Эмори обратилась к нему: «Сэм, можешь забрать мои фишки».

И, поднявшись, отправилась на поиски Нелли. Обнаружив ее в кухне, Ари сразу же сообщила о желании уйти. Нелли забеспокоилась, моментально прекратила оживленную беседу с Корри и повела свою подопечную домой.

Остаток дня Ариана бездельничала; девочке было ужасно одиноко. Кроме того, в ней кипел гнев — но сей факт только доставлял ей радость. Снова вспомнилась мама. И снова дала знать о себе тоска по Олли и даже по Федре.

Подумалось: окажись здесь Валери, он наверняка не вел бы себя по-идиотски, как те детки!

— Что стряслось? — участливо полюбопытствовал вечером дядя Деннис. — Что случилось на утреннике? Что они натворили?

Ариана подумала — стоит пожаловаться, будто остальные дети затеяли с нею драку, и все они Пропадут. Впрочем, возможно, рано или поздно

они все равно пропадут. На сей счет юная Эмори не испытывала твердой уверенности. Но, по крайней мере, хоть Эми и Кейт все еще оставались в Ресионе — пусть они и были сущими тупицами.

— Дядя Деннис, куда делся Валери?

— Валери Шварц? Его маму перевели на новое место. Они переехали, вот и все. Ты еще помнишь Валери?

— А он может вернуться?

— Не знаю, деточка. Вряд ли. Ведь его маме нужно работать. Так что стряслось на утреннике?

— Просто мне там надоело. С ними не повеселишься. А куда улетели мама и Олли — на какую станцию?

— На Фаргону.

— Собираюсь написать маме и Олли письмо, — сообщила Ари, вспоминая виденную в мамином кабинете почту. Оставалось только дивиться, как подобная мысль не пришла ей в голову раньше. Но теперь подумалось, что письмо обязательно доберется до маминого кабинета в другом месте — на Фаргоне.

— Вот и хорошо. Думаю, им будет приятно получить от тебя послание.

Иногда Ари казалось, будто на самом деле мамы и Олли просто нигде нет. Однако дядя Деннис

принимался переубеждать ее и говорить, что у них все в порядке. Ари чуточку оживлялась, однако неизбежно задавалась одним и тем же вопросом: почему же мама ни разу не позвонила?

— А можно позвонить на Фаргону?

— Нет, — отчеканил дядя Деннис. — Корабль добирается туда гораздо быстрее телефонного звонка. Соответственно, и письмо дойдет быстрее звонка. За несколько месяцев, а не лет.

— Почему?

— Скажешь «здравствуйте», и приветствие будет добираться до цели двадцать лет. И их приветствие будет лететь к тебе двадцать лет. Даже если у тебя хватит терпения, твоим собеседникам придется очень долго ждать твоей первой реплики. Таким образом, на одну беседу могут уйти столетия. Именно потому послать письмо проще и куда дешевле. К тому же население разных звездных систем не пользуется радиостанциями и телефонами; все перевозят корабли, ведь они движутся быстрее света. Есть еще много разных технических тонкостей, но ты их не поймешь, ведь тебя прежде всего интересует послание маме, верно? Это слишком долгая история. В общем, письмо — это то, что надо.

Ари никогда не представляла себе, как дале-

ко может быть это самое «далеко». Ясно, что не рядом с Ресионом. Девочке вдруг стало зябко и неуютно. Отправившись к себе в комнату, она засела за письмо.

Работа не клеилась — юная Эмори то и дело рвала написанное, ибо не хотела беспокоить мать своими тревогами. И не хотела отправлять письмо, начинающееся примерно так: «Здравствуй, мамочка! Знаешь, ребята не любят меня, и мне здесь все время очень одиноко».

Вместо этого Ари написала: «Я очень скучаю по тебе и Олли. И больше не злюсь на Федру. Хочу, чтобы ты и Олли вернулись. И Федра тоже. Я буду вести себя хорошо. Дядя Деннис приносит мне много пирожных, но я помню, что ты говорила про сладкое, и не ем помногу. Не хочу стать толстухой. И не хочу быть уродиной. Нелли очень хорошо смотрит за мной. Дядя Деннис дает мне свою кредитную карточку, и я покупаю Нелли подарки. Я уже купила космический корабль, автомобиль, головоломки и обучающую ленту со сказками. А еще красно-белую блузку и красные башмачки. Вообще-то хотела купить черные, но Нелли сказала, что черные в таком возрасте носят ази и что сначала мне нужно подрасти. Нелли так и сказала: маленькие девочки не носят чер-

ное. Вообще-то я могу надеть черное, но иногда делаю так, как советует Нелли. Я смотрю за всеми. Видела сегодня Эми Карнат, но драться с ней не стала. Она все еще хлюпает носом. Я смотрю много обучающих лент. Уже могу делать задания по математике и по химии. И еще географию и астрографию, а также хочу узнать побольше о Фаргоне, потому что вы там живете. Хочу слетать на Фаргону, если вы не можете прилететь сюда. Там есть другие ребята? У вас там хорошо? Скажи дяде Деннису, что я могу слетать к вам. Или вы можете прилететь домой. Я буду послушной девочкой. Я люблю тебя. Люблю Олли. Письмо отдам дяде Деннису — пусть отошлет. Дядя говорит, будто мое письмо будет идти до вас долго, и ваш ответ тоже будет идти долго, а потому, пожалуйста, напиши мне сразу, как только получишь мое письмо. Думаю, наши письма будут идти целый год. Когда я получу твой ответ, мне исполнится уже восемь лет. Если ты попросишь Денниса отпустить меня к тебе, то мне наверняка уже будет почти девять. Передай ему, что я могу захватить и Нелли. Она испугается, но я ее успокою. Я не боюсь, когда корабль подбрасывает в полете. И не боюсь отправиться в полет одна. Сейчас я многое делаю сама. Дяде Деннису это неинтересно. Знаю,

что он отпустит меня, если только ты его попросишь. Целую тебя».

9

Флориан снова опоздал. Правда, между 240 и 241 блоками проходила более короткая дорога, и юный ази, не раздумывая, свернул на нее и ловко пробежал между двумя группами Взрослых, не забыв обернуться и вежливо пробормотать: «Извините, пожалуйста!» После чего припустил по тропинке во весь дух и очень скоро оказался у поста службы охраны.

— Прошу прощения, — молвил Флориан, подбегая к столу внутри Первого Квадрата. Передавая записку дежурному ази, мальчик затаил дыхание. Ази мельком проглядел записку и отправил ее в считывающее устройство.

— Сине-бело-коричневое, — сообщил дежурный. — Переигрывается на коричневое. Указания на месте.

— Так точно, — отрапортовал Флориан, глядя в указанном направлении. Синяя зона начиналась сразу же за дверью, и малолетний курсант поспешил за дверь — не побежал, а именно поспешил.

Добравшись до коричневой зоны, Флориан знал, что все равно запаздывает. Ответственный ази уже ожидал его.

— Прошу прощения, — извинился мальчик. — Я Флориан AF-9979.

Дежурный оглядел его и сообщил:

— Размер 6М, шкафчики на стене, переоденьтесь. Скорее!

— Так точно, — отозвался мальчик и поспешил в раздевалку, где оперативно отыскал свой «6М», вытянул из него туго набитый пластиковый пакет, швырнул его на скамью и принялся по-быстрому сбрасывать одежду. Облачившись в черную униформу, Флориан натянул носки и шлепанцы, а свою униформу сельхозсектора развесил на крючки по соседству с другими комплектами всевозможных размеров и расцветок. Мальчик так разволновался, что едва не забыл свою магнитную карточку; вовремя спохватившись, Флориан снял карточку с висевшего на крючке комбинезона, пристегнул ее к черной униформе, наскоро пригладил растрепавшиеся волосы и снова поспешил наружу.

— Дальше по коридору, — подсказал ази с табличкой. — Коричневое на зеленое. Бегом!

Флориан побежал. И несся по коридорам до тех пор, пока не увидел заветную дверь, на которой зеленое пятно было окантовано коричневой каймой. Тотчас в мозгу сработала запомненная

команда: внутрь, в спортзал! Вбежав в зал, Флориан обнаружил еще одного дежурного с табличкой и другого Молодого, одетого в точности, как он сам, в черный комбинезон. Приглядевшись, он обнаружил, что перед ним — девочка. Это потрясло мальчика, хоть и на внутреннем уровне. Поприветствовав Инструктора, он отвесил ему легкий полупоклон и скороговоркой бросил: «Простите, господин, за опоздание».

Инструктор посмотрел на Флориана взглядом, достаточно долгим, чтобы мальчик забеспокоился; при этом юный ази не смел даже покоситься на девчонку, которая, как он успел убедиться, прибыла сюда на подбор компаньона для выполнения Задания.

Инструктор, сделав отметку у себя в табличке, сообщил: «Флориан, это Кетлин. Она твоя напарница».

Флориан с колотящимся сердцем снова взглянул на девочку. И подумал: вышла ошибка. Конечно, ошибка. Он опоздал, вот ему и дали в напарницы девчонку. Флориан знал, что ему придется спать на новом месте, и предполагал, что спать придется в одной постели с напарником. Выходит, вышла ошибка. Теперь паренек не знал, где ему придется спать.

Флориану снова захотелось вернуться на занятия. Новое Задание опечалило мальчика, хоть старый Инструктор и обещал, что в свободные часы он сможет и дальше заниматься своим сельхозсектором. Флориан же хотел…

Но девчонка нагоняла на него тревогу. Она…

Напарница была светловолосая, голубоглазая и с болячкой на подбородке. Кетлин оказалась выше его ростом, но в этом не было ничего удивительного. У нее было чуть продолговатое и очень серьезное лицо. Пареньку подумалось невзначай, будто он уже встречал ее где-то. Кетлин тоже на него поглядывала — между прочим, смотреть так было не слишком хорошо. Вдруг Флориан понял: сам он глядел на напарницу в упор.

— Кетлин, — обратился Инструктор к девчонке, — выход отсюда ты знаешь. Отведи Флориана к дежурке, там поговорите со Старшим.

— Так точно, господин, — отозвалась Кетлин, и Флориан с превеликим трудом поборол искушение обратиться к Инструктору с просьбой проверить: не вкралась ли в документ о подборе напарников какая-нибудь ошибка. Но было слишком поздно, да и Флориан с самого начала создал не слишком лестное мнение о себе в глазах этого человека; юный ази не понимал, что имен-

но его так расстроило, хотя паника отчетливо давала знать о себе. А Кетлин уже тронулась в путь Флориан нагнал напарницу, когда та уже направлялась к двери в конце спортзала, скрытой висевшими здесь же матами. Девчонка открыла дверь своей магнитной карточкой, придержала ее для компаньона, и оба вышли в другой длинный бетонный коридор.

Дальше — вниз по лестнице. И снова бетонный коридор.

— Должен ли я получить новое койкоместо? — наконец не выдержал Флориан.

На лестнице Кетлин оглянулась, и Флориан поравнялся с нею уже в очередном коридоре, куда привела их лестница.

— Двадцать второе, как и у меня, — отозвалась Кетлин. — Мы будем жить с Взрослыми. Комната для напарников — двое на двое.

Флориан снова пережил шок. Однако Кетлин, судя по всему, знала, как именно все должно быть, и не расстраивалась. И потому мальчик попросту поплелся следом, гадая, мог ли компьютер дать сбой, после чего ему, Флориану, придется посмотреть обучающую ленту с объяснением неполадки, дабы потом самому не наделать ошибок. Он подумал, что следовало переговорить с

Инструктором насчет места, куда их направили.

Наконец они пришли. Кетлин снова отперла магнитной карточкой замок, и юные ази вошли в помещение, где за письменным столом сидел другой Инструктор.

— Господин, — отрапортовала девочка, — Кетлин и Флориан явились.

— Поздно явились, — отметил Инструктор.

— Так точно, господин, — подтвердила Кетлин.

— Это я виноват, — пояснил Флориан. — Дело в том…

— Объяснения ни к чему. Вы приписаны к службе охраны. Отправитесь в арсенал, получите все необходимое. И тогда у вас обоих все будет в полном порядке. В полном порядке. На подбор экипировки вам дается 15 минут. Потом пойдете в столовую, вечером все распланируете, завтра утром — занятия в Комнате. На все дается один час, можете обсудить. Даже нужно обсудить. Свободны!

— Я… — начал было Флориан. — Господин, понимаете, мне нужно кормить свиней. Я должен был получить соответствующую обучающую ленту? Пока я ее не изучал…

Инструктор строго посмотрел на мальчика и сообщил:

— Флориан, работы в сельхозсекторе ты станешь выполнять в свободное от охраны время. Охрана и есть твое Назначение. Заниматься в сельхозсекторе можешь в свободное время. В случае успешного прохождения Комнаты вам полагается по четыре часа свободного времени. Специальной обучающей ленты для этого случая не существует. Подъем в 5 утра, в 05.30 поверка, в 06.30 завтрак, потом программирование, тренировки в Комнате либо свободное время — в зависимости от графика; полдник, если успеете сходить на него; ужин в 20.00, затем занятия по распорядку, отбой, как правило, в 23.00. Если возникнут проблемы — обращайтесь к Инструктору. Кетлин знает — можешь спросить у нее.

— Ясно, господин, — выдохнул Флориан, в то же время думая: «А как же быть с Энди? Как со свиньями? Говорят, что я могу ходить в сельхозсектор». И оттого, что Инструктор уже закончил объяснения, а самому парнишке сделалось страшно, вдруг это и есть настоящее Назначение, он снова поспешил за Кетлин…

Наконец они явились в арсенал — очень похожий на тот, с которым Флориан был знаком по Игре. Старый Инструктор говорил, что в этом и крылось Назначение, что потом будут уже

знакомые ему Комнаты: такие же, в каких он тренировался, и тогда он в большей степени станет принадлежать к службе охраны, чем к сельхозсектору.

Но получалось несправедливо. Ведь ему вроде бы полагалось спать в одной кровати с девчонкой! Его отправили на объект, знакомый ей и неведомый ему. Наверняка он наделает еще больше ошибок, чем прежде. Считалось, будто Инструктор никогда не откажется переговорить с тобой, однако последний Инструктор четко дал понять: Флориан уже наделал ошибок.

Например, опоздал — с самого начала.

В помещение он вошел следом за Кетлин; Флориан знал, что увидит здесь нечто вроде охраняемой Комнаты, и потому вид разложенных на столе вперемежку ножей, пистолетов и инструментов не шокировал его, но мальчик не хотел притрагиваться к ним, и ему стало не по себе, когда Кетлин взяла в руки пистолет. Флориан подхватил плоскогубцы и индикатор наличия тока в сети; Кетлин облюбовала моток тонкого шнура, в то время как ее напарник рылся в куче разложенных на поддоне деталей, которые в определенном порядке рассовывал по карманам.

— Ты электронщик? — спросила Кетлин.

— Да. А ты из военных?

— Служба безопасности. Разбираешься в оружии?

— Нет.

— Тогда не бери пистолет. Что за Комнаты ты проходил?

— Ловушки Сигнализации.

Светлые брови Кетлин удивленно взметнулись. Она кивнула — на сей раз куда дружелюбнее. И сообщила:

— Засады. В них всегда Враг. Он хочет уничтожить тебя.

— В ловушках тоже Враг.

— У тебя хорошие показатели?

— Думаю, да. — Мальчик кивнул.

И снова впился взглядом в девочку. Лицо напарницы не давало ему покоя. Казалось, он давно знал Кетлин. Знал, как знают материал просмотренных обучающих лент. Возможно, она тоже припоминала его аналогичным образом, ибо глядела на него удивленно. Сам Флориан не слишком удивлялся, разве что факту, который, оказывается, уже успел свершиться: обучающая лента сама по себе никогда его не удивляла. Флориан знал, что если познакомился с Кетлин в обучающей ленте, то всякая ошибка автомати-

чески исключена. Получалось, что если в этом крылась суть происходящего, Кетлин должна играть в его жизни очень заметную роль — роль не менее важную, чем учеба; Флориан раньше просто не думал над этим, поскольку такая проблема должна была возникнуть в момент его Приписки к кому-нибудь.

Но Кетлин была ази. Как и он сам.

И знала все о своем Назначении, а он, новичок, постоянно ошибался.

— Кажется, я должен быть знаком с тобой, — с беспокойством сказал мальчик.

— У меня такое же чувство, — отозвалась она.

До сих пор никто не уделял ему столько внимания сразу. Даже Энди. Флориану сделалось не по себе при мысли, что он действительно встретился с героиней обучающей ленты, сделанной специально «под него».

— Почему нас сделали напарниками? — полюбопытствовал он.

— Не знаю, — сказала Кетлин. И добавила: — Но электроника — штука нужная. Выходит, ты разбираешься в другой Комнате. Слушай, расскажи, что знаешь!

— Значит, входишь, — начал Флориан, пытаясь в одно мгновение собрать воедино свои знания,

как если бы отчитывался перед Инструктором, — в дверь. За ней могут скрываться какие угодно ловушки. Сработает хоть одна — тебе крышка. Иногда срабатывает звуковой сигнал. Иногда гаснет свет. Иногда кто-то преследует тебя, и, пока уходишь от погони, приходится преодолевать ловушки. Иногда попадается замок AI. Бывает, попадается вода, она на самом деле опасна, если вдруг отошел какой-нибудь кабель. Но он — только для виду, на самом деле он обесточен.

— Мертвый — все равно мертвый, — рассудила девочка. — Они стреляют, устраивают ловушки в дверях, и если не ты, так тебя собьют с ног. Иногда происходит и то, о чем ты рассказал. Иногда пускают газ. Иногда организовывают засады. Бывает, опасность подстерегает снаружи, а иногда — внутри. Иногда убивают по-настоящему. Я как-то видела — он сломал себе шею.

Флориан был потрясен. А потом вдруг подумал, что незавидная участь могла выпасть и на его долю. Вспомнились дверные ловушки. Взяв батарейку, моток проволоки и миниатюрный карманный фонарик, мальчик принял от Кетлин темный шарф — напарница пояснила, что шарфом для пущей безопасности требуется обмотать лицо. Себе она собрала целую коллекцию разных

предметов вроде маски, провода и каких-то других, назначение которых Флориан представлял себе смутно, но подозревал, что их можно использовать как оружие.

— Если в арсенале есть противогазы, неплохо захватить один, — решила Кетлин. — Впрочем, противогазов нет. Так что газ вряд ли пустят, хотя кто знает. Они играют не по правилам.

Тотчас прозвенел звонок.

Время вышло.

— Идем, — позвала Кетлин; дверь отворилась, и молодые охранники, нагруженные добычей, вышли в коридор.

Теперь по коридору и через другие двери. Опять по лестнице вверх — оттуда в другой бетонный коридор.

Со множеством дверей.

— Нам нужна 22-я, — сообщила Кетлин.

Пришлось пройти еще два коридора. Наконец Кетлин отворила нужную дверь, и ази очутились в простой комнатке с двухъярусной койкой.

— Тебе верх или низ? — лаконично спросила Кетлин.

— Все равно, — отозвался паренек. Никогда прежде он не думал, что может быть хозяином комнаты. Или хотя бы половины комнаты. Здесь

же стояли стол и два стула. И виднелась дверь.

— Куда она ведет?

— В ванную, — пояснила Кетлин. — Она у нас общая с соседями. Они Взрослые. Перед тем, как войти, следует постучать. Таково их Правило. Нужно соблюдать Правила Взрослых.

— Я пропал, — растерялся Флориан.

— Все в порядке, — успокоила Кетлин, вываливая на стол содержимое карманов. — Я здесь уже пять дней. И знаю много Правил. Взрослые очень терпеливы. Они все сами растолкуют. Но лучше все запоминать, иначе они пожалуются Инструктору, и тогда тебе несдобровать.

— Я запомню, — пообещал Флориан, наблюдая, как напарница опорожняет карманы, и прикидывая, как правильнее разложить свое добро. — Нам нужно переодеваться для Комнаты?

— По утрам и всегда.

Карманы Флориана опустели, принесенное он разложил в удобном ему самому порядке. Кетлин внимательно созерцала манипуляции напарника.

— Умно, — похвалила она. — Всегда знаешь, где что лежит.

Флориан быстро вскинул глаза и тотчас понял, что девчонка и не собиралась над ним смеяться.

— Ну конечно, — подтвердил он.

— Тебя голыми руками не возьмешь, — решила Кетлин.

— Думаю, ты отлично подготовлена, — вторил мальчик.

— Вообще-то меня редко выводят из строя, — призналась она, выдвигая стул и усаживаясь на него. Флориан продолжал раскладывать свои богатства. — А как насчет тебя?

— Тоже.

Кетлин, хоть и серьезная, выглядела по-своему довольной. Подобрав со стола пистолет, нажала какой-то рычажок, и оружие тотчас будто переломилось пополам, после чего девочка ловким жестом вернула ствол в исходное положение. — Оружие самое настоящее, — похвасталась она. — А вот патроны холостые. Хотя проверить все равно не мешает. Патрон в стволе может заклинить. И тогда крышка. Об этом нужно постоянно помнить. Враг тоже способен на любую хитрость — тогда тебе несдобровать. Если стрелять учебными патронами, остаются темные дымные хвосты. А вот боевые патроны дыма не дают. Но можно убить и учебным патроном — если выстрелить с очень близкого расстояния. Рядом с напарником вообще нужно проявлять

особую осторожность. Куда больше народу погибает от выстрелов учебными патронами, чем на боевых учениях.

Оказалось, Кетлин знала намного больше историй о гибели людей, чем Флориан слышал за всю свою жизнь. В конце концов мальчику даже сделалось не по себе.

А Кетлин желала знать буквально все о ловушках и прочем, так хорошо знакомом Флориану. Она задавала вопрос за вопросом, и всякий раз, стоило пареньку упомянуть что-нибудь новое, ее необычные глаза щурились так, как обычно щурятся сообразительные люди, желая запомнить что-нибудь. В свою очередь Флориан проявил интерес к Засадам, и Кетлин вывалила на него целый ворох полезной информации.

В конце концов паренек решил: напарница ему попалась смышленая. Рассуждала она вполне резонно, и становилось ясно: Кетлин ничего не стоило осуществить любую из операций, о которых она так обстоятельно рассказывала. Раньше Флориан и помыслить не мог, что попадет в службу охраны. И не предполагал, что его напарником окажется девчонка — тем более такая, как Кетлин. Она даже изображала нечто вроде улыбки: глаза светились, но губы оставались

плотно сжаты. В конце концов Кетлин настолько встревожила Флориана, что он очень обрадовался, увидев, как та наконец открыла в улыбке рот. Заставить Кетлин улыбнуться оказалось делом нелегким: для этого требовалось рассказать ей что-нибудь действительно поражающее воображение. Но, рассказав нечто интересное, тотчас хотелось поведать что-то еще из того же разряда — ведь на полпути, как известно, останавливаться не стоит.

А затем юные ази отправились принимать пищу — зал для еды здесь именовался просто «столовая». Сначала требовалось стоять и ждать, пока освободятся места, причем новоиспеченные напарники обнаружили, что они здесь самые юные. В основном тут были юноши — очень высокого роста; девушек было намного меньше, причем ни одной взрослой. В глаза бросались и их строгие манеры. Флориан сильно растерялся бы, не знай Кетлин заранее, когда вставать, когда садиться и не тяни она его за рукав, дабы подсказать очередной маневр. Но еда оказалась отменной — о лучшем не стоило и мечтать, а почти взрослые ребята, беседующие вокруг, вели себя на редкость учтиво и совсем не выражали недовольства из-за присутствия «малявок». Один

из них обратился к Кетлин с вопросом, кто ее напарник, и та отозвалась: «Флориан AF, господин». Точно беседовала со Старшим!

А юноша ответил: «Добро пожаловать!» Флориана попросили подняться, дабы все могли получше разглядеть его. Мальчик разволновался. Однако любознательный паренек тоже поднялся и представил его всем как Флориана AF, напарника Кетлин и по совместительству техника. Вообще-то мальчик не был уверен в справедливости целой грозди пышных эпитетов, которыми его наградили, но и отрицать ничего не стал — в сущности, его нынешнее положение описали почти правильно; все некоторое время рассматривали его, после чего одобрительно закивали, давая понять, что принимают его в свою среду — теперь можно было спокойно сесть. Данный обычай не слишком отличался от принятого в спальном кубрике — разве что в кубрике не было необходимости подниматься из-за стола, так как в трапезной собирались обитатели сразу всех кубриков. В Зеленой Казарме имелась своя кухня, и по желанию подавались вторые и третьи блюда — на это даже не требовалось особого предписания врача.

Инструктор сообщил, что впереди — два часа

свободного времени, а в 23.00 — отбой и надо гасить свет.

Однако Кетлин сочла необходимым вернуться в расположение — так именовались жилые помещения в Зеленой Казарме — и подумать над предстоящим испытанием в Комнате, ибо Инструктор сказал, что они вправе это делать; и до самого отбоя Кетлин с Флорианом задавали друг другу вопросы о Комнате.

Раздевание перед отходом ко сну доставило Флориану несколько неловких минут. Никогда еще ему не приходилось раздеваться в присутствии девчонок, за исключением врачей и техничек, да и те позволяли ему накинуть что-нибудь, отворачивались либо вовсе выходили. А Кетлин сказала, что в раздевании нет ничего зазорного, ведь они — соседи по комнате, и что все так делают. Так что Кетлин без всякого смущения сбросила рубашку и штаны; Флориан последовал ее примеру, а Кетлин первой отправилась в душ. Вскоре она вернулась, переодевшись в чистое белье, а старое отправила в бельевую корзину.

Кетлин без одежды оказалась в точности такой, какой представлял ее Флориан — мускулистая, с гладкой кожей, и поджарая, что невольно наводило на мысль, будто с кормежкой в службе охраны

дела обстоят плохо. К счастью, подозрение можно было смело отмести — Флориан только что съел здешний ужин. Конечно, Кетлин просто обладала особым телосложением: была уже в груди, ребра выпирали — а там, где у мальчишек намечались мышцы, у Кетлин было совершенно плоское тело. Раньше ему не приходилось видеть девчонку в одном белье. Белье было тонкое и почти ничего не скрывало, и мальчик отчаянно пытался не смотреть на напарницу и даже не думать о том, что она смотрит на него. Он не знал, отчего это нехорошо, но тем не менее был в этом уверен. Но деваться было некуда — не спать же в одежде?!

А потому от них требовалось проявить такт по отношению друг к другу и примириться с обстановкой.

Флориан по-быстрому, как советовала напарница, принял душ — ведь душевая могла очень скоро понадобиться Взрослым; натянув свежее белье, юныйази покинул ванную и тотчас улегся на нижнюю (верхнюю облюбовала Кетлин) койку. Расстояние от двери в ванную до постели паренек преодолел с быстротой молнии, ибо ему неловко было скакать по помещению в одном белье, в то время как напарница успела укрыться одеялом.

— Кто ложится последним, — донесся сверху голос Кетлин, — гасит свет. Таково мое Правило. Ты не против?

Не вылезая из постели, Флориан огляделся в поисках выключателя. Никогда прежде молодому ази не приходилось бывать в помещении, где свет не отключался автоматически, в заданное распорядком дня время. И он никогда еще не спал где-либо кроме казармы, где в одном кубрике было расквартировано не менее пятидесяти таких же, как он, мальчишек. Выскользнув из-под одеяла, Флориан подскочил к выключателю, погасил свет и тотчас нырнул обратно, да так, что двухъярусная койка жалобно задрожала.

Паренек не сразу сообразил, что доставил соседке несколько неприятных мгновений. «Прости», — пробормотал он, поворачиваясь на бок как можно осторожнее. Мысленно юный ази повторял себе, что рядом — незнакомый человек. Возможно, Кетлин действительно семь лет, но ведь она — из службы охраны, а там народ крутой и церемониться не любит. Флориану не хотелось делать глупости и действовать напарнице на нервы. И потому мальчик, присмирев, лежал, глядя во тьму; рядом был чужой человек — худшую ситуацию невозможно вообразить, даже переезд

в новый кубрик не может с этим сравниться. Флориану стало зябко — только отчасти потому, что одеяло оказалось чрезмерно тонким и не согревало. Стояла мертвая тишина — только слышно было, как кто-то из Взрослых плескался в душе.

«Интересно, — вскользь подумал мальчик, — где раньше жила Кетлин?» Вела она себя с убийственным спокойствием. Кто-то успел растолковать ей, что и как должно здесь происходить. А может, она просто оказалась чертовски способной — на все руки. И даже перспектива работы с напарником-мальчишкой ничуть не обеспокоила ее. Кетлин обрадовалась, когда услышала о его умении обходить ловушки. Пареньку хотелось надеяться, что он сумеет оправдать ожидания напарницы. Флориану страшно было даже подумать, что во время преодоления первой же преграды — какого-нибудь дверного проема — их «взорвут».

Флориан жутко опасался, что преодолевать ловушки придется в темноте — это было труднее всего и подразумевало использование миниатюрного карманного фонарика. Кетлин сообщила, что фонарик легко спрятать в одежде, хотя обычно наставники не возражали против фонариков: работа при свете делает человека идеальной

мишенью.

Кетлин также советовала не шуметь. Присматривайте, что у вас за спиной; старайтесь спокойно делать свое дело; а шум — только подспорье противнику. Конечно, говорила девочка, можно попытаться «достать» противника подобным образом, но все зависит от времени. И от скорости: будут ли они бежать скоростным бегом, либо приманивающим бегом. Условия должны объявить позже.

Флориан полюбопытствовал: что за приманивающий бег?

Оказалось — первейшее средство, которым можно «достать» противника.

Флориан вздохнул с облегчением и заметил, что данный прием сопоставим с расстановкой ловушек. Иногда расставляют парные ловушки: одну уничтожают, вторую — оставляют наседающему противнику. Если противник не способен обнаружить ловушку, ты получаешь дополнительные очки. Иной раз могут заставить преодолевать препятствия сразу, и остается лишь гадать, твоя ли это ловушка, вражеская ли и задержался ли противник возле нее. Здесь лучшим указателем может стать имитация взрыва, но и ей нельзя доверять всецело, ибо противник может наме-

ренно вызвать взрыв и тотчас установить новую ловушку.

«Так поступать подло», — не выдержала Кетлин, а глаза ее характерно поблескивали. Так поступать хорошо.

Флориану захотелось «отключиться» и тотчас уснуть: утром предстояли занятия в Комнате; мальчик знал, что нуждается в отдыхе, но заснуть оказалось непросто, ибо голова его была забита вопросами, ответы на которые он не сумел отыскать.

Занятия в Комнате беспокоили юного ази куда меньше, чем новое место.

«Для чего им заниматься этим?» — снова и снова мысленно задавался он одним и тем же вопросом. И принимался думать о пистолете на столе, о подозрительно тихой столовой; вспоминал рассказы Кетлин о людях, которых подстреливали во время учебных боев. И Флориану думалось: а туда ли я попал?

«Никакая это не игра!» — холодно отрезала Кетлин, когда он назвал учения столь незамысловатым словом Игра — это то, чем занимаются с компьютерами. А тренировки самые что ни на есть настоящие, и там ловчат, как только могут.

Флориану очень хотелось вернуться в сель-

хозсектор. Увидеться с лошадью. И покормить поутру жеребенка.

Но прежде чем испытать подобное удовольствие продолжительностью всего четыре часа, предстояло выдержать испытание в Комнате.

И начать немедленно.

Флориан попытался «отключиться». Изо всех сил.

«Почему мне не крутят обучающую ленту? — неслись в голове шальные мысли. — Почему они не хотят дать мне знать, что делать? Почему они не хотят, чтобы я чувствовал себя увереннее? Может, Компьютер просто забыл обо мне?»

10

Каждую ночь Ари гадала, как далеко успело уйти ее письмо. Письмо шло много месяцев, и столь продолжительный путь навел девочку на мысль, куда именно его отвезли. Конечно, мама и Олли находились на Фаргоне. Узнав точный адрес близких, Ари заметно приободрилась. Разглядывая картинки с видами Фаргоны, юная Эмори представляла, каково там маме и Олли. Как-то дядя Деннис принес буклет, рекламирующий услуги «Ресион-спейс», — помимо прочих, в буклете упоминалось и мамино имя. В буклете оказались и фотографии мест, где она вполне могла теперь работать. Ариана хранила буклет в ящике письменного стола и любила, перелистывая брошюрку, фантазировать, как оказалась бы на Фаргоне. Каждые несколько дней девочка писала матери письма, в которых рассказывала о своем житье-бытье. А дядя Деннис ворчал, что ему приходится собирать их в пакет, дабы потом отправить все скопом бандеролью — отправлять письма по одному было бы ужасно дорого, да к тому же, по словам дяди Денниса, мама ничуть не обидится, получив написанные в разное время

послания. Ари порывалась выводить на конвертах в графе «адрес получателя» имена Джейн и Олли, но дядя Деннис отсоветовал: такой адрес смутил бы почтовых служащих, а если письмо будет адресовано только Олли, то маме придется отдать письмо ему, а по закону ази могут получать почту только через Старших. Глупо, конечно, но закон есть закон…

И потому адрес на конвертах приходилось писать следующим образом:

«Фаргонская станция, директору «Ресион-спейс», Доктору Джейн Штрассен».

Адрес Ари писался иначе:

«Сайтинская станция, почтовый округ 3, управляющему административной территорией «Ресион», Доктору Деннису Наю».

Ари хотелось ставить на конвертах собственное имя, однако дядя Деннис сказал, что придется подождать: пусть сперва вырастет и обзаведется собственным адресом. Кроме того, добавил он, если письмо отправлено управляющим Ресионом и адресовано директору «Ресион-спейс», то выглядеть оно будет по-деловому и окажется у мамы на столе без всякой задержки.

Довод показался Ари очень убедительным.

Но любопытную девчонку интересовало бук-

вально все. Она осаждала Ная бесконечными вопросами: например, отчего на письмах требовалось писать «Сайтинская станция», в то время как они жили на Сайтине. Деннис пояснил, что почта на пути к планетам все равно проходит через станции — если, к примеру, требуется написать письмо землянину, в адресе все равно указывается Солнечная станция. А поскольку там имеются и другие планеты вроде Марса и Луны, то следует указать название нужной планеты, а затем — название страны адресата.

Дядя Деннис пытался объяснить, что такое «страна» и с чего все началось. Оттого-то он и вручил однажды воспитаннице обучающую ленту под названием «История Земли». Ари восприняла обучающую ленту, и теперь ей захотелось повторить это. Обучающая лента содержала множество странных иллюстраций, некоторые из них показались девочке устрашающими. Но она особенно не пугалась, зная, что это всего лишь обучающая лента.

Молодая Эмори ходила на сеансы учебного программирования. На этой неделе она изучала биологию, ботанику, каллиграфию, историю и основы гражданского права. И сдала экзамены на «отлично», за что получила от дяди Денниса по-

дарок — объемное изображение птицы с Земли. Подарок оказался занимательным: повернешь картинку — птица расправляет крылья, повернешь под другим углом — и вовсе вспархивает. Голографию также сработали на Земле, а дядя Жиро купил ее в Новгороде.

Но заниматься в игровой школе девочке оставалось только с Нелли. Было ужасно скучно качаться на качелях и лазать по замысловатым металлическим конструкциям, видя рядом лишь Нелли — нянька только и делала, что всего боялась и беспокоилась об Ари. В конце концов девочка объявила Деннису Наю, что в состоянии посещать учебное программирование сама — как и библиотеку, ибо ее всюду знали и потому опасаться было нечего.

Закончив очередной сеанс учебного программирования, юная Эмори не торопилась домой, всячески растягивая обратный путь. Иногда Ари останавливалась покормить рыбок — поодаль у входа стоял охранник, и потому дядя Деннис позволил ей заниматься с рыбами. Сегодня же юная Эмори пошла по тоннелю — вчера ночью была буря, и теперь в течение нескольких суток на улицу нельзя было носа показать.

Ари шла и вспоминала, как когда-то шла здесь

с мамочкой — та торопилась на встречу с господином Петерсоном. Нужно было еще ехать на лифте. Господин Петерсон оказался скучным, точно Сили, но зато в том же коридоре находился кабинет Джастина.

Девочка вдруг подумала, что Джастин, несомненно, заслуживает интереса. Возможно, он даже поздоровается. К тому времени Пропало уже столько народу, что Ариане было даже любопытно ходить и проверять, все ли старые знакомые на месте. Если все оказывалось по-старому, девочка ощущала прилив уверенности. Оттого-то она не упустила возможность заглянуть в один из знакомых уголков.

Поднявшись на лифте на нужный этаж, юная Эмори зашагала по металлическим полоскам (что само по себе оказалось приятно), вспоминая, как давным-давно, когда мама задержалась в одном из кабинетов, она так же шла по коридору. Ощутив внезапную грусть, девочка сошла с полос и зашагала по центру коридора.

Дверь в кабинет Джастина оказалась открытой. Как и в прошлый раз, в кабинете царил беспорядок. Увидев братьев Уорриков, Ари несказанно обрадовалась.

— Привет! — бросила она с ходу.

Уоррики разом воззрились на нее. Однако девочке было чрезвычайно приятно видеть старых знакомых. И еще Ариане хотелось надеяться, что и хозяева кабинета рады ей В Ресионе с ней вообще мало кто разговаривал — кроме сотрудников дяди Денниса.

А вот поздороваться они так и не поздоровались. Поднявшись, Джастин недружелюбно взглянул на нее.

Тотчас Ари стало одиноко. Ужасно одиноко. «Как поживаете?» — пробормотала она — а что еще она могла сказать, переступив порог?

— Где твоя нянька?

— Нелли дома, — отозвалась девочка (она уже с легкостью именовала квартиру Денниса Ная «домом»). — Можно войти?

— Ари, мы работаем. Мы с Грантом заняты делом.

— Все работают, — пожаловалась гостья. — Здравствуй, Грант!

— Привет, Ари, — отозвался ази.

— Мама улетела на Фаргону, — сообщила молодая Эмори на всякий случай — вдруг они не знали?

— Жаль, — обронил Джастин.

— Собираюсь улететь на Фаргону и жить с

мамой.

Джастин вдруг скорчил смешную гримасу. Ну просто уморительную. А Грант по-прежнему не сводил с нее глаз. Ари стало не по себе: она угадала, что братья расстроились, хоть и не поняла отчего. Присев, гостья огляделась, отчаянно пытаясь сообразить, что не так. А затем ей и вовсе стало страшно.

— Ари, — начал Джастин, — ты ведь знаешь, что тебе нельзя здесь появляться.

— Хожу, где хочу. Дядя Деннис не запрещает.

— Он так и сказал?

— Джастин! — одернул брата Грант. После чего мягко поинтересовался: — Ари, кто тебя сюда привел?

— Никто — сама пришла. С занятий по программированию. Смотрю подробные обучающие ленты.

— Вот и замечательно, — подхватил Джастин. — Слушай, Ари, готов поспорить, что тебе пора домой!

— Вовсе нет! — вскинула голову девочка. — Дядя Деннис возвращается поздно, а Нелли будет держать язык за зубами. — Несмотря на показную бодрость, Ари было очень не по себе. И вовсе не из-за недружелюбия хозяев. И не из-за злости.

Ариана все гадала, в чем дело, но Грант явно беспокоился за Джастина, а тот тоже переживал — по поводу ее прихода.

«К черту их!» — сказала бы мама. Имея в виду под «ними» все, из-за чего загорался сыр-бор.

— Ухожу, — пообещала Ари.

Но на следующий день явилась снова: проскользнув вдоль стенки, заглянула на мгновение в кабинет и, перед тем как спрятаться, бросила: «Привет!»

Приветствие здорово напугало братьев. Рассмеявшись, юная Эмори вошла в кабинет и еще раз дружелюбно бросила: «Привет!»

— Ари, Бога ради — иди домой!

Многообещающее начало: Джастин разозлился, точно мама в определенные моменты. Здесь несомненно крылась забава. Но ни Джастин, ни Грант явно не желали скандала. Тем не менее, Ари, что называется, «достала» обоих, и теперь они собирались накричать на нее.

— Сегодня занималась с компьютерами, — сообщила незваная гостья. — И теперь могу написать обучающую ленту.

— Великолепно, Ари. Отправляйся домой!

Девочка прыснула со смеху. Подбоченившись, она на миг вспомнила, что это неприлично. И

похвасталась:

— А дядя Деннис купил аквариум — я уже завела гуппи. Одна рыбка даже беременна.

— Отлично, Ари. Иди домой.

— Могу принести несколько мальков вам.

— Ари, уходи к себе.

— А еще у меня есть голограмма с птицей. Птица летает понарошку. — В подтверждение своих слов девочка извлекла из кармана дядин подарок и продемонстрировала его. — Видали?

— Занимательно. Пожалуйста, иди домой.

— Готова поспорить: такой у вас нет.

— Верно, нет. Ари, прошу…

— Почему вы меня гоните?

— Потому что твой дядюшка разозлится.

— Не разозлится — ему ничего не говорят.

— Ари, — подал голос Грант.

Юная Эмори переключила внимание на ази.

— Ты ведь не хочешь, чтобы мы позвонили твоему дяде, верно?

Конечно, она этого не хотела. Но вести себя так было некрасиво. Ари нахмурилась, глядя на Гранта.

— Ариана, — вторил Джастин, — ну, пожалуйста…

Молодой человек чуточку смягчился, а гостья

уже не знала, как изворачиваться дальше. И потому, повернувшись, вышла из кабинета, а уже из коридора улыбнулась Джастину.

И решила, что Джастин стал для нее кем-то вроде друга. Тайного друга. А потому не стоило сердить его. И Гранта тоже. Девочка решила просто заглядывать сюда каждый день на минутку.

Но, явившись на следующий день, Ариана обнаружила, что дверь на замке.

Юная Эмори встревожилась. Поразмыслив, девочка решила, что Уоррики либо сумели определить время, когда она придет, либо Пропали по-настоящему.

Дабы проверить догадки, Ари заглянула в кабинет на следующее утро по дороге на программирование. И застала там братьев.

— Привет! — звонко воскликнула она, опять напугав их.

Угадав, что оба просто кипят от злости, Ари не стала дразнить их слишком долго. И, попрощавшись, отправилась по своим делам.

С того дня юная Эмори не давала Уоррикам проходу. Как только в аквариуме народились мальки гуппи, Ари отсадила нескольких в банку и понесла братьям. Джастин опять смягчился и пообещал заботиться о рыбках.

Но, сняв с банки крышку, Ариана обнаружила, что гуппи мертвы. И ужасно расстроилась.

— Кажется, они пробыли в банке слишком долго, — грустно вздохнула девочка.

— Думаю, так и есть, — согласился Джастин. Ари обратила внимание на то, что облокотившись на стол рядом с Джастином, могла уловить исходивший от него приятный запах — совсем как от Олли. — Ари, жаль, что так получилось…

Сочувствие — это уже совсем хорошо! Джастин впервые стал самим собою. Тут подошел Грант, посмотрел, в чем дело, и тоже выразил сожаление.

Грант убрал банку с дохлыми мальками. А Джастин сказал что-то вроде того, что смерть иногда напоминает о себе.

— Принесу вам еще, — пообещала девочка. Ей нравилось бывать здесь. Она много думала о кабинете и его хозяевах. Когда Ари оперлась о стол Джастина, она вдруг поняла, что того покинуло неприятное чувство. Теперь он был просто Джастин Уоррик. И, похлопав ее по плечу, Джастин посоветовал уйти.

Давно уже Джастин не выказывал такого дружелюбия. Выходит, прикинула юная Эмори, чаша весов стала клониться в ее сторону. Она подумала,

что с Уорриком наверняка приятно поговорить. Тем не менее, успех не вскружил девчонке голову — она не собиралась разрушать все одним неверным маневром. Во всяком случае, в отношениях с братьями Уорриками Джастина она уже считала другом. И решила, что как только мама пришлет приглашение, она спросит братьев, нет ли у них желания улететь вместе с нею и Нелли.

По расчетам Ари, к тому времени у нее будет свой штат сотрудников и потому она спокойно улетит на корабле, ибо Джастин все-таки КВ и вдобавок взрослый, так что с ним можно запросто добраться до Фаргоны — он знает, что к чему.

Ари вспомнила: скоро день ее рождения. Она не пожелала устраивать даже детский утренник, решив ограничиться подарками.

Но и предстоящее торжество не доставляло нужной радости. До сегодняшнего дня.

Девочка летела по коридору, точно на крыльях, скользя по вделанной в пол металлической полосе. Войдя в лифт, она воспользовалась магнитной карточкой Нелли.

Ибо знала, как профессионально работает служба безопасности.

11

— Идиот! — заорал Янни, в гневе швыряя бумаги в Джастина. Уоррик-младший ошеломленно застыл. Вокруг медленно опускались на ковер листы его последнего личного проекта. — Идиот! Чего ты добиваешься? Мы идем тебе навстречу, из кожи лезем, лишь бы помочь. Я теряю время, отсиживаю задницу в казенном кресле, пытаясь доказать упрямому молокососу, что принесенное им дерьмо — никакой не блестящий проект по изучению молодого поколения, а самое натуральное дерьмо. Твоя Ариана Эмори, будь она жива, просто сказала бы нечто вроде «Спасибо, детка, но мы это уже пробовали!», после чего тебе пришлось бы забыть свою пачкотню. Неужели непонятно, что в тебе ее интересовало только молодое тельце да еще, пожалуй, возможность влиять на прыткого папеньку? Унеси прочь эту мерзость! Убирайся к себе, но смотри, чтобы ребенок там не появлялся, понял?

Каждое слово Янни убивало Джастина наповал. Юношу словно разрывало на части: ему то хотелось собственными руками растерзать Янни, то удостовериться в том, что кошмар уже закон-

чился, что злости какой-то сопливой девчонки хватило, чтобы погубить его, Джордана и Гранта.

Однако в конце концов словоизвержение Янни прекратилось, и жизнь внезапно показалась Джастину не столь страшной. В конце концов выволочка у Янни — еще не конец света.

Впрочем, с таким же успехом можно было утверждать обратное.

— Что она сказала? — поинтересовался молодой человек. — Так что она сказала обо всем этом? Девочка притащила мне банку с рыбами. Мне что — следовало вышвырнуть ее вон? Я пытался.

— Убирайся!

— Что она сказала?

— Попросила своего дядюшку Денниса пригласить тебя к ней на чертов день рождения. Вот и все. Все. Сынок, ты попал. Попал по-крупному. Кажется, она к вам зачастила. Есть подозрения, что она наловчилась обходить посты охраны по верхнему этажу, пользуясь для проезда в лифте магнитной карточкой своей ази. И еще полагают, что ты ей очень по душе, сынок. Послушай, кем ты себя возомнил?

— Это что — психовоздействие? Так вас понимать? Наверное, Деннис попросил вас провести психовоздействие и посмотреть, что получится.

— Почему ты не доложил?

— Вообще-то у меня есть несколько причин, разве не так? — Юноша затаил дыхание; собравшись с духом, он посмотрел на Шварца в упор. — Девчонка одурачила вашу службу охраны. Откуда мне знать, что наша доблестная служба охраны не в состоянии уследить за семилетним ребенком? Не собираюсь третировать ее. Увольте от грубостей. Даже не просите. Я не намерен звонить Деннису Наю и докладывать, что его подопечная в очередной раз потерялась. Если нужно, чтобы ребенок ясно представлял себе, чего от него хотят, так и скажите: к Джастину Уоррику — ни ногой. Повторяю — не перегибайте палку. Деннис потребовал: быть вежливым с Арианой, не подавать виду, по возможности избегать встреч с нею. Черт побери, вы хоть знаете, что я просто стал запирать кабинет в то время, когда она должна возвращаться с занятий по программированию? Что еще мне оставалось?

— Мог бы и сообщить!

— И снова навлечь на себя неприятности? Снова подвергнуться допросу с использованием нечестных приемов? Я всего лишь выполнял приказания. И думал, будто мой кабинет прослушивается. Считал, что служба безопасности

в курсе девчонкиных прогулок. Мне казалось, вам известно каждое мое слово — хотя ничего такого я не говорил. Ничего, Янни, кроме разве что «Ари, иди домой. Отправляйся к себе, Ариана. Ступай к дяде, Арианочка». В конце концов я просто «достал» ее — налицо типично детское стремление подразнить старшего. Она ведет себя, как обычная хулиганка. Бога ради, не делайте из мухи слона — рано или поздно все прояснится; сами посудите, какой смысл просить вас остыть и в то же время потакать девчонке в ее дурацких шалостях? Она ведь просчитала вас всех. И угадала внимание, которым вы ее окружили. Я абсолютно уверен, что так и есть, и мне стоит больших трудов не дать ей расколоть меня на вторую-третью минуту после того, как она является ко мне в кабинет со своим «привет». А вы с Деннисом совсем уж переполошились, раз взялись за меня. Оставьте ее в покое! Пусть все идет своим чередом. Или, может, вы как раз и добиваетесь, чтобы грянул гром? — Уоррик-младший на мгновение умолк, дабы набрать в легкие новую порцию воздуха. Янни смотрел на него взглядом, от которого вполне могли зашевелиться волосы на голове. — Может, вы все нарочно подстроили? И подсылаете девчонку ко мне?

— Ты параноик.

— Подмечено точно. Попали в яблочко, Янни. Чего вы от меня хотите?

— Убирайся, убирайся вон! Я избавил тебя от неприятностей, спас от начальства. Все утро я расхваливал тебя, как мог, да и Петрос весь день прикрывал твою задницу. Ты не ошибся — это действительно психовоздействие, и ты провалил испытание. Я тебе не верю. Не верю ни на грамм. Берегись — ты идешь по скользкой дорожке. Запомни: если девочка снова заявится к вам, немедленно выпроваживай ее и тотчас звони Деннису.

— А как быть с Джорданом?

— Ага, выклянчиваешь послабления.

— Так что насчет Джордана?

— Не слышал, чтобы кто-то собирался запретить вам и дальше общаться по телефону. Но, сынок, ты играешь с огнем. Смотри, когда-нибудь доиграешься!

— Что вы напишете в докладе?

— Напишу, что ребенок для тебя — не просто ребенок. Ты явно настроен по отношению к ней враждебно.

— Не по отношению к ребенку, а по отношению к мерзостям, Янни, которые вы проделываете

над нею, по отношению к проклятой обучающей ленте, ко всему поганому проекту, который вы затеяли. Вы просто сведете девочку с ума, накачивая разной дрянью и отгоняя от нее людей. В вас не осталось ничего человеческого.

— А ты, парень, лишился профессиональных перспектив. Именно лишился. Да еще усугубляешь свою и без того непростую ситуацию. Сынок, ты просто истолковываешь происходящее на свой лад, а не наблюдаешь, не анализируешь, ты растерял объективность, тебя отстранили от участия в проекте. Пока не приведешь мысли в порядок, можешь ко мне не приходить. Все, убирайся! И не отнимай у меня время своими сумасбродными затеями — сначала реши главную проблему. Ступай!

— Ума не приложу, что еще я мог сказать.

Джастина трясло. Уоррика-младшего била крупная дрожь. Грант подошел к дивану и протянул брату стакан. Кубики льда звонко постукивали о стенки стакана. Джастин сделал большой глоток, а Грант опустился рядом, сжимая в руках грифельную доску.

— Обожди несколько дней. Янни рвет и мечет, но скоро успокоится.

Джастин покачал головой. После чего бес-

помощно взмахнул стаканом, разглядывая собственную руку, пока выпитое виски начинало будоражить кровь, а проглоченный холод — терзать желудок.

— Возможно, — наконец пробормотал юноша, — Янни прав. Возможно, я действительно такой, каким он меня называет, — заурядный конструктор, возомнивший о себе невесть что.

— Это не так.

— Янни не оставил камня на камне от двух моих последних моделей. И, черт возьми, оказался прав — модели были нежизнеспособные, ази просто кончали бы с собой.

Подхватив лежавшую рядом доску, Грант написал: «Не падай духом». А потом еще: «Деннис как-то обмолвился, что Ари не выдумала твои возможности. Ты просто воспринял это как ее веру в тебя. Ты всегда считал, будто принадлежишь к образовательному отделу. Ты и сейчас так думаешь. Но Ари хотела задействовать тебя в моделировании. Интересно, почему?»

Джастину стало не по себе, когда он прочел написанное.

Грант написал: «Ари попортила тебе изрядно крови. Но она никогда не отказывалась просмотреть твои наброски».

— Меня отстранили от работы над проектом, — сообщил Джастин — для службы безопасности и ее «жучков» то была уже не новость. — Он говорит, будто я ненавижу ребенка. Грант, а ведь это не так. Не так. Не так.

Грант стиснул брату плечо:

— Знаю. Знаю, и они знают, и Янни в курсе, он только… Только давит тебе на психику. Записывает твою реакцию на пленку.

— Он утверждает, будто я выдал себя, разве не так?

— Бога ради — это ведь часть замысла, часть давления, неужели непонятно? Сам знаешь, что он делает. Проверка тогда еще не завершилась. Янни нужна была твоя реакция, и ты сполна ее продемонстрировал.

— Я вспоминаю, что сболтнул ему. — Все еще дрожа, Джастин сделал второй глоток. — Помню, что пытался объяснить. Не уверен, правда, что Янни хватило мозгов, чтобы все правильно понять.

— Янни — хороший человек. Запомни, запомни это.

Джастин не имел ничего против. И написал: «Вопрос лишь в том, на чьей он стороне».

12

Лошадь опустила голову и принялась подбирать зерна с ладони Флориана. — Вот видишь, — обратился он к Кетлин, — видишь — она добрая! Она просто волнуется, когда рядом чужие. Хочешь потрогать ее?

Очень осторожно Кетлин коснулась животного. Лошадь испуганно шарахнулась.

Кетлин ухмыльнулась, отдергивая руку. И заметила:

— А она сообразительная.

Свиньи и куры не произвели на девочку никакого впечатления. На цыплят, когда те уселись у стены, она всего лишь посмотрела с брезгливостью, а при виде устремившихся к ней за подачкой поросят в панике отступила. Юная ази не удержалась и заметила: поросята, мол, тупые, на что Флориан возразил, объяснив, насколько те разборчивы в еде. Однако Кетлин стояла на своем: дескать, будь свиньи умнее и знай, что за судьба их ожидает в конце концов, они не ели бы свои лакомства и не превращались в копченое сало.

Насчет коров девочка заметила, что выглядят они «могучими», хотя и не проявила к ним осо-

бого интереса.

Однако при виде Лошади Кетлин улыбнулась — впервые в присутствии Флориана. Усевшись на изгородь, девочка наблюдала за разыгравшейся Лошадью — а та храпела и запрокидывала голову.

— Детей Лошади мы есть не станем, — сообщил Флориан, подсаживаясь к напарнице. — Лошадь — рабочее животное. То есть не для еды.

Кетлин восприняла объяснение так, как воспринимала все остальное — молча, с легким кивком, что означало согласие.

Кетлин нравилась Флориану. Мальчик не сразу пришел к такому выводу, ибо составить впечатление о Кетлин было непросто — уж слишком колючей та оказалась. Но оба ази множество раз прошли испытания в Комнате, и лишь единожды Флориана «достали», и то потому, что первой «достали» Кетлин — да и Врагов было полно, и все оказались из числа Взрослых. Всего Кетлин «доставали» дважды, но во второй раз она завопила «уходи!» и дала ему время взорвать дверь и вырваться наружу; Флориан винил себя: он действовал медленнее, чем следовало, поэтому Кетлин успела «достать» всех Врагов, кроме одного, который «достал» саму Кетлин. Но зато

Флориан позднее «достал» Врага припасенной гранатой, чего Враг не ожидал: как-никак, Флориан считался техником, и потому руки у него были вроде бы заняты. Кетлин потом сильно гордилась продемонстрированной им хитростью.

Флориан радовался, что то была всего лишь тренировка, и сознался Инструктору в своей вине, отметив, что Кетлин ни при чем. Однако Инструктор возразил, что они действовали командой и потому не имеет значения, кто именно виноват.

Инструктор дал им на отдых половину свободного времени.

Этого, однако, хватило, чтобы прийти сюда. Флориану удалось уговорить напарницу пойти с ним, познакомиться с Энди и посмотреть всех зверей.

Мальчик не был уверен, что Энди и Кетлин найдут общий язык. Но Кетлин отметила, что Лошадь — существо особое.

Так что Флориан уломал Энди, и тот согласился показать ей жеребенка.

— Она — что надо, — прокомментировала Кетлин, посмотрев Лошадь-девочку. Лошадка играла с молодыми ази, смешно задирая хвост и постукивая копытцами по пыли возле конюшни. — Ты

только посмотри! Посмотри, как она движется!

— Твоя напарница — тоже что надо, — подметил Энди, кивая в сторону Кетлин.

Подобная похвала от самого Энди — это было что-то! Флориан почувствовал себя на седьмом небе, ибо все, что было ему дорого — Кетлин, Энди и прочее — удобно сложилось в единый целостный узор.

А потом мальчик вдруг припомнил, что необходимо вернуться до наступления комендантского часа. Время было уже позднее, а потому требовалось поторопиться.

— Пора, — обронил он. И пообещал Энди: — Зайду, как только выдастся свободная минутка.

— До свидания, — сказал Энди.

— До свидания, — с полупоклоном попрощался Флориан.

— До свидания, — вторила Кетлин, что несказанно удивило Флориана: право говорить со всеми, кроме работников службы безопасности, она предпочитала предоставлять ему. А здесь вдруг…

Нужно было торопиться. Флориан уже успел показать напарнице обходные тропки, так что теперь она знала все назубок — такая уж она была, эта Кетлин.

Ноги у Кетлин оказались длиннее, чем у Флориана, и потому она не отставала. Раньше юный ази считал, будто мальчишки непременно должны быть выше и сильнее девчонок. А Инструктор сказал, что в семь лет такая разница еще не проявляется.

Так что у Флориана отлегло от сердца. Он шагал быстро, чтобы не отстать от напарницы, и когда оба добрались наконец до Зеленых казарм, дышал тяжелее ее.

Но едва молодые ази подошли к стойке отметиться, как узнали, что их поджидает сюрприз. Дежурный ази взглянул на экран компьютера и сообщил:

— Доложите Старшему в Белом квадрате.

То бишь предстояло топать почти через весь городок. Белый квадрат — не что иное, как больница. А больница подразумевала программирование. Программирование вместо явки в расположение.

— Так точно, — отчеканила Кетлин, прицепляя магнитную карточку на прежнее место — к рубашке.

Флориан последовал примеру напарницы.

— Распоряжение распространяется и на вас, — добавил дежурный.

— Интересно знать почему? — произнес Флориан, когда они вышли на улицу и направились в Белый квадрат.

— Интересоваться нам не пристало, — отрезала Кетлин, хотя ее беспокойство было более чем очевидно. Да и шагала она быстро, так что Флориану то и дело приходилось догонять ее.

Солнце давно уже село за Скалы. Небо все больше розовело, и по расчетам Флориана выходило, что возвращаться им придется, когда уже зажгутся фонари. Улицы и переулки почти опустели — все разошлись ужинать. Подумалось: для программирования выбрали необычное время. Флориану стало совсем не по себе.

Придя в больницу, молодые ази предъявили дежурному чиновнику свои карточки; тот внимательно их рассмотрел, после чего растолковал, кому куда идти.

Флориан посмотрел на напарницу, когда та пошла в указанном направлении. Мальчику стало страшно, хотя страх оказался беспричинным — просто юного ази не оставляло неприятное чувство, что им с напарницей угрожала опасность. На программирование в больницу ходят днем. И вовсе не вместо ужина. Пустой желудок противно урчал, и паренек решил, что им, наверное,

устроят тренировку с элементом неожиданности: подобные тренировки устраивали Взрослым — те посреди ночи вскакивали с кроватей и очертя голову мчались неизвестно куда.

Но здесь Комнаты не было. Здесь действительно размещалась больница. Можно было делать лишь то, что велели; думать в больнице запрещалось. Здесь только снимали рубашки, вешали на крючки, карабкались на столы и сидели, стараясь не дрожать, пока не появлялся Старший и не начинал отвечать на вопросы.

На сей раз Флориана поджидал незнакомый Старший. Старший-мужчина. Он включил аппарат для программирования, даже не посмотрев на вошедшего. И только потом пробасил:

— Привет, Флориан. Как поживаешь?

— Господин, мне страшно. Почему нам нужно программироваться прямо сейчас?

— Обучающая лента все объяснит. Не пугайся. — Взяв со столика шприц, он взял мальчика за руку и ловко сделал укол. Флориан дернулся — звуки подобного рода всегда его тревожили. Старший похлопал его по плечу и отложил шприц. И тотчас сжал Флориана: впрыснутый препарат оказался быстрого действия, и мальчик уже в полной мере ощущал это.

— Молодец, парень, — похвалил Старший. Руки у него оказались удивительно осторожные, хоть он и говорил не так доброжелательно, как другие Старшие. Он так и не отпустил Флориана — напротив, развернув программируемого, врач помог ему подтянуть ноги на стол. Мальчику казалось, будто ловкие руки Старшего снуют по лбу, плечам, лопаткам. — Начинается сеанс глубокого программирования. Теперь бояться нечего…

— Нечего, — повторил Флориан, чувствуя, как волна страха схлынула, уступив место ощущению незащищенности, открытости.

— Еще глубже. Флориан, как можно глубже. Иди в самый центр и жди меня там…

13

— Не нужна мне вечеринка, — буркнула развалившаяся в кресле Ари, пока дядя Деннис увещевал ее. — Не хочу дурацких вечеринок, не хочу видеть глупых ребят. Не хочу вести себя с ними вежливо.

Отношения с дядей Деннисом и без того были подпорчены из-за магнитной карточки Нелли, ибо нянька, будучи нянькой, все выложила дяде Деннису и дяде Жиро, едва дядя Деннис задал ей первый вопрос. Нелли не хотела впутывать ее в неприятности. Но она все равно попалась. Нелли ужасно расстроилась. А дядя Деннис провел с Нелли и ее воспитанницей серьезную «беседу», в которой обстоятельно рассказал, что такое режимы секретности и безопасности и куда ей, Ари, ходить не следует.

Но в основном дядя рассказывал, как сильно разозлился на Джастина и Гранта за то, что те не позвонили и не сказали, что она зашла туда, где не должна была появляться. И потому братья тоже попали в беду. Дядя Деннис послал им гневное сообщение; теперь Джастин и Грант обязаны были докладывать о каждом ее появлении там,

нарушь она вдруг строгий запрет дяди…

Ари сильно обозлилась на дядю Денниса.

— Тебе, выходит, не хочется дружить с другими детьми, — полувопросительно прокомментировал Деннис.

— Они глупые.

— А как насчет вечеринки с участием взрослых? Скушаешь пирожное, запьешь пуншем. И все такое прочее. Тебе надарят подарков. Вообще-то не хотелось бы приглашать все Семейство — достаточно доктора Иванова, Жиро…

— Терпеть не могу Жиро.

— Ари, так нельзя. Он ведь мне брат. И твой дядя. Он очень добр к тебе.

— Плевать. Ты ведь все равно не позволишь мне пригласить, кого я хочу.

— Ари…

— Джастин не виноват, что я стащила у Нелли карточку.

Дядя Деннис вздохнул:

— Ари…

— Не хочу, чтобы на мою вечеринку собрались одни старики.

— Послушай, Ари, я не уверен, что Джастин сможет прийти.

— А я хочу пригласить Джастина, Гранта и еще

Мэри.

— Кто такая Мэри?

— Мэри работает техником в лаборатории.

— Ари, но ведь она — ази. Ей будет ужасно неловко рядом с вами. Но раз ты так настаиваешь, я попробую поговорить с Джастином. Имей в виду, пока ничего не обещаю. Джастин ведь очень загружен работой. Я должен спросить его. Но ты можешь послать ему приглашение.

Ари сразу оттаяла. Приосанившись, она опустила руки на подлокотники кресла и посмотрела на опекуна куда дружелюбнее.

— А еще Нелли нечего делать в больнице, — обронила девочка.

— Ари, дорогая, но Нелли придется сходить в больницу — ты ведь сильно расстроила ее. Я же не виноват. Ты сама поставила няньку в трудное положение, и если Нелли нужно немного подлечиться и отдохнуть, тебе не следует упрекать меня.

— Как гадко, дядя!

— Красть карточку Нелли тоже гадко. Завтра утром она вернется — посвежевшая и отдохнувшая. Я позвоню Джастину и передам Мэри, что ты вспомнила о ней. Она очень обрадуется. Но пока что я ничего не обещаю. Веди себя хорошо

— а там посмотрим. Договорились?

— Договорились.

Ари было все еще ужасно неприятно ходить на занятия по программированию и возвращаться по нижнему коридору. Девочка долго думала, как обойти запрет, но так ничего и не придумала.

Решено было не устраивать в этом году вечеринку в большом банкетном зале внизу: дядя Деннис сказал, что у всех полно дел, да и гостей все равно будет немного. Так что вечеринка планировалась небольшая, в квартире. Еду намеревались доставлять с кухни. Ари ожидал целый каскад удовольствий: несколько избранных гостей из числа взрослых, отменный обед, пирожные с пуншем и подарки. Предстояло еще обдумать вместе с Нелли, что заказать к обеду Ари знала, что будет восседать во главе стола и есть все, что душа пожелает. Дядя Деннис уже пообещал, что Джастин с Грантом смогут выбраться на вечеринку.

И они действительно выбрались.

Едва Джастин и Грант появились на пороге, как Джастин пожал дяде Деннису руку.

А потом в комнате молодые люди на мгновение вдруг отчетливо ощутили страх. Джастин уже входя побаивался чего-то. Как и Грант. Да и

остальные гости держались как-то неестественно, хотя отчаянно изображали непринужденность.

«Черт возьми, на моей вечеринке!» — думала Ари. С тяжелым чувством поднявшись из-за стола, она порхала по комнате, стараясь добавлять как можно больше веселья в общую атмосферу: праздника не получится, если просто просить людей держаться свободно. Девочка отчаянно старалась привлечь внимание гостей и расшевелить их, дабы те думали о ней, а не о своих проблемах. И только затем можно было на что-то рассчитывать. Ари некогда было оценить настроение каждого гостя в отдельности — она направилась прямиком к Джастину, сразу угадав, что атмосфера торжества напрямую зависела от него.

Кроме братьев Уорриков, на вечеринке присутствовали дядя Жиро и его ази Аббан, доктор Иванов и его необыкновенно симпатичный ази Уле. Явились также доктор Петерсон и его ази Рами, любимый наставник именинницы доктор Эдвардс и его ази Гейл — хоть и старше доктора, но очень хороший: доктор Эдвардс был одним из тех, кого Ари пригласила сама. Доктор Эдвардс работал биохимиком, но знал едва ли не все на свете и после программирования помногу за-

нимался с Ари. Ну и, конечно, не обошлось без дяди Денниса — сейчас он как раз беседовал с Джастином.

— Привет! — поздоровалась именинница, вырастая точно из-под земли.

— Привет, — отозвался Грант, вручая подарок. Ари немедленно встряхнула подношение: тяжеловато, но не погромыхивает.

— Что там? — не удержалась девочка, хоть и знала, что ответа не дождешься. Больше других она хотела видеть на дне рождения именно братьев Уорриков. Между прочим, в основном они глядели тоже на нее.

— Тебе ведь придется подождать, прежде чем открыть подарок, верно? — Джастин улыбнулся. — Потому-то его и завернули.

Обернувшись, именинница отдала подарок Нелли, чтобы та положила его в кучу других даров, образовавшуюся вокруг стула в углу. Казалось, все собравшиеся затаили дыхание. Ари нарочно тянула время и стояла возле Джастина — ей хотелось проследить, как взрослые отреагируют на то, что она сама пригласила братьев Уорриков.

А взрослые потягивали напитки и неторопливо беседовали. Все вели себя очень мило. Вечеринка

обещала удаться на славу. Ари дала себе слово, что отпразднует день своего рождения как надо, даже если дядя Деннис будет по-прежнему дуться на Джастина. В конце концов, вечеринку устроила она, и распоряжалась здесь тоже она. Девочка вознамерилась повеселиться от души и никому не позволять испортить веселье. А уж если кто-нибудь все-таки захочет не дать гостям веселиться, она потом ему покажет!

Жиро вел себя просто отвратительно. Ари наблюдала за ним с самого что ни на есть близкого расстояния и перехватила его взгляд, когда внимание остальных гостей отвлекло что-то другое. Юная Эмори нарочито серьезно посмотрела Наю в глаза, давая понять, что раскусила его. После чего резво отбежала в сторону, схватила Джастина за руку и вынудила посмотреть принесенные гостями подарки, а потом представила его и Гранта Нелли — по крайней мере, от Нелли можно было не ждать разных пакостей.

Затем именинница на мгновение удалилась в свои покои, откуда принесла кое-какие из особенно полюбившихся ей диковинок — похвастать перед гостями. В конце концов Ари сосредоточила на себе всеобщее внимание, и напряжение стало спадать, люди разговорились, завязались

беседы и зазвенели стаканы. Но Ари по-прежнему была начеку, ибо хотела, чтобы ужин прошел на самом высоком уровне.

Сегодняшнее торжество разительно отличалось от предыдущих, куда приглашали ребят. Именинница щеголяла в голубой искристой блузке. Днем приходил парикмахер и уложил ей волосы красивыми прядями. Ариана сновала повсюду и даже садилась на пол, но ни на минуту не забывала об аккуратности по отношению к одежде и прическе. Девочка и впрямь выглядела потрясающе, чувствовала себя взрослой и важной персоной. Гости окончательно утратили скованность, и обрадованная виновница торжества расточала улыбки направо и налево. Как только Сили объявил, что пора садиться за стол и прислуга готова подавать кушанья, Ари отреагировала мгновенно: усадила Джастина сбоку от себя, рядом с ним — доктора Иванова. Напротив Джастина расположился доктор Эдвардс, так что теперь дорогой гость был надежно защищен от общества Жиро — тем более, что рядом с доктором Эдвардсом сел доктор Петерсон. Дядям Жиро и Деннису пришлось примириться с местами на отшибе. Вообще-то не полагается усаживать за стол нечетное число сотрапезников, но на сей раз

вышло именно так: Ариана очень хотела, чтобы за стол сел и Грант, однако дядя Деннис настоял, что Гранту будет куда приятнее повеселиться в компании других ази. Впрочем, когда Нелли помогала воспитаннице наряжаться к празднику, то она обронила: приглашенному Гранту будет неуютно за одним столом с такой оравой КВ. А поскольку так сказала сама Нелли, юная Эмори сочла, что дядя Деннис говорил со знанием дела.

Самой ей выпало сидеть во главе стола; нужно было беседовать со взрослыми, которые говорили о лабораториях и совершенно неведомых девочке вещах, но именинница, слушая, постоянно узнавала что-то новое, к тому же она не имела ничего против, когда взрослые прекращали расспрашивать ее об учебе и рыбках, принимаясь общаться друг с другом.

Теперь Ари окончательно убедилась, что подобного рода мероприятия куда интереснее детских праздников, участники которых были одинаково противны и глупы.

Когда на пороге появились братья Уоррики, гости повели себя в точности так, как вели себя другие дети в присутствии Ари. Такое отношение невероятно злило девочку. Она понятия не имела, чем диктовалась такая настороженность. До

сих пор она полагала, будто взрослые относятся к подобным вещам куда более рассудительно. Было ужасно неприятно убедиться в собственном заблуждении на сей счет.

По крайней мере, взрослые лучше маскировали свое отчуждение. Ари уже поняла, что с отчуждением легче бороться, если не ты сама — его причина. И потому девочка взялась выяснить, в чем крылась причина напряжения собравшихся.

Труднее всего было с дядей Жиро — как всегда. Дядя Жиро держался тактично, но продолжал дуться из-за чего-то и беседовать о делах с дядей Деннисом, чего тому явно не хотелось.

Джастин молчал, поскольку говорить не желал. Доктор Петерсон, сам по себе человек скучный, беседовал с доктором Ивановым, который тоже скучал и пытался выслушать рассказ доктора Эдвардса о проблемах с проектом по водорослям. Дядя Деннис наблюдал за всеми, был сама любезность и постоянно пытался заставить брата замолчать.

Ари прекрасно знала, что стряслось с водорослями, — доктор Эдвардс уже посвятил ее в тонкости проблемы. И демонстрировал запечатанные бутылочки с разными видами водорослей, рассказывая, что находилось на дне океанов на Земле и

чем отличалось от имевшегося на Сайтине.

А потому именинница пыталась слушать ученую беседу и время от времени отвечала на вопросы доктора Петерсона, когда тот пытался говорить с нею вместо доктора Иванова.

И все равно это было веселее игр с Эми Карнат. И никто не валял дурака.

Когда с пирожными и пуншем было покончено и пришла пора взрослым приняться за напитки покрепче, Ари схватила Джастина за руку и усадила его в стороне на один из расставленных по кругу стульев, так что Уоррик-младший оказался по соседству с Деннисом. Джастин мгновенно занервничал, что не укрылось от внимания виновницы торжества.

Удивляться здесь было нечему: ведь Джастин был умен и знал, что стоит дяде Деннису разгневаться, как все может полететь к черту. Но и Ари была слишком умна, чтобы допустить подобное. Первым делом она развернула подарок дяди Денниса. В коробочке оказались часы, которые могли делать почти все. Настоящие часы! Ари несказанно обрадовалась, но даже если бы подарок оказался никудышным, она все равно радовалась бы, чтобы не обидеть дядю. Поднявшись, она поцеловала дядю Денниса и вообще вела себя,

как положено самой что ни на есть благовоспитанной девочке.

Затем наступил черед подарка дяди Жиро — Ари нарочно так поступила, дабы еще раз порадовать дядю Денниса. Жиро преподнес ей дивную голограмму всей планеты Сайтин. Стоило наклонить картинку под углом, как над планетой начинали проплывать тучи. Картинка всем понравилась, в особенности доктору Эдвардсу, и дядя Жиро пояснил, что это особая голограмма, выполненная по новой технологии. Ариана искренне удивилась: выходит, Жиро действительно постарался подобрать ей хороший подарок и подарок нравился ему самому. Раньше она и помыслить не могла, что Жиро питал слабость к подобного рода вещицам; впрочем, удивляться не стоило — ведь именно Жиро подарил ей как-то трехмерную птицу. И вдруг девочка подумала, что сегодня Жиро повернулся к ней своей новой гранью — выходит, он вовсе не всегда такой противный! Звучно чмокнув дядю Жиро в щеку, виновница торжества раскрыла подарок доктора Иванова — в свертке оказалась занимательная головоломка. Доктор Эдвардс преподнес ей загадочный предмет, казавшийся на первый взгляд кусочком золотистого пластика, но преображав-

шийся, стоило только положить на него руку или любой предмет — расцветка чудесной игрушки менялась в зависимости от температуры вещицы; при помощи сего забавного сувенира можно было делать оригинальные модели. Ну как не обрадоваться такому подарку? Ариана заранее знала, что обрадуется любому подарку учителя. Тем не менее она восхищалась подарком Эдвардса не больше, чем головоломкой от Иванова или книжкой по компьютерам от Петерсона, и уж конечно не больше, чем часами от дяди Денниса и голограммой от дяди Жиро.

Тактика имела успех — веселье продолжалось. А именинница распаковывала подарок Нелли — в пакетике оказалось нижнее белье; чего же и ожидать от няньки! Джастин принес забавный сувенир — три резных шарика, загадочным образом упрятанных друг в друга. Подарок Джастина просто потряс Ари — подобная вещица вполне могла быть у мамы, и она назидательно твердила бы: «Смотри, Ари, поосторожнее!» А теперь шарики есть и у нее. Но Ари ни на минуту не забывала правила игры — уделять подаркам одинаковое внимание вне зависимости от того, что именно нравилось больше. Девочка любезно благодарила очередного дарителя и тотчас лезла в кучу за

следующим подарком — многие из тех, кто по какой-то причине не пришел на вечер, все равно прислали ей свои дары.

Не забыли ее и ребята. Даже препротивная Эми прислала ей шарфик. А Сэм подарил заводного жука, который ползал по квартире, точно настоящий. Игрушка была дорогая — точно такую же Ари видела в магазине. Девочка была чрезвычайно растрогана таким вниманием со стороны Сэма.

На свет извлекались книги и обучающие ленты, картины и одежда: одежда вся пришлась впору, и Ари решила, что, наверное, дядя Деннис заранее подсказал дарителям ее размеры. Среди прочих подношений оказалась глина для лепки, наборы игр, несколько браслетов, два автомобильчика и даже лабиринт-головоломка от ази Мэри из лаборатории. Ари была просто на вершине блаженства и про себя отметила: не забыть поблагодарить Мэри за подарок.

И Сэма.

Подарки могли поднять настроение кому угодно. Взрослые потягивали вино, и дядя Деннис даже позволил Ари выпить четверть бокала. Вино оказалось странным на вкус — точно испорченным или чем-то в этом роде. Взрослые

расхохотались, когда именинница поделилась своим мнением о вине; даже Джастин улыбнулся; но дядя Деннис заверил, что с вином все в порядке, что его вкус и должен быть таким, и прибавил: пить вино больше не стоит, иначе ей станет не по себе и захочется спать.

Девочка не настаивала. Она возилась с подаренной головоломкой, пока взрослые пили и смеялись, а дядя Деннис завел ее новые часы, установив нужные дату и время. Словом, торжество удалось на славу.

Потом она вдруг зевнула, и все засобирались по домам. Гости созывали своих ази и желали счастливого дня рождения, а именинница стояла на пороге с дядей Деннисом (точно так же, как стояла бы и мама), прощалась с гостями и благодарила за то, что они пришли.

Все вели себя шумно и весело — как давным-давно. Деннис искренне улыбался доктору Эдвардсу, тряс ему руку и уверял, что страшно рад его приходу. Доктор Эдвардс выглядел несказанно довольным, ибо дядя Деннис все-таки был управляющим, а Ариане хотелось заставить дядю Денниса уважать доктора Эдвардса. Дядя Деннис был приветлив даже с Джастином, и когда братья Уоррики уходили, дядя улыбался им вслед.

Ари сообразила, что задуманное удалось как нельзя лучше.

Наконец все разошлись — даже дядя Жиро; наступило время убирать подарки и заниматься прочими делами. Но именинница догадалась, что самое время поговорить с дядей Деннисом еще кое о чем. И, подойдя, обняла опекуна.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Вечеринка вышла чудесная. И часы мне понравились. Спасибо большое.

— Тебе спасибо, Ари. Все было замечательно.

И как-то странно улыбнулся ей. Точно действительно был доволен по многим причинам.

А потом поцеловал ее в лоб и велел отправляться спать.

Однако виновница торжества пребывала в таком хорошем настроении, что решила помочь Нелли и Сили разбирать подарки, причем попросила Нелли быть особенно осторожной с подарками, понравившимися ей больше других.

Заведя присланного Сэмом жука, Ари пустила его носиться по комнате. «Что это?» — завопила вдруг Нелли, и в комнату тотчас влетел привлеченный шумом дядя Деннис.

Ари ничего не оставалось, кроме как остановить игрушку и унести ее к себе в комнату.

Девочка не мешкала, ибо не желала сердить старших.

14

Поутру Ари проснулась под звон электронной Памяти. И тотчас велела машине «заткнуться», пояснив, что прекрасно все расслышала. Потерев кулачками глаза, юная Эмори пожалела, что нельзя поспать еще чуточку. Увы — нужно было подниматься и отправляться на программирование: сегодня по расписанию как раз было программирование. А приближаться к кабинету Джастина нечего и думать…

В спальне появилось много новых игрушек и нарядной одежды; но больше всего девочке хотелось просто полежать и опять заснуть. Правда, она знала, что скоро в спальню войдет Нелли и заставит ее подняться.

Потому Ариана опередила няньку. Повернувшись набок, она скатилась с кровати. И направилась в ванную, где скинула пижаму, приняла душ и почистила зубы.

В это время Нелли обычно заходила в спальню.

Выйдя из ванной, вчерашняя именинница натянула приготовленную нянькой с вечера одежду и бросила:

— Память, вызови Нелли!

— Нелли нет, — доложила Память. — Нелли ушла в больницу.

Ариана испугалась. И с надеждой подумала, что, возможно, прослушала старое сообщение. И потому спросила:

— Память, а где дядя Деннис?

— Ари, — отозвалась Память голосом дяди Денниса, — я жду тебя в столовой.

— Где Нелли? — снова спросила она.

— Нелли в больнице. С ней все в порядке. Иди в столовую.

Ари быстро причесалась. И направилась в коридор, миновав дверь Нелли. Дойдя до входа в главные помещения, повернула в сторону гостиной.

Дядя Деннис устроился за столом подле арки. Ари подошла к столу, на ходу цепляя к кармашку магнитную карточку. Первым делом дядя сообщил, что ей необходимо сесть за стол и позавтракать.

— Не хочу. Что с Нелли?

— Присядь.

Девочка повиновалась. И дала себе слово не приниматься за учебу, пока не разберется с пропажей няньки. Она хорошо знала дядю Денниса. Взяв из корзиночки булку, Ари откусила

маленький кусочек. Подошел Сили и налил апельсинового сока. На душе у Ари стало совсем тоскливо.

— Ну вот, — нарушил тишину дядя Деннис. — Нелли пошла в больницу, потому что ей нужно прокрутить еще кое-какие обучающие ленты. Понимаешь, просто в последнее время Нелли не справлялась с тобой, а теперь тебе придется быть с нею особенно аккуратной. Ты взрослеешь, умнеешь, а несчастная Нелли по-прежнему полагает, будто обязана потакать тебе во всем. Доктора растолкуют ей, что ей не в чем себя винить. Нелли предстоит ко многому приспособиться. Но ты должна твердо запомнить, что обижать Нелли нельзя ни в коем случае.

— Я и не обижаю. Откуда я знала, что жук так напугает ее?

— Если бы хорошо подумала, то догадалась бы.

— Наверное, — призналась девочка. Без Нелли ей было ужасно одиноко. Утешала лишь мысль, что с нянькой все в порядке. Ари намазала на булку немного масла, и булка стала чуть вкуснее.

— Нелли придется смириться и с тем, — продолжал дядя Деннис, — что у нас станет на два ази больше.

Девочка кисло посмотрела на опекуна: дескать,

хватает и одного Сили.

— То будут твои ази, — сообщил Най. — Они тоже что-то вроде подарка ко дню рождения. Но ты не передавай им мои слова: людей ко дню рождения не дарят. Это неприлично.

Ари проглотила порядочный кусок булки. Ей было совсем невесело, она не желала видеть рядом никаких ази, кроме Нелли, но, если те действительно были подарком, не стоило огорчать дядю Денниса — на то имелся целый ряд причин. Все эти мысли вихрем пронеслись у девочки в голове — она лихорадочно размышляла, как потактичнее сказать «нет».

— Так что сегодня необязательно идти на программирование, — подытожил дядя Деннис. — Но обязательно загляни в больницу и забери их. Весь день можешь растолковывать ази их обязанности. Они не такие, как Нелли. Они — альфа. Экспериментальные.

Ари сделала большой глоток апельсинового сока. От растерянности. Альфа — большая редкость. Но с ними страшно трудно обращаться. Юная Эмори уже утвердилась во мнении, что такие ази станут шпионить за ней. Судя по всему, дядя Деннис всерьез решил не позволять ей делать то, чего она не должна делать. Оставалось только га-

дать, был ли подарок действительно преподнесен дядей Деннисом. А может, все-таки дядей Жиро?

— Подойдешь к письменному столу, — втолковывал Най, — и предъявишь охране магнитную карточку. Ази зарегистрируют на тебя. Проще говоря, ты будешь их Старшей, а это совсем не то, что ваши отношения с Нелли. Старший Нелли — я. Ты всего лишь ее подопечная. А это — большая разница. Знаешь, в чем состоит обязанность Старшего? Сознаешь, насколько это ответственно?

— Но ведь я — ребенок, — возразила она.

Дядя Деннис усмехнулся и принялся намазывать масло на очередную булку.

— Так и есть, — признал он. — Но и ази — тоже дети.

После чего устремил на воспитанницу серьезный взгляд:

— Ари, но они — не игрушки. Последствия могут быть очень серьезны, если ты разозлишься на них или ударишь, как ударила Эми Карнат.

— Ничего подобного не будет, — заверила юная Эмори, поскольку знала, что бить ази нельзя. И говорить с ази нужно только вежливо. Исключение — лишь Олли. И Федра. Каждому исключению есть свое объяснение. Но они были не такие, как другие ази. Даже Федра.

— Надеюсь, дорогая. Но настоятельно призываю трижды подумать, прежде чем обижать их. Ты ведь можешь. Ты можешь обидеть их очень сильно — куда сильнее, чем Нелли. Так Нелли могу обидеть лишь я. Понимаешь?

— Знаешь, дядя, по-моему, они мне не нужны.

— Тебе не обойтись без других ребят. Ты должна общаться с ровесниками.

Здесь дядя оказался прав. Но все другие ребята доводили Ари до бешенства. И было бы ужасно скверно убедиться, что подаренные ко дню рождения ази ничем не отличаются от прочих глупых ребят. Даже хуже — ведь ей придется жить с ними под одной крышей.

— Мальчика зовут Флориан, девочку — Кетлин, и они вот-вот встретят свой день рождения. Они разместятся в комнате по соседству с тобой и Нелли — для того-то она и была изначально предназначена. Но им придется отлучаться в Городок на занятия, а еще им предстоит заниматься программированием, как и тебе. Они такие же дети, как ты, и должны повиноваться Инструкторам. Очень ловкие ребята. Кое в чем способнее тебя. Таковы уж ази, в особенности наиболее одаренные. В общем, тебе придется научиться ладить с ними.

Теперь Ари слушала дядю внимательно. До сих пор никто и словом не обмолвился, что она не самая лучшая во всем. Просто не верилось, что ази действительно настолько способные. Этого просто не могло быть. Ари полагала, что для нее нет ничего невозможного — стоит только захотеть. Вот и мама всегда так говорила.

— Ты позавтракала?

— Да, господин.

— Тогда ступай. Забери ази и все им здесь покажи, но только без фокусов, договорились?

Поднявшись из-за стола, Ариана вышла в коридор. Дальше путь лежал мимо поста службы охраны, за большие парадные двери, по площадке и по дорожке, что вела к больнице. Часть пути она преодолела бегом, дабы дорога не казалась слишком скучной.

Но ее страдания были вознаграждены и Ари почувствовала себя совсем взрослой, когда, войдя в больницу, предъявила на посту охраны свою магнитную карточку.

— Спасибо, госпожа, — поблагодарил дежурный. — Пожалуйста, пройдите вон туда.

Ари провели в какую-то комнату.

Как только сопровождающий вышел, открылась вторая дверь. Медсестра ввела двух ази

примерно того же, что и Ариана, возраста. Девочка была светлокожая и светловолосая, волосы заплетены в косичку; мальчик — пониже ростом и с волосами чернее, чем их униформа.

Ари подумала, что дядя Деннис вновь оказался прав. Никто еще не смотрел на нее так, как посмотрели при первой встрече ази. С самого начала она поняла: это — настоящие друзья. И даже больше, чем друзья. Ребята выглядели так, точно попали в страшное место, и только ей под силу было вызволить их оттуда.

— Привет, — нарушила она молчание. — Я и есть Ари Эмори.

— Так точно, госпожа, — мягко и почти в унисон отозвались ази.

— Вы должны пойти со мной.

— Так точно, госпожа.

Ари охватило странное чувство. В самом деле, ази сильно отличались от Нелли. Были совсем не такие, как нянька. Нажав кнопку, юная Эмори отворила дверь и повела новых знакомых по коридору к столу дежурного, где и сообщила, что забирает обоих.

— Вот их магнитные карточки, госпожа, — сказал дежурный. Ари приняла карточки и устремила на них любопытный взгляд.

На карточках были указаны имена ази: Флориан AF-9979 и Кетлин AC-7892. В графе классности значилось по жирной альфе. Внизу каждой карточки имелась широкая черная кайма, указывавшая на принадлежность к местной службе безопасности.

Разглядев карточки, девочка испытала неприятное чувство — как если бы снова застала в маминой квартире охранника из службы безопасности. Пережитый когда-то шок так и не забылся. Иногда он напоминал о себе ночными кошмарами.

Но Ари умела держать себя в руках — по ее лицу не проскользнула и тень неприятной мысли. Она напустила на себя строгий вид, обернулась и отдала ази магнитные карточки. Ази тотчас пристегнули карточки к униформе.

На их лицах застыло непривычное для девочки выражение — тоже серьезное, но совсем в стиле ази: они ловили каждое ее слово, каждое движение, но в то же время следили за всем, что творилось вокруг.

Ари невзначай подумала, что необходимо всегда помнить, как они держались в больнице, как озирались по сторонам. Нужно было понять, что они вели себя серьезно, и в то же время требова-

лось уяснить, что они — точно две вещи.

Они из службы охраны и теперь закреплены за нею и следят за окружающими — кто бы ни прошел мимо.

«А ведь я хотела Олли», — подумалось вдруг, но дядя Деннис решил иначе — и приставил к ней охрану.

«Почему? — недоумевала девочка с легким испугом. — Зачем они мне?»

Но она отвечала за этих ази. И потому Ариане оставалось только провести их в главное здание, где предстояла новая регистрация — на сей раз в дежурке у центрального входа. Оба ази были подчеркнуто корректны с дежурной. «Так точно, госпожа», — резко бросили они ей, а та скороговоркой зачастила, посвящая их в какие-то правила, причем то и дело мелькали термины, о смысле которых Ари оставалось лишь гадать. Зато ази разбирались в них прекрасно. И держались очень уверенно.

Дядя Деннсис не упоминал, что необходимо сразу вести ази в квартиру, однако Ари в душе понимала, что поступить следует именно так. Но для начала следовало заглянуть к самому Деннису. Сказано — сделано: юная Эмори привела охранников в дядин кабинет и представила.

После чего отвела Кетлин и Флориана в квартиру, показала комнаты, где им предстояло жить, а затем рассказала о Нелли.

— Нужно делать все, что велит Нелли, — предупредила она. — Я и сама ее слушаюсь. Вообще Нелли у нас замечательная.

Ази не нервничали: их мучило нечто другое. В особенности это относилось к Кетлин, которая ухитрялась ловко шнырять глазами во все стороны. Тем не менее напряжение в их манере держаться все-таки угадывалось.

Но с чрезмерной сдержанностью Ари готова была примириться — главное, ази оказались вежливы и приятны в общении.

В конце концов, пригласив охранников в столовую, она принесла игру «Звездные гонки» и, расставив фишки по полю, объяснила правила.

Ари не помнила, чтобы кто-то из ребят слушал ее с таким вниманием, с каким слушали молодые ази. Они не поддразнивали и не отпускали остроты. Раздав деньги, разметив карты, юная Эмори принялась распределять фишки. А когда началась игра, то напряжение только усилилось.

Ари не могла понять, было ли то сражение или обычная игра, но она резко отличалась от игр с участием той же Эми Карнат, потому что

никто не злился — все просто делали, что от них требовалось; очень скоро Ари, облокотившись о столешницу, ломала голову над ходами и кусала губы. И лишь потом опомнилась…

Ази нравилось, когда она жульничала в игре. Они тотчас принимались жульничать сами. Ариана выстраивала сложную комбинацию, дабы поставить в тяжелое положение Флориана, но в этот момент с другой стороны уже подкрадывалась во всеоружии Кетлин.

Вообще-то «Звездные гонки» — игра недлинная. Но на сей раз сражение затянулось — Ари все пыталась собрать достаточно средств, дабы построить на них корабли, необходимые для отражения атак Кетлин и для того, чтобы поставить Флориана в безвыходное положение.

Флориан вдруг спросил, позволяют ли ему правила объединить свои усилия с Кетлин.

До сих пор об этом никто даже не думал. Ари решила, что предложение дельное. Раскрыв книжку с правилами игры, девочка водила пальцем по страницам в поисках ответа.

— В книжке ничего не сказано, — наконец сообщила она, уже ощущая усталость в плечах от длительного напряжения. — Давайте лучше переместимся с игрой в мою комнату, чтобы

Сили не мешал и чтобы можно было пообедать. Договорились?

— Так точно, госпожа, — отозвались ази.

Ази всякий раз напоминали, что они — не просто дети. В свою очередь Ариана постоянно пыталась уменьшить их напряжение.

Флориан подхватил игровое поле с разложенными фишками — да так ловко, что не упала ни одна фигурка. Ари подумала, что пообедать лучше было бы в северном крыле: дядя Деннис как-то водил ее туда в ресторанчик, и тамошние ази и метрдотель уже знали ее.

Сказано — сделано: Ари повела охранников в «Перемены». Это был небольшой ресторанчик на углу, по соседству с магазинами, и питались там в основном сотрудники. Представив охранников обслуживающему персоналу, юная Эмори села за облюбованный столик, после чего велела сесть своим ази. Правда, ей пришлось заказывать и за спутников.

— Госпожа, — прошептал Флориан, испуганно отрывая взгляд от меню, — что мы должны делать с этим?..

— Выбирайте, чего вам больше хочется.

— Но я не знаю всех этих слов. Да и Кетлин тоже навряд ли…

В подтверждение слов напарника Кетлин тоже покачала головой — уныло и обеспокоено.

Тогда Ари спросила, что им нравится из еды, и ази признались, что за обедом привыкли есть сэндвичи. Недолго думая, Ари заказала сэндвичей себе и ази.

Девочка без конца поражалась их беспокойству — охранников тревожило в ресторане всё и вся. Кто-то невзначай уронил поднос, и тотчас оба посмотрели в сторону растяпы так, будто он взорвал гранату.

— Зря беспокоитесь, — сказала юная Эмори, ибо нервное напряжение в конце концов передалось и ей. В самом деле, можно подумать случилось нечто ужасное! — Это всего лишь официанты.

Охранники внимательно посмотрели на нее. Но все равно напряженно глазели по сторонам.

Они вели себя с той же серьезностью, с какой играли в «Звездные гонки».

Между тем официант принес заказанные напитки, и Кетлин с Флорианом внимательно оглядели его с головы до ног — быстро, но цепко. А Ариана все равно заметила это, ибо специально смотрела на сотрапезников.

Они разительно отличались от Нелли.

Дядя Деннис постоянно уверял, что в коридорах

бояться некого и нечего. Но приставил к ней двух ази, которые даже официанта подозревали в чем-то нехорошем.

— Вот что, — бросила девочка, тотчас ощущая на себе два серьезных, как и положено ази, взгляда, — иногда можно и просто повеселиться, ладно? Здесь бояться некого. Я знаю их всех.

Оба успокоились точно по мановению волшебной палочки. Точно Ари ловко надавила им на психику. Девочка не сразу позволила себе перевести дух. Она была ужасно горда собою. Кетлин и Флориан пили свои напитки, а вскоре принесли заказанные сэндвичи, к которым прилагался обильный гарнир. Ази были просто поражены.

Новым друзьям сэндвичи понравились — Ари поняла это сразу. Но только…

— Не могу есть помногу, — обеспокоенно сообщил Флориан. — Прошу прощения.

— Ничего. И хватит лишних беспокойств. Ясно?

— Так точно, госпожа.

Юная Эмори оглядела обоих, снова и снова подмечая их серьезность и размышляя, как разрушить эту сверхсерьезность. Вдруг вспомнилось, что перед нею — ази и что такими сделал их психошаблон. То есть с ними особенно не поза-

бавишься.

Но и тупыми их назвать было нельзя. Они вовсе не были тупыми. Альфа — такие же, как Олли. Сие означало: они могли делать много такого, что было не под силу Нелли. Взять ту же игру: Ари изо всех сил старалась вывести партнеров из себя, но они не разозлились и не расстроились.

Над ази была проделана солидная работа. Но в понимании Ари — не столь грандиозная.

А затем она в который раз за утро подумала, что ази сами по себе — ответственность. Ази нельзя принять к себе, а потом избавиться от них, как от ненужной вещи. Дядя Деннис прав: люди — не случайные подарки. Это люди, люди, готовые любить тебя, и потому ты не вправе умыть руки и бросить ази на произвол судьбы.

(Вдруг вспомнилось: а вот мама все-таки поступила именно так, и от отвратительной мысли девочке стало грустно и больно — как всегда, когда саднящая рана напоминала о себе. Да, мама поступила так. Но ведь она не хотела; задолго до отъезда мама мучилась и переживала).

Нужно бы написать и рассказать маме обо всем. Да побыстрее, чтобы успеть попросить дядю Денниса отпустить Кетлин и Флориана вместе с нею. Не оставлять же их! Девочка хорошо знала, что

значит остаться брошенной на произвол судьбы.

Эх, если бы еще была возможность лично выбрать себе ази! Как-никак, жизнь все усложняется, а она предпочла бы держать рядом кого-нибудь вроде Олли, и одного, а не двоих. Можно ведь было сказать «нет». Возможно, следовало отказаться и не принимать такой подарок от дяди Денниса. Но затем девочка подумала: она еще привыкнет к ази. Как привыкла ко всему остальному.

Предубеждение рассыпалось в прах в тот момент, когда Кетлин и Флориан посмотрели на нее в больнице. Посмотрели и точно околдовали, сами того не желая. Им просто очень хотелось пойти с нею, а она столь же сильно желала, чтобы рядом был хоть кто-нибудь.

Теперь они были прочно связаны друг с другом. И Ари не могла позволить себе отказаться от Кетлин и Флориана.

Уже никогда.